

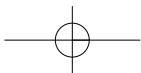
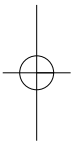
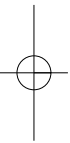
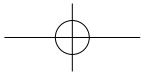
МЫСЛЯЩАЯ РОССИЯ

Картография современных интеллектуальных направлений

Под редакцией
Виталия Куренного

Консультанты проекта
Вячеслав Глазычев, Борис Капустин,
Юрий Кимелев, Симон Кордонский
Вадим Радаев, Алексей Руткевич

Некоммерческий фонд
«НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ»
Москва, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	ix

Часть I. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС **3**

<i>Виталий Куренной</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ	5
МИФОЛОГЕМЫ ЗНАНИЯ <i>Беседа с Симоном Кордонским</i>	27
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ <i>Беседа с Вадимом Радаевым</i>	35
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО <i>Беседа с Юрием Кимелевым</i>	46
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ <i>Беседа с Борисом Дубиным</i>	50
НЕГУМАНИТАРНАЯ ЭПОХА <i>Беседа с Александром Ивановым</i>	55

Часть II. ПОЛИТИКА **59**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ <i>Беседа с Борисом Капустиным</i>	61
<i>Руслан Хестанов</i> ВНЕШТАТНЫЙ АГЕНТ ПРАВИТЕЛЬСТВА	73
<i>Борис Макаренко, Алексей Макаркин</i> ЛИБЕРАЛЫ	84
<i>Тимофей Дмитриев, Максим Фетисов</i> ЛЕВЫЕ	94
<i>Михаил Ремизов</i> КОНСЕРВАТИЗМ	117
<i>Владимир Малахов</i> СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ	141
<i>Олег Кильдюшов</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	158

Часть III. ОБЩЕСТВО 183

- Александр Филиппов*
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ 185
- Лев Гудков*
В ОТСУТСТВИИ «ОБЩЕСТВА»: ЭМПИРИЧЕСКИЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ 201
- Виктор Воронков*
ЧЕМУ АЛЬТЕРНАТИВНА «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ» СОЦИОЛОГИЯ? 221

Часть IV. ЭКОНОМИКА 233

- Руслан Дзарасов, Дмитрий Новоженев*
ЭВОЛЮЦИОННО-РЕГУЛЯТИВНАЯ И РАДИКАЛЬНАЯ ШКОЛЫ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ 235
- Вадим Новиков*
РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ 243

Часть V. НАСЕЛЕНИЕ И ТЕРРИТОРИЯ 255

- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Беседа с Анатолием Вишневским 257
- Александр Никулин*
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ 273
- Борис Межуев*
ГЕОПОЛИТИКА 284
- РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Беседа с Юрием Перелыгиным 299
- БРОДЯЧАЯ КОНСТРУКЦИЯ
Беседа с Вячеславом Глазычевым 307

Часть VI. Взгляд со стороны 317

- Михаил Маяцкий*
ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦИИ 319
- Николай Плотников*
РУССКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ГЕРМАНИИ 328

vii СОДЕРЖАНИЕ*Георгий Дерлугьян*

РОССИЯ НА ПОДВИЖНОМ ГОРИЗОНТЕ АМЕРИКИ:

МЕХАНИЗМЫ НЕЭКВИВАЛЕНТНОГО ОБМЕНА В ГЕОКУЛЬТУРЕ 339

УКАЗАТЕЛИ **353**

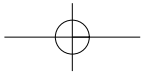
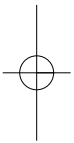
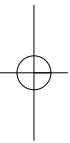
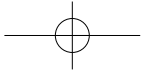
УКАЗАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ 355

УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 361

УКАЗАТЕЛЬ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ 368

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 370

ОБ АВТОРАХ 377

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник дает срез актуального состояния интеллектуального процесса в России. Помимо общей характеристики интеллектуальной среды, он ставит себе задачу зафиксировать основные проблемы, содержание и структуру этого процесса, а также институциональную и персональную локализацию значимых интеллектуальных позиций. Иными словами, он призван решить задачу содержательного картографирования, а также институциональной и авторской навигации в нашем интеллектуальном пространстве. В силу объективного современного состояния этого пространства эта задача не может быть, на наш взгляд, решена исчерпывающим образом, но стремление к этому выступало нормативным требованием при подготовке настоящего издания. Результаты этой работы, конечно, не претендуют на полноту. Речь, скорее, идет о первых набросках, изобилующем белыми пятнами на топографическом абрисе, который ставит больше вопросов, чем дает ответов. Однако сама постановка этих вопросов представляется нам продуктивной и побуждающей к дальнейшему движению.

Многие интересные явления остались, к сожалению, за пределами предложенных здесь описаний, другим же было уделено внимание, не соответствующее их содержательной значимости. Данный проект, ориентированный на то, чтобы описать и проанализировать структуру интеллектуальных позиций, ни в коем случае нельзя рассматривать как оценку влияния или известности каких-то имен или позиций¹. Речь идет попытке ревизии содержательной структуры российского интеллектуального поля, а не о расстановке оценочных акцентов. Насколько далеко мы смогли продвинуться по этому пути — судить читателю. Нам же остается лишь дать некоторые пояснения относительно технологии реализации и архитектуры настоящего проекта.

Жанр, в рамках которого было предложено выступить авторам представленных статей, был определен как «аналитический очерк». Тексты и сборник в целом не претендуют, таким образом, на академизм с присущей ему нормой нейтральной полноты репрезентации существующих концепций. Здесь выбрана, на наш взгляд, эвристически

¹ Попытки оценить именно такого рода показатели были предприняты в рамках проекта «Интелрос» [<http://intelros.ru/>], предложившего вниманию общественности «Рейтинг российских социогуманитарных мыслителей». Итоги этого проекта, на наш взгляд, весьма поучительны, поскольку показывают, каким образом устроена «коллективная память» современных гуманитариев. Оказалось, что если «усреднить» память

представителей различных интеллектуальных групп (рейтинг формировался главным образом на основе опроса редакторов различных журналов), то в ней останутся лишь те имена, которые или присутствуют в современном масс-медийном пространстве, или же воспоминание о которых сохранилось еще с советских времен. При этом пиковые значения известности приходится на сочетание обоих этих показателей.

релевантная по отношению к собственно интеллектуальной сфере стратегия выделения значимых позиций и проблем, которые схватываются непосредственными участниками интеллектуального процесса. Участие в этом процессе служило также и критерием выбора авторов, приглашенных к сотрудничеству.

Для того чтобы уточнить предмет описания — собственно интеллектуальную сферу, содержание проекта, предоставляемое авторам статей, было сопровождено небольшим текстом, в котором предлагалось функционально отличать область современного интеллектуального производства от области политической, научной, экспертной и журналистской деятельности. Однако понятие «интеллектуальная деятельность», на наш взгляд, в любом случае довольно точно улавливается участниками современного интеллектуального процесса, даже если по поводу формального и строгого ее определения можно дискутировать.

Особо следует подчеркнуть, что авторы сборника принадлежат к разным и даже противоположным позициям интеллектуального поля. Таким образом, это не очередной «идейный сборник» — традиционный продукт жизнедеятельности русской интеллигенции, но попытка осмыслить состояние и условия существования современной российской интеллектуальной среды. Что не исключало возможности выражения собственной позиции, поэтому мера аналитичности и декларативности определялась каждым автором самостоятельно, а потому и колеблется в широких пределах. Несмотря на то что мы стремились к созданию в первую очередь аналитического продукта, его декларативность также можно рассматривать как определенного рода удачу настоящего издания. Соположение различных позиций складывается здесь в единую, хотя и заочную принципиальную дискуссию. Что уже неплохо, учитывая фактически полное отсутствие таковых в настоящее время. Эту дискуссию нельзя назвать даже в полной мере заочной, поскольку всем авторам было известно, кто еще выступит на этих страницах.

При формулировке предложений по конкретным статьям авторам, кроме того, предлагался ряд ориентировочных вопросов, определявших параметры для возможной содержательной характеристики соответствующего сегмента интеллектуального производства. Учет или не учет этих вопросов отдавался, разумеется, на собственное усмотрение авторов. В каких-то текстах содержательная дифференциация по предложенным или сходным вопросам была проведена, в других же преобладает «холистский» подход, определяющий скорее общее содержание и проблемы соответствующего интеллектуального ареала, а не внутреннюю дифференциацию позиций внутри него. На эту особенность мы позволим себе здесь обратить внимание, поскольку сама по себе дифференциация является, как известно, классическим критерием эволюционирующей сложности, а значит,

и содержательного богатства системы. К этому можно добавить, что решение метазадачи по классификации существующих позиций позволило в некоторых случаях предложить весьма оригинальные и продуктивные конструкции, образующие базис для типологии фиксируемых позиций.

Помимо авторских статей, в настоящем сборнике представлена целая серия бесед или их фрагментов с теми людьми, точку зрения которых нам было интересно услышать. Наличие устного диалогического жанра объясняется довольно просто: далеко не все из тех, кого мы хотели бы видеть в числе авторов, располагали временем для написания статей. Форма диалога, кроме того, позволяет затронуть более широкий спектр оттенков общей темы и составить представление о существовании самых разных факторов, влияющих на интеллектуальное производство в современной России. Наконец, устный жанр просто позволяет облегчить труд читателя.

Тематически сборник организован следующим образом. В первой части рассмотрен ряд общих вопросов, связанных с современным интеллектуальным процессом в России. Затем следуют три блока, посвященные, соответственно, области политики, социологического и экономического знания в модусе их интеллектуальной составляющей.

Отдельный раздел посвящен проблемам населения и территории. С точки зрения классических представлений о поле интеллектуальной деятельности такой тематический выбор является неортодоксальным, что требует некоторого пояснения. Проблемы демографии и миграции в последнее время все чаще становятся предметом публичных дискуссий и элементом идеологических компаний. Последствия, которые связаны с этими процессами (сосуществование культур и т. д.), давно дискутируются интеллектуалами, однако нам было интересно выяснить, каким образом один из наиболее авторитетных специалистов по вопросам демографии и миграции Анатолий Вишневский оценивает состояние своей области знания, а также как он относится к идеологическому употреблению этого знания.

Текст Александра Никулина в этом же разделе посвящен состоянию исследований в сельской России. Тема крестьянства, правда, сейчас не находится в центре внимания интеллектуалов — ни у нас в стране, ни за рубежом. Памятуя, однако, о том, что проблема крестьянства всегда была камнем преткновения для русской интеллигенции XIX — начала XX вв., сохраняя свое значение и в советский период (в первую очередь, в литературе), мы обратились к этой проблеме, не менее, впрочем, сложной и важной по существу, чем любая другая.

Наконец, исключительные пространственные условия существования России формируют особую группу проблем, обусловленных ее территориальной спецификой. Эта тема представлена здесь двумя различными подходами. Один из них связан с теми конструктами, которые получили широкое распространение в России в 90-х гг. XX в. и

называются геополитикой (их содержание взял на себя труд эксплицировать Борис Межуев). Второй представлен регионалистикой (беседа с Юрием Перелыгиными и Вячеславом Глазычевым) — областью знания и областью политики, в последнее время внесшей свежую струю обращения к реальности поиска в область, которую, казалось, окончательно колонизировали геополитические сущности. Два этих подхода имеют дело с различной предметностью, но тем поучительнее, на наш взгляд, их сопоставить.

Наконец, завершающая часть посвящена образу российской мысли в современной Германии и Франции (традиционных странах — референтах русской интеллектуальной жизни), а также в Соединенных Штатах Америки.

Сборник завершают аннотированные указатели институтов, информационных ресурсов и персоналий, которые одновременно выполняют функцию навигатора по интеллектуально значимым явлениям современного интеллектуального процесса. Аналогичную роль выполняют и приложения к некоторым статьям, включающие список институтов и ресурсов, репрезентативных для определенного сегмента интеллектуального поля, равно как и соответствующие указатели в статьях, посвященных зарубежному образу российской мысли.

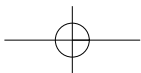
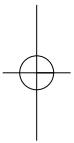
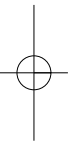
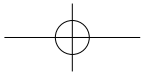
Реализация этого проекта была бы невозможна без поддержки фонда «Наследие Евразии», в особенности его президента — Елены Яценко и директора по развитию Елены Козиевской. Особую благодарность мы выражаем консультантам проекта — Вячеславу Глазычеву, Борису Капустину, Юрию Кимелеву, Симону Кордонскому, Вадиму Радаеву и Алексею Руткевичу. Если бы мы выполнили все их пожелания и рекомендации, то результат бы, несомненно, получился намного лучше того, что читатель имеет перед собой.

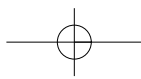
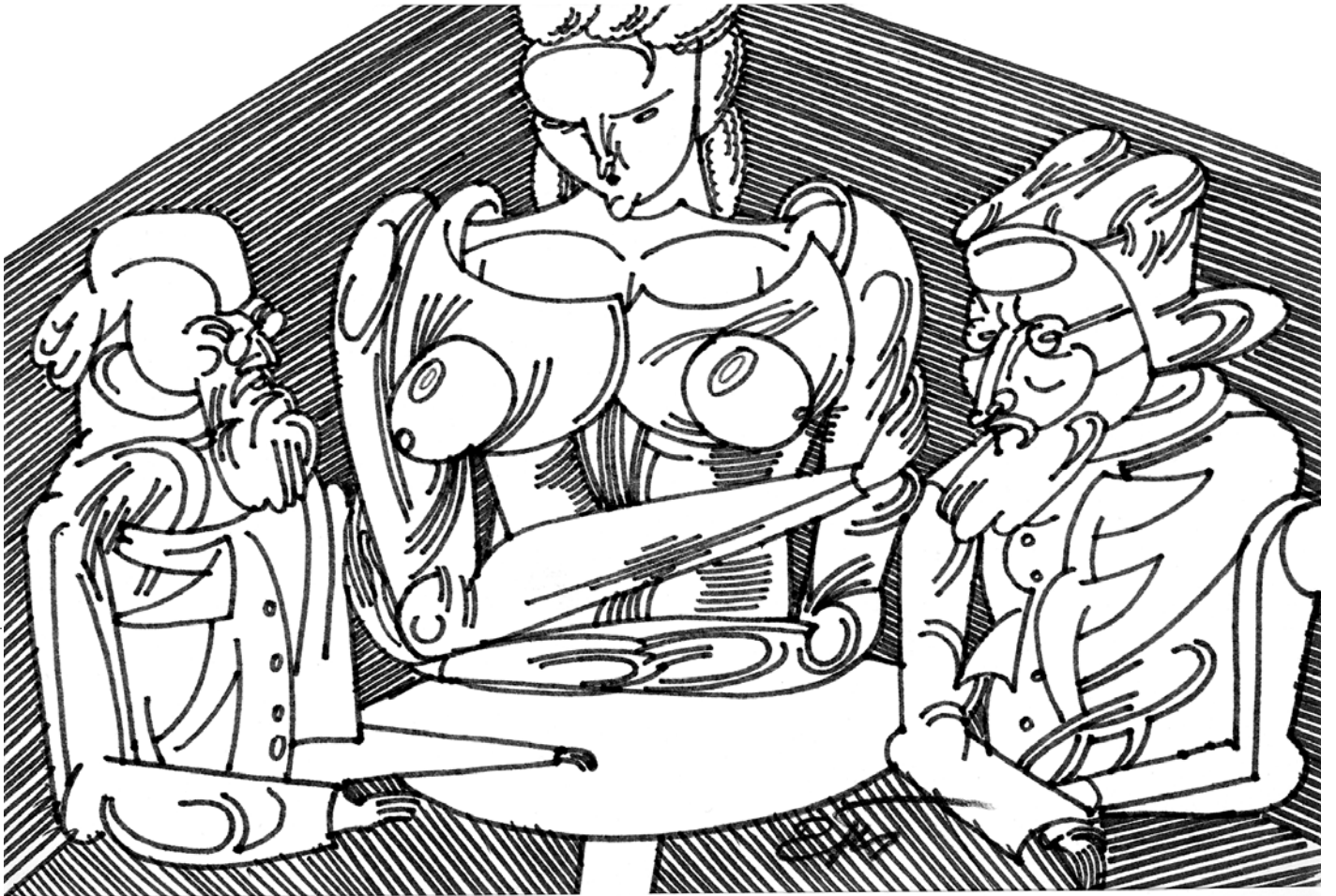
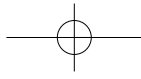
В ряде случаев Руслан Хестанов фактически выполнял функцию второго редактора, что позволило максимально быстро реализовать настоящий проект.

Евгению Телишеву мы выражаем свою признательность за предоставленную возможность выбрать серию его работ, использованных при оформлении настоящего издания.

Наконец, но не в последнюю очередь мы благодарим Анну Власову, Екатерину Вострикову, Анну Кургузову и Петра Куслия. Они оказали неоценимую помощь в ходе подготовки настоящего издания и взяли на себя львиную долю работы по обработке интервью и подготовке указателей.

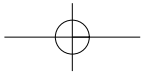
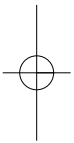
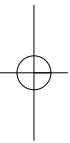
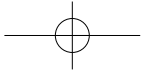
Виталий Куренной

Часть I

ИНТЕЛ- ЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Виталий Куренной

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Данная статья не претендует на сколько-нибудь законченное нормативное, систематическое или историческое описание и объяснение феномена интеллектуала. Она состоит из фрагментов, обозначающих различные подступы к такому описанию и объяснению.

Интеллигент и интеллектуал

Различие между интеллигенцией и интеллектуалами может быть определено или в ходе исторического исследования словоупотребления, или исходя из прагматических задач разграничения терминов в рамках конструирования концептуального словаря какой-то социальной теории. Если следовать первому подходу, то, в частности, можно отметить, что понятие «интеллектуал» впервые прочно закрепилось во Франции в ходе резких выступлений по делу капитана Альфреда Дрейфуса в конце XIX в. (хотя это слово употребляется, конечно, и раньше). Произошло это после того, как Морис Баррес в ответ на коллективный «Протест» защитников Дрейфуса публикует статью, в которой этот текст назывался «Протест интеллектуалов». Причем использование слова «интеллектуал» должно было оскорбить «дрейфусаров»¹.

История понятия «интеллигенции», напротив, тесно связана с русской культурой. Уже в начале XX в. Шарль Моррас, избегая, видимо, ценностно-нагруженного для него понятия «интеллектуал» (в упомянутом столкновении он представлял партию «антидрейфусаров»), использует понятие «интеллигенция», ссылаясь на русское словоупотребление². В русский язык слово «интеллигенция» в смысле названия социальной группы в свою очередь просачивается, видимо, из той же Франции в середине 30-х гг. XIX в., когда Бальзак предлагал создать «партию интеллигентов» (*le parti des intelligents*)³. Однако слово в то время во Франции не прижилось, и во французский язык (равно как в

¹ См.: Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М.: Новое издательство, 2005. С. 293–294.

² Первую главу своей работы «Будущее интеллигенции» (1905) он начинает словами: «Мы говорим об Интеллигенции так, как о ней говорят в Санкт-Петербурге, т. е. о ремесле, о профессии, о партии Интеллигенции» (Моррас Ш. Будущее интеллигенции. М.: Праксис. С. 15).

³ Подробнее см.: Шмидт С. К истории слова «интеллигенция» // Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII—первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. С. 305.

6 Мыслящая Россия

I. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

английский) оно приходит уже как слово русского происхождения. Если говорить о семантическом контексте, формирующем специфически-русский смысл слова «интеллигенция», то можно обратить внимание также на то, что оно омонимично философско-психологической категории «интеллигенция», используемой для наименования духовной способности к абстракции. Эта категория — в различных смысловых вариациях — широко используется в немецкой классической философии (у Канта, но особенно широко у Фихте, Шеллинга и Гегеля), оказавшей огромное влияние на формирование и дискуссии русской интеллигенции XIX в.

При систематическом теоретическом подходе различие этих понятий не является, разумеется, фиксированным. Более того, для основных теорий интеллигенции это различие не имеет никакого значения. Но какие-то примеры такого разграничения найти все же можно. Например, Ахмад Садри в рамках работы по реконструкции социологии интеллектуалов Макса Вебера⁴ (не сформулированной у последнего в явном виде) отчетливо формулирует различие этих двух «идеальных типов». Под интеллигенцией он предлагает понимать совокупность образованных членов какой-то одной или нескольких социальных страт, озабоченных своим социальным престижем. Понятие же интеллектуала используется для обозначения небольшой группы высокотворческих людей, которые нередко настроены весьма индивидуалистично. В рыночных категориях это различие может быть переформулировано таким образом, что интеллектуалы производят интеллектуальные блага, которые позднее рассеиваются и потребляются на рынке, где господствуют идеальные и материальные интересы интеллигенции. Благодаря последней эти продукты проникают затем в другие классы и страты. Интеллигенция выполняет при этом роль «передаточного ремня», переформулирующего и упрощающего идеи, производимые интеллектуалами. В рамках той реконструкции веберовской позиции, которую предлагает Садри, эти группы, однако, отличаются также своим отношением к сфере идей: интеллигенция в сравнении с интеллектуалами более склонна рассматривать идеи инструментально: «Интеллигенция более расположена „цепляться“ за отвердевшие идеи (идеологии), которые обслуживают ее интересы. Отношение интеллектуалов к идеям, напротив, в меньшей степени определяется их частными соображениями. Это не означает, что они более склонны пренебрегать своими собственными интересами ради идей. Речь, скорее, идет о том, что их „идеальные интересы“ (в ходе имманентного процесса рационализации) уравнивают их материальные интересы (иногда превосходя последние и даже вступая с ними в противоречие). Таким образом, практические последствия преданности

⁴ Sadri A. *Max Weber's Sociology of Intellectuals*. Oxford University Press, 1992.

7 Виталий Куренной
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

идеям, даже если они враждебны материальным интересам интеллектуалов, не могут исключительным образом определять содержание их верований и мыслей»⁵.

В современном русском словоупотреблении за этими понятиями не закреплено сколько-нибудь устойчивого терминологического и тем более обыденного значения. Недавно, впрочем, Виктор Пелевин попытался исправить это положение, метафорически — на свой художественный манер — проведя весьма рельефное различие между интеллигентом и интеллектуалом в своем последнем романе⁶. А именно в ходе следующего диалога одного из персонажей с главной героиней:

Говоря о вине интеллигенции перед народом, он постоянно употреблял два термина, которые казались мне синонимами, — «интеллигент» и «интеллектуал». Я не выдержала и спросила:

— А чем интеллигент отличается от интеллектуала?

— Различие очень существенное, — ответил он. — Я берусь объяснить только аллегорически. Понимаете, что это значит? Я кивнула.

— Когда вы были совсем маленькая, в этом городе жили сто тысяч человек, получавших зарплату за то, что они целовали в зад омерзительного красного дракона. Которого вы, наверно, уже и не помните...

<...>

— Понятно, что эти сто тысяч ненавидели дракона и мечтали, чтобы ими правила зеленая жаба, которая с драконом воевала. В общем, договорились они с жабой, отравили дракона полученной от ЦРУ губной помадой и стали жить по-новому.

— А при чем тут интелл...

— Подождите, — поднял он ладонь. — Сначала они думали, что при жабе будут делать точь-в-точь то же самое, только денег станут получать в десять раз больше. Но оказалось, что вместо ста тысяч целовальников теперь нужны три профессионала, которые, работая по восемь часов в сутки, будут делать жабе непрерывный глубокий минет. А кто именно из ста тысяч пройдет в эти трое, выяснится на основе открытого конкурса, где надо будет показать не только высокие профессиональные качества, но и умение оптимистично улыбаться краешками рта во время работы...

— Признаться, я уже потеряла нить.

— А нить вот. Те сто тысяч назывались интеллигенцией. А эти трое называются интеллектуалами.

⁵ Op. cit. P. 70.

⁶ См.: Пелевин В. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004. С. 57–58.

8 Мыслящая Россия

I. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Если выразаться менее художественно и с учетом истории самоосмысления классической русской интеллигенции⁷, то можно предложить, например, такое исторически контекстуализированное, но при этом систематическое разграничение между возникающей фигурой «интеллектуала» и классического русского «интеллигента».

В понятие «интеллигента» в России традиционно вкладывается сложный ценностно-этический и моральный смысл. «Интеллигентность» как сущность «интеллигента» — это совокупная характеристика индивида, берущая его в полноте его качеств. Иными словами, классический русский интеллигент в полном смысле этого слова — это человек, который не просто стоит в каком-то положении к «области идей» или выполняет некую социальную функцию, но это еще и определенный тип поведения, определенный образ жизни и т. д., вплоть до «интеллигентского» пенсне или очков (т. е. стереотипного, жанрово приращенного представления об интеллигенте). Интеллигент, таким образом, — это «интегральная личность», которая так же и оценивается на «интеллигентность», т. е. интегрально.

Существование такого интеллигента, однако, возможно лишь в определенном обществе — обществе, которое не слишком сложно. Если же оно движется в сторону нарастания функциональной специализации и, соответственно, дифференциации элементов, то фигура «интегрального интеллигента» испытывает кризис и начинает исчезать как социально значимый феномен. Происходит это в силу того, что такое усложнение требует — для поддержания своего единства — все более генерализованных средств коммуникации (Никлас Луман). Это, в частности, выражается в том, что из полноты личностных определений выделяется все более узкий сегмент коммуникативно-значимых характеристик, представляющих общий, публичный интерес. За счет этого происходит, в свою очередь, расширение сферы «приватности», т. е. того набора характеристик индивида, которые не представляют никакого публичного интереса (вкусовые предпочтения, образ жизни, сексуальные предпочтения и т. п.)⁸. «Интеллигентность» интеллигента тем самым передается на его личное усмотрение. Культура продолжает сохранять некие образцы «интегрального» интеллигента, но реальный социальный запрос требует от него лишь профессионального

⁷ Образец такого самоосмысления представлен, например, у Д. С. Лихачева в работе «О русской интеллигенции. Письмо в редакцию» (Новый мир. 1993. № 2).

⁸ Этот интерес сохраняется, по сути, лишь по отношению к кинозвездам, эстрадным кумирам и пр., т. е. по отношению к профессиям, специализирующимся — в числе прочего — на продаже приватных подробностей своей жизни. В этом смысле различие между интеллигентом и интел-

лектуалом можно проиллюстрировать историей о том, как Макса Шелера, создавшего одну из наиболее грандиозных этических систем XX в., но при этом ведшего довольно неупорядоченную — с точки зрения немца начала XX в. — семейную жизнь, спросили, каким образом его этика соотносится с его образом жизни. На что тот не смутившись ответил: «Мое дело — указывать дорогу, а не следовать по ней». Таков, собственно, ответ интеллектуала на вопрос о его «интеллигентности».

9 Виталий Куренной
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

выполнения своей функции, тогда как предъявление других атрибутов все более определенно воспринимается как коммуникативный шум и его личное дело. Это не означает, что у интеллектуала есть «профессия» или эта профессионализация означает что-то дурное. К его специализированной функции вполне может относиться удержание все той же позиции «свободно парящей интеллигенции» (Альфред Вебер) или же «включение в ситуацию, касающуюся нас всех», а не какой-то отдельной социальной группы (Карл Мангейм)⁹.

Эта потеря публичного интереса к «интеллекту» происходит, таким образом, не потому, что общество становится «бездуховным», а в силу объективной коммуникативной необходимости. К этому можно добавить, что «интеллекта» в его классическом понимании не существует фактически уже давно. Однако о сохранении классической интеллигенции можно говорить постольку, поскольку нормативный образец интегрального интеллигента продолжал сохранять свою актуальную публичную значимость. Появление же понятия «интеллектуал» свидетельствует о том, что возникла потребность в категории для нового явления, а значит, и для переопределения содержания этой нормы. О чем нам, как обычно, отчетливо сигнализирует своими художественными средствами наша литература.

Переход от интеллигента к интеллектуалу в современной России означает, по сути, разложение сложного комплекса поведенческих установок, идейных пристрастий и компетенции в сфере знания. В результате этого разложения начинает формироваться целый ряд функциональных ролей, специализирующихся на отдельных характеристиках классической (в том числе советской) «интегральной» интеллигенции. Ограничимся здесь только одной из них. По сути, только сейчас в России — усилиями «полупрофессионалов» и «самоучек»¹⁰ — идет формирование собственно профессиональной среды специалистов-обществоведов, которой фактически *не существовало* в советское время, поскольку как лояльная режиму группа обществоведов, так и внутренне-диссидентская являлась носителем идеологически инфильтрированного (т. е. «интегрального», интеллигентского) знания. Интегральный интеллигент является, говоря строго, всесторонним дилетантом. В нем можно найти массу положительных и приятных черт. Однако этот социальный тип не выдерживает натиска современной «негуманитарной эпохи» (Александр Иванов). Таким же образом из прежнего единого комплекса начинает выделяться роль «политического идеолога», «эксперта», «журналиста» и, конечно, «интеллектуала». Однако говорить о завершении этого процесса пока не приходится: в лучшем случае мы стоим в его начале. Поэтому вполне можем продолжать говорить об интеллигенции.

⁹ См.: Манхейм К. Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем. Ч. II. М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 31. ¹⁰ См., например, беседы с Вадимом Радаевым и Борисом Капустиным в настоящем сборнике.

Текущие и «вечные» вопросы

Интеллигенция является одной из главных тем истории русской культуры и русской литературы, излюбленным объектом описания для самой себя: это верно как для досоветского, так и для советского периода¹¹. В 90-е гг. эта тема даже несколько оживилась по причине бурного переоткрытия массовым интеллигентом досоветской интеллигентской продукции (ранее известной небольшому числу лиц, посещавших научные библиотеки). По причине того, что соответствующий род литературы к этому времени был давно и полностью социально деконтекстуализирован, ее напряженное освоение породило на свет, в частности, концептуальный литературный жанр «бесконечного тупика». В своей образцовой (не)законченной форме он воплощен в соответствующем опусе Д. Галковского. Исторический слом, в результате которого актуальным собеседником по мыслительному диалогу вдруг стал считаться какой-нибудь деятель Серебряного века или немецкой «консервативной революции» (весьма избирательно — в силу своей безгласности — понятый), привел к специфической темпоральной и социальной дезориентации. Понятие концептуальных средств, адекватных современному состоянию общества, утратило в этих условиях почти всякий смысл. Произошла невиданная по своим масштабам архаизация интеллектуальных конструктов и практик в целом (повторяя в этом траекторию общества, примитивизировавшего свои культурные, социальные и экономические стратегии). Интеллектуальный горизонт нашего времени буквально загроможден останками прошлых и фрагментами инокультурных концептуальных средств и дискурсов. Историческое сознание было вывернуто наизнанку, что сильно способствовало концептуальному поглупению и ценностной дезориентации массового слоя бывшей советской интеллигенции. Трудно представить, сколь экзотические плоды принес бы этот процесс, если бы не жесткая социально-экономическая необходимость соотнесения с новой реальностью, поставившая в работу прежнего массового интеллигента и фактически приведшая к исчезновению этого слоя.

Общество радикально изменилось, хотя в сфере культуры оно сохраняет инерцию советского интеллигентского сознания и будет, видимо, продолжать сохранять его довольно долго. Это сознание все еще сводит озадачивающие по своей бухгалтерии счета с советским строем: «Ущерб, нанесенный репрессиями и грубым вмешательством власти в творческий процесс, не поддается оценке. Можно лишь догадываться, какие произведения человеческого гения не увидели свет,

¹¹ Это не уникальная черта: «Одно из важнейших свойств группы, которую во Франции называют «интеллектуалами», состоит в том, что интеллектуалы во Франции всегда выступают носителями, а нередко и хранителями определенной

исторической памяти. В основном это память о тех исторических эпизодах, в которых интеллектуалы выходят на сцену как действующие лица» (Шарль К. Указ. соч. С. 291).

II Виталий Куренной
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

потому что их авторы с лихвой ощутили на себе разрушительное воздействие никем и ничем не ограниченной власти»¹².

Однако советский период вполне можно трактовать и как золотой век русской интеллигенции: только в это время она, наконец, добилась высочайшего признания как общественная сила. Причем признания именно со стороны власти, выражавшей его как материальными благами, так и репрессивными мерами¹³.

Это обстоятельство иногда отчетливо осознается, особенно по отношению к послесталинскому периоду, когда массовые репрессии уже закончились и советский строй все еще продолжал существовать¹⁴. Если советский период что-то изменил в русской интеллигенции, так это именно то, что в качестве ее референта утвердилось на сей раз государственная власть: интеллигент XIX—начала XX вв. определяет себя через отрицание власти¹⁵ и референцию к «народу», а советская и постсоветская интеллигенция — явно или скрыто — референтно соотносится преимущественно с государственной властью¹⁶. Поэтому самое драматичное для нее начинается не тогда, когда последняя репрессирует интеллигенцию, а когда она ее игнорирует.

Впрочем, припадать к богатой истории русской интеллигенции не входит здесь в нашу задачу. И хотя исторический взгляд распознает множество изоморфных черт, характерных для каждого периода этой истории, она все еще настолько идеологизирована, что обращаться к ней следует с большой осторожностью и подозрением. Поэтому ограничимся в этой связи несколькими хрестоматийными и общими моментами.

Понятие интеллигенции входит в широкое употребление только в 60-х гг. XIX в. Известен даже человек, настаивавший на том,

¹² Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 8–9. Озадачивают эти счета потому, что воспроизводят некоторые узловые аргументы той же советской эпохи в том духе, что «самодержавный строй в России давил науку и искусство, не давая возможности развернуться широкому творчеству народных масс и свободолюбивой интеллигенции».

¹³ Последнее, кстати, является вполне надежным критерием признания: «Отношение обоих самосознаний, следовательно, определено таким образом, что они подтверждают самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть. Они должны вступить в эту борьбу, ибо достоверность самих себя... они должны возвысить до истины в другом и в себе самих» (Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. С. 101–102).

¹⁴ См., например, беседу с Александром Ивановым в настоящем сборнике.

¹⁵ Петр Струве в статье «Интеллигенция и революция» (1909) по этому поводу заметил: «Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» (Цит. по: Интеллигенция — власть — народ. Русские источники современной социальной философии: Антология. М.: ИФ РАН, 1992. С. 194).

¹⁶ В 1994 г. Симон Кордонский в этой связи даже сформулировал следующий «закон сохранения интеллигентности»: «В начальные условия этого закона входит существование государства, противостоящего интеллигентному обществу, но воспроизводящего интеллигенцию как необходимый элемент своего устройства» (Кордонский С. Интеллигенция в роли национальной интеллектуальной элиты [http://www.conservator.ru/lib/cordon/001.shtml]).

12 Мыслящая Россия

I. Интеллектуальный процесс

что именно он ввел это слово в оборот в 1866 г., — это Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921), член Петербургской академии наук и писатель второй руки. Это, конечно, не совсем точно: слово употреблялось и ранее. В смысле наименования образованнейшей части русского общества (высшего света) оно имело хождение уже в 30-х гг. XIX в.¹⁷ Этот факт остался, впрочем, неизвестен за пределами личных дневников и памяти посетителей салонов того времени.

Данное простое наблюдение из истории дискурса свидетельствует о важном социальном и политическом сдвиге, который случился в Российской империи в 60-х гг. XIX в. Это означает, что в обществе произошла демократизация интеллигенции (говоря точнее, проходит первая волна демократизации, заменившая образованного аристократа интеллигентом-разночинцем). Появление этой «массовой» интеллигенции указывает на начавшийся общий процесс «демократизации духа» (Карл Мангейм¹⁸), который с неизбежностью порождает две позиции: демократическую и антидемократическую. Логика всех последующих основных дискуссий русской интеллигенции может быть понята исходя из конфликта именно этих двух позиций. При этом антидемократизм не является в собственном смысле антитезой демократической тенденции. «Тенденция к демократии, — отмечает тот же Мангейм, — это наша судьба»¹⁹. Антидемократизм — это попытка части демократического же общества справиться со своими социально-психологическими проблемами теми средствами, которые предоставляет именно демократия. Он порожден тоской по ясному (иерархическому, коллективно-монолитному и т. д.) порядку и страхом той неопределенности, которую переживает индивид, оказавшийся в демократической ситуации и, следовательно, принужденный к постоянному автономному действию. Одна из основных примет антидемократизма — стремление индивида определить себя через принадлежность к некоей общности (нации, народу, церкви, расе и т. д. и т. п.), которой придается некая безусловная онтологическая значимость. Принадлежность к этой общности гарантирует тому, кто не способен совладать с ситуацией постоянной неопределенности, чувство онтологической безопасности и защищенности. Но это лишь один из вариантов антидемократической тенденции. Тот же русский коммунизм,

¹⁷ При этом историки ссылаются, например, на дневниковую запись В.А. Жуковского от 2 февраля 1836 г. (см.: Шмидт С. Указ. соч. С. 303).

¹⁸ См.: Мангейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. Ч. I. М.: ИНИОН РАН, 1993. (Словом «культура» в этом русском переводе с английского передано немецкое слово Geist — дух.)

¹⁹ Мангейм К. Указ. соч. С. 20. Политическая демократия, основанная на принципе участия всех в политической власти, исходит из веры в прин-

ципальное равенство всех людей. Этот политический принцип равенства, в свою очередь, не означает признания их качественного равенства (по достоинствам, дарованиям и т. д.), но имеет своим основанием онтологический принцип, который рассматривает любого человека как воплощение человечности. В свою очередь, это означает также признание принципа автономии индивида (Он же. Указ. соч. С. 24–25). Эти базовые принципы открывают в то же время потенциальную возможность для «самонейтрализации» демократии как политического строя.

несмотря на свой внешний прогрессизм, является как в своем истоке, так и в своем результате антидемократическим явлением, поскольку взыскует общественного строя, который, однажды возникнув, будет установлен уже навсегда. Собственно демократическое сознание исходит, напротив, из того, что оно должно воспроизводить социальный порядок путем приложения постоянных усилий, поскольку ничто не гарантирует его устойчивого существования. Динамика этих двух тенденций в условиях, когда демократизация культуры носит опережающий по отношению к политической, социальной и экономической демократизации характер, и задает одну из основных коллизий последующей интеллектуальной российской истории вплоть до настоящего времени. Разумеется, две эти тенденции лишь частично совпадают (а во многих случаях — вообще не совпадают) с делением на «западников» и так называемых «славянофилов». Возникновение этой определяющей для истории русской интеллигенции поляризации определяется в основном тем, что указанный процесс демократизации не переживается как собственная судьба, но воспринимается как «навязанный» — «Западом», «властью», «реформаторами» и т. д.

По отношению как к классическому русскому интеллигенту, так и к нарождающемуся российскому интеллектуалу действует, кроме того, ряд специфических факторов, которые можно обнаружить и в истории некоторых «западных» стран (особенно здесь выделяется индустриально и политически запаздывающая Германия, некоторые прежние интеллектуальные течения которой весьма близки современному российскому интеллигенту²⁰). Но если в этих странах удалось — так или иначе — с этими проблемами справиться, то для России они продолжают сохранять свою актуальность. Особо, впрочем, следует подчеркнуть, что это *не специфически российские* факторы: они характерны для всех стран подражательной модернизации²¹. Действие этих факторов выражается в постоянном воспроизводстве двух основных фигур речи русской интеллигенции:

Фиг. № 1. Отрыв от реальности.

Фиг. № 2. Догматическое западничество.

Эти фигуры могут употребляться как в собственном «покаянном» жанре интеллигенции, так и в жанре ее критики. Если последняя не является самокритикой, то, значит, она, выражаясь старомодно, озвучивается интеллигентом-«славянофилом». Обычно использование этих фигур имеет прагматическую подоплеку и означает просто-напросто, что тот, кто их употребляет, претендует на то, что он-то уж точно не оторван от реальности и не является догматическим «западником».

²⁰ См.: Вишневский А. Русский или прусский? // Вишневский А. Русский или прусский? Размышления переходного времени: Сб. статей. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С. 328–377.

²¹ См., например: Маяцкий М. Старшие братья по разуму: Лечим африканской философией комплекс русской исключительности // Логос. 1991. № 1 (11).

14 Мыслящая Россия

I. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

«Славянофилы» и «западники» — две необходимые и обязательные в русской духовно демократизированной культуре группы, которые не могут существовать друг без друга. Появление двух этих групп, равно как и двух названных фигур речи, определяется, впрочем, «одним и тем же фактом: соприкосновением и оппозицией России и Запада, проникновением европейской цивилизации в Россию»²². Интеллигенция как раз и является той группой, которая по открывшимся в XIX в. каналам коммуникации (обеспечивающим доступ к западному образованию и литературе) усваивает язык и категории западной культуры и науки²³ и дает этому языку двоякое употребление — или для того, чтобы самоопределиться в своем противостоянии Западу (к чему ее постоянно подталкивает политический фактор), или для того, чтобы слиться с Западом. Но для реализации и той, и другой цели в любом случае используются те элементы западной культуры, которые поддаются трансграничной трансляции. К таковым относятся:

- 1) концептуальные схемы (например, научные теории или идеологические доктрины);
- 2) технологии (как технические технологии в употребительном смысле этого слова, так и — что особенно важно — *социальные технологии*, т. е. организационные схемы: формальные правовые уложения (законы), управленческие и организационные алгоритмы, регламентирующие социальные отношения и позволяющие создавать различного рода учреждения).

В результате между языком и практическими начинаниями интеллигенции по реализации технологий (если ей удастся выступить в роли «реформатора») возникает специфический зазор, поскольку ее концептуальные и технологические схемы не стыкуются с тканью собственно российской социальной жизни. Кроме того, оказывается, что при этом нечто очень важное не поддается заимствованию. Данная проблема копирующего заимствования опять же отнюдь не является специфически российской, а характерна для всех стран, действующих в логике копирующей модернизации²⁴.

²² Койре А. *Философия и национальная проблема в России начала XIX в.* М.: Модест Колеров, 2003. С. 6. Указанное соприкосновение и проникновение — это не «теория модернизации», критику которой в настоящее время можно нередко услышать. Модернизация — это основной факт русской истории начиная, по меньшей мере, с Петра I (хотя и Петр всего лишь завершил ряд процессов, которые начались задолго до него). Поэтому пренебрежительно отзываться о модернизации как какой-то новомодной теории, которую-де принесли с собой новейшие «реформаторы», или указывать широким жестом (исходя из государственнических (!) интересов) на Китай или Индию как на некую альтернативу

исторического выбора России — все это означает танцевать довольно странный танец на гробах предков, которые к этой самой «модернизации», можно сказать, костями дорогу устлали.

²³ Разумеется, каждый конкретный случай подлежит уточнению. В строгом смысле речь идет об усвоении некоторого сегмента немецкой, французской, американской и т. д. культуры.

²⁴ Особо следует подчеркнуть, что декларируемое «антизападничество» отнюдь не означает, что тот, кто его прокламирует, избавился от «западных» концептуальных схем. Совсем наоборот, именно концепции, хорошо известные в истории

В результате делается вывод о том, что «наши западники, оказывается, не знают Запада, а наши почвенники не знают почвы»²⁵. Удивительно, правда, в 2005 г. услышать после этих слов возглас: «Они, как выяснилось, не мыслители, а мечтатели!» Данный феномен является, разумеется, секретом Полишинеля и расписан на все возможные лады в русской интеллигентской литературе — как старой, так и современной, как «западнической», так и «славянофильской», как у нынешних «левых», так и у нынешних «правых».

Если взять классический пример, то Лев Троцкий, например, трактовал описанную проблему как «большой и трагический факт, тяготеющий над всем развитием нашей общественности», имя которому «отсталость, бедность, культурный пауперизм»²⁶. Удивительное по

интеллектуальной мысли западных стран, воспроизводятся здесь с наибольшей наивностью и копируются с максимальной точностью. В качестве характерного примера можно указать на Николая Данилевского: полагая, что строит оригинальную концепцию замкнутых «культурно-исторических типов», он создал теорию, которая (если следовать его логике) не могла быть повторена ни одной другой культурой. Но как известно, она лежит точно в русле той самой ботанической морфологии культуры, которая позднее получила свою окончательную формулировку у Освальда Шпенглера, равным образом претендующую на ту же культурную уникальность. Такое странное размножение «уникальности» возможно, разумеется, лишь в силу трафаретности соответствующих концептуальных ходов у Данилевского и Шпенглера. Такого рода трафаретность повсеместно обнаруживается именно у теоретиков «русской самобытности».

деляющую их новое сознание от полузоологического быта отцов, они преисполнялись идейного высокомерия. Но это высокомерие было только оборотной стороной их социальной слабости. Культура связывает, ограничивает, культура консервативна — и чем она богаче, тем консервативнее. Каждая новая большая идея, пробиваясь сквозь толщу старой культуры, встречала в Европе и мертвую силу сопротивления старой законченной идеологии, и живой отпор организованных интересов. В борьбе с сопротивлениями новая идея развивала большую силу напора, захватывала широкие круги и в конце концов побеждала, как знамя новых классов или слоев, отвоевывающих себе место под солнцем. Подчиняя себе мятежную идею, новые классы тем самым социально связывали и ограничивали ее, лишая ее абсолютного значения. Но под знаменем этой „ограниченной“ идеи общественное развитие в целом делало большой шаг вперед. Именно в силу своего органического происхождения новая идея приобретала большую социальную устойчивость и, победив, сама становилась консервативной силой. К нам же новая идея являлась „с того берега“, как готовый продукт чужой идейной эволюции, как законченная формула, — вот как кораллы, которые где-то в океане, силою какого-то естественного процесса, медленно отлагались, а женщины получили их готовыми — в виде украшений на шею. Про первые эпохи заимствований нечего и говорить. Псевдоклассицизм, романтизм, сентиментализм, которые означали на Западе целые эпохи и классы, глубокие исторические перетасовки и переживания, у нас превратились в этапы формально-литературной эволюции дворянских питерских и московских кружков. Но и позже, когда идеи перестали быть коралловыми украшениями, а стали для интеллигенции пружинами действий, иногда героически-самоотверженных, — и в эту более зрелую

²⁵ Найшуль В. О перспективах России [<http://www.inme.ru/viewtext.php?id=16>].

²⁶ Троцкий Л. Об интеллигенции // Интеллигенция — власть — народ. Русские источники современной социальной философии: Антология. М., 1992. С. 107). Анализ Троцкого вообще мало что потерял до настоящего времени, но особенно хорош тем, что может большими фрагментами и без кавычек помещаться в работы нынешних повально многочисленных «антизападников». Приведем один из его характерных пассажей в развернутом виде: «Оттого те молодые элементы старых сословий, которые переставали жить одной растительной жизнью и вступали в солнечную зону европейской идеологии, так неотразимо и почти без внутренней борьбы отрывались от сословности и наследственного „благоверия“. Измеряя духовную пропасть, от-

своей искренности восклицание на этот счет можно найти у Петра Каптерева. Хотя речь у него идет о частном случае создания в России школ, эти слова вполне можно отнести к большинству учреждений современной России (судебной и политической системе, армии, образовательным учреждениям и т. д.): «Когда немцы и другие иностранцы просвещали нас относительно устройства школ, они не все договорили, потому ли, что не хотели все сказать, или же потому, что считали дело понятным само собой. Именно они не досказали, что дело школы можно рассматривать только в связи со всеми условиями жизни того народа, для которого она предназначена, в связи с его природными способностями и наклонностями, в связи с его семьей, общественным положением и требованиями»²⁷.

Данный феномен, зафиксированный Каптеревым, можно назвать «опережающей институционализацией». Правда, понятие «институт» здесь следует поместить в еще одни кавычки. В «западной» теории под институтом понимается — с разными вариантами — складывающаяся в обществе структура отношений, позволяющая типизировать, «опривычить» взаимные действия и роли. Иными словами, институт — это определенный способ упорядочивания *уже существующих* моделей социального поведения²⁸. «Западная» теория предполагает, что институты по большей части складываются самостоятельно, и только после этого система «габитуализированных» отношений формализуется, легитимируется и т. д.

Основные современные «общественные институты» в России, однако, не возникли самостоятельно. Они были имплантированы путем заимствования различных социальных технологий и *существуют не как институты* в собственном смысле этого слова, а как *учреждения*. Система институтов не совпадает с системой учреждений, образуя между собой весьма специфический симбиоз. Этот симбиоз характеризуется тем, что система ролей и моделей взаимодействия, сложившаяся институционально, может соотноситься с системой ролей и моделей взаимоотношений, предписанных учреждением, в очень широких пределах — от почти полного совпадения до фактически полного несовпадения. И хотя эта проблема значима для всех учреждений, но лишь в странах, аналогичных России, т. е. в тех, которые активно импортируют и имплантируют чужие социально-организационные технологии, она достигает колоссального масштаба. В большинстве случаев система взаимоотношений и действий, формально предписанная организационными правилами учреждения, соблюдается здесь

эпоху наша историческая бедность создала колоссальное несоответствие между идейными предпосылками и общественными результатами интеллигентских усилий» (Указ. соч. С. III–III2).

²⁷ Каптерев П. История русской педагогики. СПб.: Издание О. Богдановой, 1910. С. 345.

²⁸ См., например: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 92.

лишь постольку, поскольку ее несоблюдение грозит репрессивным воздействием со стороны другого учреждения. Попытка же эксплицировать то, что «на самом деле» имеет место, как работает собственно институт, всегда грозит обратить на себя внимание не ученого, а полицейского сообщества²⁹.

Весьма наглядно эту проблему иллюстрирует, например, армейская дедовщина: жизнь в казарме упорядочивается институтом дедовщины, а не формальными правилами армейской жизни, зафиксированными в уставах, которые выступают как правила учреждения (в нашей терминологии).

Эта проблема давно известна. Астольф де Кюстин сформулировал в своем тезисе о России как стране «каталогов»: «Россия — империя каталогов; если пробежать глазами одни заголовки, все покажется прекрасным, но берегитесь заглянуть дальше названия глав: откройте книгу, и вы убедитесь, что в ней ничего нет; правда, все главы обозначены, но их еще нужно написать» («Россия в 1839 году», письмо 15). Эти слова последнее время цитируются необычайно часто и по самым разным поводам³⁰. Важно, однако, заметить, что данная проблема относится не только к «государственным» учреждениям: таким же образом формируются и научные дисциплины (путем учреждения номинальных кафедр и специальностей), неправительственные организации, политические партии и т. д.

Решение этой проблемы, на наш взгляд, возможно лишь при консервативном подходе — в той, на наш взгляд, единственно серьезной его современной разновидности, которую предлагает Эрнандо де Сото³¹. Этот подход является обновленной аналогией той стратегии, которая получает распространение в западных обществах в виде особого течения в изучении права, языка, культуры и т. д. Например, в той же «запаздывающей» Германии XIX в. соответствующие течения группируются в конгломерат самых разных направлений исследования, объединенных названием «историческая школа». Задача таким образом понятого консерватизма — это не задача идеологическая, а *эпистемологическая*. Лишь установка на эмпирическое изучение институтов может служить альтернативной тому постоянно взвинчивающемуся штопору проектно-утопического мышления, из которого страна по-прежнему не может выйти.

По отношению к этому вопросу проходит, на наш взгляд, *подлинный водораздел* интеллектуальной жизни современной России,

²⁹ Потрясающий пример относительно одного из недавних исследований коррупции см. у Симона Кордонского (наст. изд. С. 31).

³⁰ См., например: Гудков Л. Положение социальных наук в России [<http://www.polit.ru/research/2005/06/29/gudkov.html>].

³¹ См., например: де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. Консервативная в этом смысле постановка вопроса присутствует, например, у Виталия Найшуля. Однако с предлагаемыми им решениями трудно согласиться.

водораздел, условно говоря, между «геополитикой» и «регионалистикой». «Консерваторы», которые оперируют «проектами», заполненными идеологическими фикциями, ничем не отличаются от «левых», оперирующих шаблонными схемами старых или новомодных доктрин. И те и другие пребывают в русле традиции, кредо которой резюмировано во одиннадцатом тезисе Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом интерпретировали мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить». Вот и изменяют, вернее, пытаются изменить, не обращаясь к интерпретации мира. Под воздействием этих изменений институты российской жизни съеживаются и прячутся, приобретая все более уродливые черты, тогда как на видимой поверхности расцветает декоративно-бутафорская сеть учреждений. Возможно, кому-то может показаться, что мы слишком драматизируем ситуацию. Но выслушаем одного из наиболее информированных участников российского интеллектуального процесса последних лет — Глеба Павловского. В одной из дискуссий 2004 г. он дал следующую формулировку базовой интеллектуальной «конвенции» в новейшей России: «Лет 15 назад, при начале нашего общественного движения, имела место неформальная конвенция. Конвенция о том, что знания о реальности не важны для какого [бы] то ни было политического или общественного действия. Действительно, эта конвенция состоялась, и реформаторы действовали внутри нее как часть ее»³².

Однако понятие «знания о реальности» не должно, на наш взгляд, мистифицироваться, оборачиваясь рассмотренной шаблонной фигурой № 1. Понятие «реальности вообще» не имеет никакого смысла. Реальность существует лишь как набор тривиальных утверждений в рамках определенных концептуальных схем (например, в математике тривиальным является утверждение о том, что «числа существуют», но вопрос о том, «существуют ли вообще числа», — безотносительно к математике — не имеет смысла). Когда речь идет о том, что у нас нет знания реальных российских институтов, это, на наш взгляд, означает лишь то, что исследования ткани социальной жизни не обладают концептуальной детальностью того уровня, который ощущается, например, применительно к другим обществам³³. Только на фоне того уровня знаний, который мы там видим, а также в силу коммуникативной несогласованности, разрозненности отдельных исследовательских групп в России мы воспринимаем дефицит «реальности». Восполнить это возможно лишь с помощью соразмерных теоретических средств. Средства эти не бывают, кстати, «западными» или «самобытно-русскими»: они бывают хорошие и плохие. Плохие отбрасываются, а хорошие — совершенствуются.

³² [<http://www.polit.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html>].

³³ Сейчас это несложно, поскольку собственно научные институты имеют международный характер.

Теории интеллигенции

В ходе бурной истории самоосмысления русской интеллигенции было порождено такое множество ее определений, что исследователям не удастся выделить никакой внятной независимой переменной, позволяющей идентифицировать русскую интеллигенцию как социальную группу, когда они пытались исходить из этого словоупотребления³⁴. Чтобы представить себе разброс этих определений, приведем лишь некоторые³⁵.

Мы — интеллигенция потому, что мы многое знаем, обо многом размышляли, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой. Слепым историческим процессом мы оторваны от народа, мы чужие ему, как и все так называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разум наш с ним. (Николай Михайловский, 1881)

Интеллигенцией смехотворно называют у нас всякого не окончившего курс недоумка. (Михаил Салтыков-Щедрин, 1886)

[Интеллигенцию составляют люди, которые] в силу чисто альтруистического интереса и сознания гражданского долга тратят и свое время, и свои средства на развитие и распространение просвещения. (Николай Кареев, 1901)

Интеллигенция есть та часть человечества, в которой идеальная сторона человеческого духа победила групповую ограниченность. (Николай Бердяев, 1903)

Интеллигенция есть этически — анти-мещанская, социологически — внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности. (Иванов-Разумник, 1907)

³⁴ Разумеется, такое исследование могло прийти в голову только немцу, см.: Müller O. Intelligencija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt, Athenäum, 1971.

³⁵ Широкую подборку соответствующих текстов см.: Интеллигенция — власть — народ. Русские источники современной социальной философии: Антология. М.: ИФ РАН, 1992 [[http://](http://www.philosophy.ru/iphras/library/intel/index.html)

www.philosophy.ru/iphras/library/intel/index.html]. Обзор целого ряда концепций интеллигенции (главным образом в народнической и социалистической литературе) см.: Лозинский Е. Что же такое, наконец, интеллигенция? Критико-социологический очерк. М.: Едиториал УРСС, 2003 (репринт изд. 1907 г.).

Интеллигенция есть класс по самой своей природе привилегированный и эксплуататорский. (Евгений Лозинский, 1907)

Под интеллигенцией надо разумеать высший образованный слой нашего общества как в настоящую минуту, так и ранее, на всем протяжении XIX и даже последней трети XVIII в. (Петр Боборыкин, 1909)

Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые. (Семен Франк, 1909)

Список самодефиниций можно было бы продолжать очень долго (вплоть до «сволочного духа, который живет в мелком, изможденничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба» (Антон Чехов) или: «Интеллигенция мнит себя мозгом нации, а на самом деле есть не мозг, а говно» (Владимир Ленин)), но и этих уже достаточно, чтобы проиллюстрировать основные возможные макротеории интеллигенции. Типологически эти теории могут трактовать интеллигенцию:

- 1) как группу, функционально определяющую себя через особый вид занятости («умственный труд»), доступ к которому обеспечивает определенный уровень образования;
- 2) как группу, самоопределяющую себя в ценностных, идеологических и моральных категориях;
- 3) как самостоятельную социально-экономическую группу (класс), преследующую свои собственные, особые интересы господства;
- 4) как специфических представителей любой социальной группы, опосредованно обеспечивающих ее интересы господства.

Любая из этих «теорий высокого уровня» допускает, разумеется, множество нюансировок. Читая труды русских интеллигентов, легко заметить, что ее самоосмысление в основном движется в русле теорий второго типа — через самоопределение в ценностных и моральных (иногда — морально-психологических) категориях. Соответствующие рефлексии воплощаются в очередном «идейном» сборнике — коллективной манифестации определенной идеологической позиции. Такого рода сборники рассматриваются как основные «вехи» развития идейно-политических воззрений русской, советской, анти- и постсоветской российской интеллигенции. Выше мы уже отмечали, что русская интеллигенция, как и французские интеллектуалы, является в основном хранительницей памяти об эпизодах истории, связанных с ней самой. Отличие от Франции состоит, однако, в том, что эти эпизоды имеют в России не широкий общественно-политический характер, а камеральный, интеллигентский. К числу главнейших из этих событий как раз и

относится выход идейных сборников. Их историю, отчасти уже задокументированную³⁶, можно проследить начиная с 1852 г., когда появился манифест славянофилов «Московский сборник», до, скажем, сборника «Крепость Россия. Прощание с либерализмом», выпущенного в 2005 г. группой М. Леонтьев сотоварищи. Порождение идейных сборников является, таким образом, своего рода необходимой секрецией, выделяемой русской интеллигенцией в процессе ее жизнедеятельности, поскольку она определяет себя как носительницу определенных идеалов и ценностей. Правда, со временем вместо сборников, вмещавших на общей идейной платформе достаточно широкий круг авторов, появляются все более фрагментированные объединения «идейно не солидарных авторов»³⁷. Превалирование манифестационной и идейно-идеологической составляющей в том числе и в размышлениях интеллигенции о самой себе позволяет говорить о том, что отечественная интеллигенция является социально не рефлексирующей группой, поскольку такой вариант теории интеллигенции не может увязать содержание этой идейно-идеологической составляющей с социально-экономическими условиями интеллектуального производства, т. е. с собственным положением интеллигента в обществе.

Продолжая тему теорий, можно отметить, что с точки зрения макросоциальных концепций интеллигенции XX в. внес, пожалуй, одну коррективу, оказавшую заметное влияние в первую очередь на критические теории западных левых интеллектуалов. Эта теория интеллигенции Антонио Грамши, представляющая собой один из вариантов теории указанного четвертого типа.

С точки зрения Грамши, любая социально-экономическая группа формирует специализированный слой (слои) людей, осуществляющих функцию интеллигенции. Эта группа, развиваясь в направлении установления своего господства, стремится привлечь на свою сторону уже существующие в обществе группы «традиционной интеллигенции» (например, духовенство). В зависимости от того, насколько конкретный слой интеллигенции связан со своей базисной социальной группой, эти слои различаются степенью своей «органичности». При этом деятельность интеллигенции разворачивается на двух основных уровнях: на уровне «гражданского общества» и уровне «политического или государственного общества». Интеллигенция и в том, и в другом случае действует как «приказчик» господствующей группы, который выполняет функции, «подчиненные задачам социальной гегемонии и политического управления, а именно: 1) для обеспечения „свободного“ согласия широких масс населения с тем направлением социальной

³⁶ См.: Колеров М. Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887/1947. М.: ОГИ, 2000.

³⁷ Зафиксировано М. Колеровым применительно к советско-диссидентским сборникам (Указ. соч. С. 19), но может быть отнесено к любому постсоветскому сборнику.

22 Мыслящая Россия

I. Интеллектуальный процесс

жизни, которое дано господствующей группой <...> 2) для приведения в действие государственного аппарата принуждения, „легально“ укрепляющего дисциплину тех групп, которые не „выражают согласия“ ни активно, ни пассивно; этот аппарат учрежден для общества в предвидении возможности наступления такого критического момента в командовании и управлении, когда „свободное“ согласие исчезает»³⁸. Теория интеллигенции Грамши — в противоположность классическому и советскому марксизму — учитывает фактор функциональной самостоятельности культурной гегемонии, осуществляемой посредством интеллигенции, как один из основных механизмов поддержания социально-экономического статус-кво. Именно эта теория может рассматриваться в качестве источника ряда базовых интуиций Пьера Бурдьё, сконцентрировавшегося на анализе социально-культурных механизмов поддержания и воспроизводства неравенства, а также способов взаимоотношения и конвертации трех самостоятельных видов капитала — экономического, социального и культурного. Тезис о нередуцируемости культурных форм поддержания неравенства является исходным и для такого весьма популярного до недавнего времени направления изучения культуры, как «cultural studies», начало которому было положено Стюартом Холлом.

В остальном же осмысление интеллигенции как социального явления протекает в настоящее время на намного более низком теоретическом уровне. Собственно переход на этот уровень и дистанцирование от макротеорий является основным концептуальным достижением *социологии интеллигентов*. Методологически это выражается в скрупулезном изучении массива биографий («просопографические исследования») представителей образованного слоя, выяснении исторической механики, позволившей тем или иным персонажам или группам занимать и удерживать определенные позиции в поле интеллектуального производства, а также связать содержание продуцируемых ими идеологий или «чистых научных теорий» с их положением в системе социальных отношений и т. д.³⁹

Довольно просто смоделировать реализацию такой методологии применительно к размежеванию интеллигентов по какому-то из

³⁸ Грамши А. Тюремные тетради. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 465.

³⁹ См., например, французский образец такого рода изысканий в исполнении Кристофа Шарля (Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX в. М.: Новое издательство, 2005). Шарль, в частности, увязывает одно из теоретических положений социологии Э. Дюркгейма (уравнивание личных заслуг человека и его наследства) с фактом его семейной жизни — же-

нитьбе на представительнице состоятельного буржуазного семейства, получившей впоследствии значительное наследство. Это локальное объяснение низкого уровня, поскольку с точки зрения классической социологической теории его позиция стала бы объясняться не данным частным обстоятельством биографии Дюркгейма, а положением всей группы университетских преподавателей по отношению к существующему буржуазному строю (в духе гневных инвектив Энгельса в адрес университетских профессоров).

текущих вопросов современной российской политики. Рассмотрим, например, проблему замены выборов губернаторов на их назначение. Весьма значительная часть российского политологического сообщества выступает резко против этой замены. Однако из этого отнюдь не следует, что это единогласие имеет своим истоком политический интерес какой-то одной социальной группы или приверженность различных групп общей универсальной ценности. Вполне вероятно допустить, что общая идеологическая позиция в данном случае складывается по совершенно разным причинам и мотивам, движущим различными группами интеллектуалов, причем анализ поведения каждой группы требует специфической микротeorии. Например, в качестве рабочей гипотезы по отношению к некоторым группам в рамках сложившейся категории политтехнологов может выступать объяснение, берущее за точку отсчета такой источник экономического существования этих групп, как рынок губернаторских выборов. Упразднение выборов означает одновременно и упразднение соответствующего рынка политтехнологических услуг и перенос его в другое пространство торга, недоступного для их участия (в недра административной системы). Таким образом, соответствующие протесты можно объяснять не из неverified внутренней преданности «ценностям демократии», а из вполне verified (или фальсифицируемой) экономической гипотезы. Причем это объяснение не исключает наличие других групп, которые придерживаются той же позиции исходя из совершенно иных мотивов.

Принципиально важно, что методологические подходы «низкого уровня» позволяют давать дифференцированные объяснения для тождественных идеологических позиций, которые занимают различным образом мотивированные интеллектуалы и их группы, равно как и объяснить само многообразие этих позиций. В противном случае это многообразие просто редуцируется, поскольку лишь небольшая его часть может быть сведена к интересам тех больших социально-экономических групп, которыми оперируют классические макросоциальные теории. На фоне этих более дифференцированных подходов макросоциальные теории интеллигенции выглядят отвлеченными спекуляциями, не способными схватить «реальность».

«Апория интеллигента»

Поскольку теории интеллигенции формулируются и употребляются самой же интеллигенцией, их употребление не свободно от парадоксальности. Проще всего парадоксальный и даже апорийный характер этих теорий проиллюстрировать на группе «критических» теорий интеллигенции, т. е. теорий, которые разоблачают интеллигенцию как выразительницу своих собственных скрытых интересов или интересов других социальных групп. Для простоты мы возьмем

классические макротеоретические формулировки, хотя ту же особенность можно продемонстрировать и на микросоциальных теоретических подходах.

Рассмотрим, например, следующее высказывание: «„Свободно парящей“ в мире идей интеллигенции не существует, она всегда связана с интересами больших социальных групп»⁴⁰. Если это высказывание истинно, то в таком случае оно само является связанным с интересом какой-то «большой социальной группы». Следовательно, для интеллигента, выражающего интересы другой «большой социальной группы», это высказывание будет ложным, а истинным, напротив, будет высказывание: «Свободно парящая интеллигенция существует». Поскольку это противоречие не имеет теоретического решения, то оно может быть снято лишь практически: истинной окажется точка зрения того интеллигента, чья группа будет способна навязать свою позицию обществу в целом экстратеоретическими способами.

Теперь рассмотрим теорию, разоблачающую интеллигенцию как преследующую преимущественно свои собственные интересы. Такого рода критика обычно связывается с именами консервативных немецких социологов (Йозефом Шумпетером, Арнольдом Геленом и Гельмутом Шельским⁴¹). Как считает тот же Шельский, «новая борьба за господство состоит не только в том, что конкурирующие группы господства конфликтуют в рамках данной социально-политической системы. <...> Дело в том, что этот конфликт за господство основан на антагонизме форм господства и на антагонизме лежащих в его основании средств господства. В принципе, речь опять идет о давно известном в истории Европы споре мирской и духовной власти, получившем сейчас новое обрамление. Можно обнаружить, что социальные структуры, равно как и формы действия и мышления новой группы господства вплоть до частных (можно даже сказать, что с прямо-таки комичным подобием), соответствуют формам господства и действия клира прежних эпох и что социология, психология и теория знания властного клира дают наиболее поучительные категории для понимания современного господства интеллектуалов. Это старое противоречие духовного и мирского властного притязания мы намерены предварительно актуализировать в виде современного столкновения „интеллектуалов“ и „тружеников“...»⁴². На фоне этой консервативной критики тем приятнее узнать, что наш соотечественник Е. Лозинский разоблачил особый классовый интерес интеллигенции много раньше — уже в 1907 г.

⁴⁰ Руткевич А. Политическая доктрина Ш. Морраса // Моррас Ш. Будущее интеллигенции. М.: Праксис, 2003. С. 121.

ногерманских социологов. М.: Наука, 1989. С. 45–196 [<http://rc.msses.ru/rc/Fzg.htm>].

⁴¹ Подробнее см.: Филиппов А. Западногерманские интеллектуалы в зеркале консервативной социологической критики // ФРГ глазами запад-

⁴² Schelsky H. Die Arbeit tun die Anderen: Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen. 2., erw. Aufl. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1975. S. 13.

Но особенно замечательно то, что эта радикальная и последовательная критика интеллигенции в дореволюционной России осуществлена средствами *марксистской теории* ⁴³. Равно как и цитированный Шельский, использующий «категории» самих интеллектуалов для вскрытия их господства, Лозинский использует марксистскую теорию для ее же разоблачения: «Классовые интересы интеллигенции представляются и защищаются всей огромной ученой литературой социалистического направления во главе с Карлом Марксом» ⁴⁴. По некоторым признакам можно заключить, что от Лозинского не укрылся и вытекающий из этой критической стратегии следующий любопытный вопрос: каким образом представитель интеллигенции, использующий критические средства самой интеллигенции, может разоблачить всю эту группу, включая себя самого как представителя интеллигенции? Обрушиваясь на любые попытки интеллигенции определить себя в во «внеклассовых» терминах, Лозинский тем не менее дает следующее косвенное разъяснение относительно своей собственной работы: «...лишь тот, кто его [«железный закон классовой борьбы». — В. К.] раскрывает, а не затушевывает, кто разоблачает перед пролетариатом коварные замыслы нового, расставляющего свои сети паучьего отродья, лишь интеллигент, выдавший пролетариату с головой *свой же собственный класс* умственных работников и раскрывший перед рабочими его карты, лишь одним этим самым уже своим актом докажет, что он отрекся от лжи и обмана, от классового лицемерия и надувательства. Но много званных, да мало избранных» ⁴⁵. Иными словами, этот акт «выдачи с головой своего собственного класса» возможен лишь постольку, поскольку сам автор руководствуется ценностями, руководствоваться которыми воспрещает «железный закон классовой борьбы», опровергая тем самым данный «закон».

Вывод, который следует из «апории интеллигента», состоит в том, что интеллектуальная деятельность, если не считать ее противоречивой, а значит, и совершенно пустой по своему информационному содержанию ⁴⁶, должна нормироваться некоторой ценностью, обращение к которой позволяет ему преодолевать замкнутый горизонт собственной локальной групповой или индивидуальной позиции ⁴⁷.

⁴³ Давая свой перечень социальных групп, связанных «внутренней крепой», Е. Лозинский исходит из трех критериев: «1) общность источников дохода, 2) вытекающая отсюда общность интересов и 3) общность противоположности или экономического антагонизма по отношению ко всем остальным группам» (Лозинский Е. Указ. соч. С. 160).

⁴⁴ Лозинский Е. Указ. соч. С. 258.

⁴⁵ Лозинский Е. Указ. соч. С. 145.

⁴⁶ Из противоречия, как известно из логики, следует все что угодно.

⁴⁷ Ср. также замечательный очерк Зигмунта Баумана, посвященный истории и современным стратегиям интеллектуалов (Бауман З. Законодатели и толкователи: Культура как идеология интеллектуалов // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). С. 5–20). Обозначая ту стратегию, которая, с его точки зрения, является наиболее осмысленной для современных интеллектуалов, как стратегию «перевода», он пишет: «...перевод из одной системы знания в другую признается

Однако из этого не следует, что существует какой-то единственно «правильный» перечень этих ценностей. Понимание этого обстоятельства и означает, собственно, участие в интеллектуальном процессе, который только начал разворачиваться в современной России. В свое время Мангейм охарактеризовал его словами, которыми мы и хотели бы здесь закончить: «Авторитарный образ мысли в закрытой схоластической системе уступает место тому, что можно назвать интеллектуальным процессом. В своей основе этот процесс состоит в поляризации нескольких сосуществующих мировоззрений, отражающих социальные противоречия сложной цивилизации. Современный интеллигент, преодолевший схоластику, не намерен примирять или игнорировать альтернативные взгляды, заложенные в окружающем его порядке вещей. Он выявляет противоречия и вовлечен в поляризацию своего общества. Изменившийся менталитет образованных людей, фрагментарный взгляд современного интеллигента не является результатом возрастающего скептицизма, ослабления веры или способности к созданию интегрированного «Weltanschauung», как скорбно утверждают некоторые. Секуляризации и мультиполярности взглядов являются следствием того, что группа образованных утратила свою кастовую организацию и свою прерогативу давать ответы на вопросы, которые ставит время»⁴⁸.

делом экспертов, которые, с одной стороны, вооружены специальными познаниями, а с другой — так или иначе развили в себе уникальную способность подниматься над коммуникативными структурами, в которых локализуются их «родные» системы, одновременно не утрачивая связи с «внутренним пространством» систем, где знание приобретает без труда и ощущается как «самоочевидное» (Указ. соч. С. 19). Анализ Баумана хорош тем, что показывает, каким образом проблема «навязывания» обществу абстрактного «законодательства Разума», которая воспринимается в России как инспирированная

извне, равным образом значима и для западных обществ. Однако если в России принято при этом все списывать на «Запад» (причем принято российскими же интеллектуалами), то на самом этом «Западе» данная проблема является как исторический момент, связанный с деятельностью именно интеллектуалов, задачи которых на время совпали с задачами центральной государственной власти.

⁴⁸ Манхейм К. Проблема интеллигенции... Ч. II. М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 33.

МИФОЛОГЕМЫ ЗНАНИЯ

Беседа с Симоном Кордонским

Каковы основные проблемы в области нашего актуального знания о социальной действительности?

Возьмем конкретный пример. Социологи как часть интеллектуальной элиты должны поставлять самое что ни есть актуальное знание. Однако с наукой социологией у нас проблемы. Под видом социологии существует институт опросов общественного мнения, который вовсе не наука социология, а ее очень узкое практическое применение в политической практике. Причем общественное мнение исследуется на выборке, созданной лет 30 назад — для СССР — сотрудниками академика Т.И. Заславской. Возникает закономерный вопрос о репрезентативности этой выборки. Известно, например, что опросы общественного мнения по количеству голосов, отдаваемых за неких кандидатов в региональные органы власти, и количество голосов, реально полученных кандидатами во власть, различаются в разы.

А социологов и собственно социологических исследований очень мало, практически нет знания о социальной стратификации, о социальных группах, о таких массовых феноменах, как челноничество, отходничество, работа за границей, религиозная дифференциация и сектантство, и о многом другом.

Основная проблема — дефицит актуального знания и ученых. Социальные ученые в большинстве своем такие же обыватели, как и играющие на лавочке в шахматы пенсионеры, только их мнения, верования и предрассудки выражаются калькированными с английских терминов словами. Они, как мне кажется, мифоманы, уверенные в существовании «объективного знания», в своем обладании им и в своих способностях обратить это знание на пользу стране. В одном из исследований, проведенных по заказу Центра стратегических разработок, количество «балласта» среди ученых-гуманитариев в РАН определено в 93 %. Очень близко к 100 %. А с другой стороны, откуда такая немислимая точность у наших социологов?

Рядящееся в научные наряды обывательское знание основано, с моей точки зрения, на трех китах — на наивной уверенности в том, что реальность описана, классифицирована, проанализирована и в целом уже объяснена. На убежденности в том, что социальное устройство кем-то сделано, сконструировано. А также на обывательском представлении о том, что жизнь управляема, что можно и нужно принять единственно верное решение и вопрос только в том, что власть имущие этого решения не принимают и власти нужно объяснить, кто

виноват и кого надо наказать. Я когда-то назвал эти представления мифологемами объективности знания, конструктивности реальности и управляемости социальными процессами.

Но Россия как страна вообще-то даже не описана. Рассмотрим, например, численность населения России — с точностью до данных переписи населения. В последнюю перепись 2003 г., по уверениям статистиков, было переписано более 90 % населения, примерно столько же, сколько переписывалось в СССР. Однако достоверность данных о количестве переписанных вызывает большие сомнения ввиду чрезвычайной сложности «доставания» такого количества людей. По данным исследователей общественного мнения, количество отказчиков, т. е. людей, не желающих общаться с интервьюерами, более 50 %. Не думаю, что люди очень уж различают переписчиков и социологов. Уверен, что объем приписок и искажений в данных переписи превышает все пределы достоверности. Считаю, что население России не 145,2 миллиона человек, как утверждают переписчики, но оценить размер ошибки не могу. Как минимум, ошибки переписи следовало бы компенсировать, проводя контрольные локальные переписи и сравнивая результаты с теми данными, которые сейчас тиражирует Федеральная служба статистики. Однако так задача никем, по моим сведениям, не ставится. Так что население нашей страны известно с точностью до десятка миллионов человек.

Возьмем, далее, число этносов, населяющих нашу страну. В ходе той же переписи была принята сетка с определенным числом этносов (130), тогда как — если исходить из критерия самоидентификации — их существенно больше. Отсюда можно заключить, что число народов, живущих в нашей стране, нам, по большому счету, неизвестно.

Практически отсутствует знание о физических и социальных границах страны, поскольку граница в основном существует пока только на политической карте мира, существенная часть ее даже не демаркирована.

Я не говорю о социальной структуре, знания о которой в принципе нет. Я не говорю и о многих других объектах описания и исследования, без знания о которых любые рассуждения о стране — сплетни разной степени достоверности. И молчу также о знании социальных процессов, которые интеллектуальная элита — не заботясь об их описании и анализе — скопом интерпретирует как воровство и коррупцию.

Таким образом, даже с базовым знанием о стране проблемы. И практически нет озабоченности его получением у тех, кто причисляет себя к интеллектуальной элите. Не лучше дела обстоят в политологии и культурологии, в географии и антропологии.

Теперь перейдем к мифологеме конструктивности, которая предполагает, в свою очередь, что реальность сделана, она каким-то образом сконструирована и что были конструкторы, которые все это устроили. А поскольку результат интеллектуальной элите не нравится,

29 Мифологемы знания

Беседа с Симоном Кордонским

то она винит тех, кто эту реальность конструировал. Наши гуманитарии изощряются, изобретая конструкторов — коммунистов, чекистов, питерских, либералов, агентов влияния радикального ислама или американского империализма. И вместо этих плохих конструкторов элита предлагает новых, имея в виду прежде всего самих себя.

Вторая мифологема непосредственно выводит нас на третью — мифологему управляемости. В зависимости от ценностных ориентаций те, кто разделяет мифологему конструктивности, предлагают реализовать разные модели управления — от европейской демократии (хотя не ясно, способны ли граждане страны сейчас делать рациональный выбор) до авторитарного режима (которого в нашей стране никогда не было, потому что сталинский и авторитарный режим вряд ли можно отождествлять). И то, что ни одна из реформ управления не привела к тем результатам, на которые рассчитывали реформаторы, ничему их не научило. Реформаторы-управленцы в стране не переводятся и на ошибках они не учатся.

Интеллектуальная элита продолжает верить в объективность своего знания, в конструктивность и управляемость общественными процессами, а также в свою особую роль в мироздании, в свою интеллигентность.

Есть еще глобальные неясности, не рефлекслируемые, но тиражируемые интеллектуальной элитой. Это, во-первых, датировка, самоопределение в историческом времени. Ревизия исторического времени элитой носит уже клинический характер. Имею в виду популярность в интеллектуальной элите «новой хронологии», фоменковщины.

Второе. Где географически мы находимся — в Европе, Азии, Евразии, в Азиопе или на континенте Россия?

В совокупности интеллектуальная элита не выполняет своей функции, не дает ответов на простые вопросы: кто мы, где мы находимся в пространстве и времени, что делаем и что хотим делать? Обращаю внимание на то, что именно на основании адекватности ответов на такие простые вопросы врач-психиатр при первичном осмотре ставит пациенту предварительный диагноз.

Каким образом возможно преодоление господствующих мифологем и заметны ли эти тенденции?

Идет накопление эмпирического материала. Причем трудами всего нескольких десятков людей. Важный шаг в этом направлении совершается, когда переходят от рассмотрения возможностей к исследованию ограничений. Обычно рассматриваются возможности — помните, было время, когда говорили: давайте сделаем у нас так, как в Чили, как в Югославии, как в Великобритании, как в Новой Зеландии. Но не исследуется, почему у нас не может быть так, как в Чили или в Новой Зеландии. Не принимается во внимание масштаб, территориально-географические различия, принципиально различные отношения

между государством и обществом, этнические различия и т. д. Приведу простой пример: в силу нашего географического масштаба огромные ресурсы у нас затрачиваются на синхронизацию управленческих процессов. У нас 11 часовых поясов. В этих условиях сейчас — при всех существующих каналах коммуникации — управленческий сигнал доходит до мест в течение нескольких месяцев. При советской власти, когда существовала партийная вертикаль, решение ЦК доходило до первичной парторганизации за три дня. А сейчас в некоторых случаях проходят месяцы и годы. Не знаю ни одного исследования организации государственной жизни, распределенной на таком пространстве.

Сейчас, как мне представляется, знание об ограничениях накапливается при исследовании местных сообществ, местного самоуправления, конкретных проблем, таких как бедность, нищета, богатство, лечение и самолечение, образование детей, и проблем школы.

При этом в стране выходит масса литературы, индексируемой как научная и претендующей на то, что она является носителем знания о реальности. Что это за феномен?

Труды, посвященные российской действительности, несут в себе по большей части нормативное знание. Обыватели-ученые планируют будущее и не изучают ограничения на реализацию этого будущего. Таковы, например, авторы «программ реформ». Второй тип знания воспроизводит импортные схемы. Ученые выезжают за рубеж, учатся там, возвращаются и воспроизводят в поле и на кафедре тамошние схемы и стандарты. Или работают по предустановленным зарубежными грантами методикам исследования. Наши люди бывают везде, где можно получить грант, — от Австралии до США. И тащат оттуда все, что им попадется, самые разные концепции, каким-то образом организующие знание. И можно себе представить, что получается, если человек почерпнул свой теоретический багаж у какого-нибудь провинциального профессора в Австралии, а применяет свое австралийское знание в Сибири. А если он еще и политически озабочен, то начинает проповедовать устройство образования, науки, здравоохранения или муниципальной организации такое же, как в Германии или Австралии, и необходимость срочно переходить на тамошние образцы.

Недавно я разбирал учебный план факультета государственного управления в одном весьма приличном вузе. Там была и социология разных видов, и экономика на любой вкус, и математика, и психология. Однако не было предметов, знания по которым действительно необходимы государственному и муниципальному чиновнику: дело-производство, структура органов власти, устройство иерархий власти и правила поведения в них, действия в кризисных ситуациях, аппаратная аналитика. С другой стороны, нет и работ, в которых бы эти феномены были бы нормально описаны и систематизированы. Не говорю об анализе — здесь уже не до жиру.

31 Мифологемы знания*Беседа с Симоном Кордонским*

В результате в корпусе знания и преподавания у нас появляются дисциплины, для которых нет референции в практике. Исследование коррупции в России западными методиками, например, приводит к устрашающим, но совершенно абсурдным выводам. Недавно очень статусный социолог, если верить СМИ, был вынужден отозвать свой знаменитый доклад о коррупции, поскольку его выводы относительно обследованных им организаций стали проверять следственные органы. Такой критики доклад не выдержал.

На фоне такого рода работ появляются настоящие исследования, которые приходится вылавливать из потока публикаций в основном по указке знакомых, так как сита, позволившего бы отделить зерна от плевел, нет.

Что можно сказать о тех структурах, которые занимаются у нас получением знания?

Члены ученой иерархии обществоведов получают бюджетные деньги на так называемые «фундаментальные исследования». Эти деньги тратятся ими на заграникомандировки, на бытовое обустройство. Плюс, они паразитируют на грантах работающих ученых, а также сдают помещения в аренду коммерсантам и втихую растаскивают основные фонды «под инвестиционные контакты».

Те проблемы, о которых шла речь, должны быть, вообще говоря, предметом критики. Похоже, у нас института критики просто не существует?

Для критики знания надо бы иметь массив этого знания. Такого массива пока нет. Библиотеки работают по-советски, реферирование и рецензирование пришло в упадок. Книги, изданные в ученом или учебном заведении, продавать негде. Статьи рассеяны по множеству изданий, захочешь — не найдешь, если их нет в Интернете.

С другой стороны, возрождается литературная критика, которая в России всегда была еще и идеологической критикой. Другое дело, что эта критика не встроена в инфраструктуру современной интеллектуальной коммуникации. Исчез основной коммуникативный институт советского периода — толстые журналы, где литература, искусство и наука объединялись вокруг критики. Полноценной замены ему я пока не вижу. Вообще пространство журнала перестало выполнять коммуникативную функцию и превратилось в средство манифестации позиции и статуса. Электронные средства коммуникации также, в свою очередь, лишают значения традиционные формы взаимодействия носителей и производителей знания (конференции, семинары и т. п.).

Вполне возможно, что в Интернете возникнет — на базе Живого журнала или на какой-то другой — некое пространство критики и рефлексии. Мне представляется очень перспективным проект Википедии, где при некоторых организационных усилиях вполне можно

сконцентрировать интеллектуальные ресурсы на критике существующего знания—в форме интерактивного написания энциклопедических статей.

Если говорить о состоянии нашего знания, то дело, видимо, не только в нашем интеллектуальном или научном сообществе. Что можно сказать по поводу запроса на знание со стороны общества или государства?

На мой взгляд, в нашей стране не существует общества и государства в том виде, в котором это подразумевает смысл данного вопроса. Наше интеллектуальное общество, элита—это осколки аппаратов и экспертных институтов уже ушедших политических режимов. Частью общества стало экспертное окружение ЦК КПСС, которое с сегодняшней позиции практически неотличимо от ставшего также частью общества экспертного окружения прорабов перестройки. С ними сосуществуют в общественном качестве осколки аппарата правительства Гайдара, осколки ельцинского окружения разных времен. Эти общественные деятели транслируют варианты мифологем объективности, конструктивности и управляемости своего золотого времени, мечтают вернуться во власть, и их запрос на знания формулируется очень четко—это запрос на политические технологии, а не на знание. Они самодостаточны, уверены в собственной компетенции и обижены на всех за свое вневластное положение.

Наши доморощенные капиталисты, озабоченные сохранением своих богатств или их приращением, формируют—за редкими исключениями—запрос на другой тип знания, очень конкретного: кому и сколько надо дать для решения своих проблем. Или куда вложить, чтобы озолотиться. И не более того.

Со стороны власти есть запрос на фактуру, подтверждающую или иллюстрирующую выбранный политический курс.

Большинство собраний наших экспертов напоминает спиритический сеанс—сидят люди вокруг круглого стола и вызывают дух президента, который бы прислушался к излагаемым мыслям и принял их как руководство к действию.

Президент обладает реальной властью. И вот собираются люди, которые полагают, что он эту власть не так применяет. Они надеются, что он смотрит телевизор и они ему сейчас настучат. А он изменит свое поведение в соответствии с мнениями этих экспертов. Смешно.

Но есть и более масштабные проекты вроде «Крепости России» М. Юрьева. Начинается с закрытия границ и заканчивается такими деталями, как новые правила спортивных игр.

Первый и самый простой вопрос в связи с такого рода «программами» безотносительно их содержания: как это можно реализовать?

Где взять ресурсы? По содержанию: Владимир Прибыловский написал в свое время программу движения «Субтропическая Россия», целью которого было изменение климата в России. Программа «Крепость Россия», как мне кажется, столь же рациональна, но в отличие от юморной программы Прибыловского по-звериному серьезна.

Отвлечемся от проблемы получения нового и вообще содержательного знания и обратимся к знанию техническому, к экспертизе. Любые современные решения в общественной сфере формально должны быть, по идее, экспертно фундированы. Функционирует ли у нас институт экспертизы?

Нет, не функционирует. Раньше таким институтом была Академия наук СССР. Она масштабно работала как экспертный институт, что не спасло СССР от распада, а может быть, даже и стимулировало его. Во всяком случае, советниками последних советских вождей были члены Академии наук.

Но образуются новые структуры. Например, Центр стратегических разработок.

Такого рода центры — экспертные только по названию. На самом деле это лоббистские организации, маскирующие свои решения под экспертные заключения и разного рода программы реформ. Приведу пример. До определенного времени не существовало проблемы ЖКХ как федеральной, политической проблемы. Были и есть повсеместные локальные трудности и проблемы: износ зданий, сооружений и коммуникаций, аварии на них и многое другое. Реформаторы думали, что все эти отдельные проблемы можно решить разом с помощью определенного закона, заставив население полностью оплачивать соответствующие услуги. Они такой закон написали и провели через Федеральное Собрание Российской Федерации. В результате проблема ЖКХ из локальной и технической превращается во всероссийскую и политическую. К радости тех, кто получил доступ к бюджетным деньгам, выделенным на решение проблем ЖКХ.

Примерно то же самое с монетизацией льгот, судебной, пенсионной реформами, в общем, со всеми без исключения реформами. Всякий раз работала одна и та же схема: лоббисты формулируют общую проблему, исходя из частных интересов организаторов здравоохранения, судей, преподавателей. Затем эта формулировка транслируется в правительство, которое выделяет соответствующие ресурсы на решение сформулированной таким образом проблемы. Создается рабочая группа, пишется законопроект, который через правительство поступает в законодательный орган, после вступления которого в силу начинается ад кромешный.

Законодательные органы до недавнего времени очень жестко реагировали на такие новации. Прежде всего потому, что там погоду

определяли другие лоббисты. Для того чтобы реформаторские новации проходили через законодателей, пришлось отформатировать последних, сделать управляемыми. Иными словами, под логику реформаторства была построена вся политическая система. В результате страна получала мощный генератор политической напряженности.

Такова работа наших «мозговых центров». Они исходят не из реальных проблем, которые нужно и главное возможно решать, а из моделей реальности хозяйствующих субъектов, заинтересованных единственно в «распиле бюджета».

Но есть экспертные институты, которые возникали иным образом. Например, Центр стратегических разработок (ЦСР) Северо-Запад возник по инициативе бизнес-кругов.

Ну почему же другим образом. Линия, воплощенная в питерском и частично Приволжском ЦСР, просто имеет несколько иную конфигурацию. Дело в том, что еще в доперестроечные времена у нас возникло направление, представители которого научились превращать свои очень специфичные идеи в деньги, — последователи Г.П. Щедровицкого. Эти люди занимаются в основном тем, что доят корпорации и региональные бюджеты. Схема такая же, как и с ЦСР, но по-другому оформленная. Есть задача у корпорации или регионального органа государственной власти, например, обучить бог знает чему руководителей среднего звена. Есть и бюджет, причем немаленький. Приходят теоретики «мыследеятельности», объявляют мозговой штурм, проводят «деловую игру», на которой несколько суток несут ерунду, уличая наивных в том, что они не умеют «проблематизировать», рефлексировать и строить оргдеятельностные схемы. После этого предъявляется счет к оплате, т. е. пилится бюджет. Разница, пожалуй, лишь в том, что в первом случае продажа экспертной деятельности осуществляется в основном на административном рынке, а во втором — по большей части на обычном.

Резюмируя, можно ли сказать, что в стране в настоящее время нет стимулов для формирования нормальной среды знания?

За исключением каких-то отдельных случаев. Например, крупные корпорации вроде РАО «ЕЭС России», проводят локальные исследования под свои нужды. Частные предприниматели вкладывают весьма существенные деньги в исследование проблем образования. В Приволжском федеральном округе благодаря счастливому стечению обстоятельств возникла благоприятная среда для проведения полевых культурологических исследований. В Санкт-Петербурге один частный университет ведет масштабные полевые исследования по социологии и этнографии.

Беседовал Виталий Куренной

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ *

Беседа с Вадимом Радаевым

В советское время существовали две основные структуры, в рамках которых протекала основная научная и интеллектуальная жизнь. Это академия и университет. Что произошло с этой системой, насколько эти институты оказались адекватны современной ситуации?

В академии я проработал 12 лет, начав с младшего научного сотрудника и закончив должностью заведующего крупным отделом, имея при этом перспективы дальнейшего карьерного продвижения. Одна из причин, по которой я ушел, состояла в понимании тех процессов, которые происходили в институте. Эти процессы вполне можно охарактеризовать старомодным словом «загнивание». Сейчас я понимаю, что структуры, подобные академии, организационно нереформируемы. А когда-то мы по молодости пытались провести какие-то реформы, но из этого ничего не вышло. Практические попытки изменить что-то снизу оказались неудачными.

В чем заключались эти практические попытки?

В Институте экономики РАН в конце 80-х — начале 90-х гг. произошли определенные позитивные изменения, и невероятно молодых (по старым академическим меркам) людей начали допускать на позиции сначала старших научных сотрудников, а затем заведующих секторами. В результате сформировалась группа из 5–6 молодых инициативных руководителей. Мы пришли к тогдашнему директору института Леониду Ивановичу Абалкину и предложили разделить институт на три части. Первая часть, «академическая», должна была состоять из людей, которые в состоянии заниматься исследованиями. Для финансирования этой части предлагалось создать специальную программу, контролировать которую должен был лично директор института, распределяя средства тем, кто может реально что-то делать в науке. На тот момент таких людей в институте было еще достаточно много. Предлагалось создать своего рода систему внутренних грантов — по тому образцу, который сейчас реализован в ГУ–ВШЭ. Но на тот момент это была новая идея.

* В качестве отправной точки для настоящей беседы послужила статья В. Радаева «Легко ли быть исследователем в современной России?» (Неприкосновенный запас. 2000. № 1 (9). С. 73–79). В некоторых вопросах мы обращались к проблемам,

затронутым в этой статье, стараясь уяснить, какие изменения произошли с исследовательскими и интеллектуальными структурами за шесть лет, прошедшие с момента ее написания. — Прим. ред.

Вторая часть — хозрасчетная. Она должна была состоять из людей и подразделений, способных зарабатывать деньги, используя «крышу» института. Предлагалось предоставить им для этого все возможности. Эта схема сейчас, кстати, также реализована у нас в университете.

Наконец, третья часть состояла бы из тех, кто не может заниматься ни тем, ни другим. Их предлагалось оставить в полном покое. Выгонять их никто не собирался. Кроме того, мы отдавали себе отчет, что в случае академического института такое увольнение фактически невозможно. Но они бы не получали внутренних грантов, а в группы коммерческих разработчиков включились бы по мере необходимости в таком персонале. Потихоньку бы сами рассосались, а кто не рассосался — пускай сидели бы так, как раньше, и получали свои минимальные оклады.

Выходя с таким предложением, мы исходили из того, что авторитет Абалкина — человека многих достоинств, которого мы искренне уважали и уважаем, — был очень высок, особенно на тот период. Нам казалось, что как он скажет, так и будет. И кстати, так бы оно и было. Но, возможно, из-за того, что Абалкин сам является человеком либеральным и мягким, он на это не пошел. Вместо этого состоялась очередная реорганизация института — отделы преобразовали в центры и т. д. Сменили вывески, а все осталось по-прежнему.

В итоге через какое-то время работоспособная молодежь ушла или уехала. Достойной новой смены так и не пришло.

Что там сейчас происходит?

На мой взгляд, ничего не происходит или почти ничего. Идет процесс медленного загнивания нереформированной структуры. Вообще такого рода структуры, если не отбирать у них основные фонды, могут существовать бесконечно. Закрыть их можно только волевым решением. Надо или не надо это делать, я здесь судить не буду. Но о том, насколько ситуация плоха, говорит уже тот факт, что кандидатуру, способную заменить Абалкина, искали на протяжении пяти лет, но так ее и не нашли внутри института. В итоге директора пришлось приглашать со стороны и сливать институт с другим институтом. То же самое можно наблюдать и в Институте социологии РАН, расположенном через дорогу. Там тоже появился внешний директор, и произошло слияние. Все это свидетельствует о существенном понижении уровня. Статус академических институтов продолжает падать. Кстати, все эти годы Высшая школа экономики активно набирала кадры из различных академических институтов, но сейчас, похоже, этот ресурс уже близок к исчерпанию.

Сможет ли как-то повлиять на ситуацию декларированный «социальный поворот», который связан с существенным повышением зарплат для научных сотрудников при одновременной политике, нацеленной на сокращение штатов?

37 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
Беседа с Вадимом Радаевым

Мне кажется, что эту политику просто не смогут реализовать. Академия постарается получить эти деньги, которые затем будут размазаны по всем коллективам. Уволить людей не получится. В результате вместо нынешних трех копеек люди будут получать по пять, но это ничего не даст. Деньги просто будут выброшены, но не будет ни реформирования, ни каких-то существенных результатов.

Обратимся теперь к альтернативной системе, к высшему образованию, говоря точнее, к университету. В большинстве стран мира именно университет является местом, где производится знание. Здесь у нас также существует проблема: в университетах люди не занимаются исследовательской деятельностью, не производят новое знание. Удалось ли решить эту проблему в Высшей школе экономики?

Эта проблема для нас сохраняется и очень нас заботит. Мы действительно прилагаем серьезные усилия в этом направлении, направляя значительные ресурсы на то, чтобы переломить эту ситуацию. В университете действует целая сеть научных институтов, в деятельность которых мы стремимся вовлечь преподавателей. Правда, должен сказать, что массового характера этот процесс не имеет. Поэтому сейчас мы активно развиваем два других направления. Это, во-первых, внутренний конкурс научных грантов. Внутри самого университета объявляется конкурс проектов, который позволяет преподавателям получить грант на их исследовательскую работу. Во-вторых, это так называемые академические надбавки за научную деятельность. Они поощряют исследовательскую активность независимо от того, где она ведется, — в самой Школе или за ее пределами. Демонстрируя наличие такой деятельности, вполне можно увеличить свою зарплату вдвое или даже больше.

Но хотя по многим показателям мы и впереди других вузов, проблема все равно остается. Существует масса преподавателей, которые хорошо освоили свои курсы. Это позволяет им спокойно жить, зарабатывая чтением лекций как в самом университете, так и на стороне. Они вполне этим довольны и вовсе не собираются возиться с какими-то статьями. Написание статей — весьма неблагодарное занятие с финансовой точки зрения. Оно дает только имя, но многим достаточно той репутации, которую они имеют в преподавательской среде и которая позволит им прокормиться до конца дней. Когда же начинаешь говорить об исследовательской работе, то слышишь в ответ: «Помилуйте, вы же видите, какая у меня нагрузка». А на деле часто эту нагрузку набирают себе сами.

Помимо единства преподавания и исследования, существует также и второй классический принцип современного университета: это свобода преподавания и обучения. Речь идет о том, что

преподаватели свободны в назначении своих учебных курсов, а студенты волны выбирать, что им слушать.

Движение в этом направлении также осуществляется. Что-то удается, что-то пока нет. Во-первых, мы стараемся уменьшить количество обязательных учебных часов. Два года назад мы волевым решением значительно снизили число аудиторных часов, приходящихся на одного студента. И вот теперь в постоянной борьбе с факультетами мы стараемся этот норматив отстоять. Каждый, подчеркиваю, каждый факультет пытается увеличить часы. Только централизованными, директивными усилиями нам удастся сдерживать эту тенденцию. Таким образом, мы снизили общее число обязательных аудиторных часов до уровня, который намного ниже, чем в среднем российском вузе. Это наша принципиальная позиция.

Чего у нас нет в университете в целом, так это индивидуальных учебных планов, т. е. той системы, которая существует в западных вузах. Речь идет о такой организации учебного процесса, когда студент получает тематический список дисциплин, которые он должен освоить, набрав определенное число «кредитов». А число обязательных курсов минимально. Какой именно курс он будет посещать, определяется уже его свободным выбором. Эта система реализована у нас лишь на отдельных направлениях. Но в целом факультеты не готовы к такой системе. Считается, что должно быть большое число обязательных курсов, без которых, по мнению многих, невозможно подготовить грамотного специалиста.

Введение новой системы требует серьезной организационной перестройки. В финансовом отношении здесь также не все так просто. Дело в том, что система, связанная с широким выбором учебных дисциплин, стоит дороже. Здесь может сложиться ситуация, когда преподаватели на какой-то период останутся с неполной нагрузкой или даже вообще без нее. Но преподавателя нельзя сразу уволить, ему нужно дать возможность подготовить новый курс, предложить его на следующий год и т. д. Мы пока не готовы ни к тому, чтобы содержать такую систему, ни к тому, чтобы производить увольнения на том основании, что курсы преподавателя не пользуются спросом. Поэтому требуется изменение системы финансирования и, самое главное, перестройка в умах.

Такая система максимального выбора, кстати, изначально была реализована в Московской высшей школе социальных и экономических наук, в организации которой мне довелось принимать непосредственное участие. Там на год у студентов единичные обязательные курсы, тогда как все остальные — по выбору. И эта система работает очень хорошо. Но для того, чтобы распространить этот опыт, необходимо время и ресурсы. В этом направлении мы намерены двигаться и дальше.

39 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
Беседа с Вадимом Радаевым

Помимо академических и образовательных институтов, в стране в постсоветский период появилось множество организаций, которые стремятся быть похожими на западные «мозговые центры». Удастся ли здесь реализовать какие-то новые организационные принципы интеллектуальной деятельности?

Хорошие структуры такого рода отличаются, на мой взгляд, лишь тем, что в них собраны работоспособные люди, которые делают качественную работу и лучше зарабатывают. Но говорить о том, что здесь реализован принцип организации, которая существует, например, в аналогичных американских структурах, преждевременно. Теория, конечно, говорит о том, что современные организации становятся более гибкими, ориентируются на проектный характер работы, коллективы формируются под конкретные проекты и т. д. Признаки такого рода процессов у нас также наблюдаются, но общим трендом это пока не стало. Одна из проблем заключается в крайне низкой мобильности как исследователей, так и преподавателей. Люди привыкли иметь постоянное, гарантированное место работы. В этой ситуации идти на год или на два на какой-то проект считается практически невозможным. Человек должен быть или сильно уверен в себе, или отличаться каким-то особым складом, чтобы действовать таким образом. Конечно, люди включаются в проекты, и даже не в один. Но при этом они предпочитают иметь постоянное, гарантированное место работы.

Это касается не только проектной деятельности. Между университетами также практически отсутствует мобильность. У нас нет того, что называется «Centers for Advanced Studies», куда люди приезжают, скажем, на год, чтобы просто поработать в другом университете. Нет той ротации, которая характерна, конечно, в первую очередь для Соединенных Штатов, где мобильность такого рода является самой высокой. У нас мобильность осуществляется только в одну сторону — люди из провинции переезжают в Москву. Но это не ротация, а миграция. Практически невозможно представить себе ситуацию, когда человек из Москвы едет на год поработать в какой-нибудь хороший, но отдаленный российский университет, например, в Новосибирск. На такое не решаются даже лучшие люди, которым, казалось бы, нечего бояться за место.

Продолжает довлеть система ставок. Если человек уходит, то он «теряет ставку». И начинается: «у нас нет ставок», «ставки все заняты» и т. д. Эта система, на мой взгляд, является анахронизмом. В Высшей школе экономики мы принимаем преподавателей не на ставки, а на определенную учебную нагрузку. Но все университетские службы по-прежнему продолжают писать: есть или нет вакантные ставки, — настолько эта система глубоко у нас засела. И в итоге получается, что сейчас можно, сохраняя свое место, на год поехать в командировку за свой счет куда-нибудь в зарубежный университет. А других серьезных перемещений фактически не существует.

Этому способствует и очевидная неразвитость рынка жилья. Трудно себе представить, что человек продает свою квартиру в Москве, едет в Екатеринбург, покупает там себе новое жилье, работает там некоторое время, а затем вновь таким же образом возвращается в Москву, т. е. действует так, как поступают многие американцы.

Существует ли мобильность в студенческой среде? Западная университетская система начиная с момента своего возникновения предполагала возможность свободного перемещения студентов из одного университета в другой.

Здесь те же самые проблемы. В лучшем случае речь идет о том, чтобы поехать куда-нибудь на стажировку за рубеж. Внутри страны или даже в пределах Москвы речь идет лишь о переводах, вызванных какими-то критическими обстоятельствами. Не существует развитой практики, когда студент поучился в одном месте, потом перебрался в другое. Более того, такие перемещения затруднены даже в рамках одного вуза. В этом направлении мы собираемся работать хотя бы в рамках магистратуры, давая возможность студентам, окончившим бакалавриат по одной специальности, поступить в магистратуру на другую специальность. В этом году мы уже организовали дополнительные курсы, которые позволяют подготовиться к такому переходу. Но даже в пределах одного вуза это сложно, не говоря уже о перемещениях между вузами.

Западная практика, на мой взгляд, исходит из представления о едином или сопоставимом образовательном уровне учреждений, предоставляющих образовательные услуги. Конечно, все университеты там тоже разные, но тем не менее существует некое нормативное представление: поскольку некий уровень стремятся выдерживать везде, то считается, что человек, проучившийся в одном месте, может перейти в другое, и для этого существуют соответствующие механизмы. Замкнутость же университетов на самих себя, характерная для российской ситуации, создает сложности не только для студентов. Отсутствие ротации между университетами не позволяет сложиться нормальной, единой научно-преподавательской среде. Ведь студенты — это мощная сила. Если студент побывал в разных университетах, то имеет представление, каким образом можно преподавать, какие существуют инновации. Студенты снизу начинают подталкивать свои университеты к преобразованиям. Если этого нет, то нет и единой среды, а значит, не может возникнуть и представление о единых образовательных стандартах (я не имею в виду министерские стандарты). У нас же о том, что происходит в других вузах, можно узнать только на совещаниях, где собираются руководители для «обмена опытом».

Причины этого заключаются только в низкой мобильности или же есть какие-то более глубокие социальные причины?

41 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
Беседа с Вадимом Радаевым

Экономические причины, конечно, важны. Но здесь есть, на мой взгляд, и более общие причины. Все еще сильна инерция советского периода. А тогда основная интенция власти заключалась в том, чтобы человек были прикреплен к своему месту — к месту работы, учебы, проживания. Он должен быть прикреплен к своему месту десятью шпильками, зарегистрирован и учтен. Если человек выпадал из зоны контроля, то он просто пропадал с точки зрения власти. Если бы люди имели возможность свободно передвигаться, ротироваться, то распространение информации и инноваций стало бы неконтролируемым. Власть этого допустить, конечно, не могла. И путем разного рода прикрепления (к месту, к спискам, к категориям) обеспечивался общий контроль. Сегодня порой кажется, что эти вещи от нас уже далеко и сейчас можно перемещаться куда угодно. Но ведь просто продекларировать «езжайте, куда хотите» недостаточно. Должны быть механизмы, институты, обеспечивающие эти передвижения. Но об этом у нас, по моему, до сих пор никто не думает.

Затронем другую тему. Современная научная и интеллектуальная деятельность во многом существует за счет системы фондов и грантов. Что происходит у нас в этой области?

В 90-е гг. существенную поддержку научному сообществу оказывали западные фонды. Сейчас они, к сожалению, почти полностью свернули свою деятельность. И возврата, видимо, уже не будет, поскольку вдобавок сформировалась соответствующая политическая позиция, усматривающая за этой деятельностью какую-то «шпионскую» подоплеку. По поводу шпионских намерений ничего сказать не могу, но западные фонды действительно сделали очень много хорошего, помогли нашим гуманитариям и естественникам в самую трудную минуту — когда всем или почти всем было совершенно безразлично, что происходит с наукой.

В качестве источников финансирования остаются теоретически бизнес, неправительственные организации и государство. Бизнес наш до сих пор в этом направлении никакой заметной активности не проявлял, и никаких систематических денег от него мы пока не видели. Какие-то исследования финансируются, но они имеют сугубо прикладной характер. До поддержки университета как такового дело тоже доходит не часто. Или это увязывается с прагматическим интересом — сынишка поступил, и возникает мысль: а не помочь ли университету? Да, какие-то стипендии выдаются из предпринимательских фондов. Но если поднимается вопрос о том, чтобы создать какой-то грантовый исследовательский фонд, бизнесмены, похоже, даже не очень понимают, о чем речь. Это, кстати, традиционно для России. В дореволюционный период университетам — в отличие от некоторых других учреждений (например, больниц) — предприниматели также не особенно помогали.

Неправительственные организации в основном сами заняты поиском денег. Существует также активность, связанная с деятельностью партий, но она имеет специфический характер, весьма далекий от исследовательского. К тому же сейчас и эта активность сокращается. Что-то пытался делать Ходорковский, который, кажется, смотрел несколько дальше, чем большинство других бизнесменов, но чем это закончилось — известно. Какие-то инициативы есть у Потанина и Дерипаски. Но, строго говоря, исследователю пойти некуда. Эти системы не отлажены под академические запросы.

Остается государство, которое выступает здесь в двух формах. Первая форма — государственные фонды (РФФИ, РГНФ). Очень хорошо, что они есть. Но по своим возможностям они не покрывают даже части исследовательских нужд. Многие молодые люди там никогда ничего не смогут получить, поскольку, в частности, на эти фонды завязаны интересы той же академии. Вторая форма — это так называемые государственные заказы на науку, идущие от министерств. Чтобы получить такой заказ, нужно быть интегрированным в систему власти. Не говоря уже о том, чтобы потом на эти деньги еще и провести какое-то исследование. Когда я читаю перечни министерских лотов, я, честно говоря, не всегда понимаю, о какой науке там, собственно говоря, идет речь. Мне ясно здесь только одно: к исследованиям это почти никогда не имеет отношения. Просто осваиваются деньги. И кроме всего, многие представители государства имеют свой выраженный интерес, — словами классика, «воруют».

В этой ситуации, мне кажется, есть один выход — университет сам должен взять на себя функцию обеспечения исследовательских проектов, что мы и стараемся делать уже на протяжении двух лет. Поскольку возможности для получения исследовательских денег сокращаются, то университет вынужден накапливать ресурсы, полученные из разных источников, а затем часть этих ресурсов направлять целевым образом на внутренние исследовательские гранты. Таким образом, внутри университета мы замещаем отсутствующих грантодателей. Если этого сейчас не делать, то окажется, что многим исследователям просто некуда обратиться. Иными словами, если бы мы в университете сами не создавали условия для исследовательской деятельности, то после ухода западных фондов ситуация для исследователей оказалась бы весьма сложной.

Как вы оцениваете качественное состояние наших обществоведческих наук в сравнении с западными уровнями?

Мое поколение — это поколение полупрофессионалов. Мы не получали должного образования и продвигались во многом самостоятельно. Молодое же поколение изначально имеет неплохую стартовую квалификацию. Но при этом говорить о том, что мы уже находимся на одном уровне с западными учеными, еще рано. Не хотелось бы

43 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
Беседа с Вадимом Радаевым

заниматься самобичеванием и в очередной раз повторять, что наша наука отстала от Запада и т. д. У нас предостаточно сильных людей, которые ни в чем не уступают западным коллегам. Но средний уровень исследовательского труда, его культура, конечно, ниже, и потребуется еще какое-то время, чтобы ситуация улучшилась.

Одна из основных проблем заключается в том, что мы недостаточно хорошо включены в международную среду. Во многом это связано с нашим «историческим преимуществом», которое оборачивается здесь нашей слабостью. Речь идет о великом и могучем русском языке. Если бы мы были, скажем, венграми, то такой проблемы у нас бы не существовало. Кроме венгров их язык больше ни для кого не представляет интереса, а их самих мало. Поэтому они с самого начала работали на английском языке. То же самое сейчас происходит с поляками и т. д. А у нас есть свой собственный большой рынок, причем не только в самой России. Слушать лекции на английском языке у нас, как говорится, даром никому не нужно. Мы имеем свой собственный набор журналов с приличными тиражами и т. д. Факторы, которые бы насильственно подталкивали в международную среду, у нас слабее. И доходит до того, что многие коллеги считают, что им просто незачем знать иностранные языки.

Те же, кто знает языки, делятся на две категории. Одни работают преимущественно на внутренний рынок, другие преимущественно на экспорт. Экспортные варианты, кстати сказать, часто довольно циничны. Во-первых, пишут про Россию, потому что так требуется. Во-вторых, пишут то, что ожидают от нас на Западе, что отвечает соответствующим представлением.

Полное же включение в международную среду осуществляется путем длительных отъездов или эмиграции, что ведет к разрыву с нашей средой или иногда к эксплуатации оставшихся здесь связей. Поэтому начиная с 90-х гг. решение об отъезде для представителей российского научного сообщества стало своеобразным экзистенциальным выбором. Если ты остаешься, то рискуешь выпасть из международного разделения труда, поскольку львиную долю времени говоришь и пишешь на русском языке. Затрачивать же дополнительные гигантские усилия на перевод своих трудов порой не могут даже очень способные люди. Не хватает времени и сил.

Помимо занятий в своей профессиональной сфере и общего информационного фона, создаваемого СМИ, есть ли у вас интерес к тому, что происходит в отечественной интеллектуальной среде?

В последние годы в связи с занятостью я сам испытываю определенную дегуманитаризацию, по крайней мере за пределами сферы своих непосредственных профессиональных интересов. Раньше я читал очень широкий спектр литературы. Сейчас я уже не могу сказать,

44 Мыслящая Россия

I. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

что успеваю следить за теми течениями, которые существуют в российской гуманитарной мысли. Для этого надо куда больше читать, постоянно посещать какие-то семинары, слушать, общаться. По роду своей административной деятельности даже в том случае, если я общаюсь с гуманитариями, эти разговоры посвящены вполне утилитарным вещам, «решению вопросов». И в силу этого я не могу сейчас, как раньше, глубоко судить о состоянии нашей гуманитарной среды. Например, разорваны там связи или нет. Но вполне допускаю, что и другим коллегам сейчас всем приходится больше работать в инструментальных плоскостях и меньше вертеть головой по сторонам, затрачивая время на «праздные» в хорошем смысле слова разговоры и мероприятия.

Но есть ли — на уровне ощущения — представление о том, что где-то что-то происходит и жаль, что приходится это упускать?

Нет, такого острого ощущения нет. Возможно, ничего такого сногшибательного и не происходит, хотя я могу ошибаться. Это, видимо, так же, как с театром. Я не театрал, но и не человек, вовсе лишенный в этом отношении любопытства. Раз в полгода посещаю какое-нибудь представление. Идешь и думаешь: «Там же, наверное, что-то происходит». В итоге конечно же выбирается спектакль, про который уже все сказали и написали, какой он замечательный. Приходишь и убеждаешься, что ничего выдающегося там нет, что ничего интересного, видимо, не происходит. Потом вся эта история повторяется еще через полгода и т. д. Это, конечно, не полная аналогия тому, о чем мы говорим, но все же какая-то иллюстрация.

Вообще я считаю, что нужно самому обустривать пространство вокруг себя. Если ты этого не делаешь, то никто другой за тебя этого сделать не сможет. Нужно самому организовывать и проводить семинары, начинать проекты, не стоит ждать, что кто-то сделает для тебя что-то интересное. Поэтому можно сказать, что времени не хватает не на то, чтобы куда-то поехать и «приобщиться», а на то, чтобы самому организовать что-то интересное. К счастью, по сравнению с 90-ми гг. сейчас ситуация меняется в лучшую сторону, поскольку появились молодые коллеги, которые готовы что-то самостоятельно делать, в чем-то помогать. Без их поддержки не удалось бы реализовать ни наши книжные, ни интернет-проекты — многого не удалось бы сделать.

К слову о молодом поколении. Какие процессы происходят сейчас в этой среде?

Молодые коллеги, как я уже отметил, более сильны изначально в профессиональном отношении и, конечно, более прагматичны и идеологически нейтральны. Иногда вплоть до цинизма. Могут работать, например, на разные партии. Это даже считается одним из признаков профессионализма: главное грамотно делать свое дело и получать за это деньги.

45 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
Беседа с Вадимом Радаевым

У этой темы много аспектов, но я бы хотел здесь затронуть один из них. Дело в том, что современные студенты вынужденно более прагматичны, потому что сталкиваются с фактором, который нам в свое время был незнаком. На них оказывается колоссальное давление внешней среды, которое мы даже близко не ощущали. Они считают, что должны быть успешными, сразу зарабатывать деньги, причем большие деньги. Здесь отчасти сказывается и отзвук перестроечного периода, когда люди делали фантастические карьеры. Студенты с самого начала считают, что живут в ситуации жесткого рынка, в который нужно встраиваться как можно раньше, начинать делать карьеру уже со студенческой скамьи. Их буквально трясет начиная чуть ли не с начальных курсов: а тому ли меня учат? а зачем нам эта математика или философия? а нужен ли я на рынке? а кем я буду работать? и т. д. Они требуют больше прикладных вещей, которые востребованы прямо сейчас. И сколько ни объясняешь, что карьеру во всех смыслах делают умные люди с развитыми мозгами, а не те, кто прослушал какие-то прикладные курсы, они не верят, полагая, что так могут рассуждать лишь те, кто уже всего добился. Это принимает форму устойчивого прагматического психоза. Они рвутся на рынок труда уже со студенческой скамьи, считая, что даже с красным дипломом, но без опыта работы ты никому на рынке не нужен. Жесткое давление среды порождает представление о том, что нужно идти наиболее прямыми путями, изучать, грубо говоря, не экономическую теорию, а бухгалтерский учет, не социологические доктрины, а методику проведения фокус-групп. Конечно, я немного утрирую. Часть сильных ребят заставляют себя понять, что торопиться не следует, нужно хорошо себя подготовить.

Эта ситуация, конечно, накладывает свой отпечаток и на студенческую жизнь. Ребята, которые стремятся что-то организовать, часто жалуются, что старшие курсы уже фактически ни в чем не участвуют. Активны в общей студенческой жизни только младшие курсы.

Нам нужно попытаться им помочь — и не столько умными словами, сколько своим примером.

Беседовал Виталий Куренной

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Беседа с Юрием Кимелевым

На ваш взгляд, актуальна ли сегодня проблема интеллектуалов в западных странах?

Такая тема в XIX–XX вв. мне известна, но сейчас фигура интеллектуала в традиционном смысле этого слова исчезает в западных обществах. Современным интеллектуалом я мог бы назвать, пожалуй, итальянца Джанни Ваттимо — философа и члена Европарламента. Это классический интеллектуал вполне в духе итальянской традиции, когда от философии идут к общественно-политической, общественно-идеологической трибуне. В других странах, например, в тех же Соединенных Штатах, институционально ситуация сильно изменилась, что практически привело к исчезновению фигуры интеллектуала. Эта функция, на мой взгляд, перешла в настоящее время в значительной степени к политической журналистике.

Почему это произошло?

Для выполнения интеллектуалами своей функции требуется соблюдение очень многих условий, которые сейчас исчезают. В числе прочих можно назвать два фактора. Во-первых, люди просто перестали слушать тех, кто не обладает основательным и современным социальным знанием. Во-вторых, фигура интеллектуала появляется только тогда, когда общество готово к трансформации, когда оно к ней стремится. А с этим сейчас проблемы — как в странах Старой Европы, так и в США. В Европе, например, за социальные трансформации более всего ратовали те силы, которые сейчас отодвинуты на задний план, — левые. Кроме того, интеллектуалы, особенно в нашей стране, всегда были связаны с литературно-художественной сферой. Сейчас же говорить о том, что властители дум сосредоточены в литературе, просто не приходится, — мы живем уже не в том обществе и не в то время. Если посмотреть на то, что происходит, например, в США, то видно, что там вышли на качественно иной уровень постановки и решения социальных задач.

Есть ли возможность для появления интеллектуалов в современной России?

В позднесоветский период возникает острейший социальный кризис. Появляется потребность в определении ориентиров социальной трансформации страны. Возможность указания таких ориентиров требует, в свою очередь, определенного синтетического видения,

47 ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО
Беседа с Юрием Кимелевым

выдвижения общих социально-идеологических программ. Традиционно этим как раз и занимается, и на это притязает интеллеktуал. В это время появились некие люди, которые на это действительно притязали. Я уже с трудом могу припомнить тогдашних властителей дум, но они существовали.

Однако дальше начинают работать два момента. Во-первых, сам социальный процесс набирает такую динамику, что выясняется неполноценность и неадекватность тех высказываний, которые притязают на формулировку указанных ориентиров социальной трансформации. Во-вторых, жестко начинает срабатывать принцип разделения интеллектуального труда: ты или экономист, или социолог и т. д., что продиктовано соответствующими потребностями складывающегося общества. Это разделение труда, по сути, вытесняет и разрушает функциональную позицию интеллеktуала.

Мы имеем сейчас свои очень серьезные социальные проблемы. Но, кроме того, мы получаем также и весь комплекс проблем современного глобализированного общества. Получается, что для понимания своей ситуации мы должны понимать также и эти глобальные процессы. А это делает проблему адекватного осмысления этой ситуации во много раз более трудноразрешимой. Для этого необходимо не просто обладать социально-научным знанием, но знанием современным, соизмеримым с глобальным обществом и его проблемами. Но даже на Западе такое знание еще только вырабатывается, а там ситуация намного менее драматичная, чем у нас.

Но самое интересное заключается в том, что в нашей стране все же продолжает сохраняться объективная потребность в такой функции. Но функция эта не выполняется, потому что нужно быть адекватным образом подготовленным, а таких людей, на мой взгляд, у нас почти нет. Потому сейчас уже недостаточно просто выдвинуть какую-то идеологию: «Давайте жить, как Европа» или «Коммунизм плохой», т. е. поступать так, как это было возможно на рубеже 80–90-х гг. XX в. С такими лозунгами уже, что называется, не проскочишь. Как минимум, необходим какой-то багаж социального знания, а также способность его каким-то образом синтезировать и применять к актуальной ситуации. Иными словами, эта объективная потребность выдвигает такой набор условий, которые трудно выполнить.

Когда речь идет об этой потребности, то имеется в виду потребность определенных социальных групп?

Есть ощущение, что социальный процесс в стране не устоялся, не рутинизировался. Этот процесс еще во многом продолжает носить открытый характер. Есть большие группы людей — выявленные и не выявленные, — которые обладают своими интересами, но пока не интегрированы в социальную ситуацию. Они должны, во-первых, сформулировать некоторую общую оценку этой ситуации и, во-вторых,

перевести эту оценку в реальные требования и программы действия, возможно, вплоть до политической программы широкого синтетического плана.

При этом можно видеть, что никакие социальные силы в стране не способны сейчас ничего самостоятельно сформулировать. Они себя не осознают, они не конституированы как консолидированные группы. Если посмотреть на наши крупнейшие политические силы, то никаких такого рода программ и оценок, выражаемых соответствующими интеллектуалами, мы не находим. Возможно, я не очень информирован, но если идет реальный политический процесс, действуют политические силы и интеллектуалы, то о них знают все, даже весьма мало информированные люди.

Приведу пример. Недавно мне попала на глаза программа Ивана Старикова «Демократическая Россия-2», идея которой состоит в создании некой широкой коалиции самых разных политических партий и движений на почве борьбы с нынешним режимом. Это лишь пример, но он характерен для нашего политического мышления. Дело не в реалистичности или нереалистичности такого рода объединения разношерстных политических сил. Дело в том, что реальная интеллектуальная и политическая программа в нынешней России должна, прежде всего, серьезно ставить вопрос о социально-экономических отношениях (в традиционном смысле этого слова). Без такой постановки вопроса говорить просто не о чем.

Возможно, все дело в самой социальной ситуации? Если общество чрезмерно фрагментировано, то не может быть и сформулирована позиция, выражающая интересы сколько-нибудь значительной социальной группы.

Когда мы говорим о фрагментированности и неструктурированности, мы уже даем оценку социального состояния. Против тезиса о неструктурированности можно выдвинуть простое соображение: коль скоро есть социально-экономические отношения, то это означает, что социальные группы каким-то образом вокруг них выстроились. И может быть, тот, кто обладает большей проницательностью и знанием, сумеет увидеть общие группы там, где мы их не видим, и сформулировать их общий интерес. В этом и состоит роль интеллектуала — увидеть и связать то, что на поверхности незаметно, а также выразить это так, чтобы люди могли его понять и осознать эти свои интересы.

Постиндустриалистский и постмодернистский подход, который подчеркивает высокую степень фрагментации и дифференциации современных обществ, является, насколько я могу судить по литературе, уже пройденным этапом. Все исследования, проводимые в западных обществах, показывают: если люди носят разные майки, они еще не начинают принадлежать к разным социальным стратам. Это показала уже марксистская критика постмодернистских тезисов, которая

49 ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО
Беседа с Юрием Кимелевым

была осуществлена еще в 80-е гг. XX в. Можно сказать, что теоретическая попытка определять социальное сознание через факторы, отличные от классических социально-экономических факторов, во многом потерпела неудачу.

Беседовал Виталий Куренной

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Беседа с Борисом Дубиным

Что появилось или изменилось в области российского журнального производства с тех пор, как появилась возможность свободно создавать и издавать журналы?

В конце 80-х гг. и у меня, и у многих других людей существовали большие надежды на то, что если снять запреты, то произойдет настоящий прорыв — пойдет бурное формообразование, начнут возникать издательства, журналы, общественные библиотеки, музеи и т. д., т. е. общество начнет самоорганизовываться. И поначалу, казалось, многое указывало на то, что так и будет.

Но если мы сейчас оглянемся назад и зададим себе вопрос: «А что все-таки у нас произошло за последние 15 лет?» — то я не знаю, на каком ярком феномене могло бы сойтись в своих оценках наше интеллектуальное сообщество. Говоря о журналах, я бы назвал прежде всего «Новое литературное обозрение». Но обратим внимание вот на какую вещь. Возьмем то же «Новое литературное обозрение» и зададим вопрос: «Появились ли там за все время его существования принципиальные концептуальные ходы, с которыми можно было бы как-то соотнестись?» Мне кажется, что нет. Или возьмем социологию. Были ли там предложены какие-то теоретические построения, которые организовали бы интеллектуальную дискуссию? Кроме, пожалуй, проекта Левада-Центра, посвященного советскому человеку и тому, что от него ответвилось, я не могу назвать ничего. Хотя социологические журналы существуют, и их даже несколько. Но идей нет, не говоря уже о программах. А если этого нет, то непонятно, из чего могут вырастать журналы. Если нет идейной, теоретической платформы, то остается только кружок знакомых, более или менее «своих». И именно так наши журналы и существуют: один журнал — один кружок.

Это традиционная черта русского журнала начиная с XIX в.

Однако эти старые журналы все находились в горизонте друг друга, между ними шла жесточайшая полемика. А попробуйте найти полемику в наших сегодняшних журналах. Существующие кружки или «клубы», стоящие за существующими и вроде бы успешными, воспроизводящимися журналами, не находятся в поле зрения друг друга и не собираются вступать между собой в полемику.

Единое пространство — если хотите, принудительно — существовало, кстати, в 60–70-х гг. XX в. Положение, роль и форма этих журналов была задана ситуацией завершения сталинского периода и

формирования хотя бы какой-то самостоятельности образованного сословия. Причем в масштабах всей страны это было очень большое сословие, поскольку к этому времени страна становится образованной, относительно урбанизированной, современной, появляется какая-то открытость миру. Эти журналы также постоянно находятся в поле зрения друг друга, идет постоянный учет другой точки зрения. Читатели отслеживают этот процесс и эти напряжения, фиксируя, например, почему какой-то автор переходит из одного журнала в другой, и т. д. Но по содержанию данное пространство является достаточно узким, читатель может его отслеживать практически полностью. Он мог выписывать пять журналов или выписывать три и три еще смотреть в библиотеке, имея при этом почти полное представление об интеллектуальном поле в целом. Исключений почти не было, а если они появлялись (например, если петрозаводский журнал «Север» раз в 20 лет опубликует «Привычное дело» Василия Белова или улан-удинский «Байкал» — братьев Стругацких), то, во-первых, эти «пробои» сразу же закрывались и, во-вторых, в течение месяца-двух об этом становилось известно «всем». Проницаемость слоя, таким образом, была очень сильной — несмотря на его массовость. Но количество событий и новинок было невелико. Любой образованный человек в конце года дал бы примерно одинаковый список интеллектуальных событий года.

Однако в конце 80-х — начале 90-х гг. казалось, что произойдет что-то другое. Но что мы видим? По-прежнему большинство издательств располагается в Москве и Санкт-Петербурге, почти 99 % выходящих журналов, за которыми имеет смысл следить, также выходит здесь (Москва при этом все больше опережает Санкт-Петербург). Есть еще журнал «Ab Imperio» в Казани, два-три литературных журнала (скажем, «Уральская новь»).

Поэтому можно сказать, что прорыва в области журнального дела не получилось. Наряду со старой системой так и не возникла новая структура. Появилось некоторое количество журналов, которые смогли удержаться на плаву с начала 90-х гг., выпустив несколько десятков номеров. Их очень немного — «Логос», «Новое литературное обозрение». Если брать специальные журналы, то это «Социологический журнал», который начал выпускать Геннадий Батыгин, «Мониторинг», а теперь «Вестник общественного мнения» Левада-Центра. В общем, если попытаться перечислить новые журналы, которые просуществовали свыше десяти лет, то мы с трудом наберем полдюжины таких журналов.

Для страны такого масштаба, с таким количеством образованных людей, с таким числом городов, где есть все возможности для собственного культурно- и наукотворчества, это чудовищно мало. Сравним это, например, со всплеском разного рода литературных или даже только поэтических «обзрений» в США в 60-е гг. XX в., где одновременно их существовало несколько тысяч.

Итак, есть столичные журналы. И если человек хочет войти в интеллектуальную среду, — не важно, будет ли это литература, философия или социология, — ему придется проходить через Москву. Но дело не только в численной ограниченности. Нельзя себе сейчас представить, чтобы кто-то беспокоился: «Уже сентябрь, а я еще не читал...» Не читал чего? Название какого журнала здесь можно поставить?

В начале 90-х гг. страна, однако, переживала журнальный бум. Они выходили по одному, по два номера, но это совершенно нормально при условии, что есть это движение. Что случилось, почему это прекратилось?

Тут есть несколько объяснений. Во-первых, креативность слоя оказалась сильно преувеличенной (в том числе в его собственных представлениях). Оказалось, что в столах лежит очень немного. То, что там было, сработало моментально и не получило дальнейшего продолжения. Можно даже сказать, что это общая проблема российской культуры. Дело не в том, чтобы сделать первичный вброс новых идей или новых образцов. Проблема в том, чтобы продолжить, удержать, развить и дифференцировать. И вместе с тем нарастить уровень. Проблема, таким образом, в дифференциации и наращивании уровня. В культурно-репродуктивной, а не просто культурно-реактивной способности. Неслучайно было так много журналов-однодневок — номер-другой, и журнал выдыхается. Культурный выброс есть, а способности его поддерживать — нет. Общество оказалось неспособно создавать формы, которые за счет своей сложности, присоединения все новых блоков могли бы поддерживать свое существование независимо от конкретных людей. Хорошо, если за 15 лет мы получили несколько таких форм. Для страны таких масштабов и претензий, как наша, с таким, казалось бы, накопленным потенциалом это чрезвычайно странно.

Была также переоценена множественность интеллектуального слоя. С одной стороны, число людей, имеющих соответствующее образование и дипломы, очень велико. Но выясняется, что авторы нынешних интеллектуальных журналов — это один узкий круг людей. Причем независимо от направленности этих журналов — политологической, социологической и т. д. И эти люди, статьи которых мы находим через номер в любых наших журналах, пребывают, конечно, в состоянии запредельного напряжения. Ситуация совершенно ненормальная. Непонятно также и то, чем эти журналы вообще между собой различаются.

Кроме того, возникает вопрос привязки журналов. Французские журналы, например, существуют либо при научных учреждениях, либо при издательствах. В России же связь журнала с издательством — вещь совершенно непонятная. Если журнал, а еще лучше — ряд журналов существует при издательстве, то при выпуске каждого номера не встает вопроса о том, где взять деньги. Но такая структура у нас

не сложилась. Журналы если и существуют, то непонятно, на какие деньги они должны печатать свои номера. Приходится искать меценатов, какие-то фонды, чтобы выпустить очередной номер. А это, в свою очередь, влияет на содержание — приходится делать номер тематическим и т. д.

Нельзя сказать, что в стране нет денег, что здесь нет образованных людей. Но что-то не складывается в системе связей, формирующих журнально-интеллектуальное производство, — в отношениях между продуктивностью и тиражированием продукта, между тиражированием и восприятием продукта, между восприятием и способностью поддерживать и развивать то, что было воспринято. Оказалось, что эти связи, характеризующие сложное общество, у нас не складываются.

Из этого можно заключить, что само это общество чрезвычайно примитивно. Это касается как общества в целом, так и интеллектуального сообщества в частности. Мы уже упоминали о кружках, стоящих за журналами. Эти кружки имеют персональную систему связей, а это одно из указаний на примитивизм. Наше общество оказалось фактически неспособным порождать не *Gemeinschaft*-ные формы, основанные на универсальных ценностях, формируемые как открытые структуры, институализирующие новые ценности и образцы. Это касается и политической, и экономической, и в особенности культурной сферы.

К этому можно добавить, что российская, а потом советская и постсоветская культура всегда была чрезвычайно политизирована. Не в том смысле, что у всех были какие-то определенные политические взгляды. Дело в том, что участники культурного процесса, даже если они состояли в полемике друг с другом, тем не менее своими настоящими партнерами мыслили не тех, с кем они разговаривали, а того, кто стоял над всем этим и должен был их услышать. Оказывается, эта конструкция продолжает работать и сейчас. Возьмем, например, недавний, очень насыщенный материалом номер «Нового литературного обозрения», посвященный архивам и библиотекам. Ситуация в этой сфере, конечно, аховая. Интересна она тем, что здесь, казалось бы, сходятся интересы всех культурных групп. Но оказывается, что у нас способностью хранить и воспроизводить архивную, культурную память по-прежнему наделено только государство. Если архив не удастся передать государству, то дальше непонятно, что с ним произойдет. То же и с библиотеками: общественные библиотеки — вопреки иллюзиям конца 80-х гг. — так и не появились.

Но есть сфера, где активность такого рода существует, — это Интернет.

Да, но здесь есть свои серьезные проблемы. Обращу внимание, например, на то, что в нашем Интернете пока непонятно, как решаются проблемы интеллектуальной собственности. А это указывает на то, что здесь не урегулированы отношения личности и группы,

социума. Непонятно, далее, как поддерживать и структурировать накапливаемый здесь материал. Объем информации растет, что требует аккумуляирования, организации и структурирования. А решение этой архивной задачи предполагает уже определенное институциональное оформление. Вообще говоря, с точки зрения социолога, по своим функциям Интернет сейчас (а может быть, и в принципе) чем-то напоминает сферу культуры как таковой, т. е. ресурс, который может быть организован и структурирован только в том случае, если он будет связан с конкретными человеческими сообществами. А это ставит интернетчиков перед очень большими проблемами. Боюсь, они даже не совсем себе представляют, во что это выльется. Эти проблемы существуют и в самом нашем обществе, Интернет их просто обнажает и делает хорошо заметными.

Каковы перспективы нашего интеллектуального журнального производства?

Если резюмировать обозначенные проблемы, то можно сказать, что это, во-первых, проблема креативности собственно интеллектуального слоя. Но эту вещь, к сожалению, не может регулировать даже сам Господь Бог. Во-вторых, способность интеллектуального слоя дифференцироваться и образовывать более или менее устойчивые формы, которые могли бы воспроизводиться независимо от первоначального импульса и тех людей, от которых этот импульс первоначально шел. В-третьих, способность удерживать многих других в поле своего зрения, вступая с ними в отношения кооперации, полемики и т. д. Таковы задачи, которые, на мой взгляд, стоят перед нашей интеллектуальной средой. Но проблема эта усилиями одних интеллектуалов не разрешима. Потому что для решения этой проблемы нужно было бы создать общество во всем богатстве и разнообразии институтов, групп, форм коммуникации между ними. А для самой культуры, как сферы работы с условными реальностями, с символами и смыслами, это непосильная задача. И пока я не вижу, каким образом и когда это может произойти. Общество в России становится все более усредненно-однородным, более замедленным в своих реакциях, более ориентированным на закрытость и изоляцию и т. д. А это означает, что в обозримое время мы останемся примерно с той же журнальной структурой, которая есть.

Беседовал Виталий Куренной

НЕГУМАНИТАРНАЯ ЭПОХА

Беседа с Александром Ивановым

Как можно определить интеллектуальную атмосферу в современной России?

Нынешняя власть, в отличие от Ельцина и окружающих его олигархов, представляет собой гораздо более прагматичный и материалистический способ миропонимания и мироощущения, чем все предшествующие виды российской власти. Если еще при Ельцине велись разговоры о «русской идее», то Путин окончательно сформулировал ее как идею конкурентоспособности России. От современной России исходит ощущение не просто отсутствия идеологии, а отсутствия идей вообще. Для меня это абсолютно негуманитарная форма политического правления, т.е. форма, которая рассматривает страну как некую техносистему, а человеческий ресурс, соответственно, как элемент этой техносистемы. Поэтому проблема заключается, не в том, что в России исчезла идеология, а в том, что Россия вообще перестала быть страной, ассоциирующейся с некоторым гуманитарным элементом — будь то культура в широком смысле или идеология. Любая идеология у нас просто отсутствует, она не востребована, а востребован менеджерский стиль поведения и мироощущения.

По отношению ко всем предшествующим стадиям это очень серьезный поворот. Его серьезность еще не оценена как следует, потому что поворот, который произошел при Путине, даже круче, чем при Ленине, Сталине или Хрущеве. Я не вижу какого-то выхода из этой ситуации, потому что политическая оппозиция отсутствует, равно как и нет потребности в каком-то самоосмыслении со стороны общества. Гуманитарная интеллигенция также сделала резкий разворот в конце 80-х — 90-е гг. в сторону негуманитарной работы внутри гуманитарной сферы.

И это не случайно, это некая общая тенденция. Когда я читаю какие-то тексты, выросшие из постструктурализма, из французской философии, например, последний текст Деррида, то я понимаю, что в принципе Деррида — не гуманитарий, как и Делез. Не в том смысле, что их вообще не интересует некая гуманитарная составляющая мира, а в том, что мир их интересует лишь как определенный набор внешних сил, потоков, событий, а потому и знание о мире — это техническое знание. Любая сложность понимается здесь только как сложность материи. Я бы даже выдвинул такой критерий: где мы видим невероятную техническую сложность, там мы имеем дело с материалистами. Потому что нематериалист стремится к предметности, которая по своей

сути проста. Тексты названных французских философов были связаны с открытием нового материального мира: Деррида приходит вместе с супермаркетами, вместе с поездками за границу, вместе с новой визуальной городской средой, с рекламой, с новым видом телевидения. Это не только французская философия, это и американская, и британская философия последней четверти прошлого века.

При этом я не имею в виду материализм в каком-то профессиональном философском смысле, я имею в виду материализм скорее как закономерное проявление капитализма в классическом определении Маркса. Капитализм лишает ауры любые виды практики, превращает всех в наемных рабочих. Это цинизм, меркантилизм, сугубая материальность как форма сознания. Это то, что Маркс называл религией повседневной жизни, товарным фетишизмом, что он связывал со сложнейшим понятием идеологии именно в смысле религии повседневной жизни, когда нет уже никакой трансцендентной идеологии, а существуют только сугубо имманентные формы фетишизации. В 90-е гг. этот процесс капитализации носил еще романтический характер, потому что было еще непонятно, кто победит, были кровавые события 1993 г. и т. д. И вообще с этой точки зрения ельцинский режим был гораздо романтичнее, он еще сохранял элементы революционизма конца 80-х — начала 90-х гг. В сравнении с ним путинский режим — режим абсолютно, я бы даже выразился этим старомодным словом, бездуховный, плоский, очень серый. Общаясь с коллегами из-за границы, я понимаю, что образ России покрывается все более плотной серой пленкой, становится невнятно серым, — такое вот общее ощущение от страны.

Это состояние не похоже на брежневский застой, который я хорошо помню. Потому что брежневский застой в его классическом проявлении — с 1968 г. до начала войны в Афганистане — был периодом довольно серой повседневной жизни страны, но при этом периодом невероятного культурного ренессанса. Когда мы сейчас постфактум начинаем анализировать, мы понимаем, что все фильмы Тарковского, лучшие фильмы Германа, музыка Шнитке, даже русский рок появляются именно в это время. Здесь расцвела литература, в науке это время работают Лотмана, Мамардашвили, Аверинцев. Настоящий ренессанс. Это время можно сравнить только с периодом, который начинается после Русско-японской войны и продолжается до Первой мировой войны, а также с периодом от начала нэпа и до конца 20-х гг. В сравнении с этим современная эпоха, вообще 90-е гг. — это годы невероятно бедные в интеллектуальном и духовном отношении, что странно, учитывая тот факт, что мы получили свободу.

Таким образом, когда я говорю «гуманитарный», я понимаю в самом широком смысле этого слова, в смысле и кризиса гуманитарных наук, и кризиса гуманитарной составляющей власти, и гуманитарной составляющей экономики, и вообще я бы сказал, что путинский режим — режим достаточно бесчеловечный. Не в том смысле, что Путин

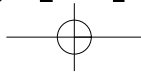
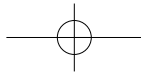
как Сталин, а в том же смысле, в каком Пастернак писал в письме, когда Хрущев пришел к власти, что теперь-то и пришел настоящий конец. Другими словами, кровожадный тиран Сталин был более приемлем для Пастернака, потому что этот тиран нес в себе еще какие-то черты старого стиля, например, потребность ходить в театр. Грубо говоря, у этого тирана была душа.

Я думаю, что интуиция Пастернака здесь связана с тем, что он как классический поэт был способен в любом фрагменте совершать метафизическую, религиозную, философскую процедуру отделения души от тела. А вот по отношению к Хрущеву — с его держанием в руках кукурузы или с его речью со специфическим «г», с общим его обликом — он почувствовал, что осуществить эту процедуру он не в состоянии. Мир для него вместе с Хрущевым становится тотально прагматичным и материальным, слишком материальным, чтобы в нем оставалось место для души. При Сталине Пастернак находил нечто более приемлемое — не для житейского выживания, а выживания в нефизическом смысле. И в чем-то он оказался совершенно прав, потому что при Хрущеве функцию поэзии начинают выполнять Вознесенский и Евтушенко, т. е. люди, для которых поэзия в смысле Пастернака просто нерелевантна. Если они поэты, то тогда Пастернак не поэт.

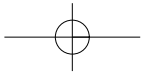
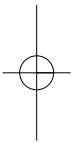
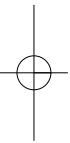
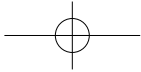
В разных культурах существует разный противовес материальности, тотальной вульгаризации жизни. Современная французская культура, например, находится в серьезном кризисе, но она сохраняет в качестве традиции то, что можно назвать французским стилем. И при всей материальности французского буржуа эта традиция поддерживает этот стиль, эту французскую манеру. Или современная британская культура, которая всегда выступает в каких-то ритуализированных формах жизни.

Но в сегодняшней России я не вижу ничего, что могло бы примирить меня с этой вульгарной фетишистской тенденцией жизни. Эту претензию я не могу, конечно, предъявить именно Путину, просто он является наиболее органичным хранителем этого состояния. Причем я говорю не о высоком стиле, а о стиле повседневной жизни, например, о привычке сидеть в кафе. Это тот стиль, который составляет органическую часть культурного движения, а не тот, который институционализирован через какие-то довольно сложные механизмы. Речь идет о простых вещах.

Беседовал Виталий Куренной

ПОЛИ- Часть II ТИКА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Беседа с Борисом Капустинным

Существует ли в современной России политическая теория, в каком состоянии она находится?

Начну с оговорки: я довольно долго был за границей и, хотя старался внимательно следить за состоянием российской политологии, возможно, что-то упустил. Не исключено, что это отразится на моих суждениях.

Эволюцию политической теории нельзя понять в отрыве от общего состояния отечественной политологии, ветвью которой она является. Не хочу повторять известные выводы аналитических докладов Российской ассоциации политической науки¹ и исследований Михаила Ильина² об истории нашей политологии и ее нынешнем состоянии. Отмечу лишь два момента, которые, на мой взгляд, отрицательно сказались на развитии российской политической теории.

Первый заключается в том, что изначально наша политология оказалась высококоммерциализированной. Средства направлялись и умы привлекались — или «сворачивались» — прежде всего в ту отрасль, которая обычно называется «прикладной политологией», и в еще большей мере — в ее внеакадемическую инкарнацию — практический пиар, технологии лоббирования, приемы проведения избирательных кампаний и т. д. Теория — и чем более «высокая», тем в большей мере — в этих условиях оказывалась «падчерицей», недофинансированной, недоукомплектованной в кадровом отношении, вообще скорее «терпимой» на быстро размножавшихся кафедрах, отделениях и факультетах политологии, чем признанной в качестве «лица» их программ. В массовом сознании политология вообще стала ассоциироваться то ли с политической журналистикой в духе когда-то популярных «Итогов» Евгения Киселева, то ли с вещанием кассандр-шоуменов о том, кто кого подсадит в Кремле, вашингтонском Белом доме или каком-то другом элитистском террариуме.

В этом плане развитие политического знания в посткоммунистической России с самого начала пошло в противоположном направлении по сравнению с тем, как оно формировалось на Западе. Если согласиться с распространенной датировкой возникновения *современной*

¹ См.: сайт РАПН [<http://www.rapn.ru/>]. — Прим. ред.

² См., например, доклад М. Ильина «Политология России: между научным лидерством и провинциализмом» (2001) [<http://www.auditorium.ru/>]. — Прим. ред.

политической науки в конце XIX — начале XX вв., то увидим у ее истоков таких выдающихся *теоретиков*, как Макс Вебера, Гаэтано Моска, Джон Дьюи, Артур Бентли, Эмиль Дюркгейм, и многих других. Лишь на основе ремоделирования ими политического знания как такового (его размежевания с тем политическим знанием, которое традиционно мыслилось в качестве отрасли общей «практической», т. е. нравственной философии) оказалось возможным формирование того, в чем мы можем видеть некое подобие нашей «прикладной политологии». На Западе вехами на этом пути стали труды Уолтера Липпмана в 20-х гг., Гарольда Лассуэлла в 30-х гг. (чего стоит одно название книги последнего — «Политика: кто получает что, когда, как»!) и других, которые все еще несли немалый теоретический заряд, хотя и помещенный в поле технологической эмпирики политики. У нас же произошло как бы «короткое замыкание» между политическим заказом, каким он стал после развала советского строя, и рефлекторной реакцией на него взявшихся из ниоткуда политологов-исполнителей. Теоретическим изыскам в этом режиме «короткого замыкания» просто не могло быть места. Что уж там говорить, если одна из самых влиятельных политтехнологических контор носит имя Макиавелли, видимо, усматривая в нем чуть не своего «святого патрона» и даже не подозревая о его *антиэлитизме*, о том, что даже его «Государь», не говоря о «Рассуждениях», являются, по выражению Руссо, «книгами для республиканцев»!

Второй момент, возможно, является более спорным. Насколько я могу судить, наиболее важные, «прорывные» для своего времени политические идеи всегда формировались теми, кто был в оппозиции к существовавшему статус-кво. Это можно проследить начиная с платоновской оппозиции дряхлевшему афинскому полису вплоть до стоической позиции, занятой тем же Вебером против необоримых течений «нашего времени». Сейчас для нас не важно, была ли эта оппозиция левой или правой, консервативной или прогрессистской. Важно то, что критическая установка является, по-видимому, необходимым условием интеллектуальных инноваций.

А как у нас обстояло дело с оппозицией? Долгое время ее флаг был по сути узурпирован КПРФ, с позиции которой интеллектуальные инновации, как я пытался объяснить в другом месте³, произвести просто невозможно. Конечно, можно занять позицию «ангажированного» (по Сартру) оппозиционного интеллектуала, связанного с микро-(политическими) группами или даже с воображаемыми потенциями общественной трансформации, вроде бы не имеющими никаких определенных политических агентов (как это, похоже, делают Хоркхаймер и Адорно в конце «Диалектики Просвещения»). В таких случаях может возникать интересная политическая теория, примерами чему в нашей

³ См.: Капустин Б.Г. Левый консерватизм КПРФ // Независимая газета. 1996. 5 марта.

63 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Беседа с Борисом Капустиным

стране могут служить работы Бориса Кагарлицкого (слева) или Александра Филиппова (справа). Но при всей интеллектуальной значимости таких явлений они скорее исключение, чем правило. Отечественная политология на своем «магистральном направлении» мыслит себя в качестве «объективного» описания политической жизни, т. е. находится на той стадии наивного позитивизма (даже преимущественно не осознавая это), на которой «непредвзятость» сливается с конформизмом в отношении статус-кво. Отсюда бесконечное топтание на парадигме модернизации-либерализации-демократизации-глобализации, которая в виде предельно радикальной критики допускает лишь теоретически маловразумительные рассуждения об «отклонениях» от якобы универсальных принципов развития, попятных тенденциях авторитаризма или чем-то еще в этом духе. Парадоксально, но при нынешних гораздо больших возможностях для свободомыслия, чем в советский период, наша политическая теория в целом выглядит более робкой, прирученной и какой-то вторичной, чем, во всяком случае, неофициальная политическая мысль советского времени.

Упомяну еще одну проблему, напрямую не связанную с тем, о чем шла речь выше. Хочется верить, что это — проблема *стадий* развития отечественной политологии, а не *траектории* ее движения.

Складывается впечатление, что отечественная политология еще не дошла до осознания своей внутренней предметно-методической дифференциации. Известно, что в англо-американском употреблении, например, «political science» — это своего рода рубрика, под которой собраны высокоспециализированные дисциплины (если хотите — субдисциплины), с четким осознанием не только собственных методов, понятийного аппарата, предмета и т. д., но и *проблемности* своих взаимоотношений со «смежниками» по академическому цеху. Глядя на наши ГОСТы по политологии, тоже вроде бы обнаруживаешь курсы по политической философии, политической компаративистике, мировой политике, российским политическим институтам и процессам (как аналог «American Government» в США) и т. д. Но в действительности это — совсем не то, что имеет место на Западе.

Во-первых, *там* — это не отдельные курсы, так или иначе «вписанные» в общую структуру политологии, а самостоятельные дисциплины (или субдисциплины), полноценно развернутые — от соответствующих введений до узкоспециализированных тем. Во-вторых, *там* осознано, что каждая из этих дисциплин (или субдисциплин) видит мир политики *по-своему*, а потому нуждается в самостоятельном понятийно-методическом инструментарии, который в каждом случае должен формироваться и изучаться отдельно. В-третьих, при всей специализации этих дисциплин (или субдисциплин) огромной проблемой выступает их взаимоотношение, т. е. формирование как бы стереоскопического видения политики. Нелепо говорить, что эта проблема решена (или хотя бы может быть решена) каким-то окончательным и

общеприемлемым образом — споры о том, как соотносятся, к примеру, нормативные подходы политической философии и эмпирико-дескриптивные методы, превалирующие в ряде других ветвей политического знания, шли и будут идти бесконечно. Но это-то и важно: каждая дисциплина (субдисциплина) политического знания благодаря таким спорам, с одной стороны, осознает границы своих методов, а с другой — стремится совершенствовать их в полемике с оппонентами-«смежниками». Это и есть одно из ключевых условий развития политического знания. В какой мере оно присутствует в отечественной политологии? Боюсь, в очень незначительной.

Хотя, конечно, идеализировать происходящее в западной политической науке никак нельзя. Дифференциация и специализация политических (и других) субдисциплин чревата своими опасностями. Сколько уже написано всего о так называемой «фрагментации» социального знания на Западе, об утрате способности произвести интегральные картины общественного развития, которые только и могут оправдать существование профессионализированного социального знания в глазах общества — в отличие от глаз корпоративных, лоббистских и иных заказчиков политологической экспертизы! «Окукливание» академического политического знания, замыкание его на себя самого, *оборотной стороной* чего выступает именно его прикладная коммерциализация, в крайних формах доходящая до фундаментально антигуманного и антидемократического стремления заниматься «воздействием на сознание, чтобы превратить Васю в Петю»⁴, используя замечательное по своей ясности выражение Игоря Минтусова, — очень тревожные тенденции.

Если же присмотреться к отечественной политологии более внимательно, то можно увидеть, что состояние различных ее субдисциплин далеко не одинаково. Я уже говорил о процветании прикладной политологии. Мне кажется, она ничем существенным не уступает западным аналогам. Вообще-то мне думается, что наши политтехнологи, заставившие еще в 1996 г. огромную часть страны «проголосовать сердцем» за Бориса Ельцина, много сильнее американских, способных похвастать лишь тем, что обеспечили второй президентский срок, скажем так, не очень умственно развитому Бушу-младшему. Но ущерб, нанесенный США правлением Буша, конечно, не сопоставим с тем, что пережила Россия в годы Ельцина. А ведь это и доказывает класс наших мастеров превращать «Вась в Пети»!

Из теоретических субдисциплин более благополучной мне видится сравнительная политология. В этой области появились не только добротные отечественные книги — можно говорить даже о том, что

⁴ См.: Минтусов И. Политический консалтинг // Проектирование нового поколения гуманитарных технологий. Владивосток, 1999.

сложились или складываются целые теоретические школы! Первое, что здесь приходит на ум, — школа компаративистики МГИМО, в формировании которой особую роль сыграли Андрей Мельвиль и Михаил Ильин. Интересные направления компаративных исследований сложились также в ИМЭМО и других учреждениях. Думаю, отрядные сдвиги происходят и в теории мировой политики (если отличать ее от традиционной для нас дисциплины «международные отношения»), которые в моем представлении связываются прежде всего с деятельностью Алексея Богатурова и его коллег.

Какова причина хорошего положения именно компаративистики? Не продолжает ли здесь работать инерция советского периода, когда идеология в лучшем случае допускала обозрение того, что существует в «буржуазных теориях», создавая тем самым возможность для конвертирования накопленного таким образом знания в сравнительные исследования?

Если говорить о «стартовых условиях» становления отечественной компаративистики, то вы, вероятно, правы. Многие ее нынешние лидеры были в свое время завсегдатаями спецхранов советских библиотек. Но теоретический подъем не может быть обеспечен лишь освоением массива чужих идей, сколь полезным оно ни было бы само по себе. Для такого подъема нужен, так сказать, «вызов времени» и чуткая и даже обостренная реакция на него. Крах советского строя и то, что последовало за ним, сфокусировали внимание на том, как происходящие у нас процессы соотносятся с тем, что происходило или происходит в «большом мире» — не только у его признанных лидеров, но и у его «париев». Это была наиболее естественная реакция на наши «проклятые вопросы» о том, что с нами творится и куда мы движемся. Отечественная компаративистика в ее лучших проявлениях и оказалась такой реакцией на уровне теории. Разумеется, другим, но столь же естественным видом реакции на те же вопросы стала богато расцветшая мифология — в духе размышлений о таинствах «русской души» или геополитических, духовно-конфессиональных или иных «алгоритмах» русско-российской истории. Но все это находится за рамками политической теории, а потому вряд ли заслуживает обсуждения в нашей беседе.

Каким образом обстоят дела с развитием других форм политической теории?

С точки зрения теоретической содержательности и методологической строгости, на другом по отношению к компаративистике полюсе находятся, как ни странно, исследования российских политических институтов и процессов. Хотя по обилию выходящей литературы именно эта политологическая субдисциплина уверенно занимает первое место. Полагаю, есть много причин, объясняющих такое положение дел, конечно, если я прав в моих оценках. Обозначу лишь некоторые из них.

У отечественной компаративистики в качестве западной «референтной модели» были образцы высокой теории — от аристотелевской типологии политий до сравнительного изучения «духа законов» Монтескье и более современной классики — в стиле того же Макса Вебера, Бэррингтона Мура, Стейна Роккана и т. д. «Референтной моделью» субдисциплины «российские политические институты и процессы» (далее — РПИП), так сказать, с необходимостью стала западная (преимущественно англо-американская) «советология» и «постсоветология». Она обещала стать и богатым резервуаром методов и понятий, непосредственно отработанных для изучения российских реалий, и готовой альтернативой «марксизму-ленинизму», с которым наши политологи, многие из которых — вчерашние «научные коммунисты», так спешили расстаться.

Но беда в том, что теоретический уровень «советологии», в том числе по оценкам самих западных исследователей, никогда не был высок и уж точно был бесконечно ниже, чем уровень классики компаративной политики. Собственно, «советология» и считалась видом «area studies», а отнюдь не теоретическим направлением в строгом смысле слова. Ее интеграция — уже в виде «постсоветологии» — в дисциплину теоретической компаративистики была по большому счету поставлена уже после развала СССР и явно не решена до сих пор. Конечно, о советских и даже постсоветских институтах и процессах на Западе писали не только «советологи», но и такие мыслители первого ранга, как Ханна Арендт, Йозеф Шумпетер, Джон Дьюи, Джон Мейнард Кейнс, Герберт Маркузе, Морис Мерло-Понти, Клаус Оффе и многие другие. Но разве вошли их мысли в методологический фундамент РПИП? Пойдем дальше и спросим: сыграли ли их мысли сколько-нибудь заметную роль в развитии самой западной «советологии»-«постсоветологии»? В том-то и дело, что РПИП у нас, равно как и «советология»-«постсоветология» у них, занималась своего рода интеллектуальной антиселекцией, отбирая в качестве своих «идейных основ» второ- или даже третьесортный умственный материал. За это тоже приходится платить. Если смотреть на дело честно, то «советологии» пришлось платить за это собственным концептуальным банкротством (см. характерное признание в начале хорошей книги Адама Пжеворского «Демократия и рынок», только не в русском переводе, где эта формулировка автора выхолощена до невинности). РПИП же делает вид, что ничего страшного с его родителем или с ним самим не произошло.

Другой причиной отсталости РПИП, о которой я не буду говорить подробно, является его чрезмерная — для академической дисциплины — близость к «злобе дня». Неспособность сохранить дистанцию, нужную для критической рефлексии, приводит к тому, что РПИП слишком часто соскальзывает в журналистику, не дополняющую теоретическую работу, а подменяющую ее. А ведь есть еще и коммерческая «практическая значимость» РПИП, его перетекание в премудрости

административного управления и политического консалтинга! Ну и, конечно, нельзя умолчать о том, что наивный и даже архаично-эволюционистский вестернизм одного направления РПИП не может не иметь свой alter ego в «почвенническом» мифологизаторстве другого его направления. Несчастливая для теоретической мысли оппозиция «западничества» и «славянофильства» вновь воспроизводится в лоне РПИП.

Эти дискуссии в схожей модальности ведутся в России не первое столетие. Существует ли какой-то методологический ключ, позволяющий выйти из этого тупика?

Если так можно сказать, в принципиальном виде он уже давно найден Гегелем. Чарльз Тейлор в его отличной книге о Гегеле нашел удачное описание этого ключа: «защита права особенного» — в данном случае таким «особенным» была Германия — против псевдо- или абстрактного универсализма (французского Просвещения). Гегелевская «защита права особенного» — это не акцентировка инаковости как таковой против общего (якобы общих принципов, норм, линий развития «современных обществ»). Это — показ того, что «конкретное всеобщее» (тенденции и проблемы, сообщающие обществам свойство современности) всегда существует *в форме особенного* и в то же время «абстрактно общее», каким мнило себя французское Просвещение, само есть лишь нечто особенное в мировой истории, т. е. именно и всего лишь — *французское* Просвещение (хотя в нем тоже по-своему присутствует «конкретное всеобщее»).

Такой подход снимает зряшную и пустую оппозицию общего и особенного, какую и отражало противостояние «западничества» и «славянофильства». Первое отстаивало будто бы «общие» принципы развития, в действительности соответствовавшие всего лишь *особенному* «западноевропейскому» пути. Второе оставалось всего лишь на уровне российской инаковости, не понимая, *как* «конкретное всеобщее» современного мира может выразиться в особенной российской форме, отнюдь не тождественной «западноевропейской». При этом оба оппонента утрачивали способность постичь «конкретное всеобщее», т. е. то, что образует «суть» современного мира.

Если в принципиальном виде Гегель нашел ключ, позволяющий выйти из тупика пустой оппозиции общего и особенного, то это отнюдь не означает, что мы, живя в качественно ином, по сравнению с его, историческом мире, можем избавить себя от теоретического труда и пользоваться его формулами как отмычкой к *нашим* проблемам. Мы имеем дело с содержательно иным «конкретным всеобщим», которое *подавляется* иным «абстрактным общим» (давайте условно обозначим его заимствованным у Майкла Хардта и Антонио Негри термином «Империя»), и потому «защита права особенного» может осуществляться только так, как полагали Гегель и немецкие романтики в канун и после наполеоновских войн. К тому же и содержание

особенного требует переосмысления — хотя бы для того, чтобы не смешивать его с какой-нибудь версией фундаментализма или агрессивного провинциализма.

Каким образом можно охарактеризовать состояние нашей политической философии?

Давайте прежде всего уточним, какими критериями мы будем пользоваться в наших характеристиках и оценках ее состояния. Думаю, такие критерии вытекают из основных задач, которые стоят перед ней на данном этапе ее становления в России. Каковы эти задачи? На мой взгляд, можно выделить три таких задачи. Первая: утверждение политфилософии как специфического способа видения мира политики, мира коллективных исторических дел людей, способа, который не сводится к приложению «общей философии» к сфере политики (таким приложением мыслит себя философия политики) и не тождественного общетеоретическим основаниям политического знания вообще, как обычно представляет себе политфилософию наша школьная премудрость. Вторая: профессионализация политфилософского мышления, его отделение от того, что можно назвать философской эссеистикой о политике. Третья: формирование политфилософии в России именно как русской или российской политфилософии, т. е. обретение ею своего культурного лица — при всем возможном идеологическом, парадигмальном, концептуально-методологическом плюрализме, обеспечивающем жизнеспособность любой дисциплины. Полагаю, нынешнее состояние политфилософии в России нужно характеризовать и оценивать в соответствии с тем, насколько удалось и удастся продвинуться на каждом из этих направлений. Кратко остановлюсь на этом.

Становление политфилософии в указанном смысле по существу совпадает с утверждением «постметафизического», постэссенциалистского мышления о политике, т. е. с представлением о том, что политика есть та реальность событий и действий людей, которая не является эманацией или развертыванием «глубинных» или трансцендентных сущностей, что бы под ними ни понималось — платоновские эйдосы, провиденциальные планы, константы «человеческой природы», законы стадийной эволюции и т. д. Конечно, политические события и действия происходят в рамках и под влиянием неполитических структур человеческого существования разного происхождения (что всегда должно учитываться) и, кроме того, эти события и действия «коагулируют» в устойчивые, иногда обладающие большой инерцией сочетания (Вебер называл их «констелляциями»), которые приобретают «законсообразную» форму и даже выглядят подобно явлениям природы. Тем не менее, если я могу воспользоваться формулировкой Ницше, политфилософия стоит на отказе от «удвоения мира» (на сущности и явления) и по существу видит политику как «единый мир» практики.

Не могу сейчас подробнее останавливаться на описании специфики оптики политфилософии (я излагал мое понимание ее в ранее опубликованных работах⁵), но отмечу, что утверждение политфилософии как особого способа восприятия и познания политического мира происходит у нас с огромным трудом. Ситуация в значительной степени — с точки зрения политфилософии — парадоксальна. Отнюдь нельзя сказать, что «постметафизическое» мышление — в разных его типах! — не проникло в Россию или не привилось в ней. Более того, через активное освоение идей Ницше и Хайдеггера, Фуко и Делеза, Хабермаса и Арендт, Рорти и Деррида и т. д. оно завоевало довольно прочные позиции в определенных сегментах отечественного философско-теоретического дискурса. К сожалению, в этих сегментах в фокусе внимания оказываются эстетика и теория культуры, лингвистика и история философии, «критика эпистемологии» и т. д., но отнюдь не политика. В результате прививка «постметафизического» мышления российской культуре почти не затронула отечественную политическую теорию — разве что за исключением более прямого влияния на нее идей Карла Шмитта и Пьера Бурдьё, опосредованного работами их российских адептов и критиков. Эссенциалистская философия политики как в консервативных, так и более либеральных ее версиях (см. соответствующие очень репрезентативные книги Э.А. Позднякова и К.С. Гаджиева) продолжает неоспоримо доминировать над слабыми ростками отечественной политфилософии, особенно на уровне вузовских программ.

Вторая задача — профессионализация политической философии. Думаю, есть два момента, делающих решение этой задачи затруднительным. Первый — отечественная традиция политического мышления, второй — наследие советского периода. Что касается первого, то позволю себе явно непопулярное замечание: Россия произвела великую художественную литературу, музыку, театр, глубокую религиозную мысль и т. д., но я не знаю великой российской политической философии, во всяком случае — сопоставимой с той, которую дали Германия, Англия, Франция, в отдельные периоды своей истории Италия... Некоторые наши мыслители делали глубокие и оригинальные политические умозаключения, были проницательными и чуткими политическими наблюдателями, но лучшие явления такого рода можно найти скорее в их эссе, мемуарах, путевых заметках или романах, чем в политических трактатах. Становление собственно академической политической теории во второй половине XIX — начале XX вв. действительно дало основательные систематические труды (вспомним Чичерина, Новгородцева и др.). Но, с одной стороны, они все же были вторичны по отношению к западным «первоисточникам» (пожалуй, единственное исключение — Моисей Острогорский, впрочем, полностью погруженный

⁵ См.: Капустин Б.Г. Что такое политическая философия? // Полис. 1996. № 6; 1997. № 1–2.

в западный культурно-политический контекст), а с другой — не они определяли лицо русской политической мысли, не они выступали ее самыми влиятельными явлениями. В любом случае эта традиция академической политической теории была прервана при советской власти, поставившей на ее место несший хоть какой-то отпечаток мысли Маркса «исторический материализм» и совсем интеллектуально беспомощный «научный коммунизм».

Учитывая это наследие, что можно и нужно сделать для профессионализации политической философии?

Думаю, нам, я имею в виду прежде всего мое поколение, нужно сыграть ту же роль, какую сыграли в XVIII в. русские просветители. Мы должны в меру наших сил обеспечить для нового поколения тот «гумус» знаний о мировой политической философии и технологий исследовательской работы, на котором позднее произрастут «пушкины» нашей профессии. Честно говоря, добротный, систематизированный учебник, дающий хороший аналитический обзор поля мировой политической философии — вроде того, какой недавно написала Татьяна Алексеева⁶, — мне сейчас кажется важнее для подъема отечественной политической философии, чем претендующая на оригинальность монография, хотя понятно, что авторские амбиции побуждают писать именно монографии. Я немного боюсь оригинальности, исходящей от самоучек, коими — в силу обстоятельств — являются очень многие, включая и меня, в моем поколении политических философов. Это во все не означает, что я против креативности или что моим идеалом является педагог-начетчик. Я хочу сказать лишь то, что избавление от мегаломании необходимо для того, чтобы осознавать первостепенность просветительской миссии на этом этапе становления отечественной политической философии. Мне кажется, на этом втором направлении ее развития продвижение более ощутимо, чем на первом, хотя о реальных его плодах можно будет судить лишь через некоторое время. Более того, продвижение на этом направлении отчасти компенсирует отставание на первом. Да, в общем потоке выходящей литературы или в структуре ГОСТов по политологии политфилософия не очень заметна, зато в ряде вузов (МГИМО, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Московская высшая школа социальных и экономических наук и др.) ее уже начали систематически практиковать.

Третья задача — превращение политфилософии в России в российскую политфилософию. Для такого превращения недостаточно того просвещения, о котором я говорил выше, равно как и того, чтобы политфилософией занимались россияне и применяли они ее к каким-то российским проблемам. Нужно, чтобы исследование специфических

⁶ См.: Алексеева Т.А. и др. Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2001. — Прим. ред.

российских проблем обогащало значимое для всего мира знание о том «конкретном всеобщем», о котором я говорил, отвечая на один из ваших предыдущих вопросов. В том же смысле, в каком фокусировка на бедах маленьких городов-государств ренессансной Италии позволила Макиавелли перевернуть господствовавшие дотоле в Европе представления о политике или Гегелю и Марксу, объясняя неустройства провинциальной тогда Германии, выработать качественно новые образцы политического мышления. Превращение политфилософии в России в российскую политфилософию есть знак достижения ею высокой степени зрелости и полноценного приобщения ее к мировой политфилософии. Хочется верить в то, что то просвещение, которым мы занимаемся сейчас, внесет свою лепту в достижение отечественной политической философией такого состояния в будущем.

Какие еще заметные явления можно отметить в области российской политической науки?

Если завершать нашу беседу на мажорной ноте, то отмечу два явления. Первое — набирающее темпы формирование профессионального сообщества политологов. Я не верю, что в современном мире наука может быть делом изолированных одиночек, сколь бы одаренными они ни были. Складывающееся сообщество — это и есть, так сказать, дискурсивно-организационное пространство существования политической науки. Пусть РАПН, которая играет ключевую роль в этом процессе, максимально сопутствует удача!

Второе непосредственно относится к политической философии. В течение нескольких лет я вместе с Татьяной Алексеевой координировал работу виртуальной мастерской по политической философии при журнале «Полис»⁷. Там было много всяческих проблем, но в целом этот опыт заставляет меня более оптимистически оценивать перспективы политической философии в России, чем это было бы возможно на базе отстраненного и «холодного» анализа ее текущего состояния. Дело не только и даже не столько в том, что в рамках этой мастерской я увидел немало людей, способных совершенно профессионально работать в области политфилософии. Важнее то, что эти люди представляли разные регионы России, а значит, «очаги» ее развития отнюдь не сводятся к нескольким точкам в Москве и Санкт-Петербурге. Пожалуй, еще важнее то, что в числе этих людей были и те, кто принадлежит к следующему за мной поколению — поколению Бориса Межуева, Михаила Ремизова, Артема Магуна, Александра Бикбова, Марии Дегтяревой, если упомянуть тех из них, кто уже приобрел немалую известность и имел отношение к нашей виртуальной мастерской. Эти люди не просто просвещены — в том смысле, в каком я рассуждал о просвещении ранее, они начали творчески мыслить, и качество их образования

⁷ См.: [<http://www.politstudies.ru/>]. — *Прим. ред.*

72 Мыслящая Россия
II. Политика

таково, что их оригинальность не внушает мне тех опасений, какие нередко внушала оригинальность политических теоретиков моего поколения. Может быть, российская политическая философия сложится скорее, чем я склонен думать, предаваясь отвлеченным размышлениям на эту тему?

Другими словами, речь идет, по сути, о первом поколении, период профессионализации которого пришелся на постсоветский период?

Да, именно так. Но к этому я бы добавил еще один момент. Эти люди, как мне представляется, прошли искушение нашего в целом по-прежнему «винегретного» и во многом коммерциализированного обществоведения и не поддались ему. Хочется верить, что это — свидетельство не только их теоретического вкуса, что важно само по себе, но и определенной нравственной стойкости. В нынешних условиях, не обладая ей, вряд ли можно «делать» большую теорию.

Беседовал Виталий Куренной

Руслан Хестанов

ВНЕШТАТНЫЙ АГЕНТ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Процесс интеграции в структуры власти института экспертного знания можно описать как рационализацию власти и ее политических практик. Популярное воззрение изображает этот процесс как неуклонное сближение двух относительно автономных сфер компетенции и ответственности — Истины и Власти, Академии и Левиафана. Усложнение и специализация задач власти будто бы естественным образом приводит к росту спроса на чистое знание, а потому фигура советника, консультанта или эксперта становится все более нужной и привычной рядом с властью предержащей. Простая схема, укладывающаяся в различение персонажей диалога двух автономных существ: у государя есть вопрос — мудрец формулирует ответ.

Степень правдоподобия этой популярной схемы можно проверить двояким образом. Во-первых, опознать главные потребности и мотивы, которые оформляют запрос власти к интеллектуалам. Во-вторых, попытаться верифицировать предложенные в качестве объяснения мотивы, обратившись к какой-нибудь эмблематичной для российского экспертного сообщества фигуре. Благо, такая неоспоримо выдающаяся фигура есть: Глеб Олегович Павловский, непотопляемый политический консультант нынешней президентской администрации, успевший послужить в качестве близкого Кремлю советника предыдущему президенту.

Отчуждение ответственности

В своем фундаментальном исследовании «Хозяйство и общество»¹ в главе «Коллегиальность и разделение властей» Макс Вебер дает описание функционирования института экспертов. При этом он, однако, никоим образом не выводит его из отношения власти с автономным кругом публичных или академических интеллектуалов. Экспертиза для Вебера уже интегрирована в структуры организованной политической власти и внутри нее исполняет совершенно определенные функции. Эксперт является, по сути, одним из проявлений и частным случаем коллегиальной формы организации политической власти.

Прототипом особых форм коллегиальности, связанных с экспертным знанием, Вебер считает разнообразные формы государственных

¹ Weber M. *Economie et société*. Les catégories de la sociologie. Vol. I. P. 355–368.

советов. В той или иной форме такие советы широко использовались разными монархическими политическими режимами, тиранами и монархами. Но особый спрос на «советничество» возник в эпоху развития конституционных режимов власти. Коллегиальные органы советов имели большие полномочия и широко использовались монархами и государями — особенно в тех случаях, когда им требовалось опереться на «совет» в игре против правящего кабинета (лидеров партий).

Как правило, совету доверяется подготовка и оценка специальных вопросов. Причем рассмотрение одного и того же дела обычно распределяется между разными экспертами, а окончательное решение зависит от голосования участников в полном составе. Решения внутри советов принимаются коллегиальным или совещательным образом, путем голосования. И обычно голосование играет на руку власть держащей.

Зачастую коллегиальные органы экспертов не имели никакого правового статуса, располагая лишь статусом символическим. При монархических режимах в качестве советников привлекали чаще всего тех, кого отличала либо харизма, либо почтенная родословная. Значительно позже за советниками закрепилось название «технических министров».

Только в эпоху Просвещения, когда академия и университет приобрели значительный вес, развился особый навык конвертации символического капитала Истины в капитал Власти. Создаваемые новые коллегиальные органы экспертов противостояли сложившейся традиционной коллегиальности «старейшин», совещание с которыми служило гарантией того, что реформаторские усилия власти будут соответствовать традиции, что традиция будет предохранена от враждебных ей предписаний.

В настоящее время эта система имеет множество модификаций, но при этом успешно действует. Например, в Германии широко используется делегирование ответственности внепарламентским экспертным сообществам. Эта тенденция особенно усилилась при Герхарде Шредере: в 2001 г. в Германии насчитывалось около сотни подобных экспертных комиссий. Немецкая политическая социология, описывая этот процесс как *аутсорсинг*, называет его одним из проявлений деполитизации². Суть же этого феномена заключается в том, что формулирование той или иной политики доверяется не высшему политическому руководству, не парламентариям, не высокопоставленным чиновникам, а экспертам и консультантам, «внештатным агентам» политической власти.

Аналогичную (хотя и не идентичную) «экспертную площадку» пытается отстроить и нынешняя кремлевская администрация. Так

² Sommermann Karl-Peter. Gremienwesen und Staatliche Gemeinwohlverantwortung. Berlin, Duncker und Humblot, 2001.

называемая «Общественная палата», о создании которой объявил президент Путин сразу после террористической атаки на Беслан, сначала была задумана как корпоративный, экспертный коллегиальный орган. Его предполагалось формировать как институцию, репрезентирующую традиционно-охранительные интересы гражданских корпораций. Вот как характеризует ее Глеб Павловский в своем интервью «Русскому журналу» от 27 сентября 2004 г.: «Речь идет об определенной институции, состав которой не избирается, а кооптируется по известной, открытой процедуре от разных гражданских корпораций — профсоюзов, экологических и правозащитных групп, этнокультурных групп. Создается коллективная экспертная инстанция, олицетворяющая в некотором смысле независимую компетентность... Это совет как бы профессионалов экспертов»³. Таким образом, в этом чудном представительном форуме корпораций Павловский признает еще и «экспертную инстанцию». Именно это ее качество здесь особо подчеркивается. И когда он мимоходом упоминает о том, что в Общественную палату «парламент может отправлять законопроекты в каких-то регламентируемых случаях», становится понятно, что этот экспертный орган создан именно в качестве клапана, перераспределяющего ответственность за принятие решений.

Данный шаг как раз и может быть описан как процесс рационализации власти в веберовском смысле перераспределения ответственности: «...коллегиальность всегда представляет собой разделение ответственности, [когда. — Р.Х.] в рамках самых широких комиссий ответственность совершенно исчезает»⁴. Привлекаемый в Общественную палату символический капитал специального или академического знания будет использоваться в качестве своеобразного камуфляжа процесса рассеяния ответственности власти.

Но если в России Общественная палата одновременно является имитацией как представительного органа (из нужды в санкции «традиционных» корпораций), так и экспертного института, то в Германии внепарламентские комиссии чаще апеллируют к сциентистскому канону. Правда, и в Германии состав экспертных комиссий, как правило, «укомплектован» представителями академии лишь на 15 %, максимум на 35 %. Наибольшее представительство имеют практикующие экономисты или бизнесмены, которых разбавляет небольшое число репрезентантов гражданского общества. Однако самое примечательное состоит в том, что именно комиссии должны формулировать политику по самым взрывоопасным и горячим вопросам вроде иммиграции или рынка труда.

³ Цитируемые тексты и интервью Г. Павловского можно найти на сайте «Русского журнала» [http://www.russ.ru/users/pavlovsk].

⁴ Weber M. Op. cit. P. 358.

Статский советник Павловский

В принципе, описанное рассеяние ответственности можно было понять как разложение монократии, как прогресс технического разделения властей при сведении к минимуму господства политического центра. Вопрос, однако, состоит в том, какая именно ответственность выводится за пределы центральных властных структур.

За двадцать с лишним дней до ареста главы ЮКОСа Михаила Ходорковского, 2 сентября 2003 г., Глеб Павловский, руководитель Фонда эффективной политики (ФЭП) и политический консультант Администрации Президента России, на страницах своего интернет-издания публикует сенсационный документ, написанный в жанре служебной записки: «О негативных последствиях «летнего наступления» оппозиционного курсу Президента РФ меньшинства». Однако незадолго до записки Павловского в прессе появился другой документ — манифест о «заговоре олигархов» (Станислав Белковский, Иосиф Дискин), который был назван в записке Павловского идеологическим манифестом, отражавшим базовую идею Сергея Пугачева «о построении государственно-ориентированного капитализма». Перед самым арестом олигарха, перед наступлением критического момента в информационной игре, когда президента предстояло прикрыть от неизбежного шквала критики — Павловский публикует свою «служебную записку», в которой разоблачалась закулисная политическая активность некоей «Группы» — С. Пугачева — И. Сечина — В. Иванова. Все они поименно были перечислены в публикации, хотя и не только они. Им вменялась организация мощной экономической базы (Межпромбанк, Роснефть, отчасти Газпром) и создание теневой политической коалиции между силовыми структурами ФСБ, руководством Русской православной церкви — коалиции, направленной на «коррекцию политического и экономического курса развития страны, осуществляемого Президентом и Правительством».

Помимо эгоистических экономических и политических мотивов, которыми руководствовалась «Группа», записка шантажировала общественность угрозой формирования «левопопулистской идеологической платформы власти» с сильным креном в православие. «Группа» обвинялась Павловским в распространении в публичных выступлениях мнения о «слабости Путина», о его «непоследовательности и недостаточной решительности», о «превращении в Горбачева». Тем самым «служебная записка» решительно принимала сторону президента и квалифицировала действия «Группы» как «находящиеся за гранью приемлемой борьбы мнений», фактически обвиняя ее — ни больше ни меньше — в перевороте: «Речь идет о формировании параллельного центра власти с перетеканием к нему части полномочий и государственных функций, с последующим превращением данного центра в основной... Президент утратит свободу маневра и станет заложником политики Группы».

Однако самое интересное — финал записки. Несмотря на тяжелые по сути обвинения членов «Группы» в «ползучем перевороте», Павловский рекомендует всего-навсего: «...простым выходом из сложившейся ситуации кажется возвращение ответственных сотрудников Администрации к выполнению своих прямых обязанностей, при дистанцировании от сомнительных связей и олигархического прожектёрства». В свете последующих событий этот финал не только разоблачает игру, но и передает рискованный характер участия в инициированной информационной операции прикрытия президента. Ведь участники подобных операций далеко не всегда могут обладать полной картиной и знать о смысле отведенной им роли.

Важно напомнить, что президент Владимир Путин категорически отрицал какую бы то ни было причастность к инициированию уголовного дела против Ходорковского. Он не раз заявлял о своем нежелании вмешиваться в дело, которое находится в компетенции органов правопорядка. Столь же часто он выражал свое полное доверие компетентным следственным органам.

Столь решительная расправа с самым видным и энергичным представителем российской олигархии, естественно, затронула интересы многих политических сил как в России, так и за рубежом. Если бы арест Ходорковского напрямую ассоциировался с Владимиром Путиным, то появились бы все основания говорить о резкой перемене курса реформ. Вероятной реакцией могла бы стать внешнеполитическая изоляция, утечка капиталов в офшоры, а также целый ряд проблем и ограничений во внутренней политике. Фигуру президента следовало срочно выводить из рискованной зоны ответственности. И появление антиолигархического манифеста Белковского, и появление записки Павловского свидетельствуют о том, что об информационном обеспечении операции позаботились задолго до ареста М. Ходорковского. И хотя неизвестны подлинные кукловоды, степень продуманности и спонтанности осуществления самой операции, определенно можно сказать, что члены экспертного сообщества были эффективно инструментализированы для рассеяния ответственности «первого лица».

Поскольку скандал вокруг ареста должен был длиться какое-то время, постольку нужно было предусмотреть возможность продолжения игры. Сергей Пугачев подал на Глеба Павловского иск, в котором требовал публичных извинений и возмещения морального ущерба. Павловский на иск откликнулся 17 октября того же года небольшой заметкой «Заговор экспертов и журналистов против сенатора и человека», где патетически заявил: «Поскольку прецедент олигархического правления в 90-е гг. считается общепризнанным, эксперты будут внимательно следить за риском «второй олигархии» в Кремле и предупреждать власть и страну об этом».

Суд, рассмотревший иск уже после ареста, завершился символическим для ФЭПа штрафом в один миллион рублей⁵. Глеб Павловский и сегодня, несмотря на выдвинутые тяжкие обвинения представителю президентской администрации и сенатору, продолжает работать политическим консультантом Администрации Президента России. А «Группа», видимо, приступила к выполнению своих «прямых обязанностей» в соответствии с рекомендациями «записки». Однако в итоге удалось эффективным образом распределить ответственность за арест М. Ходорковского между членами всей президентской команды, что ее, безусловно, консолидировало. Символический статус президента как гаранта Конституции был сохранен, а тезис известного немецкого социолога Никласа Лумана о том, что «именно власть имущему, хочет он того или нет, приписываются... все успехи и неудачи...»⁶ — опровергнут.

Электоральная демократия

Приведенный пример свидетельствует не столько о присутствии «русской власти» цинизме и имморализме, сколько о том, что институт политической экспертизы и консалтинга превратился в важнейшую часть современного политического управления. В ином национальном контексте подобного рода операции разрабатываются исходя из иных информационных и организационных ресурсов, на основе другой массовой политической мифологии и пр.

Как ни странно, именно развитие демократических электоральных практик стимулировало внешнее дистанцирование правительственного истеблишмента от экспертного сообщества. Для политиков сегодня важно делать отличие между голосами избирателей (или разными формами плебисцита), позицией в государственном учреждении и конкретными политическими практиками. Профессионализация политики привела к тому, что приоритетом для них стало завоевание позиции в учреждении благодаря голосам избирателей, в то время как риск формулировки политических решений, особенно заведомо непопулярных, и ответственность за последствия они стремятся вывести из сферы своей компетенции.

Стремление удержать высокий рейтинг вплоть до следующих выборов накладывает на политическое руководство целый ряд ограничений: правовых, временных, организационных. Иногда целый ряд

⁵ Практически без тяжких для Павловского последствий завершился суд после другой информационной спецоперации: анонимного предупреждения Павловского о государственном перевороте в статье «Версия № 1» (Общая газета. 1994. 19 марта). Тогда был разыгран аналогичный сценарий «ползучего переворота», который

приписывался группе Куликова — Селезнева — Черномырдина — Березовского. Главной целью «заговорщиков», как утверждал тогда Павловский, было устранение Анатолия Чубайса.

⁶ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 35.

важнейших политических шагов требует большей гибкости, чем позволяют существующие формальные правовые ограничения. Причиной может быть, например, нехватка компетентных кадров в правовых учреждениях. Или же финансовые затруднения. Кроме того, чтобы сохранять видимость диалога с широкими слоями электората, крайне трудно, а иногда и невозможно озвучить целый ряд политических позиций. Особенно если речь идет о реформах непопулярных (приватизации, рационализации льгот, ЖКХ и пр.). Эти позиции могут быть озвучены экспертами как «внештатными агентами» правительства. Наконец, важна скорость и опасна синхронизация целого ряда мероприятий, которые могут быть восприняты общественностью, национальной или зарубежной, как противоречивые сигналы. Например, кампания подчинения олигархов государственным интересам и «дисциплине», с одной стороны, и, с другой стороны, кампания по привлечению зарубежных инвестиций, гарантирующая верховенство закона и экономическую прозрачность.

Короче говоря, политическое управление складывается из множества противоречивых политических практик, учитывающих интересы внешние, внутренние, хозяйственные, территориальные и федеративные, традиционные и инновационные. Объективная противоречивость задач требует делегирования целого ряда функций или «отчуждения» рисков «внешним» по отношению к правительству учреждениям-сателлитам. И поскольку профессиональные политики ориентированы не столько на политическую мечту о желательном состоянии общества, сколько на собственные политические интересы и должности, постольку для них большую важность представляет искусство государственного управления, а не политические идеалы. При этом, чтобы сохранить контроль над настроениями электората, политическая власть должна наладить контроль за производством Истины, что гарантируется той или иной формой зависимости экспертных клубов и учреждений: «Финансируются не истины, а организации, которые более или менее успешно развивают методы изыскания и установления истины или лжи»⁷.

Растущее число учреждений консалтинга и экспертизы — это не только сфера потенциальных рекрутов «внештатных агентов» правительства, но и незаменимая для политических элит инстанция делегирования собственной ответственности. Государь должен был всегда иметь рядом Ответственного, которым по умолчанию, а иногда и по закону ни в коем случае не мог являться сам государь. Архаическая патримониальная власть, как власть «организованная и полномочная», всегда придавала большое значение различению между «бюро» и «домом» (членами семьи), между административными средствами и частным наследием. Отличая руководство публичными функционерами и

⁷ Луман Н. Указ. соч. С. 158.

функционерами, так сказать, частными, власть образовывала свою внутреннюю, скрытую сторону и сторону внешнюю, публичную. Современная власть, основой которой является тот или иной режим электронной демократии, стремится скрыть непопулярную сторону своей деятельности посредством аутсорсинга, рекрутирования «внештатных агентов» влияния и ответственности, а популярным и символическим функциям придать статус публичности.

Как условная независимость экспертов и консультантов, так и насущная потребность политического истеблишмента в услугах квазивнештатной экспертизы говорят не только о том, что политический организм государства не является строго очерченной структурой, но также о том, в каком направлении эволюционируют политические практики, конвертирующие капитал Истины в капитал Власти, и наоборот.

«Сила — в конфликте»

Политический гений Глеба Павловского проявился не в его пресловутом монструозном цинизме, которым разве что детей еще не пугают, а в том, что ему удалось создать и передать в руки российской политической власти некое отечественное ноу-хау по инструментализации кризисов — механизм интеграции кризисов в само властное планирование.

Главное правило — в любой ситуации кризиса прикрывать от огня критики первое лицо. Успешному употреблению этого правила первые три года правления Владимира Путина результативно служил образ президента как лица исключительного, занимающего трансцендентное и внешнее положение по отношению ко всему корпусу государственных учреждений, корпорации чиновников и законодателей. Путин, который не сливается с государством, а располагается вне его. «Одиночество Путина» — мотив Павловского, который на разные лады распевался отечественной прессой. И ни коррумпированность аппарата, ни затянувшаяся война в Чечне, ни внешнеполитические трудности и неудачи, ни гибель «Курска», ни серии кровавых терактов, ни арест Ходорковского — ничто не могло замарать репутацию президента.

Чем обосновывалось такое не-мирское положение президента? Насилием, которое было основанием власти средневекового князя? Традицией? Договорными отношениями с чиновниками и олигархами или сообщничеством? Ничем. Только имиджем. С какой целью? Оградить президента от реакции на непопулярные реформы.

Спустя три года у Павловского появляется совершенно иной мотив «демократического принцепса»: «Путин родился из демократического взрыва, взрыва общественного доверия... Как общественный лидер, Путин — «демократический принцепс». Выйдя за конституционные пределы, его принципат потеряет свою легитимность, а тем самым

81 Руслан Хестанов

ВНЕШТАТНЫЙ АГЕНТ ПРАВИТЕЛЬСТВА

и свое доминирование. <...> В страну возвращается политика, которую мы — и я один из тех, кто в этом участвовал, — последние три года старались подморозить, ограничивая Кремлем. В этом состояла задача, и она была решена... Для этого была построена медиамашинка популярности, машинка, производящая популярность как смазку проведения непопулярных реформ... Цена — деполитизация элит»⁸. Совсем недавно, уже в августе 2005 г., Павловский подтвердил фиктивность и рукотворность «одиначества Путина»: «Я оставляю в стороне вопрос, правильно или неправильно было делать пиар-акцент на уникальности фигуры Путина и его изначальной выделенности из всего политического поля, — то, что обычно называют «безальтернативностью». Я утверждаю, что «Путин-одиночка» — это имиджевая фикция, а не политическая данность».

Дело конечно же не в деполитизации элит, как Павловский оценил цену вопроса в 2003 г., и не в том, что через три года вдруг стало ясно: насколько положение президента внешне и трансцендентно, настолько оно и хрупко. Несмотря на то что миф о трансцендентности президента по отношению к коррумпированной бюрократии, дистанцированности его от олигархов легко обращался в очевидное свидетельство пассивности президента или, еще хуже, удаленности от народных масс, жизнеспособность этого мифа вполне можно было поддерживать до конца президентских полномочий. Но появилась новая задача — обеспечить гладкую передачу власти «Преемнику-2008». Образ исключительного президента — «непосильная ноша для преемника»: «Скажу резче: *политик, позиционированный как «преемник Путина», начинает игру — и проигрывает ее претенденту*. Едва ли стоит рассчитывать на то, что команда Путина выберет проигрышную стратегию. Она не будет готовить избирательную кампанию на базе имиджевой стратегии прошедшего президентства. Она будет опираться на новую политическую реальность, на новый политический потенциал»⁹.

Какой же быть новой политической реальности? Судя по последним акциям, исходящим от различных «внештатных правительственных агентов», их образ будущего определяется тем, что можно назвать «украинским синдромом». Он опирается на определенное представление об источнике опасности и враждебности: «Сложился компактный и эффективно действующий международный и межпартийный комплекс, который в Москве охватывает несколько партий оппозиции, от Лимонова до «Яблока», за рубежом включает несколько неправительственных организаций, неправительственных центров и центров олигархических, связанных с Березовским и ЮКОСом. Этот центр имеет очень хорошо развитый лоббистский инструментарий в

⁸ Павловский Г. Путин — демократический принцип // Выступление на заседании клуба «Открытый форум» 29 октября 2003 г.

⁹ Павловский Г. К планированию избирательного цикла 2007–2015. 29 августа 2005 г.

Соединенных Штатах и Европе...»¹⁰ И хотя Павловский называет эту проблему периферийной для нового политического сезона — «она скорее полицейская, чем политическая», но, видимо, именно педалирование угрозы «революционного кризиса» может быть использовано для энергетической подпитки усилий по творческому созиданию новой «политической реальности» и «нового политического потенциала».

Одним из направлений, которое нынешняя политическая власть не сможет осуществить без усилий экспертов, является стремление уничтожить монополию оппозиции на социальные конфликты: «Считают, что социальные конфликты — это монополия оппозиции, а не (своеобразный) ресурс власти. И потенциал противоречий, вплоть до уличных форм, почему-то оставляют в монополии оппозиции. Но это не так... Последние митинги и демонстрации в поддержку реформы льгот, возникновение новых молодежных проектов ведет к приземлению политического режима. К расширению инструментов массовой сопротивляемости. К отвоеванию для Путина массового антикризисного маневра»¹¹. Павловский формулирует задачу «внештатных агентов правительства» по завоеванию улицы и организации массового молодежного движения в духе тех рекомендаций, которые некогда давал Курцио Малапарте в книге «Техника государственного переворота»¹². Малапарте объяснял слабость либеральных политиков в защите государства от революции их боязнью прибегнуть к помощи улицы. Он рекомендовал не бояться использования даже таких крайних акций, как всеобщая забастовка: «Искусство защиты современного государства основано на тех же принципах, что и искусство его захвата. Троцкому следует противопоставить Троцкого. Классических полицейских мер уже недостаточно для обеспечения безопасности современного государства. Проблема захвата и защиты современного государства — это не вопрос политики, а вопрос техники».

Вторым направлением работы «внештатников» может стать строительство партийной системы при дискретном руководстве сотрудников президентской администрации: «Есть Вячеслав Сурков, который как раз занят тем, что разрабатывает и моделирует некую штуку, при которой появятся некие партии, которые будут конкурировать друг с другом. Для этого делается семипроцентный барьер, чтобы они были крупными. Для этого, возможно, «Единую Россию» разделят на две части, и одну часть натравят на другую, и будут кормить из Кремля»¹³. Вкупе с усилиями по запуску механизма Общественной палаты данный проект партийного строительства должен развить и открыть новые политические возможности коллегиального аутсорсинга.

¹⁰ Павловский Г. Новый порядок слов. 14 сентября 2005 г. ¹² См.: [http://www.notez.ru/ebooks/2005/09/05/texnika_gos_perevorota/].

¹¹ Павловский Г. Новый порядок слов. 14 сентября 2005 г. ¹³ Леонтьев М. Круглый стол 18 февраля 2005 г. // Главная Тема. 2005. Февраль — Март. С. 31.

Трудно предвидеть, насколько плодотворными могут оказаться усилия по выделенным направлениям деятельности внештатной работы. Так же, как трудно представить полный список возможных направлений. Как сказал после украинского провала Глеб Павловский: «Можно работать на ту или на иную ситуацию, но сознавая, что та не застрахована. Я всегда исхожу из этого. Многие исходят из «догмы контроля» — возможности проекта тотального контроля за реальностью. Это самообман»¹⁴.

Разумеется, аутсорсинг, как институт «внештатных агентов правительства» или экспертов, не наделяет власть механизмом тотального контроля. Однако развитие этого института свидетельствует о тех изменениях, которые претерпевает современная политическая власть благодаря развитию изощренного и гибкого инструментария для контроля над обществом. Государство — это уже не совокупность бюрократических сущностей, а набор оперативных квазиавтономных механизмов. Некогда изобретенные Внештатным Агентом, воспроизводимые в рутинных практиках государства, эти технологии становятся устойчивой привычкой, т. е. превращаются в один из институтов политического контроля.

Труд внештатных консультантов и экспертов остается востребованным, поскольку имеет очевидное преимущество: их активность позволяет вывести даже непопулярную политику из-под надзора электората. Кроме того, в процессе медийного взаимодействия с общественностью некая политическая акция может быть апробирована и уточнена, а самые непопулярные ее элементы отбракованы без риска для ответственных политических лидеров. По всей видимости, российская государственность, развивающаяся по пути электоральной демократии, вырабатывая свой собственный политический стиль, воспроизведет типичный для современных либеральных государств политический ландшафт: в выработке и формулировке политических практик экспертные комиссии и центры все больше будут замещать некогда прямые функции парламентов и публичных институтов государства.

¹⁴ Павловский Г. К планированию избирательного цикла 2007–2015. 29 августа 2005 г.

Борис Макаренко, Алексей Макаркин

ЛИБЕРАЛЫ

Структура интеллектуального поля

Определить границы «либерального сегмента» экспертного сообщества невозможно, не определив понятие либерализма вообще и истории его «прихода» в российскую общественную мысль в частности. В узком смысле «либерализм» — это одна из трех «больших идеологий» (наряду с консерватизмом и социализмом). В широком смысле «либерализм» — метаидеология, определяющая весь уклад либеральной демократии Запада, от которой на определенном историческом этапе (после Французской революции) отпочковался консерватизм и к которой постепенно «придрейфовала» и социал-демократия. Именно либерализм составляет фундамент расширяющейся зоны консенсуса между тремя этими идеологиями, равно как и их многочисленных конвергенций и гибридов. Как и остальные две идеологии, либерализм имеет множество школ и оттенков, которые нецелесообразно рассматривать в контексте данной статьи.

Все три западные «большие идеологии» были чуждыми для советской общественно-политической среды, однако эта «чужеродность» была разной по характеру. После завершения советского периода либерализм мог ложиться на «чистое поле» в том смысле, что эта идеология носит универсалистский характер, и внедрять его принципы приходилось практически с нуля. Консерватизм имеет одной из своих основ «охранительное начало», защиту сложившихся государственных и общественных институтов. «Охранительства» в российской мысли было много, но это было не привычное охранительство устоявшихся отношений частной собственности и построенных на ней социальных интересов: таковых поначалу просто не было, и до сих пор они не устоялись. Поэтому из консерватизма видимое развитие получила только одна его вариация — либертарианство в духе Ф. Хайека или М. Тэтчер («гайдаровские мальчишки»), ставящее во главу угла максимизацию индивидуальной свободы в экономической сфере. Эту школу, кстати сказать, зачастую неправильно относят к либерализму, тогда как на самом деле она является неоконсервативной. К консерватизму подходят и те либеральные эксперты, которые близки к крупному национальному капиталу, так называемым «олигархам», — у этого слоя уже появилось «что консервировать».

Однако и либерализм, и консерватизм по крайней мере подразумевали создание в постсоветской России нового общественного уклада. В отличие от них социализм в российской общественной мысли

в подавляющем большинстве случаев строился методом «вычитания из коммунизма» наиболее одиозных его черт во имя сохранения значительной части советского наследия (госсобственности, госрегулирования, уравнительного распределения) и лишь во вторую очередь — путем заимствования современных наработок западных социалистов. Если либерализм и консерватизм можно упрекнуть в недостаточном учете российских реалий и доминировании заимствованных идей, то социализм — в чрезмерном акценте на сохранение старого уклада и недостаточной модернизационности. В этом смысле именно социализм являлся в России прошедших полутора десятилетий консервативной идеологией.

Во все времена «либеральность» эксперта сильно зависела от его позиции по отношению к власти: независимый от власти эксперт определял меру своего либерализма и интерпретацию политических событий в меру собственных убеждений. «Эксперт во власти» неизбежно соизмерял свои оценки с интересами своего «патрона», причем иногда из тактических соображений (не желая «подставляться»), иногда же вовлеченность в политическую борьбу заставляла его корректировать свои убеждения (пример — позиция Г. Сатарова за отмену выборов в 1995 г.). Эксперт, близкий к либеральной оппозиции, порой ужесточал свою позицию, критикуя власть, порой наоборот сдерживался. Например, «гайдаровцы» умеряли критику власти в политической области ради того, чтобы продвигать экономический либерализм.

В течение 90-х гг. основными оппонентами либералов были представители социалистической политической традиции (коммунисты). Реальная опасность коммунистического реванша тогда считалась вполне очевидной. Соответственно, одним из признаков российского либерализма в этот период был антикоммунизм, а различные представители либерального лагеря придерживались лишь различных его версий — более жесткой (вплоть до предложений проведения люстраций или запрета КПРФ) или мягкой. В последние годы актуальность дискуссий между либералами и коммунистами существенно снизилась, так как политическое влияние КПРФ резко уменьшилось, а сами дискуссии все равно не приводят к каким-либо позитивным результатам.

В последнее время основными оппонентами либералов стали консерваторы (некоторые из них — из числа недавних либералов), которые полагают, что интересы государства должны превалировать над интересами личности, признают объективность (и даже необходимость) реакции, т. е. частичного пересмотра либеральных оснований политического курса 90-х гг., но отвергают возможность коммунистического реванша. Эволюцию в консервативном направлении прошли многие представители либерализма — этот процесс начался еще в первой половине 90-х гг. («Консервативный манифест» В. Никонова и С. Шахрая как идеологическая платформа Партии российского единства и согласия), продолжился и в последующем — еще одним

примером может быть движение «Вперед, Россия!» Б. Федорова, даже название которого скопировано с консервативной «Вперед, Италия!» С. Берлускони. В последние годы этот процесс принял еще более активный характер.

Содержательное ядро либеральной позиции

Политическое устройство

Очевидно, что политическое устройство для либерала — это либеральная демократия с верховенством права (часто неправильно именуемым правовым государством), гарантиями прав человека, развитым гражданским обществом. Проблемой и предметом спора для либералов были не сами эти постулаты (в отличие от сторонников других идеологий, они никогда не ставили их под сомнение), а темп приближения к ним, оценка конкретных политических решений и ходов и т. п. На это, разумеется, сильное влияние оказывало указанное выше позиционирование эксперта относительно власти. В «путинскую эпоху», особенно в последний год-полтора, часть «некогда либералов», связанных с властью, зашла в провластной интерпретации данных тем настолько далеко, что, оправдывая провластную позицию, фактически вышла за пределы «поля либерализма».

Желательный экономический, социальный и культурный уклад

По этому пункту проходит один из концептуальных водоразделов в либеральном лагере: так называемые «экономические либералы» стоят на либертарианских позициях, т. е., строго говоря, они являются не либералами, а консерваторами. Однако самые заметные из подобных фигур не ограничиваются только экономической сферой, выступая и по более широкому кругу вопросов (Е. Ясин, Е. Гайдар), и в других темах они зачастую оказываются последовательными либералами.

Те либералы, для которых главным представляется политическое устройство, как правило, не имеют детализированной экономической позиции. Консенсусным для них представляются общие понятия о желательности рыночной экономики, поощрении частной собственности и охране прав собственности, устранении административных барьеров и развитии конкуренции.

Существенные разногласия среди либералов отмечаются по вопросу о политической и экономической роли «олигархов». В последнее время — явно вследствие электоральных поражений либеральных партий — либералы наконец заговорили о социальной справедливости.

Размежевание между либералами и консерваторами является нормальным для любой развитой демократии, но не для России, в которой у либералов и консерваторов есть общие интересы в противостоянии

откровенно антилиберальным идейно-политическим течениям. С этой точки зрения можно говорить об ограниченном характере размежевания внутри либерального лагеря на «либертарианцев», которые являются консерваторами в экономической платформе и либералами в политической, и «социал-либералов». Если несколько лет назад «социал-либерализм» был присущ только «яблочникам» (Г. Явлинский, его соратники по «Эпицентру» и политик-ученый В. Шейнис), то в последнее время социальная тема поднимается и И. Хакамадой, и В. Рыжковым, и даже СПС. Однако всерьез говорить о наличии у российских либералов теоретически обоснованной социальной позиции все же пока преждевременно: не случайно выше мы смогли привести преимущественно фамилии либералов-политиков, но не экспертов.

Российская культура, с точки зрения либералов, должна быть вписана в мировой контекст, быть максимально открытой для внешних влияний. Отстаивая свободу творчества и приоритет творческой личности над социальным (государственным, общественным) заказом, либералы входят в противоречие с представителями как социалистической, так и консервативной традиций, занимающих в отношении культуры «охранительные» позиции.

Национальный вопрос

Национальный вопрос для России имеет два разных смысла, и оба они связаны с либерализмом: «русское национальное» и положение национальных меньшинств в России. Именно либералы подняли тему современной российской идентичности: «русское национальное» у них стало альтернативой «советскому». В дальнейшем либералы (в общем и целом) придерживались принципа построения в России национального государства (nation state), хотя и признавали, что Россия со своей имперской многонациональной судьбой для этого не очень подходит. Seriously разработана эта концепция у В. Тишкова, который предлагал «французскую модель» построения такого государства (*получили Францию, теперь будем делать французов*), с ним полемизировал покойный А. Салмин, указывавший на практическую невозможность подобной «универсализации» России и предлагавший в качестве национальной политики «совокупность линий поведения» — развитие территориального и экстерриториального федерализма, укрепление государственности и гражданской идентичности россиян, выравнивания вопиющих различий в уровне экономического и культурного развития различных территорий и этносов Российской Федерации. Но в принципе «русскую национальную» тему либералы поднимали все меньше и меньше: когда российская государственность утвердилась и обрела легитимность, они утратили к ней интерес. В «государственности», «патриотизме», «державности» они видели инструменты своих идеологических оппонентов, которых не без оснований подозревали в лицемерных намерениях использовать подобные термины для

прикрытия антилиберальных и откровенно авторитарных замыслов. В силу этих причин либералы утратили инициативу в дискурсе о «национальном», что стало одной из главных причин их ослабления в первом десятилетии нового века.

Есть и еще один чрезвычайно важный момент. Либералы были и остаются почти без исключения «западниками». Пока общеполитическая атмосфера в российско-западных отношениях была в целом благоприятной, «западничество» во внутривнутриполитических вопросах было не просто «политкорректным», но и выигрышным.

Разумеется, было бы ошибкой сводить «западничество» к связям либеральных политиков и экспертов с западными партнерами или поддержке ими более «прозападной» линии российской внешней политики. «Западничество» для либерала — это в первую очередь модель, на которую России следует ориентироваться в своем цивилизационном развитии.

Однако с изменением внешнеполитического климата, особенно после «оранжевых революций», «западничество» либералов становится все более проблематичным. Верность ему сохраняют преимущественно те политики и эксперты, которые независимы от властного истеблишмента или заведомо оппозиционны ему. Остальные же предпочитают просто обходить эту тему, а говоря о нормативных чертах демократии, не ссылаясь на западный опыт (хотя на самом деле следуя его логике).

Что же касается темы национальных меньшинств в России, либералы (впрочем, как и подавляющее большинство консерваторов и социалистов — сторонников «универсалистских» доктрин) оставались «ассимиляторами». Выступая за соблюдение прав человека (в том числе специфических этнических) и равенство, они тем не менее, в отличие от своих европейских коллег, мало уделяли внимания реальному положению меньшинств, полагая, что элиты большинства национальных республик (особенно мусульманских) настроены антимодернизаторски, а потому представляют собой тормоз на пути «европеизации».

Желательное положение религии

По поводу религии либералы всегда были едины в удовлетворенности степенью свободы совести в пореформенной России, причем для них эта свобода непременно подразумевала равенство религий и конфессий, фактически отрицающее доминирование православия и его сближение с государством.

В рамках православной церкви либеральное течение в последние десятилетия составляет явное меньшинство, выступающее за толерантное отношение к другим конфессиям, развитие экуменического диалога (преимущественно с католиками и традиционными протестантами). Наиболее известным представителем этого направления был протоиерей А. Мень (погиб в 1990 г.), можно назвать также имена

покойного архиепископа Михаила (Мудьюгина), протоиерея А. Борова, священника Г. Чистякова и др. В середине 90-х гг. некоторые представители этого направления (например, священник Г. Кочетков) подверглись гонениям со стороны церковного руководства, но в последние годы официальное начальство обращает мало внимания на их деятельность, так как не видит в них реальных конкурентов. Напротив, в качестве таковых фигурируют националистически и антисемитски настроенные силы, считающие большую часть иерархии тайными сторонниками либералов (что представляется явной натяжкой).

Для части церковных либералов рамки Русской православной церкви оказались слишком тесны, что привело к поиску ими альтернативных юрисдикций. С этим связан переход некоторых из них в маргинальные религиозные организации (отлученный от церкви и преданный анафеме Г. Якунин), а также в католичество — это, как представляется, связано с высоким авторитетом среди российских церковных либералов Папы Иоанна Павла II.

Способы и механизмы достижения желательного состояния

Для современных российских либералов безусловным приоритетом является достижение своих целей посредством участия в выборах: в этом они близки своим историческим предшественникам — кадетам, которые рассчитывали прийти к власти посредством не революции, а *тихого шуршания избирательных бюллетеней*. Приверженность российских либералов демократическим ценностям заставляет их негативно относиться к любым насильственным действиям, так как они тормозят модернизационное развитие страны. Еще одна отличительная особенность российских (равно как и любых других) либералов — уважение к процедуре, которая противопоставляется внешне целесообразным, но незаконным мероприятиям.

В то же время для либералов традиционно значительную роль играло обладание экспертным ресурсом, который обеспечивал их востребованность властью. Даже когда либеральные партии терпели политические поражения, ценность этого ресурса позволяла им сохранять аппаратные позиции, прямой выход на властные структуры. Это способствовало как достижению индивидуальных карьерных целей, так и продвижению законодательных инициатив и политических проектов.

При решении конкретных политических проблем в течение последних полутора десятилетий либералы неоднократно оказывались перед дилеммой — принципы или целесообразность. В первый раз это произошло в 1993 г., когда различные представители либерального политического лагеря и экспертного сообщества диаметрально разошлись в вопросе об отношении к роспуску парламента Б. Ельциным. Тогда большая часть либералов («гайдаровцы») поддержали президента, посчитав, что тот действовал в условиях крайней необходимости,

а парламент препятствовал модернизации страны. Меньшая часть — как политики (будущие основатели «Яблока»), так и эксперты (М. Гефтер) — осудили действия президента: по их мнению, незаконные действия главы государства противоречили демократическим нормам.

Во второй раз позиции либералов разошлись в связи с отношением к силовому решению чеченской проблемы в 1994 г. — тогда наиболее четко выявилось различие между «прагматиками» и «идеалистами».

В третий раз расхождение между принципами и целесообразностью проявились во время избирательной кампании 1996 г. Тогда угроза коммунистического реванша заставила либералов, поддержавших президента во время сентябрьско-октябрьского кризиса, не только вновь солидаризироваться с ним (несмотря на увеличившееся число разногласий, в том числе по чеченской проблеме), но и закрыть глаза на явную дискриминацию оппозиционного кандидата.

Отношение либералов к политическому режиму «путинской России» является глубоко противоречивым. В период 2000–2003 гг. большая часть либералов испытывала двойственные чувства — целый ряд мероприятий власти воспринимался ими сугубо положительно, как продолжение реализации реформаторской повестки дня 90-х гг. Другие действия Кремля (такие как установление фактического госконтроля над федеральным телевидением) на этом фоне воспринимались как негативные, но в принципе терпимые явления.

В 2003 г. ситуация изменилась — все более ощущающийся разрыв между властью и элитой 90-х гг. (в которой либералы занимали куда более «весомые» позиции, чем в обществе в целом) привел к резкому снижению востребованности либералов Кремлем. Действия власти все более стали расходиться с устремлениями либерально мыслящих политиков и экспертов. В этой ситуации либералы вновь оказались перед выбором: либо продолжать ориентироваться на власть, которая становится менее либеральной, либо пересматривать свое отношение к ней. Различное отношение к этому вопросу поляризует даже членов одной и той же политической партии — характерны серьезные разногласия внутри СПС.

Диссонанс между властью и либералами, а также пример Украины и Грузии привели не только к увеличению оппозиционности, но и к росту в их среде «оранжевых» настроений. Часть либералов начинает воспринимать власть как безусловного противника и выражает сочувствие всем политическим силам, которые находятся в оппозиции (характерно изменение их отношения к «лимоновцам»). В то же время часть либералов считает, что любая революционная смена нынешней власти приведет к победе реакционных политических сил и полному сворачиванию реформ.

Историческая доктрина, «осевые» события русской и мировой истории

Исторические взгляды либералов неразрывно связаны с понятием прогресса, эволюционного модернизационного развития. В отличие от социалистов, они считают реформы наилучшим способом модернизации общественных отношений, а революцию воспринимают как чреватый значительными издержками путь, который допустим лишь в самом крайнем случае, когда действующая власть стала авторитарной (в западной традиции — «узурпаторской») либо полностью утратила реформаторский потенциал. Отсюда и противоречивое отношение либералов к революционным катаклизмам — таким как Английская и Французская революции. Значительно более позитивную реакцию вызывает Война за независимость США, воспринимаемая как освободительное движение против «узурпаторов». В либеральной традиции «идеальной» считается бескровная «Славная революция» в Англии 1688 г., остановившая реакцию без сколько-нибудь значительных общественных катаклизмов. В совершенно другой исторической ситуации происходили «бархатные революции» конца 80-х гг. в Центральной и Восточной Европе, которые также получили сугубо позитивную оценку со стороны либералов.

Отношение либералов к ключевым периодам российской истории тесно связано с их идеологическим выбором. Петровские реформы оцениваются положительно с точки зрения общей модернизации России («Медный всадник» был эмблемой гайдаровского движения «Выбор России»), но более сдержанно, когда речь заходит об их социальных издержках. Зато сугубо позитивное отношение вызывают Великие реформы середины XIX в. В отличие от коммунистов либералы резко отрицательно расценивают Октябрьскую революцию, а в отличие от консерваторов — не склонны осуждать Февральскую.

Контекстуализация

Современные политики-либералы немного внимания уделяют своим идеологическим предшественникам. Классики философского либерализма — Дж. Локк, Т. Гоббс, равно как и отечественные (Б. Чичерин, П. Струве), малопопулярны (единственный, кто пытался систематически осмыслить отечественное либеральное наследие, — А. Кара-Мурза). Чуть чаще упоминается Карл Поппер.

Классики либеральной экономики более востребованы, но почти исключительно либертарианской линией — от Адама Смита до Фридриха Хайека, тогда как «социально-либеральный» Дж. Кейнс явно не в фаворе. Зато авторитетами являются политики, причем скорее консервативного толка — М. Тэтчер, Р. Рейган. С европейскими либеральными политиками отечественные общались нерегулярно. «Экономисты» (да и не они одни) больше предпочитали «правых» и либертарианцев; с Либеральным интернационалом общались лишь «яблочники»;

программные документы европейских либералов — Оксфордские манифесты 1947 и 1997 гг. — в России практически неизвестны (даже большинству либералов).

Своими историческими предшественниками современные российские либералы считают реформаторов и модернизаторов — от М. Сперанского и братьев Д. и Н. Милютиных до С. Витте и П. Столыпина. При этом мало обращается внимания на то, что далеко не все из них придерживались либеральных взглядов: Столыпин был последовательным консерватором, Витте — скорее прагматиком. Однако для оценки со стороны либералов определяющим является их вклад в модернизацию страны. Прямыми идеологическими предшественниками современных либералов могут считаться кадеты при всем разнообразии их идеологических оттенков — от левого либерализма П. Милюкова до консервативного либерализма В. Маклакова, объективно примыкавшего к «веховской» традиции. Октябристы с их стремлением соединить державность и либерализм могут относиться к предшественникам современных либералов лишь с большой долей условности.

Досоветская либеральная традиция была прервана после прихода к власти большевиков и последующими репрессиями периода Гражданской войны и конца 20-х гг. Ее возрождение связано с феноменом диссидентства, когда в 60–70-е гг. произошел отход части его представителей (А. Сахаров, С. Ковалев, Р. Пименов и др.) от идеологических поисков в рамках социалистической парадигмы и возрождение интереса к классическому либерализму. В настоящее время диссидентскую традицию продолжают правозащитники-либералы, такие как Л. Пономарев, В. Абрамкин и др.

В то же время сохранению традиции в советское время способствовали и далекие от оппозиционности (и от политики вообще) исторические исследования проблем российского либерализма П. Зайончковского, К. Шацилло, В. Дякина, а также труды по истории общественного движения такого «культового» автора, как Н. Эйдельман (в настоящее время его традиции продолжает С. Экштут).

В современной России можно выделить две взаимодополняющие части либерального поля. Это либералы-эксперты и либералы-политики (есть фигуры, принадлежащие к обеим группам, — такие как Е. Гайдар, В. Рыжков, В. Лысенко).

Либеральными экспертами стали те интеллектуалы, которые на этапе крушения коммунистической системы восприняли в качестве нормативной модели для развития страны «транзит к демократии», независимо от пути, которым они пришли к такому выбору. Для кого-то это был идеологический выбор, продиктованный опытом включения в российскую политику (Г. Сатаров, С. Марков), для кого-то — рациональный выбор, основанный на академическом знании международных отношений (С. Караганов, С. Рогов, А. Арбатов), страноведения (Г. Дилигенский, А. Салмин, И. Бунин, К. Холодковский, В. Никонов),

экономической науки (Е. Ясин, Е. Гайдар и его команда) или социологии (Ю. Левада, Б. Грушин), юриспруденции (М. Краснов, А. Оболонский). Первым пришлось «набирать» знания по азам либеральных теорий, вторым — преломлять научный материал о зарубежных странах на российские реалии, но и тем и другим — создавать язык экспертного знания, будь то академического или прикладного. Однако главным был именно выбор демократии в качестве нормативной модели, желательной для политического развития России.

Либералы-политики вышли из интеллигентской (как столичной, так и провинциальной) среды и появились на политической арене, как правило, в конце 80-х — начале 90-х гг. в качестве активистов неформальных организаций и создававшихся в те годы политических партий. В настоящее время часть из них «экспертизировалась» (наиболее яркий пример — Е. Гайдар), часть перешла в исполнительную власть, часть находится в оппозиции.

Наиболее известные представители современного российского экспертного либерализма

Национальные вопросы и федерализм: В. Тишков, А. Захаров. *Политология:* А. Салмин, И. Бунин, Г. Сатаров, С. Караганов, С. Рогов, К. Холодковский, А. Рябов. *Религиоведение:* А. Красиков, Н. Митрохин, С. Филатов. *Социология:* Ю. Левада, Б. Грушин, И. Клямкин. *Правоведение:* С. Алексеев, М. Краснов, А. Оболонский. *Экономика:* Е. Ясин, Е. Гайдар, А. Илларионов.

Институты

Центр стратегических разработок; Государственный университет — Высшая школа экономики; Центр политических технологий; Фонд ИНДЕМ; Московский центр Карнеги; Московская школа политических исследований; Институт мировой экономики и международных отношений РАН; Институт экономики переходного периода; Фонд «Либеральная миссия»; Институт изучения религии в странах СНГ и Балтии; Исследовательский центр частного права при Президенте РФ; Российская школа частного права; Информационно-аналитический центр «Сова».

Публикации

Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. СПб., 1997; *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. М., 2005; *Захаров А.А.* *E pluribus unum:* Очерки современного федерализма. М., 2003; *Краснов М.А.* Клетка для власти.

М., 1997; Либерализм в России: Сб. статей / Капелюшников Р.И., Салмин А.М., Бунин И.М., Урнов М.Ю., Масарский М.В., Хакамада И.М., Паппэ Я.Ш. М., 1993; *Митрохин Н.А.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004; *Оболонский А.В.* Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002; *Рыжков В.А.* «Четвертая республика» (очерк политической истории современной России). М., 2000; *Салмин А.М.* Современная демократия: очерки становления, М., 1997; *Секиринский С.С., Филиппова Т.А.* Родословная российской свободы. М., 1993; *Сенюков Ю.П.* Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. М., 2005; Современная российская политика / Бунин И.М., Караганов С.А., Никонов В.А., Рыжков В.А., Салмин А.М., Сатаров Г.А. М., 2002; *Чхатишвили Г.Ш.* Жизнь за царя, или Корону за коня. Плач по просвещенному абсолютизму // Сегодня. 1996. 2 февр.; *Экштут С.А.* На службе российскому Левиафану: Исторические опыты. М., 1998; *Ясин Е.Г.* Новая эпоха — старые тревоги. Экономическая политика. М., 2004; *Ясин Е.Г.* Приживется ли демократия в России. М., 2005.

Журналы

Апология: Ежемесячный гуманитарный журнал; Мировая экономика и международные отношения; Политика; Полис (Политические исследования); Pro et Contra (Центр Карнеги).

Тимофей Дмитриев, Максим Фетисов

ЛЕВЫЕ

Характерной чертой общественно-политической и интеллектуальной жизни в России в последние годы является все более широкое распространение левых идей — в том числе в среде людей, занятых интеллектуальным производством. При всей неоднозначности и сложности этого процесса можно констатировать наличие набирающего силу процесса идеологической поляризации, идейно-политического и интеллектуального размежевания как между носителями левых воззрений и их оппонентами в лице либералов и консерваторов, так и в самой левой среде. Одним из симптомов сдвига «влево» является стремление к организационному оформлению интеллектуальных групп и течений левой ориентации, что находит свое выражение в создании целого ряда структур — институтов, общественно-политических движений, периодических и непериодических печатных изданий, интернет-ресурсов. Они направлены не только на решение задач идейно-политического характера, но и на производство интеллектуальной продукции, призванной давать рефлексивное осмысление положения в Российской Федерации и в мире с левых позиций.

Целью обзора является рассмотрение основных левых идейно-политических течений в современной России. В данном контексте речь не идет о деятельности «интеллектуалов-демиургов» (А.А. Зиновьев, А.А. Проханов, С.Г. Кара-Мурза, Э. Лимонов и т. д.), предлагающих своим читателям законченные идейно-мировоззренческие комплексы. Несмотря на то что их идеи оказывают существенное влияние на левоориентированную среду, этих интеллектуалов нельзя однозначно отнести к левому спектру поля интеллектуального производства главным образом по двум причинам. Во-первых, по своим политическим пристрастиям, идеологическим ориентациям и эстетическим симпатиям их нельзя классифицировать однозначно как левых. Во-вторых, эти интеллектуалы и литераторы ориентированы на сотрудничество с самыми разными социальными и политическими силами, что можно считать симптомом общей интеллектуальной и идеологической аморфности, вплоть до последнего времени присущей отечественному полю интеллектуального производства в целом. При этом «интеллектуалы-демиурги» не формулируют оригинальные комплексы идей, которые могли бы стать «культурой и натурой» (Ж.-П. Сартр) тех социальных групп и слоев, на признание со стороны которых они притязают. Как правило, левый интеллектуал в современной России — это публицист или «литератор» (М. Вебер), выступающий в роли ретранслятора

и компилятора идей, в основном заимствованных из внешних источников. Обычно он не связан с реальным политическим процессом, но тем не менее считает себя вправе в нем участвовать и влиять на принятие решений.

Если, таким образом, отказаться как от чрезмерно узкого определения интеллектуалов, причисляющего к ним исключительно выдающихся мыслителей¹, равно как и от столь же неудовлетворительного (по крайней мере, в интересующем нас контексте интеллектуального поля) их определения как людей, занятых умственным трудом в противоположность труду физическому, то применительно к полю интеллектуального производства в его пересечениях с полем политическим можно выделить две основные категории интеллектуалов. Это идеологи и эксперты. Несмотря на то что один и тот же интеллектуал может быть как идеологом, так и экспертом, в политическом поле эти две функции обычно разведены. Первые поставляют руководящие принципы, вторые являются носителями технического знания, позволяющего оптимально связывать цели и средства. Любое политическое действие требует наличия общих идей, определяющих преследуемые цели, — «принципов», «ценностей», «идеалов» и «мировоззрений», с одной стороны, и технических знаний, учет которых совершенно необходим для принятия политических решений в современных обществах, с другой.

Данное деление интеллектуалов на идеологов и экспертов, предложенное итальянским политическим философом Норберто Боббио², опирается на сформулированное М. Вебером различие между ценностно-рациональной и целерациональной деятельностью. С этой точки зрения идеологи — это интеллектуалы, которые вырабатывают основополагающие принципы и связанные с ними программы действия. Последние же являются рациональными постольку, поскольку они соответствуют ценностям, на которые ориентировано действие. Эксперты — это интеллектуалы, которые, предоставляя знания, необходимые для достижения поставленных задач, производят действия, определяемые как рациональные с точки зрения цели. Таким образом, хотя в чистом виде деление на идеологов и экспертов встречается достаточно редко, его можно с успехом использовать, если учесть, что идеологи всегда делают акцент на средства, а эксперты — на средства их достижения. В отличие от идеологов, область действия экспертов — это область фактов, область средств, область измеримой эффективности.

Если посмотреть на современную интеллектуальную левую среду в России под этим углом зрения, то выяснится, что подавляющее

¹ Тех, которых называют «создателями великих теоретических и мировоззренческих систем» (А. Грамши), «мэтрами мысли» (Н. Боббио), «универсальными интеллектуалами» (М. Фуко).

² См.: Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 162–171.

большинство ее представителей являются по преимуществу идеологами, а не экспертами. Это можно объяснить как институциональными и идейно-политическими конфигурациями левого сегмента поля интеллектуального производства, о чем подробно будет сказано ниже, так и слабой связью левых интеллектуалов с партийно-политическим и профсоюзным движением, которые в современных условиях являются одной из основных точек приложения экспертного знания. Кроме того, экспертная деятельность в рамках партийно-политической системы имеет ряд специфических особенностей и ограничений, зачастую приводящих к нарушению принципа относительной автономии интеллектуалов в силовом поле взаимодействия интеллектуального и политического полей. В силу вышеуказанных причин в обзоре не рассматривается деятельность экспертных структур, связанных с конкретными партиями и общественно-политическими движениями (КПРФ, «Родина» и т. п.), поскольку производимая ими интеллектуальная продукция определяется в первую очередь программами этих партий и движений, а также позицией и заданиями их руководства, в силу чего она имеет ярко выраженный конкретно-прикладной характер и направлена на обслуживание интересов вполне определенных политических структур и их руководства. Эта область экспертной деятельности, в свою очередь, отсылает к специфике российской партийно-политической системы, которая существенным образом отличается от западной партийной системы (то же самое можно сказать и о российских профсоюзах). Установление этой специфики требует, однако, отдельного рассмотрения и не входит в задачу настоящего очерка.

При исследовании левого сегмента поля интеллектуального производства в современной России нельзя обойти вопрос о социальной идентичности представителей этого поля. Представители этой страты — в основном выходцы из традиционной советской и постсоветской интеллигенции, в силу тех или иных причин имеющие возможность заниматься «неангажированным» интеллектуальным трудом. Сюда же можно отнести учащихся и выпускников высших учебных заведений, а также представителей творческой интеллигенции. Под «неангажированностью» следует понимать то, что эти группы интеллигенции обычно не связаны непосредственно с какими-либо партийно-политическими структурами. Их положение в поле интеллектуального производства позволяет им конвертировать свой культурный капитал в относительную автономию от других более мощных полей (власть, политика, бизнес). Такая относительная независимость позволяет им претендовать на выражение своей собственной интеллектуальной и идейно-политической позиции посредством СМИ, а не на обслуживание конкретных интересов (хотя на практике одно не исключает другое). Цель настоящего очерка — описание основных позиций левого поля интеллектуального производства и его институциональных параметров.

Институциональные и организационные формы

Попытки институционализации и организационного оформления отдельных интеллектуальных и идейно-политических течений левой ориентации предпринимались в России еще с начала 90-х гг. XX в. Однако наиболее интенсивный и масштабный характер этот процесс стал приобретать в последние годы, что было не в последнюю очередь обусловлено отмеченным выше сдвигом «влево» общественных настроений в целом.

В настоящее время на левом фланге поля интеллектуального производства можно выделить несколько институциональных сегментов — отдельных институтов, движений, СМИ, интернет-ресурсов и кружков по интересам, из которых мы рассмотрим наиболее значимые.

Общероссийское общественное объединение «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО). Создано в 1994 г. По данным объединения, его отделения действуют в большинстве субъектов РФ³. Социальная база данного объединения — это прежде всего советская вузовская и академическая профессура, а также идеологические работники из числа партийной номенклатуры и сотрудников бывших партийных СМИ. В концептуальном плане сторонники этого объединения ориентируются на ортодоксальные формы марксизма-ленинизма (диамат, истмат). В своей деятельности РУСО сочетает традиционные формы интеллектуального производства, сочетая собственно интеллектуальную компоненту (осмысление исторического опыта строительства социализма в СССР и других странах мира, исследование современного российского общества и происходящих в нем процессов, развитие теории современного социализма) с общественно-просветительской: печатной и устной пропагандой коммунистической идеологии в интеллигентской среде. В политическом плане ориентируется на традиционную политику партийного типа (КПРФ, другие партии и движения коммунистической ориентации). Объединение регулярно проводит научные конференции, посвященные проблемам общественно-политической и социальной экономической жизни России, стран СНГ и мирового сообщества в целом. Отдельное направление деятельности РУСО — издательская деятельность, ориентированная на выпуск монографий и коллективных научных трудов, а также учебных и научно-популярных изданий, освещающих вопросы теории и практики социализма⁴. Основные печатные издания, с

³ Поскольку серьезные аналитические исследования деятельности левых интеллектуалов в Российской Федерации и ее институциональных аспектов отсутствуют, при подготовке данного обзора авторам приходилось в значительной степени опираться на сведения самих движений, организаций и институтов, рассматриваемых

в обзоре, критическая проверка которых не представляется возможной.

⁴ Как правило, значительную часть этой продукции составляют учебники, учебные пособия и иная учебная и научно-популярная литература, подготавливаемая авторами из числа членов

которыми аффилирована публикации членов РУСО, — «Диалог», «Политическое просвещение», «Коммунист» (Москва), «Марксизм и современность» (Киев). Издается также ежемесячная малотиражная газета РУСО «Буревестник». Руководящие органы — Центральный совет и Президиум. Председатель — профессор И.П. Осадчий (с 1994 г. по май 2005 г., с мая 2005 г. — почетный председатель РУСО), академик РАСХН В.С. Шевелуха (с мая 2005 г.).

Ассоциация «Ученые за демократию и социализм» создана в 1993 г. представителями академической и вузовской интеллигенции. Ассоциация проводит ежегодные международные научные конференции, посвященные теории и практике социализма, а также осуществляет издательскую деятельность по выпуску книг соответствующей тематики. При Ассоциации действует дискуссионный клуб «Диалог», созданный в 1992 г. Цель деятельности клуба — проведение открытых творческих дискуссий по проблемам теории и практики социализма, деятельности социалистических и коммунистических партий, а также рабочего движения. Координатор Ассоциации — доктор экономических наук, профессор экономического факультета МГУ А.В. Бузгалин⁵.

В 2000 г. на основе российского отделения Ассоциации было образовано общероссийское общественно-политическое движение «Альтернативы». По данным организации, ее отделения существуют в 46 регионах РФ. Социальная база движения — академическая и вузовская интеллигенция, студенты, активисты рабочего движения. При поддержке движения проводятся регулярные консультации активистов левого и профсоюзного движения в рамках ежегодных школ-семинаров. Издаваемый Ассоциацией общественно-политический и аналитический журнал «Альтернативы», который одновременно фактически является печатным органом движения, декларирует своей целью осуществление диалога между учеными социалистической ориентации и активистами социалистического движения в различных частях мира. Журнал выходит с 1991 г. на английском и русском языках и включает в себя статьи авторов из СНГ, Восточной Европы, развитых капиталистических стран и стран третьего мира. Периодичность — раз в квартал, тираж — 1 тыс. экз. Главный редактор русского издания — А.В. Бузгалин.

В последние годы деятельность Ассоциации и «Альтернативы» отмечена выраженной тенденцией к сотрудничеству с международным альтерглобалистским движением. Представители движения

РУСО в рамках своей основной профессиональной деятельности. Напомним, что по своему социально-профессиональному положению значительная их часть является профессорами и преподавателями высших и средних учебных заведений.

⁵ Основные публикации: Бузгалин А. Переходная экономика. М., 1994; Будущее коммунизма. М.,

1996; Введение в компаративистику. М., 1997 (совместно с А. Колгановым); По ту сторону царства необходимости. М., 1998; Ренессанс социализма. М., 2003; Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003 (совместно с А. Колгановым); Сталин и распад СССР. М., 2003 (совместно с А. Колгановым); Глобальный капитал. М., 2004 (совместно с А. Колгановым).

принимали участие во всемирных и европейских социальных форумах, которые на настоящий момент представляет собой высшую точку развития современного альтерглобалистского движения.

Институт проблем глобализации (ИПРОГ). Еще одним заметным игроком на левом фланге интеллектуального поля выступает так называемый Институт проблем глобализации. ИПРОГ был основан экономистом Михаилом Делягиным, который стал его первым директором, а в настоящее время является председателем попечительского совета. С апреля 2002 г. директором института стал левый публицист с диссидентским прошлым Б.Ю. Кагарлицкий⁶. ИПРОГ является исследовательской организацией, объединяющей группу «независимых исследователей и аналитиков из государственных и коммерческих структур», сформировавшуюся еще в середине 1995 г. Осуществляет публичную деятельность под этим названием с осени 1998 г. Собственную социально-политическую позицию представители ИПРОГ характеризуют как расположенную «слева от центра», декларируя при этом открытость «для различных проектов и представителей разных взглядов, объединенных общим критическим отношением к неолиберализму, ориентацией на принципы социальной справедливости, политической демократии и интернационализма».

Свою основную задачу ИПРОГ видит «в анализе российской ситуации на основе мирового опыта и поиска решений, основанных на этом опыте» и организации диалога «между российской общественной мыслью и западной левой культурой». С этой целью ИПРОГ организует семинары и конференции, способствует политическому образованию активистов левых, экологических, правозащитных и профсоюзных организаций, содействует публикации книг и т. д. Кадровый состав подвержен изменениям, видимо, в зависимости от источников финансирования. Основными интернет-ресурсами ИПРОГ являются сайт института [<http://www.iprog.ru/>] и сайт «Глобальная альтернатива». Главные общественно-политические проекты института — Российский социальный форум, Молодежный левый фронт. Основные партнеры за рубежом: Фонд Розы Люксембург (ФРГ); Транснациональный институт (Transnational Institute), Амстердам; Сетевой институт за глобальную демократизацию (Network Institute for Global Democratization), Институт глобализма (Globalism Institute), Мельбурн.

⁶ Основные публикации: *Kagarlitskiy B. The Thinking Reed. Intellectuals and the Soviet State.* L.: Verso, 1988; *Кагарлицкий Б. Диалектика надежды.* Париж: Слово, 1988; *Farewell Perestroika. A Soviet Chronicle.* L.: Verso, 1990; *Расколовшийся монолит. Россия накануне новых битв.* М., 1992; *The Square Wheels.* N. Y.: Monthly Review Press, 1995; *Mirage of Modernization.* N. Y.: Monthly Review Press, 1995; *New Realism, New Barbarism: Socialist Theory in the Era of*

Globalization. L.: Pluto Press, 1999; *The Twilight of Globalization: Property, State and Capitalism.* L.: Pluto Press, 2000; *The Return of Radicalism.* L.: Pluto Press, 2000; *Реставрация в России.* М.: Эдиториал УРСС, 2000; *Russia under Yeltsin and Putin.* L.: Pluto Press, 2002; *Глобализация и левые.* М.: Логос, 2002; *Восстание среднего класса.* М.: Ультра.Культура, 2003; *Периферийная империя.* М.: Ультра.Культура, 2004.

Институт «Коллективное действие» («КД»). Еще одной организацией альтерглобалистской направленности, так же, как и ИПРОГ, ориентированной на новые социальные движения, является институт «Коллективное действие». Институт объединяет активистов различных общественных организаций — левых, профсоюзных, экологических, молодежных. В программных документах института говорится, что «КД» выступает против тотальной приватизации, разрушения системы социального обеспечения, политического бесправия, экономических реформы в ущерб всеобщего блага, включения России в мировую систему в качестве поставщика дешевой рабочей силы и сырья. Общественно-политическими целями, на которые ориентируется деятельность данного института, являются экономическое развитие в интересах всего населения страны, настоящее политическое участие, обеспечение социальных и трудовых прав, свобода и общественное развитие, демократия и социальные права, солидарность и интернационализм. К числу основных форм и видов деятельности института относятся: сбор информации о политическом курсе власти, о законопроектах, которые затрагивают общественные интересы и которые обычно не обсуждаются властью с обществом; проведение аналитической экспертизы этих проектов экспертами в конкретных областях знания и общественными деятелями; разработка и обсуждение альтернативных взглядов и законопроектов; организация совместных действий и проведение кампаний в поддержку альтернативных предложений. Основным информационным ресурсом является сайт института [<http://www.ikd.ru/>], чьей задачей является информационно-аналитическое и экспертное обеспечение различных общественных инициатив. Принято считать, что деятельное участие в создании института приняла приехавшая в Москву как представитель французской АТТАК⁷ троцкистка Катрин Клеман, социолог по образованию. Опираясь на ресурсы данной организации, ей, как отмечают некоторые наблюдатели, удалось наладить взаимодействие под эгидой института между целым рядом организаций левой ориентации, наиболее крупными из которых являются троцкистское движение «Социалистическое сопротивление», движение «Альтернативы» и профсоюз «Защита».

Независимые интернет-ресурсы. Отдельную нишу занимают независимые интернет-ресурсы — интернет-газета Communist.ru и еженедельник «Лефт.ру/Левая Россия». Это сетевые издания, не имеющие печатных аналогов. Их целью является распространение социалистических идей, критика буржуазной идеологии, возрождение марксистской культуры в России и привлечение к ней молодой интеллигенции.

⁷ АТТАК — Международное альтерглобалистское движение, созданное в декабре 1998 г. на международной встрече в Париже. Выступает за общественный контроль над финансовыми рынками

и институтами. В организационном плане представляет собой сетевую организацию без иерархической структуры и организационного центра.

101 Тимофей Дмитриев, Максим Фетисов
ЛЕВЫЕ

Communist.ru изначально был близок к молодежному крылу Российской коммунистической рабочей партии (РКРП), однако в данный момент занимает более отстраненную позицию.

Большой интерес с точки зрения интеллектуального производства представляет собой сайт «Лефт.ру», издающийся с сентября 2000 г. группой социалистической интеллигенции на общественных началах. Особое внимание здесь уделяется ознакомлению россиян с прогрессивной публицистикой Запада, поэтому переводы занимают значительное место в издании. Отдельными подразделениями в сайт «Лефт.ру» входят исследовательская группа «Бурцев.ру» и литературно-критический журнал «Посторонний наблюдатель». При издании существует и раздел на английском языке Left Russia. A Political Weekly. «Лефт.ру» характеризуется его издателями как еженедельник, независимый от каких-либо партий, партийных групп и других политических организаций. Содержание ресурса определяется исключительно взглядами ее рабочего коллектива — редакторов и авторов. Главный редактор А.Б. Баумгартен.

В целом интеллектуально-политическую позицию этих интернет-ресурсов можно охарактеризовать как «антиимпериалистическую», поскольку своим главным противником они рассматривают «международный империализм» в союзе с постсоветской «компрадорской буржуазией».

Троцкисты. Достаточно широко среди российского левого сегмента представлены также различные троцкистские группы и течения. Характерной чертой этих групп и течений является ориентация как на партийно-профсоюзные организационные формы, связанные с традиционным рабочим движением (РРП, «Рабочая демократия»), так и на новые социальные движения (альтерглобализм, экологи, защита прав различных меньшинств и прочие движения, представленные во Всемирном социальном форуме). В организационном, институциональном и интеллектуальном плане эти группы и течения тесно аффилированы как с отечественными альтерглобалистскими группами и организациями (ИПРОГ, Российский социальный форум), так и с западными анти- и альтерглобалистскими движениями.

Наиболее влиятельной из существующих в России троцкистских структур является «Социалистическое сопротивление» (секция «Комитета за рабочий интернационал» (КРИ)). Организация была создана в 1990 г. как советская (впоследствии — стран СНГ) секция КРИ — одного из течений международного троцкистского движения. Особенностью деятельности КРИ является проведение деятельности акций солидарности, равно как и участие в международных форумах. Организация имеет отделения в России, на Украине, в Казахстане и Молдавии. Основной социальный состав — студенты, работающая молодежь, научная интеллигенция. Печатный орган движения — газета «Левый авангард» (выходит раз в квартал, тираж — 5 тыс. экз.). Организация имеет свой сайт в Интернете [<http://www.socialism.ru/>].

Отличительной чертой интеллектуалов троцкистской ориентации является диффузный характер институциональных форм и экспертно-информационных ресурсов (постоянные конфликты и расколы, а также одновременное присутствие во многих точках левого фланга поля интеллектуального производства). В этой связи необходимо отметить, что для троцкистских структур и организаций характерной является ожесточенная фракционная борьба, что на практике приводит к постоянным организационным расколам, на институциональном и организационном уровне выражающимся в росте соперничающих между собой троцкистских фракций и групп.

Романтические левые. К романтическим левым можно отнести различные, зачастую тесно связанные друг с другом неформальные и неустойчивые группки интеллигенции, происходящей, как правило, из художественной и академической среды и сформировавшиеся уже в постсоветские годы. Основным интеллектуальным и идеологическим ориентиром для них является деятельность «новых левых» образца 1968 г., и по сей день сохраняющая определенное влияние в университетах и художественных кругах на Западе. Наиболее заметные фигуры этого течения: А. Осмоловский, А. Бреннер — Б. Шурц, московско-питерская группа «Что делать?». Нескольким особняком стоит Д. Готов [http://www.gotov.ru/] и его «Институт Лифшица». Политическая и интеллектуальная деятельность здесь, как правило, рассматривается через призму различных форм художественной практики, сложившихся в современном искусстве во второй половине прошлого века. При этом, как правило, отрицается необходимость создания устойчивых организационных форм вроде партий или движений. В то же время в последнее время в этой среде просматривается тенденция к консолидации и стремление к сотрудничеству с различными альтерглобалистскими инициативами, что находит выражение, в частности, в участии представителей этого течения в Форуме левых сил и Российском социальном форуме. Институционально представители данного течения группируются вокруг Института современного искусства И. Бакштейна, журналов «Синий диван» Е. Петровской и «Художественный журнал» В. Мизиано, Центра современного искусства А. Зверева [http://www.zverevcenter.ru/].

«Вольные стрелки». К таковым относятся никак организационно не оформленные отдельные публицисты левой ориентации, сотрудничающие с самым широким спектром изданий вплоть до ультралиберальных и откровенно «буржуазных» глянцево-гламурного толка, вроде А. Цветкова и А. Тарасова.

Поклонники европейской социал-демократии и идей «третьего пути». Сторонников левых и социалистических идей можно встретить также в широких и аморфных кругах современной российской интеллигенции, чье мировоззрение и настроения тяготеют к социал-демократии европейского толка в самом широком и весьма неопределенном смысле этого слова. Общими идейно-политическими

ориентирами этого интеллектуального течения является ориентация на идеи «демократического социализма», на построение в Российской Федерации государства «всеобщего благосостояния» по западноевропейской модели, приверженность экономической концепции «третьего пути» (смешанная экономика, высокий удельный вес государственного сектора, экономическая демократия). Выступая в роли носителей специализированного экспертного знания, представители этой среды стремятся оказывать влияние на формирование общественного мнения вообще и законодательства в частности (прежде всего, в сфере социальной политики и регулирования трудовых отношений). Эти не имеющие четкого институционального и организационного оформления интеллектуальные течения социал-демократического толка имеют в основном позднесоветское происхождение (и прежде всего — ориентацию горбачевской правящей верхушки в конце 80-х гг. на «ползучую социал-демократизацию» КПСС с вытекающей отсюда идейно-политической и интеллектуальной ориентацией на опыт западноевропейской социал-демократии), но в настоящее время они пытаются конвертировать свой опыт непосредственно в социал-демократические формы западноевропейского типа⁸.

Издатели и СМИ. Отмеченный выше «левый поворот» в настроениях российской интеллигенции, равно как и общее изменение интеллектуального климата в российском обществе во второй половине 1990-х гг., отмеченное утратой воинствующим неолиберализмом гегемонии в идейно-политической жизни общества, нашел свое выражение в значительном росте интереса как к наследию, так и к актуальному состоянию современной левой мысли. Последние годы отмечены устойчивым ростом публикаций классиков левой мысли (Л. Альтюссер, Б. Брехт, Д. Лукач, Г. Маркузе, М. Фуко и др.), равно как и современных авторов, как отечественных, так и зарубежных (К. Агитон, А. Каллиникос, Н. Кляйн, У. Майнхоф, Субкоманданте Маркос, И. Валлерстайн, А. Бадью, Э. Балибар, А. Негри и др.). Значительную роль в популяризации левой мысли сыграли такие издательства, как «Ad Marginem», «Гилея», «Logo», «LogosAltera», «Праксис», «Ультра.Культура», «Эдиториал УРСС» (все — Москва). Кроме того, определенный вклад в распространение левых идей вносит целый ряд печатных СМИ путем привлечения внимания к определенным идеям, темам и фигурам. Это касается как общественно-политической, так и «глянцевой прессы» («Политический журнал», журнал «Смысл» (ныне не существующий), газета «Завтра», «ОМ» и т. п.).

⁸ В качестве институциональной экспертно-аналитической структуры, ориентированной на осмысление опыта западноевропейской социал-демократии и его приложение к современной российской и международной социальной реаль-

ности, можно указать на деятельность Горбачев-фонда, который выступает в роли организационного центра для целого ряда интеллектуалов, симпатизирующих социал-демократическому вектору общественного развития.

Предложенный обзор институциональных и организационных форм интеллектуального поля левого движения в России позволяет дать определенное представление об интеллектуальных и идейно-политических основах этого сегмента поля интеллектуального производства. На основе проведенного анализа можно выделить следующие основные интеллектуальные течения и идейно-политические ориентации:

- 1) «старые левые», ориентированные в концептуальном плане на ортодоксальные формы марксизма-ленинизма советского типа (диамат, истмат), а в плане партийно-политическом и организационном — на традиционную политику партийного типа (КПРФ, другие общественно-политические партии и движения коммунистической ориентации);
- 2) приверженцы идей «демократического социализма»;
- 3) альтерглобалисты;
- 4) «антиимпериалисты», группирующиеся вокруг ряда указанных интернет-изданий;
- 5) троцкисты;
- 6) поклонники «социал-демократии» и идей «третьего пути», достаточно широко представленные в кругах современной научной, творческой и специально-профессиональной российской интеллигенции, но при этом, как правило, не имеющие четкой институциональной и организационной локализации;
- 7) группы романтически настроенной молодежи, критически относящиеся к современному капиталистическому миру, но, как правило, отвергающие участие в организованной политической деятельности.

Содержательные характеристики

С точки зрения содержательных ориентаций основные течения современной левой мысли в России можно охарактеризовать по следующим принципиальным позициям.

Взгляд на современную ситуацию в Российской Федерации и ее место в мире

В общем и целом российские левые сходятся в том, что происходящие в стране процессы представляют собой «реставрацию капитализма», которая сопровождается утратой страной статуса сверхдержавы на международной арене и превращением ее в полупериферию мировой капиталистической системы. Что касается природы и причин происходящих процессов, то здесь мнения российских левых серьезно расходятся. Одни (например, Б. Кагарлицкий) видят в происходящей в России реставрации капитализма закономерный итог длительного

исторического развития, обусловленный прежде всего тем, что в экономическом плане Российская империя, а впоследствии Советский Союз всегда находились на периферии и полупериферии мирового развития⁹. Другие (в частности, течения троцкистского толка) рассматривают реставрацию капитализма в России как логический итог социальной трансформации советского государственного капитализма, курс на построение которого под лозунгом «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» был взят в конце 20-х гг. сталинским руководством¹⁰. Наконец, приверженцы ортодоксальных форм советского марксизма (РУСО), равно как публицисты ряда интернет-ресурсов («Лефт.ру», Communist.ru), склонны видеть в крушении Советского Союза и реставрации капитализма в России, республиках СНГ и странах Центральной и Восточной Европы результат антикоммунистического переворота, совершенного антисоветскими и антисоциалистическими силами внутри самого СССР и поддержанного извне ведущими империалистическими державами. Исходя из этого видения представители различных течений предлагают свои пути и рецепты изменения сложившегося положения. Сторонники «демократического социализма» (альтерглобалисты, троцкисты и др.) утверждают, что последовательные изменения в одной отдельно взятой стране невозможны без масштабных изменений на уровне мировой системы, при этом взгляды на способы осуществления этих изменений (реформа или революция) могут варьироваться в зависимости от политико-идеологических пристрастий, интеллектуальных ориентиров и институциональной ангажированности. Напротив, левые авторы, характеризующие нынешние процессы как результат заговора внутренних и внешних антисоциалистических сил, видят выход в возрождении Советского Союза и реставрации социально-политического уклада социализма советского образца. Наконец, те представители левого спектра российской мысли, которые в годы перестройки возлагали большие надежды на преобразование КПСС в партию социал-демократического типа и в настоящее время ориентируются на опыт западной социал-демократии, видят перспективу возрождения страны в построении социального государства европейского типа.

Отношение к современному политическому режиму России и основным тенденциям его развития

Для понимания нюансов отношения левых интеллектуалов к политическому режиму современной России удобно прибегнуть к политической классификации, предложенной В.И. Лениным для характери-

⁹ См.: Казарлицкий Б. Реставрация капитализма в России. М.: Эдиториал УРСС, 1999; Он же. Периферийная империя. М.: Ультра.Культура, 2004.

¹⁰ Для представителей данного течения основополагающей продолжает оставаться классическая работа Л. Д. Троцкого, опубликованная в 1936 г. и посвященная анализу социальных трансформаций советского общества, см.: Троцкий Л. Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.

стики отношения европейской социал-демократии к Первой мировой («империалистической») войне. Как известно, сторонников поддержки своих правительств в этой войне он называл «оборонцами», а противников войны, считавших, что у пролетариев нет отечества, — «пораженцами»¹¹. В этом ракурсе представители современной левой мысли делятся на две достаточно хорошо очерченные фракции, ведущие между собой активную, хотя по преимуществу заочную полемику в средствах массовой информации. Для представителей первой из этих двух позиций, которых можно условно назвать «пораженцами», путинский режим представляет собой попытку законсервировать итоги капиталистической реставрации в России путем установления авторитарно-полицейской диктатуры, задача которой — продлить сложившееся в стране положение на возможно более длительный срок (РУСО, ИПРОГ, «Альтернативы», троцкисты). Приверженцы второй позиции, которых в соответствии с проведенной выше категоризацией следует охарактеризовать как «оборонцев», видят в деятельности современного политического режима прежде всего попытку, хотя и не последовательную, ряда фракций правящей бюрократии обуздать олигархический капитализм, сложившийся в предшествующие годы, и восстановить мировой статус России в качестве мировой державы на путях создания жизнеспособного национального государства с ярко выраженной социально-патерналистской компонентой¹². Соответственно различию в истолковании природы нынешнего политического режима разнится и отношение к возможным перспективам его трансформации. «Пораженцы» провозглашают себя последовательными противниками современного режима и на этой основе проявляют готовность к союзу с либералами и отдельными представителями крупного капитала в борьбе против «антидемократических» тенденций современной российской власти, к созданию широкого блока антипутинских сил. Напротив, «оборонцы» приветствуют отдельные социально-политические и социально-экономические мероприятия путинского режима (фактическая национализация ЮКОСа, попытки противодействия западной экспансии на пространстве СНГ) и выступают принципиальными противниками блока с либералами и идеей «оранжевых революций».

¹¹ Систематическое обоснование эта позиция получила в работе Ленина «Социализм и война» (1915), где исходя из империалистического характера Первой мировой войны Ленин определяет позицию большевиков по отношению к ней, выдвигая лозунг о превращении империалистической в войну гражданскую, в войну угнетенных против угнетателей. Из этого стратегического лозунга вытекала и тактическая линия больше-

виков на поражение «своего» правительства в империалистической войне (*Ленин В.И. Война и социализм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 307–350*).

¹² Данная позиция характерна прежде всего для представителей некоторых интернет-ресурсов («Лефт.ру», Communist.ru).

Желательное устройство страны (политические, экономические и социальные институты)

Всех представителей левой мысли объединяет идея о том, что возрождение России как самостоятельного центра мировой политики и экономики возможно только на путях борьбы за социализм. При этом, однако, как образ общества, за которое необходимо бороться, так и предлагаемые пути его достижения существенно разнятся между собой. Базовым критерием различия здесь можно, пожалуй, назвать отношение к советскому опыту. Одни (ИПРОГ, Институт «Коллективное действие», «Альтернативы», «Социалистическое сопротивление», троцкисты) ведут речь о так называемом «демократическом социализме» (это понятие восходит к критике русской революции 1917 г. Розой Люксембург и полемике Троцкого со Сталиным), подразумевающим максимально широкое, не отягощенное какой-либо партийной диктатурой политическое участие масс в сочетании с многоукладной экономикой смешанного типа. Другие (прежде всего, «Лефт.ру», РУСО и т. п.) ориентируются на имевшийся опыт «реального социализма» с его мощной государственно-патерналистской компонентой, без которой, по их мнению, невозможно выживание России в качестве самостоятельного центра силы в «системе международного империализма». Данное различие позиций связано, во-первых, с различиями внешней ориентации ведущих игроков левого поля (ИПРОГ, «Соцсопротивление», «Альтернативы», институт «Коллективное действие» получают гранты западных левых и альтерглобалистских организаций, некоторые их ведущие фигуры, например, Б. Кагарлицкий, пользуются определенным авторитетом среди западных левых активистов и достаточно активно публикуются за рубежом), во-вторых, с особенностями социальной траектории некоторых из этих фигур: к примеру, Б. Кагарлицкий и А. Тарасов имеют диссидентское прошлое, что объясняет их если не однозначно негативное, то, по крайней мере, резко критическое отношение к советскому опыту.

Пути и механизмы достижения желаемого состояния

Применительно к векторам размежевания между ведущими течениями левой мысли России по вопросу о путях достижения желаемой социалистической модели политического, социально-экономического и культурно-идеологического устройства страны, старая дилемма «реформа и (или) революция» сохраняет определенное значение. Однако ее использование возможно лишь с целым рядом существенных оговорок, поскольку только относительно небольшая и не

¹³ Характерным образцом подобного видения будущего социализма в левой интеллектуальной среде может служить книга А.В. Бузгалина «Будущее коммунизма» (1996).

занимающая доминирующих позиций в левом сегменте часть представителей групп и структур может быть охарактеризована как придерживающаяся однозначно «революционных» или «реформистских» позиции. В то же самое время основная и наиболее влиятельная в общественном отношении часть левого спектра представляет собой по отношению к данному вопросу своеобразное «болото», где не существует однозначной и четко выраженной позиции, на что указывает также отсутствие в этой среде серьезных дискуссий относительно форм организации и методов борьбы. Это связано как с внутривнутриполитической слабостью данных структур, так и с их ориентацией на западные «новые» социальные движения альтерглобалистского толка, в рядах которых также не наблюдается общности убеждений по этому вопросу при явном преобладании реформистской компоненты. Более того, целый ряд представителей этого «болота» рассматривает саму организационную форму этих новых социальных движений («единство в многообразии») как альтернативу традиционной партийной системе с ее старой дилеммой «реформы или революции».

С учетом этих уточнений могут быть выделены группы и организации левой направленности, которые ориентируются по преимуществу на западный опыт «новых левых» 60–80-х гг. XX в. и современные формы альтерглобализма и антиимпериализма (ИПРОГ, Институт «Коллективное действие», «Альтернативы»). Сюда же можно отнести и приверженцев «романтического антикапитализма», которые в силу своей ориентации на эстетические и интеллектуальные эксперименты, равно как и по причине отказа от участия в политической деятельности традиционного партийно-политического типа, не занимают отчетливо выраженной позиции по данному вопросу.

В свою очередь группы интеллигенции социал-демократической ориентации отличаются явно выраженной реформистской направленностью и делают ставку на политическое и социально-экономическое преобразование современного российского общества путем использования исключительно легальных (как парламентских, так и непарламентских) методов политического участия. Напротив, группы левой интеллигенции, представленные в РУСО¹⁴, радикальные троцкистские течения и некоторые интернет-ресурсы, наиболее показательным из которых в данном случае является сайт «Лефт.ру», признают, по крайней мере в теории, возможность революционного преобразования современной российской действительности, хотя при этом они не исключают и использования легальных, как парламентских, так и непарламентских, методов политической борьбы.

¹⁴ Многие ведущие представители данного интеллектуального течения (например, профессора И.П. Осадчий, Р.И. Косолапов, В.В. Трушков и др.) неоднократно упрекали нынешнее руководство КПРФ во главе с Г.А. Зюгановым в «рефор-

мизме», «соглашательстве с властями» и односторонней приверженности парламентским методам политической борьбы и резко критиковали известный тезис лидера КПРФ о том, что «Россия исчерпала лимит на революции».

Вопрос о субъекте политического действия и его организационных формах

Намного более значимым для современных российских левых является вопрос о субъекте политического действия и его организационных формах. По этому вопросу на протяжении последних пятнадцати лет периодически возникают дискуссии, демонстрирующие достаточно широкий разброс мнений.

Крайний полюс занимают здесь приверженцы ортодоксального советского марксизма, троцкисты и некоторые активисты рабочего движения, а также представители независимых интернет-ресурсов и отдельные левые публицисты, которые видят главный субъект политических и социальных трансформаций в пролетариате в традиционном смысле этого слова, т. е. в промышленном и организованном рабочем классе. Кроме того, в левой среде ведется активная дискуссия о так называемом «новом пролетариате», к которому причисляют прежде всего наемных работников умственного труда и сферы услуг. В определенном смысле она является отражением идущей на протяжении нескольких последних десятилетий дискуссии в западном марксизме о том, кем считать работников, занятых в нематериальной сфере производства, что связано, в свою очередь, с широким распространением форм нефизического труда (сфера обслуживания, менеджеры, социальные работники, программисты и т. д.) в экономике развитых капиталистических стран центра и полупериферии в 50–90-х гг. XX в. В русле этих споров наблюдается тенденция к расширительному толкованию субъекта политических и социальных трансформаций, что позволяет некоторым авторам говорить даже о «восстании среднего класса» (Б. Кагарлицкий) как о главной движущей силе, противостоящей современному глобальному капитализму¹⁵. Кроме того, в среде «романтически» настроенных левых интеллектуалов широкой популярностью пользуются идеи автономного действия, в соответствии с которыми главными субъектами преобразований объявляются различные маргинальные общественные группы, лишенные четко определенных социальных ролей: студенты, безработные, представители отдельных творческих профессий и прочие носители «свободного воображения».

Национальный вопрос

Агенты левого сегмента поля интеллектуального производства, по крайней мере на уровне деклараций, традиционно придерживаются интернационализма, считая его единственно возможной для настоящих левых позицией¹⁶. Однако конкретное понимание того, что представляет собой этот интернационализм, достаточно сильно разнится. Базовым критерием различия позиций по национальному вопросу

¹⁵ См.: Кагарлицкий Б. Восстание среднего класса. М.: Ультра.Культура, 2003. ¹⁶ Следует, однако, отметить, что подобное понимание неразрывной связи между социализмом

служит отношение тех или иных групп левых интеллектуалов к современному политическому режиму в России. Соответственно различается и толкование интернационализма у «пораженцев» и «оборонцев». Первые толкуют его максимально расширительно, декларируя «право наций на самоопределение» (понимаемое, впрочем, довольно абстрактно), и на этой основе выражают готовность к любым политическим альянсам, в том числе и с довольно экзотическими фигурами вроде Г. Джамали с его «политическим исламом» (в особенности по вопросу о Чечне). Вторые считают интернационализм возможным только в рамках некоего большого политического проекта (вроде возрождения СССР), заявляя при этом о необходимости «беспощадной борьбы с буржуазным национализмом и сепаратизмом» на территории СНГ. Очень хорошей иллюстрацией этого различия позиций могут послужить взгляды тех и других на вооруженный конфликт в Чечне и «цветные революции» в странах бывшего СССР. «Пораженцы» (ИПРОГ, троцкисты, институт «КД», «Альтернативы», некоторые независимые публицисты) занимают однозначно прочтенскую позицию, толкуя конфликт в Чечне как «вооруженную борьбу чеченского народа против империалистической политики России на Северном Кавказе», и выступают, разумеется, за поражение России в очередной кавказской войне. Сходных позиций они придерживаются и в вопросе об отношении к «цветным революциям»: здесь также речь идет о «праве наций на самоопределение» (при этом мало кто задается вопросом, что представляют собой эти «нации» и существуют ли они вообще), и соответствующие события рассматриваются как выражение «демократической воли народа» и средство борьбы с российским империализмом на территории бывшего СССР.

«Оборонцы» («Лефт.ру», некоторые независимые публицисты), напротив, видят в чеченском национализме и сепаратизме инструмент, используемый ведущими империалистическими державами для ослабления России. По этой причине вооруженный конфликт на Кавказе рассматривается как часть борьбы отдельных фракций отечественной бюрократии за построение сильного национального государства, создание которого они считают необходимым этапом в дальнейшей борьбе трудящихся за социализм и восстановление СССР. Равным образом и «оранжевые революции» рассматриваются как инспирированное западным империализмом установление буржуазно-националистических режимов, задачей которых является дальнейшее ослабление и подчинение России империалистическому центру, сопровождаемое созданием вокруг нее нового «санитарного кордона», наподобие того,

и интернационализмом достаточно энергично оспаривается целым рядом игроков как на политическом, так и на интеллектуальном поле современной России (идеологи КПРФ, «Родины»,

А. Баумгартен и др.). Речь идет о тех, кто считает, что в мировой истории социализм всегда принимал два облика: интернациональный и национальный.

III Тимофей Дмитриев, Максим Фетисов
ЛЕВЫЕ

что имел место в 20-е гг. в отношении тогдашнего СССР. Идеальной моделью решения вопроса о самоопределении наций эта группа левых интеллектуалов считает советский опыт национально-государственного устройства.

Историческая доктрина («осевые события» в отечественной и мировой истории)

Применительно к современным российским левым вряд ли стоит говорить о наличии у них какой-то когерентной исторической доктрины или тем более некой всеобъемлющей философии истории. Тем не менее можно говорить о наличии некой общности взглядов на исторический процесс у различных представителей левого сегмента интеллектуального поля. Прежде всего, практически все сходятся в определении главных исторических событий. К таковым относятся прежде всего революция 1917 г., означающая радикальный поворот в истории современности, и так называемые «демократические революции после 1989 г.», ознаменовавшие крах советской системы. Существенно разнятся, однако, оценка того, что было в промежутке между этими событиями, и понимание причин падения СССР (о чему уже было сказано выше).

Из отличительных особенностей также стоит отметить, что «романтики» и значительная часть «альтерглобалистов» придают особое значение событиям 1968 г., пытаясь импортировать на отечественную почву опыт «новых левых» и новых социальных движений, вызванных к жизни этими событиями.

Зарубежные аналоги и авторитеты

Уже упомянутая общая интеллектуальная и политическая несамостоятельность отечественных левых интеллектуалов, а также их ориентация на внешние источники не позволяет говорить о наличии у них прямых зарубежных аналогов, с которыми их можно было бы сопоставить по силе или авторитету, скорее стоит вести речь о влияниях и заимствованиях или же о прямом организационном встраивании в мировые левые течения (альтерглобализм). Здесь опять следует провести разделение (достаточно условное) по формам организации на агентов, ориентирующихся, с одной стороны, на новые социальные движения («альтерглобалисты», часть троцкистов), и агентов, придерживающихся ориентации на более традиционные формы политической организации, с другой. Интеллектуальные ориентиры первой части спектра представляют собой достаточно сложную амальгаму взглядов. Она не очень хорошо структурирована, что в принципе вполне соответствует ее западному аналогу, также состоящему из широкого набора зачастую совершенно противоречащих друг другу позиций. Кроме общепризнанных авторитетов (общих для всего поля в целом), к которым относятся классики марксизма-ленинизма и отчасти Л.Д. Троцкий,

112 Мыслящая Россия
II. Политика

большой популярностью у нынешних российских левых пользуется также целый ряд более современных концепций. К ним прежде всего относится миро-системный анализ, представленный главным образом работами И. Валлерстайна¹⁷, в последние годы активно выходящими на русском языке. Определенной популярностью пользуются троцкистские авторы (Э. Мандель, Т. Клифф, А. Каллиникос и др.), а также активисты альтерглобалистского движения (К. Агитон, Субкоманданте Маркос, Н. Кляйн).

Ориентиры второй части спектра (к которым относятся прежде всего интернет-ресурсы Communist.ru и «Лефт.ру») также представляют собой широкий набор взглядов, который можно в общем охарактеризовать как «антиимпериализм». Так, ресурс «Лефт.ру» большое внимание уделяет публикации теоретических работ западных авторов, посвященных проблематике современного западного империализма и борьбы с ним (И. Месарош, М. Паренти, Дж. Б. Фостер, Дж. Петрас, а также представители леворадикального крыла миро-системного анализа и теории отсталости вроде Самира Амина и А.Г. Франка).

Наконец, особняком стоят интеллектуальные предпочтения «романтиков». Здесь картина самая пестрая: от классиков революционного марксизма до «новых левых» (Г. Маркузе), ситуационистов (Г. Дебор, Р. Ваннейгем), различных теоретиков современного искусства и активистов альтерглобалистского движения вроде уже упоминавшегося Маркоса. Также в этой среде наиболее отчетливо из всех прочих прослеживается интерес к деятельности «академических» левых (А. Негри, М. Хардт, Л. Альтюссер, А. Бадью, Ж. Рансьер, Э. Балибар, Ф. Джеймисон, С. Жижек, Дж. Агамбен и др.) и к таким «условно левым» фигурам, как М. Фуко или Ж. Делез. Однако, как правило, уровень подавляющего большинства интеллектуальной продукции российских левых не поднимается выше обычной публицистики, поэтому вряд ли стоит ждать появления в этой среде фигур уровня Бурдьё, Негри, Жижека или Каллиникоса.

Наконец, нельзя не отметить, что для ряда российских левых характерен интерес к опыту вооруженного леворадикального сопротивления, направленного против внутренней реакции и внешних импе-

¹⁷ Концепция миро-системы легла в основу по меньшей мере двух последних книг Б. Кагарлицкого. См.: *Кагарлицкий Б. Ю.* Восстание среднего класса. М., 2003; *Он же.* Периферийная империя. М., 2004. Большая популярность идей И. Валлерстайна и его школы у ряда российских интеллектуалов объясняется тем, что, по их мнению, на 90-е гг. концепция миро-системного анализа наиболее последовательно объясняла текущее положение дел в мире. Однако стоит заметить, что его чересчур жесткий объективизм и экономический детерминизм (модель

центр — периферия и циклическая методология) делают миро-системный анализ аналогом марксизма II Интернационала и ставят его последователей в весьма двусмысленное положение, поскольку миро-системный подход позволяет либо вообще не рассматривать всерьез вопросы о субъекте действия и политической организации, либо возлагает ответственность за революционное преобразование общества на различные квазисоциологические, на наш взгляд, сущности вроде «среднего класса».

113 Тимофей Дмитриев, Максим Фетисов
ЛЕВЫЕ

риалистических сил, как в традиционной форме партизанского движения (гражданские войны XX в. в Китае под руководством Мао Цзэдуна, сандинисты в Никарагуа 60–80-х гг. XX в., сапатисты (Мексика), ФАРК (Революционные вооруженные силы Колумбии) и т. д.), так и в форме городской герильи («Ячейки красной армии» (ФРГ), «Красные бригады» (Италия), «Аксон директ» (Франция), «Японская красная армия», различные фракции палестинского национально-освободительного движения). На это, в частности, указывает постоянно растущий объем публикаций на эти темы в периодической левой прессе, равно как издание литературы по соответствующей проблематике¹⁸.

Итоги и перспективы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно качественного состояния левого сегмента поля интеллектуального производства в современной России.

1. По отношению к социально-политическим запросам общества институционализация данного сегмента носит опережающий характер. В итоге складывается ситуация, при которой соответствующие инициативы маргинализируются, а сами инициаторы начинают ориентироваться преимущественно на проекты, нацеленные на приращение собственного культурного капитала. Как правило, институциональные структуры, создаваемые этими интеллектуалами, представляют собой «клубы по интересам», либо это не претендующие на политическое влияние экзотические и маргинальные кружки, формально не конституированные в форме институтов, которые ориентированы на реализацию различных контркультурных проектов и создание сообществ альтернативного типа.

2. Поле интеллектуального производства на левом фланге отличается высокой степенью идейной и институциональной фрагментации. Эту ситуацию можно объяснить как менее благоприятными — по сравнению с носителями либеральной идеологии, в начале 90-х гг. XX в. обладавшими практически безраздельной гегемонией в российском интеллектуальном поле, — условиями институционализации, так и такими характерными для данной страты факторами, как высокий уровень конкуренции за ограниченные ресурсы (нередко западного происхождения) и высокая степень индивидуалистического соперничества ведущих игроков. В результате левым интеллектуалам в России так и не удалось создать ни одного влиятельного общественно-политического журнала (типа *New Left Review* (Великобритания), *Le Monde*

¹⁸ В качестве примера можно указать на книжную серию «Час „Ч“», издаваемую издательством «Гилея» под редакцией известного левого публициста А. Тарасова (здесь вышли книги, посвященные движению сапатистов, Революционным

вооруженным силам Колумбии и идеологу и одному из создателей «Ячейки красной армии» У. Майнхоф), а также некоторые публикации издательства «Ультра.Культура».

Diplomatique (Франция), Monthly Review (США)), равно как и ни одного крупного социально-политического издательства левой или леволиберальной ориентации (типа Verso, Pluto (Великобритания), Suhrkamp (ФРГ)), которые могли бы восприниматься если не всеми, то, по крайней мере, основными субъектами поля интеллектуального производства в качестве трибуны для выражения своих интеллектуальных позиций и площадки для осуществления совместных проектов.

3. Характерной особенностью современного состояния поля интеллектуального производства на левом фланге является его идеологическая и интеллектуальная размытость. Об этом свидетельствует неопределенность социальной идентичности представителей левой интеллигенции, их политических пристрастий и идеологических ориентаций, что, помимо прочего, существенно затрудняет классификацию этого сегмента отечественного поля интеллектуального производства. Характерным симптомом данного положения дел служит неопределенность по организационному вопросу, всегда имевшему большое значение для левых.

С одной стороны, явственно просматривается ориентация ряда ключевых акторов на опыт «новых социальных движений», демонстрирующая абстрактный и внеконтекстуальный характер их понимания специфики современных левых движений. Следствием чего является недооценка условий и особенностей социальных процессов в современной России. Во многом такая дезориентация стимулируется зависимостью от внешних ресурсов (финансовых, интеллектуальных, организационных). В результате складывается ситуация, при которой в качестве интеллектуальных ориентиров российских левых выступают акторы, встроенные или пытающиеся выстроиться в международный контекст, но при этом явно маргинализованные и деконтекстуализированные в самой России. С другой стороны, имеет место противоположная тенденция — не менее абстрактная и не привязанная к местному контексту ориентация на традиционные политико-партийные и идеологические формы классовой борьбы пролетариата (троцкисты, некоторые интернет-ресурсы). При видимой противоположности этих двух тенденций они ведут к схожему результату — маргинализации современного левого движения в России.

4. Помимо этих институциональных и социальных факторов, оказывающих значительное влияние на структуру левого интеллектуального поля, свою лепту в поддержание высокой степени его фрагментации вносят также расхождения по ключевым вопросам современной российской социальной и политической ситуации, радикальные расхождения в оценке советского прошлого России. Во-первых, различные левые течения в России существенно расходятся в своем отношении к существующему в современной России политическому режиму: большая часть из них настроена по отношению к режиму президента В. Путина резко оппозиционно, обвиняя его в сворачивании демократических

свобод, тогда как меньшая часть видит в проводимом властями курсе попытку обуздания олигархического капитализма и создания сильного национального государства с элементами системы всеобщего благосостояния, что, во-первых, «бьет по интересам капиталистов», а во-вторых, «увеличивает потребности и запросы всей рабочей силы, которую полтора десятилетия приучали к нищете и самым минимальным потребностям»¹⁹.

К проблеме отношения к современному политическому режиму тесно примыкают расхождения по национальному вопросу, наиболее яркими проявлениями которых является отношение нынешних российских левых к войне в Чечне и «цветным революциям». Данные расхождения, в свою очередь, ведут к достаточно парадоксальным политическим следствиям, в частности, к блокированию некоторых российских левых с отечественными ультралибералами на почве совместной борьбы с авторитарными тенденциями нынешнего политического режима, а с другой стороны, с экзотическими фигурами и проектами типа Г. Джемалы с его «политическим исламом». Особняком здесь стоят те российские левые, которые считают, что риторика «права наций на самоопределение», «прав человека» и «демократических революций» в странах СНГ служит не более чем прикрытием для империалистической политики ведущих стран Запада (прежде всего, США) на постсоветском пространстве, конечной целью которой является подчинение России. На этом основании они положительно оценивают борьбу нынешних российских властей с сепаратизмом на Северном Кавказе и их противодействие «оранжевым революциям» в странах СНГ.

Еще одна общая тенденция в среде российских левых (за исключением РУСО и ряда интернет-ресурсов) — это резко критическое, а иногда однозначно негативное, зачастую принимающее гротескные формы отношение к советскому опыту (обусловленное во многом некритическим восприятием оценок советского опыта «новыми левыми» Запада), что ставит российских интеллектуальных левых в парадоксальное положение: если правомерно рассматривать советский проект как проект по сути своей западный (в смысле инварианта системного проекта Просвещения) и левый (по своим идейно-политическим ориентациям), то его однозначно негативная оценка и развенчание приводит к полной исторической деконтекстуализации левой мысли в современной России, что, в свою очередь, влечет за собой уход левой интеллигенции в различные эскапистские практики и стратегии — эзотерику и эстетизм (радикальные художники), бунтарство «без берегов» и отчетливо поставленных целей и т. д.

¹⁹ Якушев Д. Комментарии к началу нового политического сезона в России [<http://left.ru/2005/13/yakushev130.phtml>].

116 Мыслящая Россия
II. Политика

В силу всех вышеперечисленных причин и оснований неоднократно предпринимавшиеся левыми попытки объединения и выработки единой стратегии и тактики успеха пока не принесли (из последних примеров можно назвать три недавних форума левых сил и Российский социальный форум). Все это во многом ограничивает сферу влияния левых интеллектуальных течений двумя столицами. Но даже здесь организационные формы этих течений представляют собой «тепличные растения», существование которых зависит от внешней, «грантовой» поддержки.

В результате в поле возможной левой политики доминируют совсем другие игроки. Собственно политическое поле занято такими организациями, как КПРФ и «Родина», тогда как в сфере культурного производства доминируют литераторы вроде Проханова и Лимонова. Соответственно, четких перспектив политики, последовательно осуществляемой «истинными левыми», в России пока не просматривается.

Михаил Ремизов

КОНСЕРВАТИЗМ

История консерватизма как партийного бренда в России до сей поры резюмировалась фразой Владислава Суркова, оброненной на партсобрании «Единой России»: «Мы, безусловно, консерваторы, но пока не знаем, что это такое». В рамках данного очерка мы будем стараться говорить о тех, кто «знает» или хотя бы думает, что знает, что это такое, т. е. о консерватизме как идеологическом течении. Сначала попробуем перечислить в первом приближении наиболее заметные из консервативных фигур и институций.

Пожалуй, из интеллектуальных консерваторов наиболее близко к партийно-политическому «запросу на консерватизм» стоят идеологи «Серафимовского клуба», образованного в конце 2003 г. группой известных журналистов, — Александром Приваловым, Михаилом Леонтьевым, Максимом Соколовым, и кинематографистов — Сергеем Сельяновым, Алексеем Балабановым. Оперативным центром этой группы является журнал «Эксперт», видящий свою миссию в разработке «национально-либеральной» идеологии, причем, как правило, в экономикоцентричном ключе.

Тогда же, в 2003–2004 гг., на основе семинара «РЖ-сценарии», действовавшего при «Русском журнале», сложился формат идеологического клуба консервативных экспертов и журналистов, получившего название «Консервативный пресс-клуб». «Кадровый костяк» клуба составили публицисты и ученые: Вадим Цымбурский, Виктор Милитарев, Юрий Солозобов, Борис Межуев, Константин Крылов, Егор Холмогоров, Андрей Окара. Своим культуроцентризмом он оттенял экономический крен «Серафимовского клуба», а в качестве полюса антилиберального консерватизма оппонировал «национал-либеральному синтезу». В качестве изданий, представляющих это направление, фигурировали в разное время газета «Консерватор» (в 2003 г.); политотдел сетевого «Русского журнала» (в 2002–2003 гг.); аналитический сайт Агентства политических новостей (с июня 2004 г. по настоящий момент) и альманах «Стратегический журнал», издаваемые Институтом национальной стратегии; журнал «Русский предприниматель» (главный редактор — вышедший из группы «Эксперта» Андрей Кобяков) и некоторые другие издания.

Отдельно можно упомянуть направление православного консерватизма, которое не имеет четкой институциональной привязки, если не считать собственно церковных структур, — таких как Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата (митрополит

Кирилл) или Сретенский монастырь (архимандрит Тихон Шевкунов). Это направление за последние годы заметно интеллектуализировалось благодаря деятельности таких изданий, как «Православие.ру» или «Правая.ру», лицом которых стали публицисты Виталий Аверьянов, Илья Бражников, Олег Беляков, Наталия Нарочницкая.

Среди сознательно «консервативных» общественных институций следует также назвать литературно-философскую группу «Бастин», действующую на протяжении последних шести лет, объединяющую писателей-фантастов и идеологов имперско-православного направления (Дмитрий Володихин, Эдуард Геворкян, Глеб Елисеев, Кирилл Бенедиктов и др.); Российский фонд культуры Никиты Михалкова, проводивший на протяжении нескольких лет философско-культурологический «Консервативный семинар». Существуют авторитетные центры, не декларирующие напрямую идеологический консерватизм, но имеющие к нему непосредственное отношение. Такие как многолетний Экспериментальный творческий центр Сергея Кургина, издающий журнал «Россия XXI» и альманах «Школа целостного анализа», или Институт русской истории при РГГУ, возглавляемый Андреем Фурсовым, где выходит в свет «Русский исторический журнал».

Наконец, следует назвать несколько имен, которые сами по себе равнозначны «институтам» консервативного идейного поля. Это Александр Солженицын, покойный философ-политолог Александр Панарин, философ-геополитик Вадим Цымбурский, левоконсервативный мыслитель Сергей Кара-Мурза, консервативный «миссионер» и геополитик Александр Дугин, культуролог Владимир Махнач, православный публицист Андрей Кураев...

Конечно, этот набор консервативных фигур и центров заведомо произволен и неполон. Систематизировать и расширять его — задача для историков и социологов. Наша задача в данном случае в другом: понять, что придает всему этому «социальному срезу» характер «интеллектуального поля». И возможно, идеологического полюса.

Консерватизм в поисках «референта»

Едва только в консерватизме начали видеть некую идейно-политическую платформу, как консерваторы повели друг с другом борьбу за политическое определение консерватизма — за возможность дать полю свою разметку. Эта борьба не является признаком склочности. Она представляет собой естественную и вполне продуктивную реакцию на изначально проблематичный статус консерватизма как политической идеологии. Каждый назвавшийся «консерватором» слышал этот вопрос неоднократно: что вы собираетесь «консервировать» в России — стране с неоднократно прерванной традицией? Вопрос вполне уместный. Но именно как вопрос. А не как *аргумент* против российского консерватизма. Дело в том, что консерватизм как таковой выходит

на сцену именно тогда, когда «консервировать» уже поздно. Когда символический порядок имперского и сословного общества, который, собственно, и мог служить предметом «консервации», поскольку был равнозначен для религиозного сознания *миропорядку*, превратился в руины по мере продвижения «просвещения», «революции», «эмансипации». Консервативное сознание, пробужденное к жизни ощущением своей связи с *уходящим* миром, попадает в ситуацию конфликта, но конфликта продуктивного: вынуждающего консерватора *«делать себя вместо того, чтобы просто быть»*. Обосновывать свое право на участие в политической современности консерватор может, лишь сознательно «моделируя» то, что подлежит «охранению».

Таким образом, исходное ретроспективное и негативное переживание, из которого «рождается» консерватизм, еще не представляет собой никакой *политической позиции*. Политический статус консерватизма заведомо проблематичен: ощущение наследственной связи с «уходящим миром» должно быть рефлексивно *переработано* в претензию на участие в политическом настоящем. Консерватор вынужден дополнительно обосновывать свою политическую уместность. Стиль и метафизика этих обоснований могут быть весьма различны. Отсюда во многом и коренное различие в определениях и самоопределениях консерваторов.

Прежде чем двигаться дальше, отметим один момент — важный не столько идеологически, сколько психологически. Если консерватизм рождается как *реакция* на «непоправимую утрату», то современный российский консерватизм, без сомнения, рожден как реакция на уничтожение и распад советской империи. Это и есть «старый порядок» современных консерваторов, который как таковой невозвратим («Реставрация — особая форма уничтожения реставрируемого», — предупреждал Карл Шмитт), но служит психологической точкой отсчета. Общность опыта утраты имеет большое эмоциональное значение: президент, сожалеющий об СССР, — уже наполовину свой¹. Можно даже сформулировать методологическую максиму: первичное, психологическое понимание консерватизма должно ориентироваться на вопрос *«что вы потеряли?»*. *«Что вы намерены сохранять?»* — это уже второй вопрос. Варианты ответа разные, но их не то чтобы много.

Первая и простейшая реакция: сохранять то, что попадет под руку. «То, что создано за последние полтора десятка лет, хорошо бы сохранить. Надо признать, багаж получается не такой уж большой. Тем важнее его сберечь» — так говорит Владислав Сурков о правоконсервативном кредо «Единой России». Но даже этот консерватизм статус-кво обладает лишь кажущейся простотой. Сознательное сохранение, воспроизводство любой развивающейся социальной системы требует

¹ Конечно, это верно не для всех консерваторов. Взять того же А. Солженицына. Его ностальгическая родина — за пределами Октября семна-

дцатого. Но своеобразие российского консерватизма во многом предопределяет именно изживание утраты советского «старого порядка».

прежде всего — способности теоретически различать в ней существенное и несущественное, а также практически отделять одно от другого. Иными словами, некоего представления о сущности системы, которое никак не выводимо из ее данности.

Если отталкиваться от сегодняшних российских реалий, то возможен и оппозиционный вариант охранительного дискурса. В этом случае предметом сохранения мыслится не система власти, а то, за счет чего она существует: народ. Отсюда лозунг «сбережения народа» как выражение консервативного кредо по Солженицыну. Не важно, что слоган был повторен Путиным, важно, что в топике народнического сознания «сбережение» есть слово к несправедливой власти, замолвленное о народе². «Неужели не образумятся все делающие беззаконие, съедающие народ мой, как едят хлеб, и не призывающие Господа?» (Пс. 13.4) Но и здесь не обойтись без уточнений: что делает в глазах консерватора народ — народом, т. е. чем-то достойным сознательной заботы и сбережения? В одном из первых номеров «второго» «Консерватора» Егор Холмогоров ставит в центр «народнического» понимания консерватизма «предрассудки», безотчетно объединяющие «русских людей». Действительно, одна из традиционных миссий консервативного интеллектуала — в *сознательной* апологии *бессознательной* правды своего народа. Но есть ведь и такой парадокс: в нашем народе сколько угодно *антинародных* предрассудков. Каждый без труда вспомнит набор «самоедских» стереотипов русского народа (причем отнюдь не всегда «привнесенных!»), которые, как правило, не только могут, но и должны быть преодолены средствами просвещения. Отделение «истинного» бессознательного от «ложного» потребовало бы слишком глубокого погружения в метафизику «народного духа».

Самый метафизически заостренный ответ о предмете «сохранения» для консерватизма дается, пожалуй, религиозными консерваторами. Основа консервативной миссии в их понимании — сохранить в максимальной степени возможность *спасения*, которая, с одной стороны, сужается по мере нарастания «апостасии» (отпадения от веры), с другой — никогда не может быть полностью устранена. «В рамках воззрений органических, к которым консерватизм относится по определению, [охранительную миссию] невозможно мыслить, не апеллируя к понятию спасения». Это пишет Максим Соколов в рамках дискуссии о консерватизме в «Эксперте». Пожалуй, его ответ отсылает к наиболее прочному фундаменту. Но проблема в том, чтобы описать условия религиозного спасения в координатах *политической* миссии. Переход от естественно-охранительной установки «религии откровения» к сознательному политическому консерватизму — отдельная творческая задача, решаемая за пределами самой религии.

² См.: Солозобов Ю. Русские на том свете // Апология. 2005. № 5.

Консерватизм против консерватизма: методология реконструкции

Примеры подобных определений и самоопределений сегоднешнего консерватизма можно множить, но вряд ли они позволят нам увидеть его как целостный феномен. Чтобы всерьез говорить о политических идеологиях, опираться на самоназвания недостаточно. Необходимо осознанный принцип селекции, хотя бы минимальная теоретическая почва для ответа на вопрос «что консервативно?». В первом приближении я бы выделил два принципиально различных методологических подхода к реконструкции консерватизма.

Первый из них рельефно выражен Сэмюэлем Хантингтоном. И пожалуй, его точка зрения является преобладающей в политологической среде хотя бы потому, что наиболее проста. «Обнаружения консерватизма, — пишет он, — представляют собой просто параллельные идеологические реакции на сходные социальные ситуации. Содержание консерватизма по существу статично. Его проявления исторически изолированы и дискретны. Таким образом, как ни парадоксально, консерватизм, будучи защитником традиции, сам существует без традиции. Консерватизм — этот призыв к истории, сам без истории»³. Утверждение Хантингтона выглядит как констатация, но по существу имеет полемический подтекст — заостренный против каких бы то ни было *интегральных* версий консерватизма. Этот подтекст отчасти ясен из энциклопедического комментария Леонида Полякова. Выражаемое Хантингтоном «понимание консерватизма позволяет рассматривать эту политическую идеологию функционально — как ответ на вызовы, обращенные к конкретному обществу с его конкретной экономической, политической и культурной проблематикой. Нет необходимости ни сводить его к всего лишь аристократической реакции на Французскую революцию 1789 г., ни превращать в надисторическую „вечную“ философию. Консерватизм как идеология, принципиально не имеющая идеала совершенного общественного строя (не существует „консервативной утопии“), определяется Хантингтоном как „институциональная“, т. е. выступающая в защиту наличных социальных институтов, когда они оказываются под угрозой. В отличие от „идеационных“ идеологий (либерализм и социализм), имеющих свой общественный идеал»⁴.

В рамках подобного понимания консерватизм действительно не может рассматриваться как самостоятельная традиция политического мышления. Он противостоит не другим идеологиям, а *радикальным прочтениям* любой из них. Как таковой, он не является

³ Huntington S. Conservatism as an ideology // The American Political Science Review. 1957. № 51. P. 469.

⁴ Консерватизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М., 2000.

политическим мировоззрением наряду с другими, но представляет собой формулу их практического компромисса — между собой и с действительностью. Именно так обосновывает понятие «либерального консерватизма» один из его отечественных идеологов Алексей Карамурза⁵. Вне зависимости от того, примем мы или оспорим эту формулировку, она позволяет отчетливее уяснить взаимосвязь между методологическим и политическим подходами к консерватизму. В частности, если мы методологически ставим цель воссоздать консерватизм как интеллектуальную традицию, то мы должны будем принять для него и иное политическое определение.

Именно такую цель ставит перед собой, пожалуй, наиболее проницательный исследователь консервативной мысли Карл Мангейм. Для Мангейма как социолога знания политические идеологии значимы как несводимые друг к другу «*стили мышления*» (рассматриваемые по аналогии со стилями в искусстве), имеющие свою морфологию и динамику. Французская революция катализировала поляризацию этих стилей мышления, но отнюдь не предопределила навеки ни их повестку, ни их временной горизонт. Воспроизведенное Л. Поляковым шаблонное противопоставление двух «неправильных» определений консерватизма — как «надисторической философии» и как «всего лишь аристократической реакции на 1789 год» — является для Мангейма совершенно ложным. Консерватизм — философия, вырастающая *вплоть до наших дней* из корня аристократической реакции на 1789 г., т. е., с одной стороны, никакая не «надисторическая», с другой — не замкнутая в интервале «от революции до реставрации». «Консерватизм, — пишет Мангейм, — представляет собой... исторически развитую динамичную объективную структурную конфигурацию. Люди переживают опыт и ведут себя консервативным образом (в отличие от традиционалистского) в той и только в той мере, в которой включаются в одну из фаз развития этой объективной мыслительной структуры (обычно в современную им фазу)»⁶. Понимание консерватизма как «объективной мыслительной структуры», имеющей свою морфологию и свою диалектику, явно идет вразрез с характеристиками, исходящими от Хантингтона. «Статичность» и «дискретность», приписываемые им консерватизму как таковому, для Мангейма являются атрибутами доидеологической формы консервного сознания, именуемой «традиционализмом». «Традиционалистское поведение представляет собой практически чистую серию реакций на раздражители»⁷. Консерватизм идеологический также носит поначалу характер *реакции* — «реакции на тот факт, что „прогрессивность“ оформилась в качестве определенной

⁵ Который не устает повторять, что консерватизм в его понимании — прежде всего прививка от «варварства», необходимая базовым политическим идеологиям, будь то либерализм или социализм.

⁶ Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. 1994. С. 596.

⁷ Там же. С. 596.

тенденции»⁸. Но, сообразуясь с характером самой «прогрессивности», эта реакция уже не могла оставаться спонтанной и дискретной, а становилась все более рефлексивной и комплексной.

«Идеологи консерватизма, — пишет, вторя Мангейму, Дэвид Блур, — стремились создать идеологию, которая во всех отношениях представляла бы альтернативу идеологии естественного закона того времени. Они также пытались пойти дальше этого, обнаружить и подвергнуть сомнению основные предпосылки, которые казались лежащими в основе притязаний, характерных для этой последней»⁹. В этом случае можно говорить о консерватизме не как о праксеологическом «антирадикализме», а как о целостном политическом мировоззрении, составляющем альтернативу таким политическим идеологиям современности, как либерализм и социализм. Или, точнее, — всему семейству идеологий, основанных на предпосылках Просвещения.

Какой из подходов признать правильным? Если отталкиваться от опыта, то оба. «Разногласия» Мангейма и Хантингтона дают повод говорить не просто о разных подходах, но о разных «консерватизмах», один из которых можно назвать «ситуационным», или «институциональным» (коль скоро речь в нем — о сохранении реально сложившихся институтов), другой — «интегральным», или «идеологическим» (коль скоро речь в нем — о консерватизме как самостоятельной идеологии, оппонирующей либерализму и социализму). Каждый из них имеет свою доминанту, свою биографию, и рассматривать их лучше по отдельности.

Ситуационный консерватизм

Сначала опять же о том, что проще, т. е. о *ситуационно-охранительном консерватизме* в сегодняшней России. Некоторые его представители уже названы. Но дело не в представителях — таковые всегда найдутся, а в общественной атмосфере. Настроения, питающие этот консерватизм статус-кво, стали ощутимы на стыке веков, т. е. попросту в период утверждения Путина у власти. И дело не в том, что Путин стал лидером «охранительных» настроений или их объектом. Просто в его лице популярная и подчеркнута реалистичная власть позволила или в каком-то смысле *заставила* российское общество 90-х гг. уверовать в собственную реальность. Ельцинская Россия ощущала себя как во сне, в ее событиях не было *необратимости*, в ее отношениях не было *системности*. Кто-то видел в этом дьявольский морок, кто-то — «уйму возможностей». Конечно, речь именно о самоощущении, но *инстанция реальности*, в том числе социальной, — и есть своего рода психологический конструкт. С появлением нарочито «вменяемой» власти,

⁸ Указ. соч. С. 597.

⁹ Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // Логос. 2002. №5–6. С. 50.

которая в России воспринимается как *центр* общества, реальность начала «обретать плоть». Вопреки многим ожиданиям, возникшая власть не повела народ прочь из безвременья, а предложила начать в нем обустриваться. В этом и только в этом¹⁰ суть консерватизма путинского призыва. Благодаря небольшому символическому довеску броуновское движение 90-х гг. приобрело характер системы, в отношении которой можно занять позицию «охранения» или постепенно «улучшения».

Спонтанный консерватизм «путинской эпохи» выражается то в нарочитом социальном оптимизме, то в повышенной тревожности по поводу возможной потери достигнутого и сползания в хаос (что в принципе психологически свойственно консерватору), то в энтузиазме реформирования, то в критике «отдельных недостатков». Но все эти модальности стабилизационного консерватизма до сих пор остаются на уровне настроений и не образуют никакой охранительной «системы мысли», даже пунктирной. Чтобы таковая возникла, необходимо довести спонтанно-охранительную установку до уровня того институционального сознания, о котором говорит Хантингтон. Для начала — обозначить, вычленить в данном, реально существующем политическом режиме и социальном укладе собственно *базовые институты*, обеспечивающие социальное воспроизводство, оказывающиеся под угрозой и нуждающиеся в защите и дополнительной «культивации». К таким институтам в любом обществе относятся: реальные механизмы преемственности и ротации власти; корпоративная этика правящего слоя и бюрократии; механизмы регулирования хозяйственной системы; общенациональная идентичность и официальная историческая мифология; нормы публичной общественной морали и по ситуации — многое другое. Определенность по этим позициям не дает ни истины, ни программы действий. Но она дает хотя бы модель институционального каркаса общества, к которой консерватор может апеллировать для обоснования своей охранительной миссии. Если такой модели нет, то об «институциональном» или «ситуативном» консерватизме как интеллектуальном явлении говорить не приходится.

Отсутствие этого институционального референта российские консерваторы статус-кво компенсируют ссылкой на «демократические завоевания» новой России. «Мы никогда от них не откажемся, потому что заплатили за них слишком большую цену». Эта парадоксальная формула Владимира Путина, недавно повторенная взыскующим «консерватизма» лидером «Наших» Василием Якеменко, в общем и целом означает, что те институты либеральной демократии, которые были

¹⁰ А отнюдь не в «повороте к национальным интересам», по степени актуализации которых между правлением Путина и поздним правлением Ельцина нет ощутимой разницы.

«импортированы» вкупе со всем остальным после разрушения «железного занавеса», и должны служить референтом охранительной идеологии постсоветской России. Институты либеральной демократии в самом деле по определению носят «базовый» характер. Но разве признание разрыва между *фасадами* либеральной демократии и реальным *modus vivendi*¹¹ современной России не является сегодня общим местом? Разумеется, всегда есть возможность сказать: «Тем хуже для фактов», т. е. увидеть в этом знак порочности современной российской жизни и вектор ее преобразования. Но подобный ход мысли будет как раз методологически *антиконсервативным*. Ведь сам пафос институционального консерватизма по Хантингтону состоит в том, чтобы не осуждать существующее от имени той или иной теории должного, а разобраться в том, как существует существующее, на основе какой внутренней логики и каких механизмов, и произвести тонкую настройку, оптимизацию. Концепт «демократических завоеваний» — как блефа, купленного столь дорогой ценой, что теперь нельзя от него отказаться, — мешает постсоветским «охранителям» не только решить, но даже поставить эту задачу. Таким образом, современный институциональный консерватизм в России не является таковым даже по собственным критериям.

Но ведь он существует! — возразят мне. Произносятся речи, выходят книги, пишутся статьи, где идеи либеральной демократии и ценности рыночного общества аранжируются не утопическим гуманизмом, а *охранительным патриотизмом*, подчас даже с милитаристскими и алармистскими нотами, т. е. аранжируются консервативно. Да, это характерное для современного западного консерватизма сочленение паттернов либерального и националистического сознания, т. е. действительно наблюдается в определенных кругах российских интеллектуалов. И я в данном случае лишен возможности сказать: «Тем хуже для фактов». Поэтому, чтобы объяснить существование этого феномена на интеллектуальном поле, мне придется *ad hoc*¹² ввести еще одно понятие консерватизма: *эпигонский* консерватизм. Ему особенно подвержены именно интеллектуалы, которым свойственно жить под обаянием философских, литературных, политических героев прошлого. Это консерватизм, который утверждает свою идентичность через повторение тех или иных известных истории *способов быть консерватором*. Так, например, консерваторами — в свое время и на своем месте — считались президент Рейган и романтик Новалис. Значит ли это, что, избрав себе в кумиры их лично, воспроизводя их образ действия или стиль мышления, мы сами становимся сертифицированными консерваторами? Для эпигонского мышления — да, безусловно, значит. Целая линия в дискуссиях о консерватизме основана на этом прецедентном подходе — одновременно бессистемном и антиисторичном.

¹¹ Образ жизни (лат.). — Прим. ред.

¹² К случаю (лат.). — Прим. ред.

Разумеется, англосаксонский буржуазный неоконсерватизм и реакционный феодальный романтизм имеют между собой мало общего. Но так же мало общего каждый из них имеет с ситуацией в современной России. Рейганизм был плодотворен и интересен в свое время и на своем месте, т. е. именно как *ситуационный* консерватизм, каким он и мыслил себя сам. Его ситуация была задана несколькими доминантными факторами: моральный и экономический кризис «общества благосостояния» (вызов гедонистической и нигилистической контркультуры — пусть угасающий, но «неотвеченный» — на фоне кризиса кейнсианской модели роста) плюс тупик холодной войны (которая как модель отношений была во многом тупиковой именно для США¹³). В этой и только в этой ситуации синтез рыночного и культурного фундаментализма, помноженный на милитаристский либерал-глобализм, был историчным и органичным для данного общества решением. В проекции на текущий этап российской истории этот синтез является абсолютной фикцией, симулякром консервативности. В нескольких работах я попытался показать, что ключевые сюжеты англосаксонского неоконсерватизма приобретают в устах его российских эпигонов прямо противоположное значение по сравнению с оригиналом, причем не по «субъективным», а по «объективным» причинам, в силу обстоятельств места и времени¹⁴. Но здесь важно отметить другое. Со стороны отечественных рейганистов-тэтчеристов не было предпринято, насколько мне известно, попыток доказать, что историческая ситуация рейганистского ситуационного консерватизма изоморфна современной российской ситуации. Отстоять подобный тезис было бы сложно, но только он мог бы обосновать право на преемственность от одного ситуационного консерватизма к другому.

Интегральный консерватизм

Начиная разговор об «интегральном» консерватизме, т. е. о консерватизме как последовательном историческом оппоненте либерализма и социализма, а не страже статус-кво, следует признать, что его развитие в современной России также началось с эпигонской стадии. Начало и середина 90-х гг. были периодом, когда новый консервативный романтик на вопрос о своем политическом кредо отвечал боевыми кличами: «Юлиус Эвола», «Эрнст Юнгер» и далее по вкусу. Это был период *консервативно-революционного просвещения*, связанный конечно же с именем Александра Дугина. Его деятельность и идейно-политический профиль достаточно хорошо известны. Пожалуй, несколько экзотичным и непонятым, даже среди интеллектуалов,

¹³ См. об этом: Фурсов А.И. Колокола истории. Ч. 2. М., 1996.

¹⁴ См.: Ремизов М. Не-правые // Россия XXI. 1999. № 4; Он же. Тема для новой войны // Мир Евразии. 2004. № 5.

остается лишь популяризированное им самоназвание: «консервативная революция».

Самый простой ответ на вопрос «что это такое?» гласит: это философско-политическая школа в Германии первой трети XX в., «отцом» которой является Ницше, а представителями в числе прочих — Освальд Шпенглер, Эрнст Юнгер, Ханс Фрайер, в каком-то смысле также Мартин Хайдеггер и Карл Шмитт. Даже среди специалистов по истории идей эту школу принято толковать как своего рода еретическое ответвление на древе консерватизма, берущее начало в экстатическом мышлении романтиков или в компромиссе с революционным активизмом левого движения. Однако в действительности гораздо вернее было бы увидеть в ней попытку возвращения к истокам консервативного мышления — не в смысле повторения его ранних форм, а в смысле воссоздания его собственных мировоззренческих оснований. Антибуржуазный «радикализм» этих консерваторов не является плодом диалектического компромисса с «радикалами» левацкого толка (как это подчас выглядит в изложении «национал-большевиков»). Скорее, напротив, он является попыткой реконструировать консервативное мышление в его собственной, идеологически чистой форме — без примеси «левой утопии», связанной с опытом Просвещения, Французской революции и, если брать шире, всей «западной метафизики». Именно поэтому о «радикальном консерватизме» можно говорить как о проявлении консерватизма интегрального.

В современной истории идей наиболее комплексная попытка реконструкции консерватизма как *системы мышления* принадлежит французским «новым правым» (школа GRECE во главе с Аленом де Бенуа), которые, наследуя «по прямой» школе «консервативной революции», дополняют ее опыт концепциями более нейтральных или смежных фигур: социологией Вильфредо Парето, религиозным психоанализом Карла Юнга, этологией Конрада Лоренца, антропологией Арнольда Гелена... Близость Александра Дугина французским «новым правым» способствовала с самого начала 90-х гг. активному импорту их культурно-философских «синтезов», образовавших интеллектуальную питательную среду российского интегрального консерватизма. Ключевую роль в этом процессе играли конечно же переводы. Поэтому основными столпами консервативно-революционного просвещения в России 90-х гг., под шумок разговоров о «веймарской России» явились Шмитт, Хайдеггер, Юнгер собственной персоной. Их прочтение вызвало не только волну компиляций в публицистике, но и более качественный, хотя и узкий резонанс в виде исследований таких специалистов по немецкому радикальному консерватизму, как Александр Филиппов и Алексей Руткевич. Отечественная консервативная традиция играла, как мне кажется, «вторым номером». Но нет никаких сомнений, что «открытие» публицистики Константина Леонтьева или Василия Розанова, наследия евразийства 20–30-х гг. XX в., государственно-правовой

мысли Тихомирова или Ильина оказало большое формирующее воздействие на новые поколения консервативной интеллигенции.

Почему мы здесь вынуждены отдельно останавливаться на «идейных корнях»? Потому что интегральный консерватизм, по своему своему понятию, больше «зависит» от собственной интеллектуальной традиции, чем ситуационный. Но безусловно, в анализе идеологий исследование преемственности не должно заменять понимания идентичности. Чтобы реконструировать идейно-политическое ядро интегрально-консервативной позиции, нам не избежать еще одного погружения в теорию.

Попытка понять консерватизм как полноценный оппонент либерализму и социализму обращает нас к «осевому времени» истории идеологий, каковым является эпоха Просвещения. Тот же Мангейм пишет, что «консервативная мысль появилась как независимое течение, когда ее вынудили к сознательной оппозиции буржуазно-революционной мысли, *способу мышления, основанному на идее естественного права*»¹⁵. Поскольку речь идет именно о способе мышления, а не об одной из частных теорий, Мангейм воссоздает его проекции в разных сферах (чтобы проявить структуру того вызова, на который «отвечает» консерватизм). Он выделяет несколько политических опорных идей естественно-правового мышления: натурализм (гипотеза «естественного состояния»), контрактный подход к обществу (абстракция «общественного договора»), демократизм (концепция народного суверенитета), метафизический эгалитаризм (доктрина неотъемлемых прав человека). И несколько методологических черт: рационализм, индивидуализм, универсализм в подходе к истории, атомизм и механицизм в социологии и т. д. Названные особенности «просвещенческого» мышления существуют в системе, «держатся друг за друга», поэтому организующая их изнутри «точка сборки» может видаться по-разному. Это не обязательно идея «естественного права» по Мангейму. Для тех же французских «новых правых» она сама — лишь проявление *универсалистского* подхода к миру, корень которого, на мой взгляд, не в идее универсальной применимости законов и норм, а в склонности Просвещения переживать всеобщность сознания как источник значимости, абстракцию как форму ценности¹⁶.

Как бы то ни было, консервативная система мысли выстраивается как фронтальная оппозиция «буржуазно-революционному способу мышления» по всем названным линиям (и движется через критику к уяснению собственного внутреннего принципа). Контрактному подходу к обществу и методологическому индивидуализму оказываются

¹⁵ Мангейм К. Указ. соч. С. 614.

¹⁶ Эта логика рождения ценностного из способности к абстракции звучит в категорическом императиве Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства».

противопоставлены *органицизм, холлизм, культурный фундаментализм*, настаивающий не просто на солидарности, но на онтологическом первенстве сообществ по отношению к индивидам (сам «общественный договор» может быть заключен лишь на почве уже существующей общности). Рационализму сопротивляется *философия жизни*, отчасти гегельянская *диалектика* и иные концепции, которые не просто противопоставляют амбициям «логоса» «иррационализм действительности», но «представляют сам Разум и его нормы как меняющиеся и находящиеся в движении»¹⁷. Вере во всеобщие социальные законы и универсальные ценности противостоит *историзм*, который релятивизирует «сознание» по отношению ко «времени», истолкованному подчас как заданная телеологическая структура, подчас — как субстанция действия. «Утопизму» как способу проектирования социального порядка в отрыве от «месторазвития (термин евразийца Савицкого) противостоят *геополитика* и *цивилизационный подход* как стратегии культивирования пространственной идентичности сообществ. Натурализму, левой вере в освобождение «естественного человека» противостоит *культурная антропология*, рассматривающая собственно человеческое в человеке как систему усвоенных им, «вросших» в него социальных институтов, в том числе институтов власти (отсюда — консервативный принцип *личности* как единства человека и общества).

Источник интеллектуального влияния консерватизма в современной России заключен прежде всего в авторитете и обаянии этой мощной идейно-политической традиции, развивающейся от XVIII в. и до наших дней, традиции *критики «современных идей»*, как говаривал Ницше. Будучи философски сформирована в Германии, лишь отчасти во Франции и Британии, эта традиция в сегодняшней России проявляется и растет на порядок органичнее, чем на «исторической родине». С чем это связано? Возможно, с тем, что на своей гуманитарной целине мы не знали денацификации — этого геноцида правых идей, пережитого Европой. Возможно, с тем, что к «современным идеям» у русских особый счет: нам как проигравшим в холодной войне было естественно начать с деконструкции *идеологии* победителей. Пожалуй, в этом и состоит своеобразие нашего новейшего консерватизма как идейно-политического феномена. Родившись как реакция на поражение и утрату (о чем уже было сказано), он обрел себя на первом этапе как *деструктор основ* победившей либерально-демократической идеологии.

Основные векторы этой деструкции напрямую связаны с классическими лейтмотивами консервативной ревизии Просвещения. Это критика концепции прав человека как метафизической системы и псевдорелигиозного культа. Это критика доктрины гуманитарного вмешательства как специфического следствия глобального культа и

¹⁷ Манхейм К. Указ. соч. С. 616.

одновременно технологии «управления через хаос». Это критика утопического рационализма, проявляющегося с конца 80-х гг. по настоящий момент в кретинизме реформистского сознания, разорванного между головной картинкой «правильного» общества и российской действительностью. Это критика рыночной идеологии как гипертрофии контрактных отношений. Это критика толерантности и мультикультурализма как форм дискриминации культуры большинства. Это в целом критика идеологии меньшинств, превращающей общество из *системы* в «конгломерат чандалы» (по выражению того же Ницше). Это критика концепции «верховенства права», скрывающей приоритет властно-политических отношений. Это критика концепции «глобального терроризма» как проявления болезни информационных обществ и зеркального отражения концепции глобального суверенитета. Это критика идеала «единого мира» (в том числе в его левой аранжировке) как эвфемизма глобальной пищевой пирамиды. Это критика «западничества» как общемирового, а не только российского феномена, связанного с внутренним надломом самого Запада. В какой-то момент от Запада как исторически унаследованной культуры отслоился «Запад» как проект, образ жизни, «основанный на мифе „роста“, одержимости потреблением и примате рыночных ценностей»¹⁸.

Последний тезис особенно примечателен. Традиционный русский патриотизм стал идеологическим консерватизмом, на мой взгляд, ровно в тот момент, когда понял, что в традиционной для него критике западничества у него есть мощный союзник на самом Западе. Даже не просто союзник, а колоссальная *традиция*, которую можно освоить и присвоить (раз уж в самой Европе она оказалась изгоем). Этот поворот от национал-патриотизма 90-х гг., политически неудачливого и концептуально анахроничного, к интеллектуально-идеологическому консерватизму произошел в публицистике и интеллектуальной журналистике начала XXI в. Основные фигуры, маркирующие этот поворот, уже названы. Это все тот же Александр Дугин с его евразийской группой, это группа «Консервативного пресс-клуба» и это группа «Серафимовского клуба». Но речь, безусловно, должна идти не об отдельных фигурах, а об определенной среде, которая так или иначе связывает между собой академических философов и идеологов, редакторов научных и политических изданий, писателей, многочисленных экспертов и журналистов.

Характеризуя эту среду, автор либерального «Еженедельного журнала» делает точное наблюдение: «Хотя внутри неоконсерватизма существуют весьма серьезные разногласия, вместе они делают одно дело — речь идет о кардинальной смене повестки дня и приоритетов... Новые консерваторы наступают по всему фронту: благодаря своему

¹⁸ Benoist Alain de. Europe, Tiers monde, même combat. Paris, 1986. P. 14.

внутривидовому многообразию они претендуют сразу на все — и на роль партии власти, и на роль ее оппозиции. Фактически новый консерватизм не нуждается в оппонентах, консерваторы готовы спорить друг с другом, старые либералы им уже не интересны, в новой России для них места все равно не будет. По сути, вводятся новые правила приличий для политической сферы. То есть если ты, скажем, равнодушен к вопросам веры или выступаешь за контрактную армию, — ты маргинал, ни один приличный человек за стол переговоров с тобой не сядет. А спорить можно, например, о том, как лучше защищать права русских, ведь здесь масса возможностей для аргументированной полемики»¹⁹.

Будучи гибко или, я бы даже сказал, *слабо* институционализированным, это неоконсервативное движение имеет действительно много поводов к внутреннему дроблению — и интеллектуальных, и политических. До сей поры его связывала описанная *критическая миссия*, перерастающая в проект по смене *идейной повестки дня*, т.е. в большей степени вектор атаки и попытка совместно выйти из гетто вынужденной маргинальности, нежели позитивные принципы. На данный момент «маргинальность», как пишет тот же автор «Еженедельного журнала», изжита и преодолена, а деконструкция и распад «либерального мейнстрима» зашли достаточно далеко (именно в интеллектуальном, пока, увы, не в политическом смысле), чтобы сопротивление ему перестало быть объединяющей рамкой. Текущий этап развития идеологического консерватизма в России — это консолидация ядра, кристаллизация объединяющих принципов и целей.

Как происходит эта кристаллизация методологически? Обычно считают, что интеллектуалов, идеологов объединяют локальный язык и категориально выраженные ценности. Однако с политической точки зрения то и другое в большей степени разделяет. Ведь политическое мировоззрение строится как *рационализация* первичной предвзятости посредством разного рода интеллектуальных стратегий и языков. Последние всегда немного «случайны» по отношению к ядру политического мировоззрения. Как тогда проявляется «ядро»? Только через ангажированность по отношению к политическим действиям, точнее, к *целям* политических действий. Мыслить цели политических действий *помимо* условных риторических фигур их выражения сложно, но нужно стараться. Отдельно следует оговориться, что «политических» значит в данном случае не только *коллективных*, не только *публичных*, но и *конфликтных*, полемически направленных против кого-то.

¹⁹ Марков Я. Птица-тройка: У России, кажется, впервые появляется что-то вроде национальной идеи // Еженедельный журнал. 2004. № 124 [<http://supernew.ej.ru/124/russia/newright/>]. — Прим. ред.

Аксиомы консервативной политики

Я бы выделил пять регулятивных принципов, специфицирующих позицию идеологического консерватизма на политическом поле современной России. Каждый из них позволяет делать выбор по тем вопросам, по которым у страны действительно существуют альтернативные возможности самоопределения.

1. Цивилизационный антиглобализм

Консерваторы утверждают, что в мире конфликта цивилизаций Россия должна быть не частью какого-либо из «лагерей», но самостоятельной цивилизационной платформой, укрепленной по своему периметру. Что в ситуации глобального противостояния «системных» и «антисистемных» сил и тенденций Россия может и должна мыслить себя силой *внесистемной*. Фактически это означает *запрет на интеграцию* России в проекты, центром которых не является она сама, и категорическое табу на дискурс «интеграции в цивилизованный мир». Относительная слабость сегодняшней России видится консерваторам не как контраргумент к этой стратегии, а как один из аргументов в ее пользу. Ведь именно уязвимость, помноженная на своеобразное историко-географическое положение, означает, что победа любого из глобальных альянсов, к которому могла бы принадлежать Россия, будь то «глобальный Север», «глобальный Юг» или некие более дробные альянсы, будет достигнута за ее счет — фактически ценой ее существования. Эта позиция не означает отказа от сотрудничества и тех или иных возможных союзов, напротив, именно в качестве *внесистемной* по отношению к «новому мировому порядку» силы Россия может быть наиболее интересна прежде всего государствам «второго мира» (Индия, Бразилия, Китай и др.)²⁰. Обобщающей моделью для подобного кредо служит модель плюрализма «цивилизационных миров», или «больших пространств», т. е. фактически плюрализма «человечеств» (как потенциально иная модель международных отношений).

2. Экономический солидаризм

Эта позиция тесно связана с предыдущей, поскольку безрассудная интеграция в «мировое общество» является путем к дезинтеграции собственного общества: происходит углубление сырьевой специализации, деиндустриализация, фрагментация региональных экономик, сегрегация страт, люмпенизация широких слоев «незанятого» в «экономике трубы» населения. Эта ситуация очевидна многим, но идеологические реакции на нее весьма различны. Либеральная реакция — обещать оптимизацию социальных процессов и восстановление

²⁰ См. об этом: Солозобов Ю. Сотворение «второго мира» // Стратегический журнал. 2005. № 1.

органической солидарности уже в рамках новой, глобальной системы разделения труда (конечно, с неизбежными социальными потерями). Левоинтернациональная реакция — использовать энергию разрушения государства и общества, чтобы найти новые возможности сопротивления в глобальном масштабе. Консервативная реакция — ставить на воссоздание государства как метакорпоративной системы, в которой будет обеспечена а) координация политэкономических элит под знаком общегосударственных интересов, б) исключительная солидарность бизнеса и власти с собственным населением. На том единственном основании, что *это соотечественники*. Фактически консервативная позиция сводится к отстаиванию страны-системы (а не «миросистемы») как базовой единицы экономической эффективности. Конкретные следствия этой позиции выразимы в трех простых лозунгах, которые могут правильно действовать только вместе: *протекционизм для бизнеса, занятость и социальные права для населения, национальное достояние (недра, инфраструктурные монополии) — в руках государства*.

3. Демографический национализм

Консерваторами в России являются те, кто видят серьезную проблему а) в инородной иммиграции (инородной — по отношению к русским и другим коренным народам России), б) в разделенном положении русской нации на постсоветском пространстве, т. е. в наличии «чужих» внутри страны и «своих» за ее пределами. Консервативный подход к этой двуединой проблеме может быть выражен тремя словами: *репатриация против иммиграции*. Методологически эта позиция обусловлена тем, что предпосылки гражданственности для консерватора лежат в национально-культурной сфере. Разумеется, гражданскую идентичность можно *выбрать и усвоить* независимо от происхождения. Но социологически для того, чтобы у отдельных индивидов была возможность примкнуть к «государствообразующей» идентичности, подавляющее большинство населения должно усваивать ее по факту рождения.

4. Государственный легитимизм

Консерваторы убеждены, что основанием целостности России является историческая преемственность, связывающая воедино все исторические формы российской государственности, независимо от государственного строя и формы правления. Эта позиция имеет несколько прямых следствий. Во-первых — отрицание либерально-демократической трактовки России как нового государства-нации. Во многом именно эта трактовка является предпосылкой политики интеграции России в евроатлантические структуры. Во-вторых — недопущение сепаратизма и «договорного федерализма», т. е. модели, в которой федеративное государство рассматривается как «учрежденное»

субъектами федерации. В нашей истории самоуправляющиеся территории суть производные от государственной целостности, а не наоборот. В России нет других государств, кроме России²¹. В-третьих — асимметрия в отношениях с постсоветскими государствами. Если Россия не осколок империи, а ее преемник — независимо от размеров, — то она не является образованием того же порядка, что сопредельные с ней государства, возникшие из останков СССР. Именно в качестве наследника империи Россия может быть центром постимперского «большого пространства».

5. Религиозный традиционализм

Консерваторы, независимо от степени и характера своей личной религиозности, отстаивают публичный статус традиционных религий, их *приоритет в культурной и влияние в политической сферах*. Если говорить о православии в России, то сегодня не столько государство нужно церкви, сколько церковь государству. Для чего? Во-первых — *для оформления его идентичности в истории*. В конечном счете именно религиозная картина мира задает ту систему координат, в которой возможна цивилизационная самостоятельность России. Во-вторых — *для легитимации власти*. Суверенная власть — это власть над жизнью и смертью. Чтобы действовать, она должна считаться *праведной* с точки зрения вероисповедных традиций данного общества. В-третьих — *для социализации граждан*. Социальные институты традиционных религий восполняют вакуум доверия в обществе, дефицит первичных социальных связей и поведенческих эталонов. В принципе, это касается самых разных религиозных объединений, но только традиционные и исторические для России вероисповедные сообщества способны по-настоящему гармонизировать собственное «социальное строительство» с интересами и ценностями Российского государства.

Рамки полемики

Названные регулятивные принципы являются не просто чертами мышления современного российского консерватизма, но опорными точками его политической позиции. Своеобразным камертоном, призванным обеспечить единство движения перед лицом реальных конфликтов эпохи, а также эффективно отделять идеологически «своих» от идеологически «чужих». Одновременно эти позиции задают рамки возможной полемики. Основные полемические сюжеты, существующие внутри идеологического консерватизма, но не разрывающие его, можно перечислить, отталкиваясь от тех же пяти параметров.

²¹ Это требование вполне совместимо и с федерализмом («конституционным»), и с разумной децентрализацией управления.

Так, постулат *геокультурного суверенитета* России может по-разному эксплицироваться сторонниками разных направлений цивилизационного подхода. Одни будут отстаивать взгляд на Россию как коренную европейскую страну, не нуждающуюся в сертифицировании своей европейскости со стороны других европейцев (идеологи «Серафимовского клуба»), другие будут говорить о Евразии как геополитическом паттерне России, несводимом к Европе и Азии (евразийское движение Александра Дугина), третьи очертят границы собственно российской цивилизации как своего рода «острова», окруженного межеумочными народами-проливами (геополитическая школа Вадима Цымбурского). Можно спорить о субстанциальной природе России как страны и культуры, можно спорить о предпочтительных союзах — но ровно до тех пор, пока не возникают фигуры поглощения. Например, фигура «единой Европы» от Атлантики до Урала (Ш. де Голль) или даже от Дублина до Владивостока (Ж. Парвулеску), или фигура «великого кольца северных демократий» (А. Чубайс), или фигура антисистемного интернационала левоисламских сил (Г. Джемаль). Здесь Россия как проект заканчивается. Здесь заканчивается спор и начинается вражда.

По социально-экономическому блоку вопросов существуют противоречия между «левым консерватизмом» образца Сергея Глазьева или Сергея Кара-Мурзы и «правым консерватизмом» образца «Серафимовского клуба» и журнала «Эксперт». В консервативно-идеологическом поле социалистические тенденции возможны в той мере, в какой они не предполагают коренного «переустройства» человека и общества на основе снятия «первородного греха» собственности. Насколько мне известно, никому из «левых консерваторов» эта утопия не близка. А идея «экономической свободы» приемлема ровно до тех пор, пока не подрывает национальную экономику. Что такое национальная экономика? В минимальном случае — *регулятивное понятие*, позволяющее государству обеспечивать экономические предпосылки суверенитета, приоритет интересов *своих* граждан и функциональную связность *своего* общества. Насколько мне известно, экономическая свобода в рамках национальной экономики и является базовой позицией группы «Эксперта». Наиболее острым предметом споров «левых» и «правых» консерваторов на рубеже XX–XXI вв. стал вопрос о статусе приватизационной собственности. По этому вопросу позиции антагонистичны: от легитимации статус-кво до жесткой национализации. Объединяющим, однако, является сам факт признания проблемы. В поле либерального мышления даже сформулировать проблему легитимности крупной собственности невозможно. «В законе нет понятия легитимности, я не знаю, что это такое», — сказал в интервью «Эксперту» юрист Дмитрий Медведев, глава Администрации Президента РФ. Для консерватора же корень нелегитимности собственности — в признании того, что созданная

трудом многих поколений коллективная собственность не работает в должной мере на общественное целое, а служит исключительно частным целям. Это минимум консервативной позиции по вопросам собственности. Мнения же о том, каким образом субординировать частное целому, — могут быть различны.

Ощутимый барьер пролегает между идеологами национального государства (такими как философ Константин Крылов или политический аналитик Павел Святенков) и сторонниками имперской философии государства (такими как культуролог Светлана Лурье или политолог Станислав Белковский). Но ни теми, ни другими не ставится под вопрос необходимость консолидации и регенерации русского этнокультурного ядра. При этом, как правило, и те и другие исповедуют открытую концепцию русской нации, основанную на приоритете культурной идентичности. Этот пункт размежевания тесно связан с другим: националисты, как правило, видят в нации прежде всего естественный организм, имеющий, как и все организмы, своей целью оптимизацию жизненных условий; сторонники имперской идеи видят в нации прежде всего эсхатологический субъект, заряженный определенной миссией в конечной драме земного мира. Соответственно, при неизменном признании социокультурного и политического значения русского православия — значения не только прошлого, но и будущего — степень интеграции религиозной картины мира в собственно консервативную идеологию может быть весьма различной.

Какие еще темы размежевания существуют внутри консервативного поля? Пожалуй, отношение к советскому периоду истории. Оно очевидным образом связано с дихотомией «левого» и «правого» консерватизма, но имеет более глубокий подтекст на уровне цивилизационного подхода к русской истории. Так, для шпенглерянца Вадима Цымбурского фокусом российской цивилизации является определенное единство стиля и динамика фазовых переходов. В этой логике советский период, несмотря на то что выстраивался на отрицании многих элементов в предшествующем опыте российской цивилизации, является одной из ее важнейших фаз. Напротив, для идеалиста Дмитрия Володихина, выстраивающего целое российской цивилизации вокруг Сверхценности (в данном случае православия), разрыв в культуре почитания этой Сверхценности является и цивилизационным разрывом.

Множество полемических сюжетов лежит в сфере государственно-правового устройства. Это и полемика между консервативным унитаризмом (Ярослав Бутаков) и консервативным федерализмом (Борис Межуев) — невозможен только конфедерализм, и полемика между традиционным монархизмом (Владимир Карпец) и новым концептом «консервативной демократии» (Владимир Никитаев), и полемика между корпоративизмом (Виталий Аверьянов) и классическим парламентарным представительством (Павел Святенков). Эти

антитезы были отражены и даже отчасти интегрированы в консервативном проекте новой Конституции, представленном Институтом национальной стратегии, а также в экспертной дискуссии вокруг этого проекта²².

«Консерватизм» и «патриотизм»

Многообразие размежеваний внутри консервативно-идеологического поля — лишний повод согласиться с автором «Еженедельного журнала»: новые консерваторы способны произвести из своей среды весь политический спектр. Более того — претендуют именно на это, поскольку перечисленные постулаты являются, с точки зрения их носителей, не поводом для идейной полемики, а повесткой для патриотического консенсуса всего политического класса. Они выражают рамочные условия существования России как исторического субъекта. А иметь *какую бы то ни было* власть в России могут лишь те, кто *согласен* с ее существованием.

Если это «обязательное к усвоению» кредо образует не только политическую платформу консерватизма, но платформу политического патриотизма в России, то правомерен вопрос: чем отличается «новый консерватизм» от «патриотизма девяностых»? Прежде всего — тем, что он включил данные политические принципы в контекст *мировоззрения* — целостного, разработанного, резистентного к критике, имеющего экзистенциальное и социологическое измерение. Более того, только в рамках этого мировоззрения стало возможно выработать не эмоциональное и риторическое, а политически содержательное понятие патриотизма. «Патриотизм девяностых» кончился в тот момент, когда все стали «патриотами» по пафосу и самоназванию. И именно в этот момент «новый консерватизм» не только выдвинул жесткие критерии «патриотичности» (призванные стать *критериями лояльности* политического класса стране), но и эксплицировал внутреннее полемическое ядро понятия патриотизма, состоящее в противостоянии влиятельным идеологиям «*постнационального мира*»²³.

Такого рода «монополизация» патриотизма консервативным лагерем может вызвать недоуменный вопрос: разве либерал, социалист или анархист не могут быть *патриотами*? Разумеется, могут. Но свойственный им *источник ценностного сознания* — абсолютно в ином. По отношению к тому утопическому видению человека и общества, которое делает либерала — либералом, социалиста — социалистом, анархиста — анархистом, «патриотизм» — приводящая, внешняя

²² См.: Конституция России. Новый строй. М., 2005.

²³ См. дискуссию «Консервативного пресс-клуба» о «левом консерватизме», опубликованную в

«Русском журнале» 22 сентября 2003 г., в частности: Ремизов М. Революция должна быть консервативной [http://old.russ.ru/politics/20030922-rem.html].

характеристика. «Утопия» в данном случае — не нечто нереальное или уничижительное. Это просто общественный идеал, безотносительный к конкретному «топосу»²⁴. Для консерватизма, напротив, связь человека с его «топосом», связь общественного порядка с местоположением, связь закона с отечеством является системообразующим началом. В отличие от своих оппонентов из лагеря Просвещения, консерватор превращает патриотизм в динамический источник политических ценностей и «трансцендентальное» основание политических институтов.

Отсюда должна быть ясна оптимальная для консерватизма модель его соотношения с оппонентами. Их существование на политическом поле признается нормальным и необходимым при условии того, что они принимают политический патриотизм как пусть внешнюю по отношению к их собственному мировоззрению, но непререкаемую рамку. Патриотический консенсус должен быть вшит в систему институтов и механизмы внутриэлитной ротации. Таким образом, функционально консерватизм отвечает не столько за «стабильность», сколько за «целостность» и идентичность государственно-политической системы.

Политическая ситуация консерватизма

Очевидная сложность и особенность современного российского консерватизма состоит в том, что в современном российском либерализме он вынужден видеть не оппонента внутри общей социально-культурной, социально-политической системы, а «*антисистему*». Причем с определенного момента — антисистему победившую. Понятие «антисистема» весьма важно в современном интеллектуальном контексте. Оно было введено в него Львом Гумилевым, который, исследуя морфологию этнических систем, обнаруживает, что на каком-то этапе в их рамках складываются некие анклавные структуры внутренней эмиграции, чрезвычайно активные. Эти анклавные структуры существуют внутри «большого общества», но воспроизводят себя через *осознанное противопоставление* его идентичности и доминантному для него стереотипу поведения. В этом качестве антисистема — одновременно комплекс идей и сообщество людей. Идея «антисистемы» получает развитие у Игоря Шафаревича в концепции «малого народа», которая была прочитана как «абсолютно антисемитская» — не только оппонентами, но и многими сторонниками — и из-за этого не понята по существу. «Антисистема» не тождественна «диаспоре». Понадобилось немало лет, чтобы отделить в этом феномене *социологическую* проблему от *этнической*.

²⁴ См. об этом: Шмитт К. Глоссарий: заметки 1947–1951 гг. // Социальные и гуманитарные науки. 1998. № 1. Сер. 4.

Крайне важным в этом отношении оказался опыт государства Израиль, где консерваторы сталкиваются с противодействием среды, которую они сами оценивают и описывают именно как «антисистему»: это «левая интеллигенция». «Интеллигенция» в одном из специфических значений этого слова — общественный слой, претендующий на *не-связанность* (не-ангажированность) собственным обществом. На статус граждан — нет, не «мира», а экстерриториальной «республики Разума». В этом качестве «интеллигенция» — излюбленный объект критики интеллектуального консерватизма, в том числе и русского (от Константина Леонтьева до Константина Крылова). Пожалуй, это близкий исторический синоним концепта «антисистема». Но далеко не исчерпывающий и не единственный. Так, весьма неожиданным и полезным оказалось прочтение в качестве версии «антисистемы» феномена *российского «реформизма»*. Эта тема разработана в докладе «Контрреформация» (группа «Консервативного пресс-клуба» под научным руководством того же Константина Крылова). Многовековой «реформистский синдром» рассматривается здесь как стратегия самолегитимации российской власти через роль «*медиума*» между «*цивилизованным миром*» и «*варварской Россией*». В этой модели «европейски мыслящий» правящий слой вольно или невольно конструирует свою идентичность в *противовес* «недочеловеческой» массе автохтонов с ее дикими представлениями о жизни.

Есть и другие исторические воплощения «антисистемы», в том числе не из российского исторического поля. Например, «*контркультура*» евроамериканских «шестидесятников», названная «неоконом» Дениелом Беллом «*враждебной культурой*» за ее всеразъедающий анархо-гедонизм.

На этой теме можно было бы не останавливаться отдельно, если бы она не была так важна для политического прочтения консерватизма. По всей видимости, идеологический консерватизм везде и всегда противостоит именно «антисистеме», которая также в современных обществах есть везде и всегда (как своего рода функция самоотрицания — возможно, полезная для тренировки иммунитета). И очень многое в его характере зависит от того, видит ли консерватизм (в данный исторический момент) свою миссию а) в профилактике «антисистемы», б) в равном противоборстве с ней «стенка на стенку», в) в сопротивлении миру победившей «антиистисистемы».

В современном российском консерватизме, если присмотреться к различным его направлениям, можно обнаружить следы каждого из этих мироощущений. Отсюда относительное разнообразие моделей его политического поведения. Одна из них предполагает постепенное «оздоровление власти» посредством максимальной инфильтрации консерваторами и на следующем этапе — оздоровление общества посредством рычагов власти. Психологически она наиболее комфортна для консерватизма, однако имеет два очевидных фактора

уязвимости. Первый — оценка характера действующего режима. Вполне возможно, что определяющая его *система отношений* вообще не носит властно-политического характера, являясь в большей степени частно-корпоративной. В этом случае консервативное доверие к *власти как таковой* оказывается лишенным своего адресата. Второй фактор — понимание природы власти в современном обществе. Вполне возможно, что традиционная для России (но не только для нее) роль государственной власти как лидера и локомотива общественного развития является пусть не исчерпанной, но радикально недостаточной. Российское общество в лице своих активных — *самоуполномоченных* — элементов должно становиться все более активным субъектом политики. Как правило, на этом призыве делают акцент либеральные идеологи. Однако в последние годы произошла показательная инверсия: умный, сознающий собственные предпосылки либерализм в современной России становится все более авторитарно настроенным; и одновременно новый консерватизм все более активно берет на вооружение стратегию *консервативного гражданского общества*. Это связано с тем, что «общество», причем в первую очередь его образованные слои, является значительно более консервативно настроенным, чем «власть». «Консервативно» — и в смысле приверженности тому, что называют «традиционными ценностями», и в смысле приверженности перечисленным параметрам консервативного политического курса. Как следствие, именно создание активной *консервативной общественной среды* — в информационно-политической, культурной, правозащитной, экономической сфере — является наиболее органичной формой наращивания влияния.

Эта стратегия, ставящая на передний план не пресловутое «взятие власти», а создание структур гражданского общества и завоевание культурной гегемонии, была характерна в европейской истории сначала для «новых левых», затем — для «новых правых». Неизбежен вопрос: как соотносится внедрение этой *неоконсервативной* модели поведения в России с традиционным консервативным этатизмом? На мой взгляд — примерно так же, как с традиционным русским этатизмом соотносилась традиционная русская партизанская война в период «нашествий». Партизанская война — тоже пример консервативного гражданского общества, оживающего в тот момент, когда государство не способно ответить на вызов, когда его присутствие минимально. Сегодня в России, при очевидном нарастании вызовов, реализуется концепция «минимального государства». Государство сжимается, отступая из разных сфер общественной жизни. Прежде всего — из тех сфер, которые не связаны с прямым извлечением ренты. В итоге образуется вакуум. Консервативные общественные институты видят свою естественную задачу в том, чтобы восполнять этот вакуум, беря на себя часть функций отсутствующего государства во имя его последующего восстановления.

Владимир Малахов

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Происхождение современного русского национализма

Современный русский национализм происходит из двух субкультур, сформировавшихся задолго до распада СССР, — советско-коммунистической и традиционалистски-почвеннической¹. Соревнованием советско-коммунистической и традиционалистски-почвеннической субкультур, их взаимной критикой, попытками сближения, а также их внутренней дифференциацией и определена эволюция русского национализма в последние полтора десятилетия. Так, в течение первой половины 90-х гг. отыграли упущенные позиции «коммунопатриоты», а в среде противостоявших им «национал-патриотов» окончательно оформилось несколько относительно самостоятельных группировок.

Прежде чем мы охарактеризуем этот процесс и предложим возможные варианты типологии современного русского национализма, остановимся на основных особенностях академического и публичного дискурса в период с 1991 г. по 2005 г.

Ситуация в академическом дискурсе

Вплоть до начала 1990-х гг. в российском обществоведении господствовали догматы, навязанные идеологией «марксизма-ленинизма». Априорно одобряемым «пролетарскому интернационализму» и «советскому патриотизму» противостоял априорно неодобряемый «буржуазный» («мелкобуржуазный») национализм. Положение принципиально изменилось с появлением публикаций Валерия Тишкова, Алексея Миллера, Леонаиды Дробижевой и Виктории Коротеевой². Им удалось осуществить нормативную разгрузку термина «национализм»: здесь он стал употребляться не в качестве оценочного понятия, а для обозначения политико-идеологической установки, общественная

¹ Это различие проведено и обосновано в аналитическом обзоре Алексея Зудина «Россия 1998–2001: Путь к новой идеологии» [http://www.politcom.ru/2001/c_soc1.html].

² См.: Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. М.: Наука, 1994; Дробижева Л.,

Аклаев А., Коротеева В., Солдатова Г. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М.: Мысль, 1996; Коротеева В.В. Существуют ли общепринятые истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 3; Она же. Экономические интересы и национализм. М.: РГГУ, 2000; Национализм и формирование наций. Теории-модели-концепции / Под ред. А. Миллера. М.: ИНИОН, 1994.

значимость и моральные коннотации которой определяется конкретным контекстом.

Однако публичное влияние академических дискуссий столь незначительно, что в обыденном языке сохраняется — и, по всей видимости, сохранится — негативное значение слова «национализм»³.

Пожалуй, единственное проявление воздействия, оказанного академическим дискурсом на публичный, — появление в общественных дискуссиях понятия «политическая нация» (и, соответственно, различие между «этносом» как культурно-историческим сообществом, и «нацией» как гражданским сообществом).

В Сети существует два информационных ресурса, размещающих академические публикации о национализме: [<http://www.nationalism.ru/>] и [<http://www.nationalism.com/>]. Первый из этих сайтов — исследовательский, поддерживаемый Институтом этнологии и антропологии РАН, второй — пропагандистский, созданный не назвавшими себя адептами данной идеологии.

Ситуация в публичном дискурсе

На протяжении всех 90-х гг. XX в. единственными претендентами на право номинации — на наделение значениями таких слов, как «патриотизм», «нация», «национальный интерес», «национальная идентичность» и т. п., были так называемые коммунопатриоты («красные»), с одной стороны, и «национал-патриоты» («белые» и «розовые») — с другой. В националистической оппозиции «антинародному режиму» имелась также и «коричневая» составляющая, но она игнорировалась основными игроками как откровенно маргинальная. Что касается официальной власти и либеральной оппозиции, то и та и другая устранились от дискуссии.

После 2000 г., т. е. со сменой ельцинской администрации путинской, происходят следующие изменения:

1. Власть начинает активно играть на поле, прежде занятом профессиональными «патриотами». Она перестает позиционировать себя как либеральную (несмотря на продолжение политики экономлиберализма) и пытается присвоить риторику и символику своих оппонентов — причем как из «красной», так и из «белой» части националистического спектра.
2. В борьбу за право именования включается часть либералов. Политики и интеллектуалы, еще недавно исходившие из того, что патриотизм — интимное чувство, которое неприлично

³ Памятуя об этом обстоятельстве, мы тем не менее будем воздерживаться от оценочного употребления термина «национализм» и использовать

выражения «националистический» и «патриотический» как взаимозаменяемые.

использовать в инструментальных целях, осознают мощный мобилизационный потенциал национальных чувств и пытаются поставить его себе на службу.

3. На политической сцене появляются весьма экзотичные идеологические гибриды. Похоже, что именно зашкаливающая степень их эклектичности служит залогом их привлекательности⁴.

Коммунопатриоты

Феномен коммунопатриотизма возник из реакции на крах советского режима. Поскольку официальная коммунистическая идеология утратила кредит доверия в конце 80-х — начале 90-х гг., ее приверженцы столкнулись с необходимостью ответа на вызов времени. Такой ответ был предложен идеологами КПРФ во главе с Г. Зюгановым.

Идеология коммунопатриотизма представляет собой гибрид из догматического (сталинского) марксизма-ленинизма и национализма, носящего в основном этатистски-имперский характер, но не чуждого и элементов этнического национализма. Основные черты данного идеологического гибрида таковы:

1. Появление ксенофобски-шовинистических обертонов и постоянное усиление их роли в аргументации. Из программных заявлений патриотов коммунистического образца постепенно исчезают реверансы в сторону пролетарского интернационализма, зато все более заметными становятся инвективы по адресу «сионизированного капитала» и других явных и скрытых врагов России. Данное смещение произошло не только в риторике лидеров КПРФ, но и в высказываниях менее гибких приверженцев коммунистических идеалов — в частности, В. Анпилова. И зюгановцы, и анпиловцы поняли, что каналирование протестной энергии фрустрированных масс против чужаков (евреев, кавказцев, мигрантов) и врагов России («мировой закулисы») — необходимый инструмент в удержании электората.
2. Попытки апроприации христианства. В книгах Зюганова и его единомышленников проводится мысль о внутренней гармонии социалистических и христианских идей. Коль скоро Христос проповедовал равенство и социальную справедливость, его, согласно этой логике, вполне можно считать первым коммунистом.

⁴ Речь идет не только о блоке «Родина», объединившем «красных» с «розовыми» и «коричневыми», но и о таком образовании, как Совет по национальной стратегии, который сочетает

«православно-фундаменталистскую» и ультра-левую риторику, причем это сочетание иногда представлено в одном лице (например, у С. Белковского).

3. Тезис об органичности социализма/коммунизма русскому национальному менталитету. Коллективизм социалистической идеи есть не что иное, как разновидность «соборности». Ленину с его воинствующим атеизмом предпочитают выпускника духовной семинарии Сталина, восстановившего институт патриаршества и обратившегося к народу в 1941 г. со словами «братья и сестры».
4. Форсированное развитие идеи враждебности Запада по отношению к России и интерпретация российско-западного противостояния в культурно-цивилизационных терминах⁵.
5. Изображение большевистских вождей в качестве строителей российской государственности. Шаги к восстановлению национальной территории в границах империи Романовых предпринял уже Ленин, а Сталин завершил дело, начатое Лениным.

В стилизации русского коммунизма под аутентично национальную идеологию особенно активен Сергей Кара-Мурза. В последние несколько лет его книгам удалось выйти за рамки маргинальной околопартийной литературы и стать своего рода бестселлерами. Круг идей, которым удалось завоевать любовь массового читателя, может быть выражен формулой «социалистическое державничество». СССР был не просто великим государством, наследовавшим великой России, но государством, построенным на фундаменте социализма, а значит — заботившемся (в отличие от царского режима) о благе простого народа⁶.

Площадками для выражения коммунопатриотических идей сегодня выступают: газеты «Советская Россия» (многотиражное издание, доступное как по подписке, так и в розничной продаже по всей стране), «Правда» (превратившаяся, по сути, в пропагандистский листок), «Правда России», «Дума» (орган фракции КПРФ в Московской городской думе); информационный портал «Правда.ru» и официальный сайт КПРФ [www.kprf.ru].

Точку зрения ультрасталинистов, идущих за В. Анпиловым, выражает нерегулярно выходящая и плохо напечатанная газета «Дуэль». По количеству обличений «жидомасонов» и их «прихвостней» это — «красное» по замыслу — издание сегодня не уступает многим «коричневым».

⁵ См.: Зюганов Г. Святая Русь и Кощеево царство [http://www.rusprav.ru/2003/9-10/rp75-76_8.htm].

⁶ См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой победы. М.: Эксмо-пресс, 2002; *Он же*. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой победы до наших дней. М.: Эксмо; Алгоритм, 2004.

Традиционалисты и почвенники

Лагерь националистов некоммунистического толка неоднороден. В нем с самого начала было заложено противоречие между двумя позициями, которые можно обозначить как традиционалистскую («белые») и почвенническую («розовые»). Это противоречие еще не было явным в 60–70-е гг., когда А. Солженицын, И. Шафаревич и Л. Гумилев были кумирами русских националистов независимо от их политико-идеологических предпочтений (и когда эти предпочтения еще не были артикулированы). Однако оно стало очевидным после августа 1991 г.

Линия размежевания между традиционалистами и почвенниками пролегает, прежде всего, по вопросу о преемственности между «исторической Россией» и советским режимом. Для *традиционалистов* большевизм означал радикальный разрыв исторического континуума как в политическом, так и в культурном отношении. То, что произошло со страной после октября 1917 г., — это катастрофа, результатом которой стало почти полное уничтожение великой государственности и великой культуры. Взгляд *почвенников* на большевизм не столь однозначен. Признавая трагический характер событий 1917 г., они склонны рассматривать советский период российской истории в терминах удержания и сохранения базисных ценностей предшествующего периода.

Данным размежеванием определены и другие черты, отличающие традиционалистов от почвенников. Если традиционалисты практически идентифицируют себя с интеллигенцией, покинувшей Россию после 1917 г., то почвенники противопоставляют себя как «реалистов» эмигрантам и их потомкам как «идеалистам», не знающим современной российской действительности и потому склонным к ригоризму и патронажу. Последовательный антикоммунизм традиционалистов влечет за собой антисталинизм, что резко контрастирует с сакрализацией фигуры Сталина среди одной части почвенников и терпимым отношением к сталинизму среди другой их части.

Ключевая фигура русского традиционализма — Александр Солженицын. Пик его влияния приходится на начало 90-х гг. В дальнейшем он энергично отодвигается на периферию, игнорируемый официальной властью и отторгаемый большинством национал-патриотов, которые не могут ему простить а) «либерализма», б) недостаточной критичности по отношению к Западу, в) резко негативного отношения к Сталину.

Вместе с Солженицыным маргинализации подвергаются и другие представители традиционализма. У них нет своего печатного органа, что обрекает их на публикации в изданиях, излагающих в основном иные точки зрения⁷.

⁷ См.: Мороз В. «Плюрализм» распадается // Гражданин. 2003. Июль — Август. С. 26–35; Он же. На

Первыми идеологами современного почвенничества были так называемые писатели-деревенщики (Владимир Солоухин, Василий Белов и др.). Именно в среде *советских писателей*, объединившихся в 70–80-е гг. вокруг редакций журналов «Наш современник», «Молодая гвардия» и в меньшей степени журнала «Москва», вырабатывались все будущие рецепты патриотической идеологии. Помимо деревенщиков, нелояльных навязывавшейся сверху коммунистической догме, в этот круг входили писатели-фронтовики, вполне уютно чувствовавшие себя внутри официальной мифологии (Юрий Бондарев до сих пор входит в редколлегия «Нашего современника»).

Оселок идеологии почвенников образует тезис: государственная политика должна отвечать интересам русского народа. Внутри страны это означает ограничение доступа нерусских групп к власти и социальным ресурсам и, соответственно, создание условий для доминирования русских в экономической, политической и культурно-символической сферах. Во внешнеполитической сфере это означает отказ от курса, ведущего к сближению с Западом.

Различные вариации почвеннической идеологии возникают из различий в интерпретации советского периода и, в частности, в способах включения советских символов в собственную семантическую систему. Например, в кругу «Молодой гвардии» нет тех симпатий к «советскому» корпусу символов, какие характерны для круга «Нашего современника» (не случайно в сегодняшнюю редколлегия «Нашего современника» входит С.Г. Кара-Мурза)⁸. Ветераны почвенничества, действующие и сегодня — Станислав Куняев, Владимир Бондаренко, Валентин Распутин. Из более поздних фигур стоит выделить Валентину Чеснокову и Михаила Назарова⁹. В.Ф. Чеснокова представляет *секулярное*, а М. Назаров — *православно-фундаменталистское* направление почвеннического национализма. В рамках первого направления православию отводится важная, но не определяющая роль в строительстве будущей национальной государственности. Потенциал национального спасения заключается в особенностях русского «ментального кода» (нестяжательство, самопожертвование, коллективизм, сакрализация государственной власти). В рамках второго направления возвращение к православию и установление «православной монархии» рассматривается как необходимое условие политического и культурного выживания нации.

реках Вавилонских... // Гражданинъ. 2003. Ноябрь — Декабрь. С. 40–48; *Он же*. Псевдорасцвет // Гражданинъ. 2004. Май — Июнь. С. 38–45 (текст написан в 1995 г.).

⁸ Тем не менее дистанцирование почвенников с «белой» самоидентификацией от коммунистов имеет свои пределы. В редколлегия «Молодой гвардии» входит, например, депутат Госдумы от КПРФ Виктор Илюхин.

⁹ Валентина Чеснокова — социолог из Фонда «Общественное мнение», автор (под псевдонимом) книги «О русском национальном характере», см.: *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. Михаил Назаров — бывший политэмигрант, вернувшийся в Россию в середине 1990-х гг. и основавший издательство «Русская идея», см.: *Назаров М.* Тайна России: история философия XX века. М., 1999.

Бурную активность на ниве православно-фундаменталистского почвенничества развил дьякон Андрей Кураев. Плодовитый производитель текстов, А. Кураев ведет также энергичную общественную деятельность. Рекламой своих сочинений и идей, а также идей некоторых своих единомышленников он занимается на сайте «Человек и его вера. Православный форум Андрея Кураева».

Из секулярных почвенников стоит выделить Георгия Гачева¹⁰, Юрия Бородаю¹¹, Александра Панарина¹².

Институционально почвенники различных направлений локализованы (помимо названных выше трех журналов) в следующих структурах: Фонд славянской письменности и культуры, еженедельник «Литературная Россия», ежемесячный журнал «Русский дом», радиостанция «Радонеж» и программа «Русский дом» на «Народном радио», а также множество маргинальных изданий (например, газеты «Русский вестник», «Русь державная» и т. п.). В *телеэфире* почвенничество долгое время было представлено на канале ТВЦ программами «Москва», «Русский дом» и «Русский взгляд» (в настоящее время закрыты); с июля 2005 г. почвенники получили слово на канале православного вещания «Спас» (НТВ+). *Сетевые ресурсы*: агентство религиозной информации «Благовест-инфо», православное информационное агентство «Русская линия», православный аналитический сайт «Правая.ру», Агентство политических новостей (проект Института национальной стратегии, имеющий также дочернее Нижегородское отделение Агентства политических новостей), сайт «Русская цивилизация».

Движение коммунпатриотов и почвенников навстречу друг другу: Почему они не могут объединиться

Мышлению коммунпатриотов и почвенников свойственна общая направленность — антилиберальная и антизападническая. Но если для первых Запад ненавистен потому, что оттуда к нам пришел либерализм, то для вторых либерализм ненавистен потому, что пришел к нам с Запада.

Коммунпатриотов и почвенников сближают представления о политической системе, наиболее подходящей России. Это та или иная форма авторитаризма («автократии», «национальной диктатуры»).

¹⁰ Г. Гачев по убеждениям ближе к Солженицыну, чем к Шафаревичу. См.: *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

¹¹ См.: *Бородай Ю.М.* Почему православным не годится протестантская этика // Наш современник. 1990. № 10; *Он же.* Эротика. Смерть. Табу: Трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, 1996.

¹² Начиная с середины 90-х гг. и до своей смерти в 2003 г. профессор А. Панарин писал все более агрессивно-идеологические и все менее научно фундированные тексты. См., например: *Панарин А.С.* Испытание глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2001.

Пункт, по которому они не могут договориться друг с другом: идеальный социальный строй, к реставрации которого следует стремиться. Для коммунопатриотов таким идеалом является советский режим, тогда как в глазах почвенников этот режим означал разрыв с православием и уже по этой причине не может служить ориентиром. Показная лояльность коммунопатриотов русско-православной традиции сочетается у них с пиететом перед Дзержинским и другими символами коммунистического режима, что вступает в противоречие с агрессивным отторжением этих символов большинством почвенников.

Таким образом, существует предел их взаимного сближения. Коммунисты, какие бы усилия по присвоению националистического дискурса они ни предпринимали, располагают крайне ограниченным пространством маневра. Зюгановцы, в частности, не готовы вынести из мавзолея и похоронить по православному обряду тело вождя мирового пролетариата. Они не могут отказаться от целого ряда базисных для себя идей, не потеряв львиной доли своих сторонников. Перестать быть марксистами-ленинцами для коммунистов означает потеряться в море националистической оппозиции.

Уместно выделить еще ряд моментов, отличающих программу «красных» от программы «белых» и «розовых». Коммунопатриоты высказываются за сохранение федерализма, тогда как почвенники (и традиционалисты) считают необходимым демонтировать федерализм в пользу унитарного устройства. Коммунопатриоты провозглашают своей целью «укрепление федерального многонационального государства», что означает их неготовность принять тезис почвенников о необходимости обеспечить доминирование русских на всех уровнях жизни общества. Максимум, на что коммунисты идут, стремясь подчеркнуть свою патриотичность, — это вялая поддержка тезиса о введении пропорционального представительства во властных структурах, в результате чего «государствообразующий народ» получит большинство. Однако зюгановцы боятся лоббировать инициативы вроде «закона о русском народе», поскольку это лишит их электоральной поддержки среди этнических меньшинств.

Форумом, на котором коммунопатриоты встречаются со своими союзниками из почвеннического лагеря и на котором обсуждаются различные варианты соединения коммунизма с православием, выступает «Народное радио», а также уже упомянутая «Советская Россия».

Эволюция коммунопатриотической оппозиции. Посткоммунисты

Идеология коммунопатриотизма оказалась для многих ее бывших приверженцев слишком тесной. Они начинают экспериментировать с идеями, неодобряемыми ЦК КПРФ. Назовем их посткоммунистами.

К числу таких людей принадлежит Алексей Подберезкин, вышедший из зюгановской партии и возглавивший движение «Духовное наследие». Подберезкин одним из первых стал эксплуатировать символ Империи. Империя в его конструкции должна была объединить в себе и дореволюционную, и пореволюционную Россию; социалистическая традиция, по Подберезкину, — такая же часть национального наследия, как и христианская. Концепцию А. Подберезкина отличает от построений С. Кара-Мурзы смена акцента со сталинизма на умеренную, «лейбористскую» версию социалистической идеи. Впрочем, эти тактические расхождения не мешают сотрудничеству «ревизиониста» Подберезкина с твердолобыми коммунистами. Серия книг, выпускаемая фондом Подберезкина, входит в сетевую «Библиотеку думающего о России», где публикуются также книги и статьи авторов коммунопатриотического направления¹³.

К посткоммунистам можно отнести и Александра Проханова, который долгое время считался главным идеологом «Национально-патриотического фронта России» (НПФР) — несмотря на то что номинальным руководителем этой организации был Г. Зюганов. Еще на рубеже 80–90-х гг. Проханов выступил с проектом общенациональной газеты, целью которой было объединить всех патриотов. До 1993 г. она называлась «День», затем — «Завтра». Еще до октябрьских событий 1993 г. здесь были опубликованы интервью Руслана Хазбулатова (тогдашнего Председателя Верховного Совета) и Валентина Зорькина (тогдашнего Председателя Верховного Суда) на тему «русской идеи». В 1994 г. с совместными размышлениями о перспективах единого патриотического фронта в «Завтра» выступили бывший вице-президент РФ Александр Руцкой и Валентин Зорькин. Но всеядность и эклектизм А. Проханова отпугнули от него значительную часть патриотов из обоих лагерей. В коммунопатриотической прессе его бичевали за беспринципность, а большинство почвенников — за излишнюю «красноту»¹⁴. В итоге на протяжении последних десяти лет «Завтра» служит площадкой для выступлений тех, кого это обстоятельство не смущает.

¹³ В Центральный совет «Духовного наследия» вошел сам Зюганов.

¹⁴ В публикациях Проханова расставляемые им оценки (генералу А. Лебедю, А. Руцкому, В. Пугину и т. д.) менялись с плюса на минус или на

оборот. Во время предвыборной кампании 2003 г. главред «Завтра» и непримиримый враг олигархов ездил в Лондон для переговоров с Б. Березовским. Последним эпизодом в приспособленчестве Проханова стало его участие в «левом повороте» М. Ходорковского.

Наконец, к группе посткоммунистов следует отнести Сергея Глазьева. Хотя его союз с фракцией КПрФ в Государственной Думе (равно как и его сотрудничество в свое время сначала с кабинетом Гайдара, а затем с Совбезом Александра Лебеда) можно считать скорее тактическим ходом, чем выражением мировоззрения, определенные идеологические предпочтения у С. Глазьева все же просматриваются¹⁵. Программа, на основе которой С. Глазьев пытался возглавить (несостоявшуюся) предвыборную коалицию «коммунисты — аграрии — патриоты» включала в себя следующие положения:

- среди населения сверхдоходов от экспорта энергоресурсов;
- массированная государственная поддержка национального производителя;
- активная поддержка лояльного России населения в «ближнем зарубежье» (в частности, в Абхазии и Южной Осетии).

Симптоматично и то обстоятельство, что С. Глазьев является автором одной из двух версий законопроекта «О социальном партнерстве государства и церкви», суть которого состоит в правовом закреплении участия традиционных конфессий в общественной жизни (речь идет прежде всего о православии, а также об исламе, буддизме и иудаизме — в местах компактного проживания носителей этих верований).

Другие претенденты на синтез патриотических идей

Кроме посткоммунистов, на публичном поле активны и другие претенденты на формулировку синтетической патриотической идеи. Здесь можно выделить четыре основные группы.

«Жириновцы»

Позицию В. Жириновского и его последователей характеризуют следующие черты:

- антикоммунизм; Жириновский и его сторонники категорически отмежевываются от «левых идей» вообще и от коммунистов в частности;
- демонстративный авторитаризм и милитаризм (адекватная для России форма правления — военная диктатура, исторический идеал — генерал Корнилов);
- наигранная агрессивность и гипертрофированное великодержавие (среди лозунгов Жириновского — восстановление территории России в границах 1913 г., т. е. включая Польшу и Финляндию, а также установление имперского контроля над регионами к югу от бывшего СССР)¹⁶.

¹⁵ См.: Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.

¹⁶ См.: Жириновский В.В. Последний бросок на Юг. М., 1993.

Национализм и империализм сторонников Жириновского носит симулятивный характер. Их лозунги и публичные выступления, как правило, столь скандальны и нереалистичны, что любому внимательному наблюдателю очевидна их функциональность: они провозглашаются не для того, чтобы быть осуществлены, а для того, чтобы помочь лидерам ЛДПР удержаться в информационном поле.

«Неоевразийцы»

Евразийство — в том виде, как оно понимается русскими националистами¹⁷, — представляет собой вариант *мессианского империализма*. «Евразия» здесь выступает как эвфемизм Российской империи, историческое предназначение которой состоит в том, чтобы служить цивилизационным центром притяжения для многочисленных народов евразийского материка и геополитическим центром, противостоящим «атлантистам» (Северной Америке и Западной Европе), с одной стороны, и Китаю — с другой.

Формально сегодняшние адепты евразийства опираются на сочинения писателей и ученых русской эмиграции, предложивших этот термин в 20-е гг. (П. Сувчинский, П. Савицкий, Н. С. Трубецкой), однако настоящим источником их инспираций послужил труд Л. Гумилева «Этногенез и биосфера земли» (1979). В 80-е гг. развитием идеи о российской цивилизации как синтезе «православно-славянского» и «тюрко-мусульманского» культурного начала увлекались некоторые деятели Союза советских писателей (например, умерший в 2001 г. Вадим Кожинов).

В настоящее время этот бренд пытается монополизировать Александр Дугин. Но поскольку на обладание данным термином претендуют и другие участники публичного дискурса¹⁸, мы будем называть программу Дугина и его единомышленников «неоевразийством». Организационно последователи Дугина объединены в Международное евразийское движение. Молодая поросль дугинцев образует собственную структуру — Евразийский союз молодежи.

Мало кто может посоревноваться с Дугиным по количеству выбрасываемых в мир текстов (хотя вопрос об их качестве следовало бы обсудить отдельно).

¹⁷ Существует нерусская версия евразийства, хрестоматийным выражением которой стала книга Олжаса Сулейменова «Аз и Я: Книга благонамеренного читателя» (Алма-Ата, 1975). Однако этот сюжет выходит за рамки нашей темы.

¹⁸ Накануне выборов 2003 г. существовало два объединения, использовавших в своем названии термин «Евразия», — Общественно-политическое

движение под руководством А. Дугина и партия под руководством Абдул-Вахета Ниязова. Кроме того, в качестве сторонника евразийской идеи в еще одной интерпретации иногда выступает Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, у которого, впрочем, эта идеология служит рамкой вполне прагматических экономических интересов (таможенное регулирование и пр.).

«Новые левые» националисты

К этой группе уместно отнести в первую очередь «нацболов», руководимых писателем Эдуардом Лимоновым. Национализм Лимонова носит скорее эстетический, чем политико-идеологический характер. Мировоззрение лимоновцев, как и других «новых левых», крайне эклектично. Лидер Национал-большевистской партии, с одной стороны, заявляет себя противником государства и семьи как институтов, подавляющих индивидуальную свободу, а с другой стороны — выступает за возрождение империи и, стало быть, сильного государства. Такой «анархо-империализм» помогает рекрутировать в ряды лимоновской партии ищущих себя подростков и молодых людей, но не очень подходит для формулировки политической программы. Тем не менее мобилизационный потенциал нового левого национализма достаточно велик. Антикапиталистический и антибуржуазный пафос, а также *внесистемный характер* этого движения (в отличие от вписанных в политическую систему Г. Зюганова, С. Бабурина, С. Глазьева и т. д.) делают его весьма популярным среди протестно настроенной молодежи.

Под рубрику «нового левого» национализма можно подвести и движение «За родину!», во главе которого стоит писатель Сергей Шаргунов (р. 1980). Правда, то обстоятельство, что данное движение представляет собой молодежное отделение партии «Родина», заставляет усомниться в его внесистемности. Однако Шаргунов и его единомышленники делают все возможное, чтобы такие сомнения развеять.

Путаные воззрения нацболов время от времени публикуются в газете «Лимонка», переименованной после запрета в 2002 г. в «Генеральную линию».

**«Просвещенный авторитаризм»
и «авторитарная модернизация»**

Идейным истоком этой позиции послужила статья Игоря Шафаревича «Две дороги — к одному обрыву». Согласно программному тезису автора, для России одинаково неприемлемы ни марксизм (социализм), ни либерализм (демократия), поскольку ни то ни другое не соответствует национальной духовной традиции¹⁹.

Известный специалист по политической экономии социализма Александр Ципко (в советское время существовал даже ироничный термин — Ципко-социализм), а ныне политический обозреватель «Литературной газеты» пустил свой недюжинный публицистический талант на пропаганду мировоззрения, которое он сам обозначает как «либеральный патриотизм» и которое в западноевропейских странах именуется социал-демократией. Суть этого мировоззрения — в соединении идеи свободы и идеи социальной справедливости²⁰. Однако

¹⁹ См.: Шафаревич И. Две дороги — к одному обрыву // Новый мир. 1989. № 7.

²⁰ См.: Ципко А. Почему я не «демократ». М.: Эксмо; Алгоритм, 2005.

демонстративное антизападничество и желание отмежеваться от российских политических сил, присвоивших себе это название (Горбачев, Гавриил Попов и др.), закрывает перед Ципко эту возможность. Среди центральных положений идеологической программы, выражаемой Ципко, можно встретить практически все тезисы, озвученные в 2003 г. С. Глазьевым. Кроме того, Ципко и его единомышленники разделяют с почвенниками следующие требования:

- немедленное воссоединение с Белоруссией;
- более агрессивная политика по отношению к официальному Киеву (Россия не должна мириться с утратой традиционно русской территории — Левобережья и Крыма);
- более независимая политика по отношению к Евросоюзу: если членство в той или иной организации (например, в Совете Европы или в «Партнерстве во имя мира») сужает российский суверенитет, не надо бояться из нее выйти;
- энергичная поддержка братских народов (македонцев и сербов) на Балканах.

Аргументы в пользу «просвещенного авторитаризма» неоднократно высказывала историк Наталия Нарочницкая²¹, недавно ставшая депутатом Государственной Думы РФ от блока «Родина».

Сторонники «просвещенного авторитаризма» с большим воодушевлением относятся к идее «авторитарной модернизации» — экономико-технологического скачка, проводимого в условиях отсутствия или ограничения гражданских свобод. Круг приверженцев этой идеи очень широк. Назовем лишь несколько имен: вице-президент Международного фонда экономических и социальных реформ (Фонда «Реформа») Андраник Мигранян, президент фонда «Экспериментальный творческий центр» Сергей Кургиян, тележурналист Михаил Леонтьев, обозреватель «Известий» Максим Соколов, директор Института национальной модели экономики Виталий Найшуль, главный редактор журнала «Русский предприниматель» Андрей Кобяков, президент компании экспертного консультирования «Неокон» Михаил Хазин.

Форумом для обсуждения идей авторитарной модернизации служат издаваемый Центром Кургияна журнал «Россия XXI» (выходит с 1993 г., доступен и в печатном, и в электронном виде), а также «Русский журнал».

Этноцентристы

В эту группу мы объединяем тех, кто категорически отказывается от интерпретации понятия «нация» в неэтнических терминах. Нация для них есть этническое сообщество — «этнос, и ничего кроме

²¹ См.: Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.

этноса» (Владимир Махнач). Этнос при этом может пониматься как в культурно-исторических (в качестве сообщества происхождения, «общности судьбы»), так и в биологических категориях (в качестве кровнородственного сообщества). В первом случае перед нами *умеренные этноцентристы*, ориентирующиеся на наследие Льва Гумилева, во втором — *радикальные этноцентристы*, безоговорочным авторитетом среди которых является Аполлон Григорьевич Кузьмин (1928–2004).

Бесспорной классикой для этноцентристов является трактат И. Шафаревича «Русофобия» (1980), в котором было сформулировано убеждение в наличии внутреннего заговора против России, исходящего от «малого народа». Под «малым народом» понимается непатриотическая интеллигенция, ядро которой составляют евреи²².

Хотя многие свои аргументы этноцентристы разделяют с почвенниками, их генезис вряд ли следует понимать как результат эволюции почвенничества. Данный тип мышления произрастает из отдельного корня. Этот корень — мифологически-органицистское представление об этносе. Этнос в данном случае воображается как расширенная семья или как племя (вполне адекватным обозначением данного течения было бы «племенной национализм»).

К умеренным этноцентристам можно отнести Светлану Лурье²³, уже упомянутого В. Махнача. Они балансируют на грани биологического расизма. Перейти эту грань им мешает интеллектуальный багаж. Чем меньше культурный капитал авторов-этноцентристов, тем больше степень радикализма и, соответственно, шовинизма.

Представителям данного течения мысли свойственно самое пристальное внимание к этнической принадлежности. Но если умеренные этноцентристы склонны сделать исключение для обрусевших «иностранцев» и считать, например, Осипа Мандельштама русским поэтом, а Исаака Левитана — русским художником, то этноцентристы-радикалы единственным основанием для включения в национальную (этническую) общность считают кровь. Отсюда проистекает их враждебность к евразийству. В нем они усматривают инструмент размывания славянского фундамента русской нации. Упомянутый А.Г. Кузьмин посвятил жизнь разоблачению «евразийской заразы»²⁴.

Радикальный этноцентризм идеологически представляет собой не что иное, как биологический расизм. На расистской ветви этноцентризма растут откровенно нацистские листочки²⁵.

²² См.: Ципко А. Россию пора доверить русским. Критика национального нигилизма российских либералов. М.: Алгоритм, 2003.

²³ См.: Лурье С. Историческая этнология: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1997.

²⁴ См.: Кузьмин А.Г. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории // Молодая

гвардия. 1991. № 9; Он же. Россия в оккультной мгле, или Зачем евразийцы маскируются под русских патриотов // Молодая гвардия. 1993. № 2; Он же. Евразийский капкан // Молодая гвардия. 1994. № 12.

²⁵ См., например, журнал «Русич», издаваемый известным экстремистом В. Корчагиным (прославился изданием русского перевода гитлеровской

Можно провести различие между «православной» и «языческой» версиями русского расизма. Первые группируются вокруг «Союза хоругвеносцев», «Союза православных братств», партии «За Русь святую!» и т. п. организаций. Один из лидеров «Союза православных братств» Евгений Троицкий возглавляет также Ассоциацию по комплексному изучению русской нации, ведущую активную издательскую деятельность.

«Язычники» образуют свои союзы и издают свою периодику — существующую, правда, больше в виртуальном, чем в печатном виде. Пример — «Русоград» и «Велесова свобода», доступные на сайте с красноречивым названием «Родноверие». В 2002 г. они основали «Библиотеку расовой мысли», в рамках которой заявлена серия «Расовый смысл русской идеи». Серия нашла горячую поддержку у депутата Государственной Думы РФ от фракции «Родина» Андрея Савельева.

Впрочем, грань между этноцентристами с «православной» и «языческой» идентификацией размыта. Не случайно авторы, претендующие на лидерство в этой среде, легко меняют ориентацию²⁶.

Либеральный национализм

На рубеже 1999–2000-х гг. часть либералов заявляет о своем желании нарушить монополию националистов на патриотизм и противопоставить антилиберальному, антиреформаторскому и реакционному национализму/патриотизму либеральный, реформаторский и прогрессивный национализм/патриотизм.

Первой ласточкой националистического сдвига на либеральном фланге стало заявление тогдашнего лидера СПС Анатолия Чубайса о том, что в Чечне происходит возрождение российской армии. За прошедшие с этого момента шесть лет лагерь национал-либералов приобрел если и не очень определенные, то вполне узнаваемые очертания. В их интеллектуальной кузнице было выковано три идеи: «*либеральной империи*», *нациостроительства* и *суверенной демократии*.

Лозунг «либеральная империя» был брошен в оборот все тем же А. Чубайсом. Идею Чубайса, помимо Леонида Гозмана и других членов правления РАО «ЕС России», поддержали Виктор Кувалдин (руководитель Центра аналитических программ Горбачев-фонда), Аркадий Попов²⁷ (руководитель аналитической группы «Меркатор» (Институт

«Майн Кампф»). Публикуемый «Славянским движением» журнал «Атеней» аттестуется его издателями как «расовый журнал». Здесь среди прочего публикуются отчеты о контактах русских расистов с единомышленниками из организации Blood&Honor.

²⁶ Характерны фигуры в этой связи Егора Холмогорова и Константина Крылова. См.: Холмогоров Е. Кредо националиста [http://www.apn-nn.ru/]; Крылов К.А., Алексеев М.Ю. Особенности национального поведения. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001.

²⁷ См.: Попов А. А. Зачем нам империя // Знамя. 2005. № 7.

географии РАН)), Вячеслав Никонов (президент фонда «Политика») и некоторые другие известные либералы. Горячую поддержку этой идее оказали молодые исследователи из Казани, издающие журнал «Ab imperio». В то же время большинство представителей либерального крыла отечественной мысли скептически отнеслось к инициативе Чубайса. Впрочем, идею о России как (либеральной) империи не следует жестко привязывать к имени Чубайса. У нее были адепты и ранее²⁸.

Споры провоцирует и другой тезис национал-либералов: о необходимости построения в России *национального государства* в этническом смысле слова «нация». Согласно Вячеславу Никонову, «Россия впервые стала государством-нацией. Причем государством именно этническим. Никогда русские не были большинством в стране. Сейчас в России оказалось русских больше, чем во Франции французов»²⁹. (В. Никонов, сознательно или нет, повторяет здесь мысль Солженицына от 1992 г., согласно которой у русских после отделения от России среднеазиатского балласта появился шанс завершить строительство нации.) Оппоненты этой идеи указывают на конфликтогенный потенциал проекта этнического строительства в полиэтнической стране³⁰.

Гораздо больший энтузиазм и гораздо меньше возражений вызывает идея «суверенной демократии», согласно которой в нашей стране задолго до появления демократов из «Демократической России» существовала собственная демократическая традиция. Стало быть, нам нет смысла ее импортировать³¹. Эту идею — демократии с русским лицом — активно поддерживают постоянные авторы журнала «Эксперт» Татьяна Гурова, Андрей Громов, Дмитрий Быков. Есть немало указаний на то, что формула «суверенная демократия» востребована и президентской администрацией.

Официальный национализм

Как мы уже отметили, особенностью ситуации, сложившейся приблизительно после 2000 г., является стремление власти утвердиться на новом идеологическом основании. Если в начале 90-х гг. правящий класс апеллирует к «демократическому выбору», то уже к середине десятилетия акцент смещается на национальные символы («Наш дом Россия», «Единство», «Отечество — Вся Россия»). Однако власть все

²⁸ См.: Щедровицкий П. Русский мир: прогрессивная империя и культурный империализм // Сообщение. 1999. № 1.

ного сообщества. См.: Тишков В. Самоопределение российской нации // Международные процессы. Т. 3. 2005. № 2 (8). С. 17–27.

²⁹ Паин Э. Между империей и нацией. М.: Новое издательство, 2004. С. 219.

³¹ См.: Горянин А. Русская демократия — не новодел // Эксперт. 2005, 13–19 июля; Он же. Мифы о России и дух нации. М., 2001. См. также: Лапкин В. Гюльчатай! Окрой личико! / Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С. 196–209.

³⁰ Кроме того, как не устает повторять В. Тишков, нация в России уже сложилась. Это российская нация, сознающая себя в качестве социокультур-

еще продолжает позиционировать себя как антикоммунистическая, антинационалистическая и в широком смысле слова либеральная. В качестве базисных ценностей декларируются открытость внешнему миру, индивидуальная свобода, сильное гражданское общество. То, что происходит со сменой кремлевской администрации, можно описать как «патриотический поворот». Он проявился в целом ряде мероприятий как в символической сфере, так и в области образовательной, информационной и иммиграционной политики. При этом власть посылает сигналы своей близости разным группам населения: ностальгирующим по советским временам — возвращение мелодии советского гимна и красного знамени в Вооруженных силах, поклонникам царской России — отмена празднования 7 Ноября и сокращение майских праздников, возвращение гражданства генералу Деникину и перезахоронение останков Ивана Ильина и т. д.

За патриотическим поворотом стоит понимание растущего легитимационного дефицита и сужения социальной базы существующего режима. В действиях власти прочитывается желание, с одной стороны, ответить страхам и ожиданиям определенных кругов населения (принятие в 2002 г. жестко рестриктивных законов «О гражданстве» и «Об иностранцах», изъятие — по требованию общественности — «непатриотичных» учебников истории), а с другой — стремление активно действовать в направлении формирования лояльных граждан (государственный контроль над ведущими СМИ, замена в школьных программах «основ безопасности жизни» начальной военной подготовкой, появление телеканала «Звезда» и православного телеканала «Спас» и т. д.).

Из трех столпов современного почвенничества — «держава, духовность, Победа» (так их сформулировал Лев Аннинский) — официальная власть успешно апроприировала первый и последний. С усвоением второго проблем возникнуть не должно.

Олег Кильдюшов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Обновленная российская государственность существует уже почти полтора десятка лет. За это время было создано огромное число программных документов и концепций по вопросам внешней политики. Цель обзора состоит в описании актуального состояния и структуры интеллектуального поля, релевантного для формирования внешнеполитического дискурса России, включая анализ основных позиций, их ориентации и объектов критики. Предпринимается попытка оценить как концептуальный уровень ведущих концепций, так и их прагматическую направленность: какая картина мира лежит в их основе? насколько они пригодны в качестве руководства к практическому осуществлению внешнеполитической деятельности российского государства? есть ли основания полагать, что уже концептуально пересмотрены и преодолены существовавшие ранее расхождения между теорией и практикой, прежде всего, неуместно огромные амбиции в условиях ограниченных ресурсов?

Несмотря на то что часть высказываемых внешнеполитических позиций обусловлена необходимостью теоретического осмысления новой обстановки в современном мире, значительная их часть все же напоминает скорее хрестоматию по истории идей, чем концептуально-аналитическое обоснование практической внешнеполитической деятельности государства. Частично это объясняется изменением условий формирования внешнеполитического дискурса: вместо одного центра согласования интересов конкурирующих аппарата и элитных групп возник хаос из отдельных групп и лиц, в большинстве своем политически или социально нелегитимных, преследующих свои частные (часто краткосрочные) цели. Одновременное изменение международной обстановки сделало протекание дискурсивного процесса еще более сложным и даже запутанным. Дезорганизация (переструктурирование) процесса внешнеполитического волеобразования приобретает особенно драматический характер при дефиците наличных ресурсов российского государства. Необходимость реалистично оценить свои возможности, определить основные цели внешней политики и сконцентрировать все имеющиеся силы на достижении этих целей оказалась в нынешних условиях непосильной задачей для политического класса новой России. Следует согласиться с объяснением подобной дисфункциональности постсоветских элит (включая обслуживающих их интеллектуалов), данным одним западным аналитиком: они представляют собой скорее групповые коалиции, временно созданные для

реализации собственных (краткосрочных) внутривнутриполитических интересов «и потому не способны к стратегическому международному взаимодействию. Временные рамки их деятельности крайне ограничены... <...> По всем вопросам внешней политики и политики безопасности не существует ни согласованных позиций, ни последовательного поведения на международной арене. Реальная сфера компетенции часто неясна, высказываемые мнения переменчивы и противоречивы»¹.

В целом российский внешнеполитический дискурс в последние годы по-прежнему двигался в рамках разрозненных (часто несводимых) ментальных карт, сложившихся из крайне гетерогенных элементов — осколков различных традиций понимания сущности России и ее роли (миссии) в мире. Российские интеллектуалы продолжают бесконечные поиски ответа на вопрос о месте России в мировой политике без какой-либо надежды на «правильный» ответ ввиду принципиальной невозможности «окончательного» решения вопросов, относящихся к сфере «ментальной геополитики» как части культурной идентичности общества. Старые и новые западники и славянофилы и их наследники и конкуренты — «атлантисты», «великодержавники», антиглобалисты-«многополярники», «евразийцы», «панслависты» и пр. — продолжают вести свои вербальные битвы за (само)понимание России. Как правило, они делают это через ее позитивное/негативное соотношение с Другими, т. е. с остальным миром, и прежде всего — с «Западом» или «Европой». Таким образом, постоянное обращение российских политиков, ученых и интеллектуалов к внешнеполитической тематике часто является выражением трудностей и парадоксов, возникающих при нынешнем внутривнутриполитическом самоопределении российского общества. Имеет место бесконечный концептуальный «конфликт без какой-либо артикуляции» (Ч. Тэйлор) в виде серьезной прагматической аргументации. Этим может объясняться и мирное сосуществование внутри одного политического дискурса часто противоречащих друг другу положений². Очевидно, что в значительной своей части внешнеполитические представления российской элиты во многом остаются чисто (инстру)ментальными. Здесь нет ничего удивительного или уникального, если рассматривать это как отражение противоречивости процесса поиска новой русской национально-государственной идентичности, а не как прагматическое решение задачи определения принципов и приоритетов взаимоотношений России с окружающим ее миром.

Поиски подобающего России места в мире («особого», «в ряду цивилизованных стран») играют значительную роль и в довольно

¹ Segbers Klaus. Vom Sinne und Zweck einer Simulation // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1999. № 7. S. 830.

² Так, например, утверждение типа «Россия есть неотъемлемая часть Европы» может спокойно уживаться в одной голове с мыслью «Россия и Европа — стратегические партнеры», не обращая внимания на очевидную логическую ошибку «pars pro toto» («часть вместо целого»).

запутанной конструкции *интеграция/изоляция*: страх оказаться на «задворках Европы» соседствует здесь с требованием сохранения своей национальной самобытности. Угроза оказаться в роли парии мировой цивилизации преодолевается посредством проекции российских ценностей и приоритетов на другие культуры, страны и даже континенты («исламский мир», «евразийское пространство»), выступающих в роли квазиестественных объектов особой внешнеполитической миссии России. При этом используется уже не дуальная модель³, а триада: происходит процесс дискурсивного конструирования не только враждебного Другого («мировое правительство», «международный терроризм»), не поддающегося никакой локализации в силу фантомного характера, но и дружественного Другого («арабский мир», «Старая Европа»), который часто даже не подозревает о приуготовленной ему роли и часто является или идеализированным подобием самой России, или, напротив, неким образцом, идеалом, к которому Россия должна стремиться.

В целом российский внешнеполитический дискурс воспроизводит в своих представлениях о внешнем мире социальную конструкцию иерархизированных пространств, среди которых доминирующее место занимает «Запад» (США). Разница заключается лишь в оценках этого общепризнанного положения. В любом случае США рассматриваются, с одной стороны, как соперник России, а с другой — как великий образец для подражания. Поскольку глобальное превосходство США базируется не только на собственных ресурсах, но и на «обладании» многочисленными союзниками по всему миру, то и целью внешней и оборонной политики новой России является создание «стратегического партнерства». Желательными кандидатами при этом являются как традиционные союзники США («Старая Европа», некоторые страны Азиатско-Тихоокеанского региона), так и независимые игроки (Китай, Индия) — в зависимости от идеологических предпочтений. К тому же происходит неуместная морализация целей конкурирующих внешних политик («дружеская», «предательская»), а также определенная антропоморфизация и персонализация дипломатических отношений (явная переоценка феномена «банной дружбы», посещение ранчо и т. д.).

Для актуальной внешнеполитической дискуссии характерно излишнее противопоставление интересов основных *global players* («Россия vs США», «США vs Китай»), но в то же время продолжаются разговоры о необходимости создания российско-индийско-китайской оси. Хотя очевидно, что отношения с Западом для всех трех важнее,

³ Несмотря на утверждение Ю. Лотмана о принципиальной полярности русской культуры, выражающейся в «дуальной природе ее структур». См.: Лотман Ю. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

чем каждый из них для остальных. К тому же между ними существуют значительные противоречия и прямая конкуренция, например, за западные инвестиции.

Несмотря на определенные изменения российского взгляда на мир в сторону более реалистических, прагматических концепций (например, со все большими экономическими мотивами и ориентацией на защиту российских деловых интересов), в целом можно говорить о концептуальном кризисе русской внешнеполитической мысли. Учитывая практически господствующий в российском внешнеполитическом мышлении геополитический подход, не удивительно, что все заверения Запада в «исключительно оборонительном характере» его военных структур (НАТО и др.) оказались дезавуированы даже в глазах прозападно настроенных российских интеллектуалов. «Оборонительный союз демократически устроенных государств, по определению, не способный на военную агрессию», показал нападением на Югославию весной 1999 г. свое «подлинное лицо», подорвав тем самым надежды русских евроатлантистов и укрепив позиции тех, кто «постоянно предупреждал о натовской угрозе». Теперь даже представители демократических кругов призывают к укреплению военной мощи нашей страны, учитывая безответственный характер западных «миротворцев». В результате «гуманитарной» авантюры НАТО в Косово, абсолютно бессмысленного в военном отношении приема в его члены прибалтийских республик, а также и практически не скрываемой поддержки рядом западных кругов чеченских террористов в российском массовом сознании и экспертном сообществе возродились старые страхи: часто речь идет уже не просто о проблеме внешнеполитической изоляции, а о судьбе России (Путин). Желание принадлежать к «цивилизованному» миру делает западную критику российских обстоятельств особенно болезненной. В свою очередь, эта чувствительность обостряется еще сильнее ввиду двойных, тройных и т. д. стандартов, применяемых западными странами, например, к средневековым монархиям Ближнего Востока или к режимам откровенно апартеидного типа, существующим в Прибалтике.

Фактическая внешнеполитическая изоляция становится особенно осязаемой для российских интеллектуалов благодаря процессам, проходящим в непосредственном окружении России (Прибалтика, Украина). Именно здесь она сталкивается со все большим количеством проблем, разрешение которых практически невозможно без содействия Запада (общий антироссийский курс «новых европейцев», бесправное положение русских в Прибалтике, обеспечение газового транзита через Украину). Между тем очевидно, что за редким исключением воссоздание единого государства не стоит на первом месте в концепциях, выдвигаемых в рамках интеллектуального поля, релевантного для формирования внешнеполитического дискурса. Сегодня мало кто готов к неизбежным финансовым потерям ради абстрактных фраз типа

«славянского братства» и т.п. Очевидно, что Москва (пока) не готова взять на себя расходы и риски, связанные с реинтеграцией бывших советских республик. Однако в целом сегодняшнее российское внешнеполитическое мышление в отношении СНГ, как и прежде, характеризуется выражением необходимости сохранения (восстановления) сократившегося российского влияния. Формы этого влияния могут меняться, и экономическое давление зачастую оказывается более эффективным, чем прямое политическое воздействие. Хотя в связи с усиливающейся внутривнутриполитической реставрацией, особенно на символическом уровне, нельзя полностью исключить возможности новой массовой популярности реставрационных устремлений и в отношении постсоветского пространства. Общим местом российского внешнеполитического сознания по отношению к странам СНГ уже сегодня являются ожидания лояльности к Москве и согласования с ней своей внешней политики, например, с Западом, несмотря на всю малореалистичность такого сценария.

Как уже говорилось, в основе нынешнего внешнеполитического кризиса лежит более общий кризис идентичности: по-прежнему не существует однозначного ответа на вопрос «Что есть Россия?», который бы устроил как подавляющее большинство граждан страны, так и лидеров общественного мнения. Новая Россия, «вылупившаяся из СССР» (Г. Павловский), так и не отбросила старую ментальную скорлупу: она продолжает искать свою идентичность в великодержавных жестах и распевает новый старый гимн. Также неясно, насколько внутривнутриполитическая реставрация способствует укреплению стабильного и предсказуемого стиля поведения на международной арене. В этих условиях большинство внешнеполитических концепций по определению не в состоянии выполнить свою прагматическую функцию и представляют интерес скорее для истории идей, чем для практических действий в современном мире. Причем это в равной степени касается совершенно противоположных концепций, т.е. русские «евроатлантисты» столь же нереалистичны и даже наивны в своих внешнеполитических представлениях о современном мире, например, о Западе («цивилизованный», «стратегический партнер России» и т.д.), что и их «многополярные» оппоненты в своих представлениях, например, о Востоке («великий Китай», «братская Индия» и т.д.).

Тот факт, что российские элиты не в состоянии сформулировать адекватную (прагматическую) концепцию внешней политики, имеет, прежде всего, структурное объяснение. Новое российское государство располагает сравнительно незначительными ресурсами, необходимыми для той или иной «сильной» внешнеполитической позиции. Его экономическая мощь, уровень технологического развития, а также продукты культурного производства представляют лишь незначительный интерес для внешнего мира. В свете сказанного должно быть понятно, что дополнительная трудность анализа российских

внешнеполитических представлений состоит в том, что в них не проводится строгого различия между желаемым (идеальным состоянием, долженствованием) и действительным (реальным состоянием, актуальным бытием). Кроме того, выдвигаемые позиции крайне редко существуют в «чистом» виде и скорее представляют собой некую эклектическую комбинацию с определенной ценностной доминантой.

Трудно оценить фактическую релевантность идеологий, концепций и представлений, которые лишь частично соотносятся с экономической, политической и институциональной реальностями современного мира. Производимые идеологическими предпринимателями образы мира циркулируют в основном в узких кругах и напоминают скорее результат борьбы за упрочение собственной позиции в поле интеллектуального производства, чем непосредственно связанную с будущим страны ответственную работу национальной элиты. Если в начале «реформ» внешнеполитические приоритеты определялись довольно однородной постсоветской элитой, то в дальнейшем на передний план выдвинулись другие группы интересов, а следовательно, и новые цели. И хотя многолетний спор о курсе внешней политики между сторонниками западного, евразийского и изоляционистского подходов так и не был разрешен или завершен, он потерял свою былую остроту. Властная элита уже в значительной своей части деидеологизирована. Идеологизированные интеллектуалы могут продолжать отстаивать концепцию многополярности и искать «стратегических партнеров» по всему миру. Но, видимо, уже не стоит ожидать от российской внешней политики активной ориентации на конфликты и риск, ибо нерешенные задачи социальной и экономической модернизации страны не позволяют пускаться во внешнеполитические авантюры ради идеологических химер.

С учетом вышесказанного можно теперь выделить несколько основных внешнеполитических позиций, особенно характерных для российского интеллектуального поля и игравших (играющих) важнейшую роль в различные периоды становления внешней политики РФ. *Евроатлантизм* — либеральная позиция прозападной ориентации, направленная на интеграцию России в существующие структуры Первого мира («цивилизованного мира», «золотого миллиарда»). *Великодержавная позиция* — антизападно-националистическая концепция возрождения былого величия России с целью решительного противодействия агрессивным планам США и их союзников. *Многополярная концепция внешней политики* — наиболее близкая к официальной, исходящая из необходимости установления мирового порядка с несколькими центрами силы («полюсами»), одним из которых должна стать Россия. *Концепция либерального империализма*, сформулированная А. Чубайсом и, вероятно, поддерживаемая другими крупными предпринимателями России. И хотя эту концепцию нельзя отнести к доминирующим, она тем не менее представляет определенный теоретический и

прагматический интерес. И наконец, *изоляционистская концепция*. И хотя, взятая в чистом виде, она, по сути, является концепцией отказа от активной внешней политики, элементы изоляционизма могут присутствовать в других позициях, и потому он также заслуживает здесь краткого упоминания.

Содержательные характеристики основных позиций

Евроатлантизм

Данное направление возникло еще на рубеже 80–90-х гг. на базе наивно-романтических внешнеполитических представлений, бывших тогда популярными среди радикально-либеральной интеллигенции (так называемая «демшиза»). Оно базировалось на четкой концептуальной основе в духе «Конца истории» (Ф. Фукуяма): всерьез велась речь о «возвращении страны в сообщество цивилизованных государств» Запада. Окончание холодной войны воспринималось как конец любого противостояния между государствами ввиду полного совпадения их интересов, каковыми рисовались мир, демократия и всеобщее процветание во всем мире. Как следствие, строились далеко идущие планы в отношении будущего места страны в системе международных отношений, основанные на самых радужных представлениях о намерениях и интересах Запада. Евроатлантисты наивно верили, что военная мощь и борьба за влияние принадлежат прошлому и суть международной политики отныне заключается в экономической глобализации и распространении демократического порядка. В начале 90-х гг. их влияние на формирование курса внешней политики стало доминирующим. И хотя у евроатлантизма нет собственно автора, живым воплощением прозападного курса новой России стала фигура А. Козырева и других либералов, оказавшихся тогда в руководстве МИДа.

Евроатлантическая программа предусматривала (по-прежнему предусматривает) ликвидацию империалистических структур (ментальных, организационных, материальных) России, доставшихся в наследство от СССР, устранение ее регионального военного доминирования, отказ от «опасного» (Б. Ельцин) ядерного паритета с США, создание «стратегического партнерства» с Вашингтоном, сотрудничество с НАТО (вплоть до вступления в долгосрочной перспективе), политическую кооперацию с новыми западными «союзниками» в Совете Безопасности ООН, а также сотрудничество и по возможности членство в таких международных экономических организациях, как ВТО, МВФ, Всемирный банк и «Большая семерка». Евроатлантисты полагали, что возродить Россию как великую державу возможно лишь в тесном партнерстве с США, исходя из предположений о совпадении их интересов

с российскими и нереалистичной оценки готовности Запада оказать помощь в возрождении экономической и политической мощи России. Они лелеяли надежду обеспечить стране с «помощью стратегических отношений» с США роль *global player* в международных отношениях. Центральную роль при этом играли западные модели внешней политики, место России в которых заключалось в основном в поддержке американских позиций, например, в Ираке или в ходе разгоравшихся конфликтов в Югославии.

Для данной позиции характерно, в частности, отсутствие ясного понимания специфики и внутренней динамики процесса кооперации, достижения равновесия и предупреждения (разрешения) конфликтов между государствами — членами ЕС. Концептуальный пережиток биполярного мышления (сосредоточенность на США) отчасти объясняет, почему прозападная внешняя политика России почти не замечала политических, экономических и других последствий западноевропейской интеграции и тем самым — превращения Европейского экономического сообщества в Европейский Союз, т. е. все более самостоятельного внешнеполитического актора. Российским внешнеполитическим мышлением с присущим ему властно-политическим видением европейская интеграция долгое время ошибочно воспринималась как исключительно экономическая кооперация⁴. ЕС часто рассматривается лишь как придаток или инструмент американской политики, осуществляемой в Европе посредством НАТО.

Отношения с развивающимися странами также не занимают сколько-нибудь значительного места в представлениях, ориентированных на интеграцию в «цивилизованный мир» стран Запада. Так как западники делают ставку, в первую очередь, на рынки развитых стран, невзирая на минимальные шансы там для сбыта российской продукции, то значение связей со странами третьего мира рассматривается как вторичное по сравнению с западным, прежде всего проамериканским вектором внешней политики.

Евроатлантисты исходят из необходимости коренного изменения во внешнеполитическом сознании как существенном условии успешной модернизации страны. Иными словами, Россия должна не отвлекать свои и так ограниченные силы и ресурсы на конфронтацию с Западом, а наоборот, сделать ставку на «общие интересы, заключающиеся в укреплении мира и сотрудничества». При этом от Запада ожидается определенная чувствительность относительно традиционных для значительной части российской элиты представлений о внешней политике и политике безопасности. Со своей стороны, России

⁴ Перестроечная идея «общеевропейского дома» была скорее рефлексом, вызванным ожиданием скорейшего преодоления раскола Европы. Она описывала конкретную утопию, не указывая

путей ее осуществления. После этого европейское измерение российского внешнеполитического сознания все сильнее уступало место проамериканской ориентации.

предлагается смириться с тем, что важнейшими акторами мировой политики являются именно западные страны и их структуры (США, ЕС, НАТО и др.): это ни в коем случае не должно противоречить геостратегическим интересам России, которые в XXI в., в обстановке усиливающейся глобализации экономической и оборонной политики, рано или поздно будут формулироваться совершенно иначе, чем во время блокового противостояния.

Относительно политики в отношении «ближнего зарубежья» новые западники выступают за «нормальные» дипломатические отношения с этими странами, без претензий на доминирующее положение России.

Стоит ли говорить, что сегодня в чистом виде евроатлантической ориентации придерживают лишь маргинальные политические группы радикально-либерального толка и правозащитные организации, структурно выступающие в позиции самоназначенных представителей Запада в России. Однако многие элементы евроатлантистской позиции успешно используются, например, в умеренных версиях теории «многополярности». Ведь ЕС был и остается ведущим внешнеторговым партнером РФ, и в условиях прогрессирующего переплетения с европейским капиталом в сфере инвестиций и торговли на задний план отходят и вопросы статуса, и надоедливое жонглирование дефинициями: где кончается Европа, относится ли к ней Россия, когда возможно ее «присоединение» к ЕС. Таким образом, притягательность европейского интеграционного процесса сохраняет свою притягательность для РФ и других стран СНГ и становится структурной детерминантой российской политики. К тому же налицо формирование политической, экономической и интеллектуальной элиты, которая считается с частичной интеграцией ряда отраслей экономики в мировые рынки и в значительной степени избавилась от изоляционистских и имперских устремлений.

Что же повлияло на утрату проатлантической ориентацией своего доминирующего положения? Прежде всего, это растущее понимание в различных кругах российской элиты значительного несовпадения, а иногда и полной противоположности интересов России и Запада в ряде важнейших вопросов мировой политики, особенно учитывая огромную пропасть между уровнями их политического, экономического и социального развития. Следование западным моделям развития лишь подчеркивало на концептуальном уровне собственную неспособность к решению проблемы преодоления отсталости страны. В результате либеральные внешнеполитические идеи были заметно маргинализированы.

Тем не менее и сегодня некоторыми интеллектуальными центрами, такими как Московский центр Карнеги, осуществляются попытки анализа внешнеполитических событий исходя из евроатлантистской перспективы, например, в рамках программы «Внешняя политика

и проблемы безопасности» (руководитель Д. Тренин)⁵. Хотя это легко объясняется его американской «генеалогией». Но и в ряде «чисто российских» «think tanks» продолжают хождение многие идеи «евроатлантизма», как правило в адаптированном виде. А среди участников проекта «После империи», осуществляемого фондом «Либеральная миссия»⁶ (президент Е. Ясин), случаются даже рецидивы использования евроатлантистского внешнеполитического дискурса в чистом виде, т. е. в духе представлений российской либеральной интеллигенции начала 90-х гг.⁷ Движение России к мировому сообществу пытаются научно-публицистическими средствами осмыслить и авторы журнала с красноречивым названием «Космополис» (главный редактор Д. Драгунский), учредителями которого выступили Российская ассоциация международных исследований⁸ и журнал «Полис» («Политические исследования»). Он задумывался как ежеквартальное издание, посвященное проблемам мировой политики и ориентированное на квалифицированную аудиторию: профессиональное сообщество исследователей международных отношений, экспертов, лиц, принимающих решения в российской внешней политике, а также на широкий круг интеллектуалов, интересующихся проблемами международной политики.

Но все же значительная часть российских интеллектуалов поспешила избрать другой путь: избегая обидного для национального самосознания слова «отсталость», акцент делается на «самобытности» российской цивилизации. Тем самым удается избежать неминуемого при сравнении большинства параметров вывода относительно все более усиливающейся слабости страны («Россия по-прежнему великая держава, но не такая, как другие»). Или же противопоставляется веский «историко-оптимистический» аргумент: Россия на протяжении своей истории часто переживала периоды слабости и смуты, затем всегда восстанавливала былое величие. Эти и подобные им идеи и легли в основу «патриотического консенсуса».

Великодержавники

Название «великодержавники» объединяет буйную поросль теорий и концепций, которые — при всех их различиях в деталях — сгустились во второй половине 90-х гг. до состояния «патриотического» консенсуса. Возникновение (возрождение) данного направления произошло в значительной части как реакция внешне- и оборонно-политического истеблишмента и обслуживающих их интеллектуалов

⁵ См., например, публикации в издаваемом Московским центром Карнеги журнале «Pro et Contra», в которых сплошь и рядом говорится о необходимости «мучительного освобождения от сохраняющихся остатков традиционного внешнеполитического мышления» как предпосылке возвращения в «общий контекст мирового развития».

⁶ [<http://www.liberal.ru/>]

⁷ См., например, тезис Д. Фурмана: «Альтернатива имперской политике у России одна — вступление в Европейский Союз и НАТО».

⁸ [<http://www.rami.ru/cosmopolis/>]

на идеалистическую («романтическую») политику, проводимую евроатлантистским руководством МИДа. Основными его носителями являются коммунисты и националисты разных мастей, а ключевым пунктом — континентально-евразийская, или «евроазиатская», ориентация, которая противопоставляется прозападной и евроатлантической. Содержательно неопределенные, часто даже мистические представления («русская идея», «особый» путь России) сочетаются в основном с антизападными и прежде всего антиамериканскими тезисами. Основные пункты критики состоят в том, что прозападная позиция не соответствует величию России и низводит ее до положения младшего партнера США и тем самым предаёт национальные интересы государства. Символом этого «предательства» стало пренебрежение русскоязычным населением на территории бывшего СССР. Понятийным выражением особой чувствительности России к отношениям с новыми «независимыми» странами стало широкое употребление нового термина «ближнее зарубежье».

Объективной основой роста среди интеллектуальной элиты открыто антиамериканских настроений стало усиливающееся понимание провала однобокой прозападной политики, не принесшей от Запада ни ожидаемой помощи, ни учета им интересов собственно российских интересов. На США также обоснованно возлагалась часть ответственности за попытку переноса на Россию американской модели, выродившуюся в поддержку грандиозного раздела национального богатства по сомнительным схемам в пользу коррумпированного окружения президента Б. Ельцина: значительной частью населения Соединенные Штаты рассматриваются как покровитель нелегитимной и неэффективной системы, приведшей к катастрофическим последствиям для большинства жителей России.

В качестве первоочередных целей российской внешней политики постулируются возрождение России как великой державы и восстановление ее влияния (российско-имперского или советского типа) в «ближнем зарубежье», Восточной Европе и на Балканах, а также возобновление дружеских отношений с «традиционными союзниками» Советского Союза в третьем мире — Ираном, Ираком, Ливией, Сирией, Кубой и КНДР, т. е. странами, причисляемыми Вашингтоном к «государствам-изгоям» или «проблемным странам». Таким образом, в качестве чуть ли не автоматических союзников России рассматриваются все силы, противопоставляющие себя США или Западу в целом. При этом в списке «наших друзей» оказываются то откровенные тираны типа С. Хусейна, то «эксцентрики» типа Ф. Кастро или У. Чавеса. Им симпатизируют не столько по причине их «пророссийскости», сколько исключительно благодаря их «антиамериканскости». В экспертном сообществе вновь возник спрос на «специалистов» по жонглированию геополитическими факторами и измерению «равновесия» сил.

Значительную роль в продвижении геополитического дискурса играет ряд проектов, в том числе сетевых. Прежде всего, здесь стоит

упомануть активную деятельность А. Дугина, руководителя издательства «Арктогея» и одноименного «философского портала»⁹. Вообще легко заметить, сколь успешными были попытки геополитических идеологов придать своим откровенно экзотическим конструкциям, еще недавно воспринимавшимся большинством в качестве маргинальных и даже обскурантистских, видимость некоей строгой научности. В разных формах геополитическое мышление представлено в сетевых проектах типа аналитического портала «Евразия»⁹, сетевого проекта «Русский Архипелаг»¹⁰, а также в несколько смягченной («либерально-консервативной») форме в проекте «Глобальная Русь»¹¹.

«Великодержавники» настаивают на «активном и равноправном участии России как великой державы» в мировой политике. При этом «ближнее зарубежье» характеризуется как «сфера первоочередных военно-политических и экономических интересов России, а при перечислении угроз и вызовов российской государственности особо подчеркиваются враждебные действия, направленные на подрыв «интеграционных процессов в СНГ» и на ослабление связей с Россией бывших республик СССР, стран Восточной Европы и других стран и регионов традиционного сотрудничества СССР. Именно таким образом воспринимаются «евроустремления» некоторых стран — членов СНГ (на Украине и в Молдавии созданы даже «министерства евроинтеграции»), влияющие как на стабильность экономических связей в рамках СНГ, так и на вопросы безопасности: налицо угроза экономического, социального и военного реструктурирования пространства некогда единой страны. Постсоветское пространство воспринимается не только как регион, в котором сосредоточены первостепенные жизненные интересы России (там, например, проживают 25 миллионов этнических русских), но и как территория, откуда исходят главные угрозы этим интересам (например, «оранжевая опасность»). Утрата влияния в ближнем зарубежье рассматривается как предательство, так как нельзя уходить с территорий, столетиями входивших в зону российских интересов.

Представления об интеграционной политике на постсоветском пространстве, существующие в рамках великодержавной позиции, можно сгруппировать по двум основным моделям:

1. Реставрационно-имперская модель — реставрация Российской империи с полным отказом от идеи федеративного государства даже в ее ленинской интерпретации. Поддерживается прежде всего маргинальными националистическими силами, но находит все большую поддержку у так называемых «центристских» сил.
2. Реставрационно-советская модель — реставрация СССР, т. е. воссоздание единого государства с сохранением его псевдо-

⁹ [<http://www.arcto.ru/>]

¹⁰ [<http://www.evrazia.org/>]

¹¹ [<http://www.archipelag.ru/>]

¹² [<http://www.globalrus.ru/>]

федеративного устройства. СНГ рассматривается как символ поражения великого Советского Союза и поэтому подлежит роспуску. В качестве поборников восстановления «обновленного союза советских народов» выступают прежде всего группировки коммунистической и социалистической ориентации.

Обсуждаются и различные методы осуществления интеграции постсоветского пространства (политические, экономические, военные).

Главной опасностью нынешней «геополитической ситуации» объявляется «стремление США обеспечить себе доминирующее положение в мире и статус единственной сверхдержавы» (как об этом заявляют разного рода документы по «внешнеполитической стратегии»). С помощью теорий «тайного заговора» Запада «за спиной» у России его интеграционные планы относительно расширения НАТО и ЕС рассматриваются как агрессивные. Вместо этого предлагался вариант трансформации, например, НАТО из военного блока в коллективный инструмент европейской безопасности и стабильности — по сути дела, в еще одну ОБСЕ, которую сама Россия критиковала за неэффективность. Во всех вопросах европейской безопасности предусматривалась необходимость учета российских интересов, понимаемая как фактическое право вето.

Отношение большинства российских экспертов, в числе которых было и немало либерально ориентированных, к экспансионистским планам Запада было однозначно отрицательным. Иными словами, проблема расширения НАТО на Восток была с редким внутривнутриполитическим согласием воспринята как угроза геостратегическим интересам России и долгое время оставалась главным предметом внешнеполитических дискуссий российской элиты. В то же время данные более спокойного анализа показывали, что приближение НАТО может стать для России проблемой безопасности скорее в средне- или даже долгосрочной перспективе, но никак не в данный момент.

Великодержавная риторика часто позволяет избежать конфронтации между так называемыми «центристами», с одной стороны, и коммунистами и националистами — с другой. Однако достигнутый «национально-патриотический консенсус» не может игнорировать главную дилемму, связанную с выходом из недостойного великой державы положения России на международной арене: речь идет о все большей пропасти между (вновь) широко постулируемыми великодержавными амбициями и все более скромными ресурсами для проведения такой политики. Далеко неслучайно, что значительную роль в продвижении «великодержавной» позиции сыграли представители так называемого «силового» блока, еще в недавнем прошлом обеспечивавшие «величие» Советского Союза: военные функционеры, отставные и действующие сотрудники спецслужб и лоббисты интересов ВПК. Заявления о партнерском характере взаимоотношений России и Запада, девальвация статуса военных

и связанное с этим усиление экономических, технологических и культурных средств международного влияния поставили их в невыгодное положение в борьбе за все более скудные бюджетные ресурсы. Тем самым они были (и остаются) напрямую заинтересованы во внесении принципиальных изменений в складывающийся концептуальный каркас внешнеполитической теории. И как показывает, например, структура бюджета РФ на 2006 г., «военные интеллектуалы» достигли больших успехов в деле достижения такого «концептуального господства».

«Триумфальное шествие» великодержавного подхода к внешней политике серьезно облегчалось социальной катастрофой, произошедшей в нашей стране в результате реформ, инспирированных западными моделями. Вместо того чтобы сократить дистанцию между Западом и Россией в уровнях развития, они лишь расширили пропасть между ними в результате краха российской экономики и массового обнищания общества, в том числе и многих представителей интеллектуальной элиты. В этой ситуации повороты во взглядах на внешнюю политику невозможно осмыслить без обращения к категориям из области психологии и психопатологии. Распад мировой империи, простиравшейся от Кубы до Вьетнама, распад самого Советского Союза, экономический и социальный крах России, произошедшие в течение нескольких лет, не могли не найти дискурсивного отклика и не отразиться на уровне изменений внешнеполитических концепций, выдвигаемых российскими интеллектуалами. Вполне естественно, что все это должно было вылиться в симптомы (рецидивы) «великодержавной» политической болезни.

Как уже говорилось, традиционным «любимым» противником во множестве внешнеполитических концепций данного типа по-прежнему фигурирует «агрессивный блок» НАТО — подлинное воплощение антироссийского характера внешней политики западных стран, и прежде всего — США. Главный упрек в адрес НАТО заключается в том, что этот «оборонительный» союз продолжает держаться за «стереотипы блокового мышления», а его расширение до «непосредственной близости к России» означает существенную «дестабилизацию военно-политической ситуации в регионе». Несмотря на отсутствие прямой военной угрозы со стороны Североатлантического альянса, его расширение воспринимается как посягательство на национальные интересы России уже потому, что тем самым возникает чувство ее военно-политической изолированности, которое в свою очередь усиливает антизападные и милитаристские настроения в российском общественном сознании (согласно формулировке С. Караганова). Подобное эклектическое комбинирование прагматического понятия «национальные интересы» с «политико-психологическим» объяснением производит замкнутую в себе и практически неопровержимую фигуру аргументации.

После 11 сентября 2001 г. великодержавная позиция получила дополнительные аргументы извне: снова стали цениться традиционная военная безопасность, мир «обратил внимание» на географическое

положение России и возможности ее спецслужб. Подкрепленная позиция позволяет требовать в обмен на готовность Москвы к кооперации большего учета российских интересов в международных отношениях. И хотя великодержавники справедливо указывают на то, что создание мировой системы безопасности без России невозможно, вопрос о том, будет ли она в обозримом будущем создаваться *вместе* с Россией, остается открытым.

Многополярники

Данная «сбалансированная и геополитически диверсифицированная» концепция внешней политики ближе всего к официальной позиции. Ее главной чертой является смешение евроатлантических и великодержавных элементов внешнеполитического мышления. Несмотря на сохранение определенного понимания неизбежности европейской или евроатлантической ориентации российской внешней политики («ЕС — крупнейший внешнеторговый партнер РФ», «сотрудничество с США — важнейшее условие поддержания глобальной безопасности»), теперь это признание делается с рядом оговорок по схеме «с одной стороны — с другой стороны». Россия окружена пусть уже не врагами, но отнюдь и не благожелательно настроенными соседями и международными организациями. В соответствии с этим выдвигались требования диверсификации и более реалистической переориентации российской внешней политики с учетом фактического геополитического положения страны с целью ослабления односторонней ориентации на Запад. Понятийным выражением нового амбивалентного отношения к его доминированию является термин «западные институты и форумы с ограниченным составом», играющие все большую роль в решении глобальных вопросов. Так называются самоназначенные элитные клубы типа «Большой семерки» или Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), отличающиеся закрытым составом участников, которые принимают решения по важнейшим мировым вопросам, не имея на это легитимных полномочий с точки зрения международного права.

В концептуальном плане предпринимаются попытки заново определить место РФ в системе международных отношений. Подчеркивается тезис о необходимости формирования многополярной системы. Использование упрощенных геополитических моделей позволяет при этом говорить о наличии (неразрешимых) внешне- и военно-политических противоречий между РФ и странами Запада. Тем самым перед российской внешней политикой ставится задача поиска «стратегических партнеров» (а также партнеров «тактического» уровня) с целью ослабления глобального доминирования США. В связи с этим изменением ориентиров во внешне- и оборонно-политических кругах России стали популярны идеи создания некоего континентально-европейского, «евроазиатского» или «евразийского» союза в противовес Западу. Однако значение стран Азии, Африки и Латинской Америки воспринимается

не с точки зрения их реального потенциала. Основное внимание придается скорее самой «возможности» проведения многовекторной внешней политики. Вполне в духе концепций «balance of power» считается, что основой оптимизации российских интересов должны стать гармоничные, сбалансированные отношения как с Западом, так и с этими странами. Дискуссия ведется под девизом «многополярного мира» (Е. Примаков) как цели внешнеполитических усилий России. Средством ее достижения называется развитие «стратегического партнерства» с Индией и Китаем¹³. Ход международных событий должны определять несколько полюсов, что сократило бы американское доминирование на мировой арене. В этой связи постоянно говорится о необходимости более полного учета реальных геостратегических интересов и географических условий России как «крупнейшей евразийской державы». Звучат настойчивые предложения к установлению (возобновлению) сотрудничества со странами АСЕАН, арабскими союзниками бывшего Советского Союза, Ираном. Новые возможности ожидаются, прежде всего, в вопросах экспорта и модернизации вооружений, строительстве крупных промышленных объектов, а также по мере налаживания более тесной кооперации в энергетической сфере. Однако (видимо, из-за резкого расхождения потенциалов и интересов как между странами-членами СНГ, так другими государствами — потенциальными участниками нового союза) редко предлагается нечто большее помимо деклараций стратегического партнерства с названными странами.

Эта концепция избегает расстановки приоритетов в пользу Запада или Европы. Многополярники не испытывают иллюзий относительно возможного вступления России в ЕС, скепсис высказывается даже относительно перспективы ассоциированного членства в ЕС: ведь Россия рассматривается в качестве одной из «мировой держав», которые не объединяются между собой, а договариваются. И хотя отношениям с ЕС придается стратегическое значение, они, учитывая «евразийский» характер, рассматриваются как отношения между *равноправными партнерами*.

Стремление объединенной Европы к обретению собственной внешней и оборонной идентичности оценивается как положительное, прежде всего в надежде на ослабление все еще сохраняющегося (после окончания холодной войны) американского протектората над Европой. Проблематичным считается и участие в ряде международных структур, предполагающих перенесение части суверенитета на наднациональные органы — прежде всего, из-за опасности доминирования в

¹³ При этом в кругах, связанных с внешней и оборонной политикой, существуют серьезные разногласия относительно того, как далеко следует заходить в сотрудничестве с Китаем, не превратится ли подобное сотрудничество, особенно в области вооружений, со временем в угрозу для

самой России. Некоторые эксперты (В. Наумкин) подчеркивают инструментальный характер подобного «стратегического партнерства» как средства противостояния склонной к гегемонии Америки.

них «единственной сверхдержавы» (США). Считается, что Россия должна «сама» определять и осуществлять свою внешнюю политику, а также сохранять «независимость» своих позиций и деятельности в международных организациях», прежде всего свой статус и преимущества крупнейшей страны СНГ.

В данном политическом дискурсе все чаще используется выражение «постсоветское пространство». Однако понятия СНГ и «постсоветское пространство» вовсе не тождественны друг другу. СНГ как организационной структуре и постсоветскому пространству как геополитическому понятию придается различное значение. Признание неэффективности СНГ как механизма реинтеграции постсоветского пространства вовсе не означает отказа от контроля над ним. Все большая утрата интереса к СНГ как инструменту влияния может интерпретироваться как выражение поиска российским политическим классом иных средств и способов сохранения и даже усиления влияния России на территории бывшего СССР. Видимо, это результат приспособления к новой реальности, более реалистичной оценки возможностей России, нежели это свойственно «великодержавному» подходу: осуществление традиционалистской политики было с самого начала существенно ограничено существующими структурными рамками российской экономики и международного окружения. Несмотря на то что в данном направлении внешнеполитической мысли современной России также сильна ностальгия по Советскому Союзу, у части российской элиты, похоже, уже утвердилось мнение, что у новой России нет другого выбора, кроме как признать реальность и с максимальной пользой использовать открывавшиеся возможности. Таким образом, внешняя политика все больше ориентируется не на «националистический» консенсус, а на различные экономические интересы. Подобный деполитизированный подход даже в рамках «многополярной» концепции означает, что и в отношении возможного объединения с Белоруссией и Украиной Москва на первое место ставит свои собственные интересы.

Очевидно, что данная концепция во многом пересекается с великодержавной. Их различие заключается в более скромной роли, отводимой России. Здесь она выступает уже не как лидер сил Добра, единственный соперник, осмеливающийся бросить вызов мировому Злу — экономическому и военно-политическому доминированию США, а как один из центров (полюсов) многополярной системы международных отношений, т. е. как «региональная сверхдержава» (наряду с другими мировыми игроками). Поэтому выдвигаются требования *равноправного* участия России в решении мировых проблем, например, международных конфликтов — в качестве одного из гарантов мирного процесса. Причем даже в тех регионах, где ее влияние отсутствует или незначительно (Ближний Восток, Корея). Подобные «уравнительные» требования неизбежно порождают впечатление, что российских интеллектуалов-многополярников больше всего волнует, что какие-то

вопросы на этой планете могут быть решены без участия России: равноправное участие для них важнее, чем само решение конфликтов. При этом очевидно, что участие в урегулировании конфликтов не является для них самоцелью, ибо одной из приоритетных задач считается «восстановление и укрепление позиций» России практически во всех регионах мира. Вообще с определением региональных приоритетов в российской внешней политике дело обстоит столь запутанно, что может сложиться впечатление, будто каждый регион (его лидер), каждое региональное объединение (будь то Юго-Восточная Азия или организация «Исламская конференция») и отдельные страны различных регионов заслуживают приоритетного внимания России. В итоге оказывается, что лишь отношения с Черной Африкой пока не относятся к категории «приоритетных» или «важных». Однако, возможно, это лишь вопрос времени.

Особую роль в формировании данного внешнеполитического направления пытается играть так называемый Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) во главе с С. Карагановым. Совместно с рядом партнеров (РСПП, газета «Известия») и при участии американского журнала «Foreign Affairs» СВОП издает журнал «Россия в глобальной политике» (главный редактор Ф. Лукьянов), первый номер которого вышел в ноябре 2002 г. Задача издания — «осмысление тех фундаментальных изменений, которые происходят в современном мире и в его отношениях с нашей страной».

Учитывая многочисленные несуразности, в том числе зачисление всех без разбора в «стратегические партнеры» и огульную классификацию регионов и стран по всему миру как «приоритетных» и «важных», вряд ли можно рассматривать «многополярную» внешнеполитическую концепцию в качестве основы непротиворечивой и предсказуемой внешней деятельности. Судя по всему, она и в дальнейшем будет осуществляться не в рамках какой-то последовательной концепции, а в ходе практического приспособления к меняющейся внешнеполитической действительности.

Либеральный империализм

Трансформация экономики и сопутствующее ей изменение в общественном сознании, безусловно, сказались и на формировании внешнеполитического дискурса в России. В этом сложном, часто противоречивом процессе принимает участие множество действующих лиц с самыми разными интересами. Все большую роль здесь начинают играть крупные концерны, финансово-промышленные группы и отдельные крупные бизнесмены, прежде всего в ряде особенно «интересных» для них областей. И хотя пока нельзя сказать, что российская внешняя политика целиком зависит от финансовых лобби, есть все основания считать, что их усиливающееся влияние является существенным фактором нынешнего процесса формулирования внешнеполитических

приоритетов. Особенно это относится к бизнес-структурам, занятым в топливно-энергетических отраслях экономики.

Очевидно, что целый ряд бизнесменов высокого ранга могут оказывать воздействие на внешнюю политику, например, благодаря собственным связям с политическим руководством. С другой стороны, сама по себе деятельность крупных российских предприятий напрямую связана с международной проблематикой, особенно когда она встречает препятствия на пути сотрудничества с зарубежными и международными партнерами. Прежде всего, для них имеют значение внешнеэкономические проблемы и отношения со странами, в которых у них имеются деловые интересы. Но крупные производители сырья и энергоносителей в формулировке своих внешнеполитических требований к внешнеполитическому курсу могут выдвигать довольно противоречивые тезисы: с одной стороны, для них важно политическое содействие технологическому сотрудничеству с Ираном экспорту, с другой — развитие отношений с Европейским Союзом. О том, что правящие элиты относятся к этим пожеланиям не равнодушно, можно догадаться по многочисленным программным внешнеполитическим документам, производимым обслуживающими их экспертными структурами. «Экономизация» внешнеполитического дискурса стала заметно усиливаться в последнее время. Например, вступление России в международные организации все больше рассматривается не как сама собой разумеющаяся задача, но прежде всего с точки зрения «защиты ее экономических интересов», т. е. обеспечения позиций крупнейших финансово-промышленных групп, рассчитывающих на получение доступа к рынкам и на защиту от иностранной конкуренции.

Для формирования эффективной внешней политики экономическая элита должна решить ту же самую проблему, что стоит перед Российским государством: четко определить свои интересы и разработать инструменты их реализации. При этом крупные концерны в состоянии гораздо четче сформулировать свои интересы, нежели государство. Несмотря на определенные, а иногда и значительные расхождения, общей для них является философия «take many, no war». Их стратегия рассчитана не столько на идеологические или геополитические, сколько на экономические выгоды. Но поскольку каждый «олигарх», каждый концерн или отрасль промышленности преследуют свои собственные цели, то до сих пор формирование какой-то единой внешнеполитической концепции откладывалось.

Экономическая элита действует не как единое целое, а распадается на многочисленные сегменты, каждый из которых преследует собственные интересы. Это вовсе не значит, что в отдельных случаях крупные концерны и промышленные группы не могут влиять на определение направлений внешней политики. Достаточно указать на деятельность «Газпрома» по реализации собственных планов на территории

СНГ. С другой стороны, значительная часть российских экономических групп еще только находится в процессе вхождения в систему международного бизнеса. Эти экономические группы пока едва ли преследуют какие-то специфические внешнеполитические цели. Но их влияние должно будет возрасти, если продолжится процесс экономизации внешней политики, как того требует президент Путин.

Так, газовая промышленность с ее огромным рынком сбыта в странах ЕС естественно ориентируется на сотрудничество с Европой, однако сдержанно подходит к вопросу взаимодействия с МВФ и ВТО, так как те выступают за монополизацию российской экономики. Представители нефтедобывающей отрасли придерживаются сходного мнения, хотя так не смогли сформулировать единую внешнеполитическую позицию. Металлургической промышленности Запад нужен как рынок сбыта, поэтому лоббисты ее интересов выступают за либерализацию правил внешней торговли. Энергетический гигант РАО «ЕЭС России», действующий преимущественно на внутреннем рынке, уже несколько лет активно борется за перспективные рынки сбыта за рубежом. Его глава, бывший политик-«реформатор» А. Чубайс, и стал пионером эксплицитной внешнеполитической концептуализации в среде крупных российских промышленников, выдвинув тезис о России как будущей либеральной империи, восстанавливающей свое влияние в мире прежде всего за счет экономического превосходства¹⁴.

В своем выступлении в Санкт-Петербургском государственном инженерно-экономическом университете 25 сентября 2003 г. А. Чубайс, указав на несоответствие вызовам времени нынешнего состояния российского политического сознания, поставил перед элитой России «задачу национального самоопределения», «задачу национального самосознания». По его оценке, Россия «может и должна всемерно наращивать и укреплять свои лидирующие позиции в этой части планеты». Более того, А. Чубайс убежден в том, что идеологией России должна стать «идеология либерального империализма, а целью Российского государства должно стать построение либеральной империи». Несмотря на всю болезненность восприятия слово «империя», которое «было сильно скомпрометировано» и немыслимо для многих в одном ряду с такими словами, как «цивилизация», «демократия», «частная собственность», «рынок», «свобода», он настаивает на возможности его употребления в начале XXI в.: «Мы живем в другом веке, в другой стране и в другом мире. Оглянитесь по сторонам: мы в абсолютно новой ситуации и в этой ситуации мы должны ставить перед собой адекватные ей задачи».

¹⁴ См. статью А. Чубайса «Миссия России», помещенную на его персональном сайте [<http://www.chubais.ru/>].

Либеральный империализм, согласно Чубайсу, означает, что Российское государство всеми способами должно содействовать экспансии российской культуры и российского бизнеса за пределы государства к нашим соседям — «напрямую и законными методами», т. е. он вовсе не призывает нарушать общепризнанные нормы международного права. Такое понимание позволяет сделать новые выводы не только относительно внутренней политики, но и относительно вопроса, что такое Россия в мире. Она не нуждается во вступлении ни в Европейский Союз, ни в НАТО, так как «мы туда не поместимся ни экономически и политически, ни географически». Вместо этого предлагается увидеть сейчас контуры нового формирующегося мира XXI в., в котором должна будет занять свое место и наша страна, у которой для этого «есть абсолютно все необходимые предпосылки». А. Чубайс убежден, что это «единственный реальный способ по-настоящему, на равных, в партнерском режиме, построить свою работу с достойными партнерами, для того чтобы вместе с ними защищать порядок и свободу на Земле». В этом он видит миссию и «великое будущее нашей великой страны».

Таким образом, в отношении СНГ наиболее приемлемой моделью «организации постсоветского пространства» объявляется «экономическая» интеграция, за которой могут последовать политико-правовые формы объединения (например, в форме конфедерации или даже федерации). Можно предположить, что эта идея (в разных формулировках) находит поддержку и в кругах политической элиты, и среди представителей ВПК и силовых структур. Она ориентирована не на восстановление старой государственности, а на обеспечение экономического и военного превосходства России и тем самым — ее политической гегемонии на территории СНГ. Нынешняя ситуация может считаться благоприятной для этой стратегии, учитывая потенциал и актуальное состояние большинства государств, образовавшихся на месте бывшего СССР: не только Белоруссия, но и Украина в экономическом и даже культурном плане гораздо сильнее ориентируется на Россию и зависит от нее, чем в этом готова признать киевская элита. Более тесное сотрудничество с Россией в средне- и долгосрочной перспективе может быть выгодно всем странам СНГ уже потому, что в силу слабой экономики их интеграция в западные структуры оказалась более трудной и продолжительной, чем это представлялось вначале. Таким образом, возможно складывание такой ситуации, когда при сохранении формального суверенитета государств СНГ фактически будет обеспечено военно-политическое и экономическое доминирование России.

Весьма вероятно, что сформулированная А. Чубайсом концепция находит поддержку у других крупных предпринимателей России. В любом случае особых протестов с их стороны не наблюдалось. И хотя эту концепцию пока нельзя отнести к доминирующим на

российском интеллектуальном поле, она тем не менее представляет определенный теоретический и прагматический интерес как первая артикулированная внешнеполитическая программа крупного российского бизнеса.

Изоляционизм

Изоляционистская концепция выступает за такой уклад существования нации и созданного ею государства, при котором контакты с внешним миром стремятся к своему минимуму. Взаимодействие с ним во всех сферах общественной жизни — экономике, политике, культуре, идеологии, религии — малосущественно и несравнимо по значимости с внутренними влияниями. В своем последовательном выражении изоляционизм означает провозглашение автаркии. Любое взаимодействие с окружающим миром трактуется здесь как проявление зависимости от него, тогда как независимость нации и государства ценятся изоляционистами превыше всего.

Изоляционисты используют не только идеологические, но и экономические аргументы. В частности, может утверждаться, что при сохранении открытого характера экономики России никогда не удастся сравняться по уровню ВВП с развитыми странами, поскольку страна сохранит в таком случае зависимость от конъюнктуры на мировых рынках, состояние которых определяют страны, не заинтересованные в том, чтобы Россия сокращала с ними разрыв. Открытая экономика неизбежно ведет Россию к ослаблению и даже исчезновению ее как самостоятельного государства.

Применительно к изоляционистской концепции невозможно, таким образом, говорить о ее внешней политике: автаркия (даже частичная) не нуждается в какой-либо внешней политике, которая в этом случае сводится лишь к оборонной политике. В качестве промежуточных мер на пути к автаркическому состоянию предполагается, однако, осуществить ряд внешнеполитических шагов: начать процесс выхода из любых многосторонних отношений, из международных организаций, как и европейских, так и мировых (включая ООН).

Одновременно это означает отказ от поддержки каких бы то ни было стран в их противостоянии Западу, равно как и от поддержки Запада в противостоянии с ними. Россия не должна поддерживать ни международный терроризм, ни борьбу с ним, ни борьбу за права человека, ни борьбу с их нарушениями и т. д. Более того, следует отказаться и от участия в обсуждении всех этих вопросов.

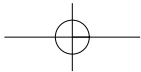
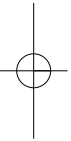
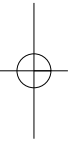
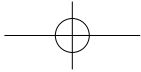
Эти и подобные идеи высказываются, например, М. Юрьевым в его «аналитическом докладе» «Крепость Россия»¹⁵. Эта концепция вызвала активное и, как ни странно, серьезное обсуждение в некоторых

¹⁵ См.: Юрьев М. Крепость Россия: Концепция для президента // Новая газета. 2004. 11 марта.

180 Мыслящая Россия
II. Политика

российских интеллектуальных кругах, в том числе либерального толка. Сходные изоляционистские идеи высказываются, впрочем, также многими авторами общественно-политического журнала «Главная Тема» (главный редактор М. Леонтьев)¹⁶, а также некоторыми участниками экзотических проектов Института национальной стратегии (руководитель С. Белковский). Определенный резонанс вызвали аналогичные «провокационные» высказывания А. Гордона, сделанные им в различных средствах массовой информации.

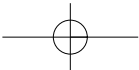
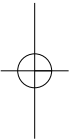
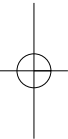
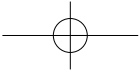
¹⁶ [<http://www.gt-msk.ru/>]

Часть III

ОБЩЕСТВО

Александр Филиппов

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ

Десять лет назад автору этих строк случилось впервые сформулировать тезис, впоследствии получивший некоторую известность: «Теоретической социологии в сегодняшней России нет». Тезис предвещал большую статью о понятии теоретической социологии, и смысл его проявлялся в рассуждениях, которые не получили особенного резонанса. Не удивительно, конечно, что сложный и разветвленный аргумент в публичном восприятии был редуцирован до простой формулы. Вместе с тем это обстоятельство не столько даже позволяет автору, сколько понуждает его хотя бы кратко пояснить суть пресловутого утверждения, в справедливости которого он по-прежнему убежден, ибо ситуация в нашей социологии принципиальным образом не изменилась, хотя оценивать ее следует более дифференцированно.

Итак, о чем же шла речь в середине 90-х гг.? О том, что у нас нет обширных и постоянных коммуникаций, тематизирующих, прежде всего, фундаментальную социологическую теорию, нет обширных концептуальных построений, нет достаточно самостоятельных последователей (во всяком случае, круга последователей) какой-либо признанной западной школы, нет и заметных претензий на создание своего собственного большого теоретического проекта. Формулируя более жестко, скажем, что теоретическая деятельность у нас, правда, есть, но нет теоретической социологии как устойчивой совокупности взаимосвязанных коммуникаций определенного рода.

Очевидно, однако, что в этом виде тезис лишен известной доли провокативности и остроты. В конечном счете его можно интерпретировать таким образом: единственное, чего нам не хватает, — это коммуникации по поводу теоретических усилий друг друга, а также сравнительно объемных текстов, посвященных основаниям социологической теории. Взгляд на состояние дел, выражаемый таким образом, — это социологистический взгляд. Социологизм представляет собой воззрение на науку как на социальное учреждение, социальный институт, социальную систему коммуникаций. Социологизм не предполагает различения доброкачественных и недоброкачественных текстов, поскольку все они по местам производства (исследовательские институты и университеты), по местам публикаций (научные издательства и журналы), местам рецензирования и удостоверения научного качества (ученые и экспертные советы) заведомо принадлежат науке. Иначе говоря, если кандидатом или доктором наук в почтенном издательстве выпущена книга (например, на основе диссертации), несущая на себе

гриф министерства или вуза, одного этого может быть достаточно для отнесения данного сочинения к науке. В том случае, если оно посвящено общей или теоретической социологии, материальный носитель коммуникации является несомненным свидетельством в пользу существования теоретической социологии во всех смыслах — и как комплекса суждений, и как коммуникации по их поводу. И все-таки, зная состояние нашей дисциплины в России, нельзя удовлетвориться чистой фактографией, и прежде всего — нельзя воздержаться от оценочных суждений.

За прошедшее десятилетие в отечественной социологии произошли важные перемены. Она утвердилась в качестве университетской дисциплины по всей стране, появилось несколько новых социологических журналов и факультетов, прошло два всероссийских социологических конгресса, последний из которых завершился учредительным съездом Российской социологической ассоциации¹. В России много кафедр, в название которых входит слово «теория», много учебников общей социологии и тому подобных внешне в высшей степени убедительных свидетельств существования теоретической социологии. И тем не менее ее как не было, так и нет. И дело, скорее, все-таки не в отсутствии коммуникаций и не в том, что теоретические вопросы не тематизированы. Дело не в том, что у нас нет последователей влиятельных западных школ или претензий на создание школ собственных. Все индикаторы, казавшиеся столь надежными десять лет назад, не срабатывают или, точнее говоря, срабатывают только в одном, позитивном, в высшей степени утешительном для благожелательного наблюдателя смысле: дело сдвинулось, процесс пошел. Рискую выступить в роли наблюдателя недоброжелательного, мы тем не менее отказываемся принимать эти свидетельства всерьез, исходя из соображений самых простых, но часто упускаемых из виду при социологическом подходе к науке.

Наука предполагает получение знания о природе вещей, имеющего всеобщий, воспроизводимый и систематически связный характер. Она может иметь вид весьма скромный: обобщение данных и выявление тенденций, скрытых для наблюдателя единичных явлений. Она может иметь характер, с точки зрения обыденной, чуть ли не вызывающий, когда под вопрос ставится то, что, собственно, вообще может считаться значимым фактом. Тогда исследователем движет теоретическое напряжение, и он на кончике пера получает результаты, часто в принципе не могущие стать содержанием иного опыта, кроме опыта самого теоретического доказательства. Тем не менее есть единство

¹ Заседания конгресса объединили 1741 участников, представляющих 375 социологических факультетов, кафедр и академических исследовательских учреждений из 56 регионов РФ (информа-

ция с сайта социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [<http://www.socio.msu.ru/?s=science&p=2kongress>]).

научной культуры, так что хоть и не без усилий, но даже скромный лаборант, берущий пробы воды или подставляющий значения в неизвестно кем и когда придуманные формулы, и теоретик, занимающийся анализом, а не обобщением, занимают свое место в большом научном предприятии, поскольку речь идет о выяснении характера действительности. В некотором фундаментальном смысле наука сохраняет свое единство, несмотря на все прочувствованные повествования о парадигмах, программах, дискурсах, эпистемах и прочих приятных вещах, важность которых отнюдь не может быть подвергнута сомнению, но только укрепляется ввиду того обстоятельства, что указанное единство имеет характер живой и динамический. Сколько бы проблем оно ни таило, не о том сейчас речь. Ибо социальные науки не имеют иного выхода, кроме решения в пользу одной из сторон следующей альтернативы: либо они утверждают собственное достоинство *внутри* этого единства, либо ставят себя *вне* научной культуры. Для современной российской социологии весьма характерна склонность *уходить* от этой альтернативы. Сохранить чистую совесть ученого можно через *обращение к фактам*, сохранить наивную уверенность в коммуникативной обоснованности претензий на теоретическое качество публикаций можно за счет нескольких нехитрых операций, отличающих *искусшенного имитатора* от собственно теоретика. К этим операциям относится обильное, не в пример прошлым годам заимствование из разнообразных теоретических источников на Западе (от честного цитирования до плагиата), внятное (опять-таки не в пример прошлому) выставление теоретических претензий и, наконец, как *ultima ratio*², абсолютное оружие соотечественника-социолога, поношение низкопоклонства перед Западом и обнародование собственной оригинальной концепции, создаваемой вопреки всем канонам научности. Огромные объемы такого рода продукции, конечно, впечатляют, но заслуживают ли они обзора, анализа или даже критического упоминания? Ответ напрашивается сам собой. Так, например, автор признает, что не верит в возможность «социологии жизненных сил» С.И. Григорьева³ как научного предприятия и считает ее идеологической конструкцией, основанной на смеси плохо понятого советского марксизма со столь же плохо понятым русским национализмом. Среди почтенных социологов были и марксисты, и националисты, и даже расисты, так что сама по себе идеологическая окраска концепции и даже приверженность ее создателя к антипрогрессистским, антилиберальным идеологиям не может служить основанием дисквалификации его как ученого. А вот определение жизненных сил (понятие о которых мы находим, заметим, уже у

² Последний довод (лат.). — Прим. ред.

³ См., например: Жизненные силы человека: Социальные метафоры или виталистическая социологическая парадигма? /Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000.

Маркса) «как его [человека. — А. Ф.] способности воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в определенных условиях, в конкретно-историческом и социокультурном пространстве»⁴ таким основанием служить может. Такое суждение (называть его всерьез определением, конечно, нельзя) не является ошибочным. Оно попросту не имеет никакого отношения к науке, подобно всем прочим продуктам того же рода, будь то бессмысленные и беспощадные разглагольствования о русской духовности, кризисе цивилизации, издержках глобализации или же *социологии безопасности*⁵.

В этом вся проблема. Этикеткой «социология» снабжается в наши дни немалое количество публикаций, принадлежащих кандидатам и докторам социологических наук, заведующим кафедрами, главным редакторам журналов и серийных многотомных изданий, и вместе с тем крайне далеких от науки, по крайней мере, от науки теоретической. Но можем ли мы сказать, что тем самым любое обозначение таких сочинений в качестве социологических было бы ошибочным? Разумеется, нет. Существует значительное напряжение между тем, что мы называли единством научной культуры, критериями принадлежности к цеху ученых, с одной стороны, и реальным, институциональным, коммуникативным, публикационным бытованием социологии не только у нас, но и во всем мире. Во всем мире добрые граждане (а также граждане совсем не добрые, но доброту имитирующие) озабочены состоянием дел в своих обществах. Они говорят о реальных проблемах — тех самых, о которых говорят их соседи, которые смотрят тот же телевизор, читают те же газеты. Они говорят о них на жутком языке бедной, неуважаемой профессуры, тщетно соревнующейся в способности привлекать внимание и ресурсы с публицистами и политиками. И в попытке притянуть-таки эти ресурсы и прокричать свое, больное, выношенное слово они сообщают своим творениям статус научности. Возможно, многим из них действительно кажется, что это ученые обратили внимание публики на *главные проблемы современности*.

Единственное, в чем нельзя отказать такого рода продукции, — это в именовании «социологией». Потому что она действительно является социологией. — Социология представляет собой самоосмысление общества⁶, социология есть то, что признано в обществе социологией, общество узнает о себе через свою социологию, какой бы она ни была.

⁴ Цит. по: [http://www.i-u.ru/biblio/archive/grigorev%5Fzhizsily/].

⁵ Такая кафедра существует теперь на социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. «Социология безопасности — новая отрасль социологического знания о безопасности как социальном явлении; самостоятельная социологическая теория среднего уровня, ориентированная на теоретические и эмпирические иссле-

дования проблем безопасности личности, общества и государства» [http://www.socio.msu.ru/?s=main&p=chair-m].

⁶ Эта формула принадлежит Хансу Фрайеру, консервативному немецкому социологу и философу неогегельянского (в один из периодов творчества) толка. То же самое, только уже на языке теории систем, говорит через полвека после него Никлас Луман.

Несмотря на то что во всех этих утверждениях присутствует по меньшей мере спорное отождествление общества с некоторой субстанцией-субъектом, основанием социальности и носителем свойств, способным, подобно рефлектирующему индивиду, *мыслить себя*, они пригодны в качестве рабочих метафор, более или менее внятно присутствующих во многих научных построениях. Мы говорим о том, что у общества есть потребности, так почему мы не можем сказать, что оно имеет формы самосознания? В конечном счете это высказывание можно переформулировать менее претенциозным и философски обязывающим образом, говоря, например, о распространенности определенного рода коммуникаций, относимых обычно к науке. Общество в целом терпимо к тому, что социологией может публично называться коктейль идей, в состав которого лишь в качестве одного из ингредиентов входят высказывания, некогда продуцированные в научной теоретической социологии, другие же ингредиенты имеют самый неожиданный, с точки зрения строгой науки, характер. Что сюда только не подмешивается! И плохо переваренная русская религиозная философия начала прошлого века, и дурная историософия, и темные рассуждения о материях как бы естественно-научных (от биологии до географии) и т. п. Причины того, что всю эту мешанину воспринимают как социологию, многообразны, и одна из них состоит в том, что в отечественной социологии в целом (за исключением нескольких фигур) никогда не была проведена чистая и точная демаркация между наукой и идеологией, а тот пафос *научности*, которым отличалась наша социология конца 80-х — начала 90-х гг., сам по себе оказался явлением чисто идеологическим.

Собственно, *вины* или *злого умысла* мы за этим не то чтобы не чувствуем, но считаем возможные обстоятельства этого рода совершенно irrelevantными. Дело не в умыслах и не в ошибках, дело в другом. Российская социология в основном состоит из советских социологов. Главным же советским социологом было вовсе не Политбюро ЦК КПСС. Им был Толкот Парсонс, самый известный американский теоретик после Второй мировой войны вплоть до последних десятилетий минувшего века. Его не очень много переводили⁷ и не очень многие читали. Что с того! Парсонс был *олицетворением не только одной большой школы, но социологии как таковой*. Апогеем личного влияния Парсонса был, конечно, его визит в Советский Союз в мае 1964 г. Сам Парсонс оставил об этом интересный отчет, не так давно опубликованный по-русски⁸. Три темы, отметил он, были предметом наиболее интенсивного теоретического обсуждения с советскими коллегами: концепции социального изменения, статус социальной психологии и проблема

⁷ Заслуживает упоминания то обстоятельство, что практически все опубликованные в то время переводы Парсонса относятся к работам по общей теории.

⁸ См.: Впечатление американца о социологии в Советском Союзе // Парсонс Т. О структуре социального действия / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2000. С. 722–729.

кибернетического контроля в социальных системах. В этих областях у него было с ними наибольшее взаимопонимание. «Различия в идеологии — и ценностях — будут существовать еще долгое время, хотя это не означает, что они вовсе не изменяются. Все же между уровнем узкого эмпиризма и уровнем „теории“, которая неразрывно связана с идеологией, существует широкая область проблем, которая является по праву предметом как исследований, так и теоретических обсуждений»⁹. Заметим, что взаимопонимания с советскими коллегами Парсонс достиг, по всей видимости, именно в таких областях! Именно здесь было возможным менее всего придавать значение различиям в идеологии. Но какой именно идеологии? Конечно, Парсонс имел в виду ту активистскую идеологию марксизма-ленинизма, которая, несмотря на все трансформации и реформы, оставалась стержнем советской идентичности в ее исполнении для внешнего пользования. Советский Союз, по меньшей мере, номинально был ориентиром для «трудящихся всех стран» и «угнетенных народов». Он поощрял революционные движения и конфликты. Но *внутренне* он был успокоенным, замиренным государством, в котором классовая борьба завершена и происходит эволюционное развитие, имеющее непосредственное отношение к прогрессу науки и техники, рациональному управлению, повышению уровня образования и квалификации, т. е. *выравниванию* социальных слоев, как бы они ни назывались. Здесь приходится решать проблемы социализации (передачи ценностей и норм от поколения к поколению), социальной стратификации и мобильности (потому что расслоение общества явно не ограничивается одним только делением на рабочих, крестьян и интеллигенцию), образования (потому что это путь и средство социальной мобильности и социализации одновременно). И для всего этого у Парсонса (и, конечно, шире: у всей традиции структурного функционализма и прочно завязанного на него *mainstream*'а мировой социологии) есть понятия и есть базовые объяснительные схемы — *как бы* не идеологические. На самом деле вопрос, конечно, не в том, называть это идеологией или нет, а в том, что такое понимание социальности и задач социологии позволяет *на почве науки* объединять воззрения, номинально относящиеся к разным идеологическим системам.

Именно поэтому, с точки зрения строго идеологической, социология не могла не подпасть под подозрение в Советском Союзе¹⁰. Поскольку официальная идеология считалась не богооткровенной, но

⁹ Указ. соч. С. 729.

¹⁰ Конечно, такая трактовка идеологии является сильно упрощенной. Г.С. Батыгин, написавший несколько лет назад очерк истории советской социологии, заметил, что «для объективного исторического исследования неприемлемо разграничение на «хороших» социологов и «плохих» идеологов, хотя изучение групповой

борьбы и позиционных конфликтов в научном сообществе имеет принципиально важное значение для объяснения многих идейно-теоретических контроверз. Во всяком случае, нельзя заранее исключать существование «плохих» социологов и «хороших» идеологов» (См.: Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.:

именно *научной* истиной, любое знание, претендующее на научность и создаваемое по правилам науки, должно было либо совпадать с ней, либо ей противоречить. Выход был найден в работе над теориями *среднего уровня* (принятый у нас, хотя и не совсем точный перевод термина *theories of the middle range* Р. Мертона). Верхний, идеологический этаж отдали историческому материализму как «общесоциологической теории», а теоретическим обеспечением эмпирических исследований, необходимость которых доказывалась потребностями *научного управления*, занимала как раз социология *среднего уровня*. Это значит, что она принимала *основные понятия* в готовом виде, такими, какими ей поставляли ей общие теории. Смесь исторического материализма (а при усилении идеологического давления — научного коммунизма) со структурным функционализмом при существенном преобладании последнего как концепции преимущественно равновесного, но прогрессивно эволюционирующего состояния общества была основным теоретическим ресурсом, несмотря на то влияние, какое с течением времени начали оказывать иные подходы. Даже если не держаться той точки зрения, что позитивистская фактография, а равным образом и априорная предпосылка «общество есть система, во взаимообмене со средой поддерживающая свое равновесие», суть сами по себе уже идеология, даже если не считать по меньшей мере идеологически совсем не повинными идеи модернизационного эволюционизма, пришедшего на смену структурному функционализму как общей теории (при сохранении большинства его базовых предпосылок и объяснительных схем), даже тогда говорить о социологии как носительнице незаинтересованной научности не приходится. И конец советской версии структурного функционализма должен был, по идее, совпадать со временем радикальных и никем из ученых не предвиденных перемен в нашем обществе. Когда с увеличением свобод деятели искусств принялись извлекать «из столов» результаты своего творчества, прежде запрещенного к опубликованию, можно было ожидать, что и социологи поделятся с общественностью сокровенным, на кончике пера полученным, но ранее сокрытым от публики знанием.

Этого, однако, не произошло. Каковы бы ни были реальные *причины* или заявленные *резоны* социологических активистов перестройки и последующих реформ, внешним образом их действия выглядели как реванш *претерпевших за правду*. Действительно, в начале 70-х гг.

Изд-во Института социологии РАН, 1998). Однако дело менее всего стоит сводить к вопросу о хороших и плохих. В некотором роде идеология была куда более теоретична, чем наука, потому что оперировала с понятиями. Но эти понятия не только были «пусты без созерцаний». Они просто не могли быть получены теоретически корректным способом и, в свою очередь, не

могли быть без насилия над логикой встроены ни в какую теорию. Тем не менее социологи умудрялись практически использовать такие понятия, как «реальный социализм», «народовластие» и «социальная активность». В высшей степени успешной была в СССР научная карьера такого идеологически нагруженного понятия, как «образ жизни».

многие видные социологи были вытеснены с ключевых институциональных позиций в своей дисциплине, т. е. лишены (помимо прочего) и перспектив *влияния* на формирование социальной политики — не просто исследования истины за государственный счет, но повышения статуса в политико-идеологической иерархии. Это было именно волевое решение высших партийных инстанций, и внятное усвоение западных теорий было важным обвинением в адрес тех, кто подвергся опале¹¹. Но никакого радикального изменения в теоретическом характере советской социологии не было, да и быть не могло, потому что социологию как таковую не уничтожали, а другого словаря, другой парадигмы для социологии ни у кого не было. Так, например, статья о социальных системах в «Философской энциклопедии» (1970, т. 5) написана влиятельным советским автором А.Г. Здравомысловым вполне в духе «Социальной системы» (1951) Парсонса. А практически все исследования в области социологии образования происходили на основе концепций социальной стратификации и мобильности, т. е. опять-таки структурного функционализма (широко понимаемого, включающего авторов самых разных — от П. Сорокина до К. Дэвиса). Можно было говорить о потребностях, ценностях, установках, социализации (это понятие, впрочем, решительно отвергал М.Н. Руткевич), функциях, вертикальных и горизонтальных перемещениях (синоним «мобильности») и слоях (синоним «страт») и т. п. Так что здесь было менять — в период ли мрачного застоя или на заре перестройки?

Поэтому повторим еще раз: пафос научности в нашей социологии был чисто идеологическим или, точнее, инструментальным. Соревнование за право доклада у государя как источник всех иных прав имело в основе, однако, не просто циничный расчет людей, готовых отстаивать с корыстными целями любые идеи. Никаких оснований думать так скверно об отечественных социологах у нас нет. Дело в другом: советские социологи, как те, что имели большую склонность к марксистской (в разных ее вариантах), так и те, что имели большую склонность к позитивистски-функционалистской составляющей своего теоретико-идеологического ресурса, были сторонниками *модернизационного проекта*. Само возникновение и существование *реального социализма* было одним из способов осуществления модерна, а соперничество с Западом шло именно вокруг наибольшей эффективности и жизнеспособности проектов модерна. Поэтому любые усилия партии и правительства по модернизации страны приветствовались вполне искренне. По мере продвижения к 90-м гг., — более искренне теми, кто, что называется, «глядел на Запад», где круглый год цветут апельсины, где птицы поют райскими голосами. Именно поэтому *критика модерна*,

¹¹ Самая крупная фигура, подвергшаяся самой ощутимой опале, — известный социолог Ю.А. Левада.

проблематизация западной рациональности практически никак и никем не была актуализована в отечественной науке, за исключением одних лишь историков социологии. Однако эту категорию авторов мы не должны принимать в расчет — влияние их было всегда сравнительно невелико.

Почему модернизационный эволюционизм неразрывно связан с основной теоретической схемой социологического *mainstream*'а? Потому что рациональность действия и рационализация социальных связей, переход от традиционного общества к современному лежат в основе главных социологических типологий. Социология (не вся социология, но социологический *mainstream*, насколько этот термин еще имеет хоть какой-то смысл) возникала именно в виде теорий различия традиционного и современного и *перехода* от одного к другому. Крушение Советского Союза и всей системы социальной жизни, которую в последние десятилетия его существования идеологи называли «реальным социализмом», не предполагался и не мог предполагаться ни одним большим социологическим проектом — ни у нас, ни на Западе. Советская модернизация могла считаться неправильно проведенной, неполной, несовершенной и т. п. В чем не было сомнения именно среди социологов, так это в том, что она была именно модернизацией. Пусть «догоняющей», пусть, как писала уже в конце 90-х гг. Н.Ф. Наумова, «рецидивирующей»¹². В любом случае для большинства авторов это была основная схема трактовки происходящего, понятого не как состояние, а как процесс, и именно в этом качестве нуждающегося в объяснениях. Именно поэтому начало 90-х гг. для социологов в России — время полного теоретического оцепенения. Дело не просто в том, что институциональный реванш некогда подлинно опальных или в духе новейших времен, старательно стилизовавших историю своей профессиональной карьеры в терминах «борьбы за реформы с последующей опалой» социологов должен был найти свое продолжение в номенклатурном либерализме и потерпеть крушение вместе с ним в начале 90-х гг. Дело именно в кризисе модернизационной схемы как таковой применительно, по меньшей мере, к ситуации в рассыпающемся СССР и становящейся России. Можно привести доводы в подтверждение теоретической беспомощности социологов. Это и нечувствительность к теме *империи* — не в сугубо политическом, но именно в социальном и социологическом смысле (политически активные социологи в центре

¹² Н.Ф. Наумова, обладавшая ярко выраженными теоретическими дарованиями, выпустила в конце 80-х гг. серьезную работу «Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения» (М.: Наука, 1988). Несмотря на всю зависимость от *mainstream*'а, это одно из тех сочинений, которые, как нам кажется, при других обстоятельствах могли бы способствовать изме-

нению общей ситуации с теоретической социологией в России. Большого резонанса у книги, сколько нам известно, не было. Куда большую известность получила работа, посвященная все той же пресловутой модернизации: Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999.

страны по большей части симпатизировали политически активным коллегам в союзных республиках, игравшим иногда заметную роль в формировании новых, центробежных тенденций, но эти симпатии, за редкими исключениями¹³, не имели иного содержания, кроме публичной демонстрации преданности ученого сословия делу реформ; дезинтеграция империи как теоретическая тема не стояла в повестке дня). При всем интересе к новым формам социальности, возникавшим в период реформ как «неформальные объединения» и «движения»¹⁴, теории коллективного поведения и массовой мобилизации оставались практически не задействованы в качестве ресурса и не разрабатывались самостоятельно. Некритическое заимствование терминологии политической публицистики, будь то «власть бюрократии» или «гражданское общество», производит по прошествии времени еще более тяжелое впечатление¹⁵. Но самое главное — это сохранение представлений об обществе, в которых «кибернетическая иерархия» (о ней уже и не говорят, не тревожат тень отчетливо немодного, как считалось, даже

¹³ Одним из таких исключений была известная политическая деятельница Г.В. Старовойтова, также считавшаяся социологом.

¹⁴ Им были посвящены исследования Л.А. Гордона (под влиянием и по программе А. Турена), О.Н. Яницкого и др.

¹⁵ «Сегодня мы вынуждены признать де-факто возникновение социалистической бюрократии — целого слоя чиновников, замкнувших на себя либо целиком перенявших функции демократических институтов», — говорится в редакционной статье главного социологического журнала (Социология в контексте революционной перестройки общества // Социс. 1987. № 3. С. 5). Разумеется, хорошо образованные советские социологи помнят об истоках и смысле понятия бюрократии. Вместе с тем они утверждают: «...тот бюрократический левиафан, с которым нам приходится иметь дело сегодня, не имеет аналогов в истории. Сформировавшаяся на протяжении десятилетий бюрократическая система управления получила неограниченные возможности подчинять себе все без исключения сферы общественной жизни...» (Гудков Л., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений // Коммунист. 1988. № 12. С. 74). Конечно, журнал партийной публицистики — не место для строго научных статей. Но в ученых статьях нет ничего, принципиально отличного от прочих. Они публикуются и перестают публиковаться одновременно с началом или прекращением инициированной властями кампании. Для сравнения укажем на теоретически вполне состоятельную и потому

не получившую никакого резонанса работу: Наан Г.И. Власть и разум. Бюрократия и интеллигенция в капиталистическом обществе // ЭКО. 1988. № 1 (163). С. 3–23. Что в публицистике, что в науке коммуникация вертится не просто вокруг одних и тех же тем, она предполагает суждения, нацеленные на заранее известный результат. То же самое происходит и с *гражданским обществом*. В те годы Т.И. Заславская, став президентом Советской социологической ассоциации, говорит на пленуме этой организации: «Слишком малую долю усилий мы затрачиваем и на создание фундаментальной социологической теории» (Заславская Т.И. Роль социологии в ускорении развития советского общества // Социс. 1987. № 2. С. 7). Отсюда она переходит к выводу о необходимости завершить многолетние дискуссии о предмете социологии: «Большинство обществоведов согласно с тем, что социология — это наука о закономерностях функционирования, развития и взаимодействия социальных общностей разного типа. В соответствии с таким пониманием предметом социологии служит гражданское общество, характеризующееся определенной социальной структурой, специфическим типом семьи и т. д.» (Там же. С. 8). Следует только заметить, что апелляция к «большинству обществоведов» в данном случае является некоторым риторическим преувеличением, а «гражданское общество», понятие старое и почтенное, занимает в построениях наших авторов функциональное место «развитого социализма»: с основным содержанием высказываний оно никак не связано и никаких теоретических обязательств на авторов не налагает.

на Западе Парсонса¹⁶) счастливо сочетается с «социальным государством» (которое до поры до времени именуется, правда, по старинке *социалистическим*). Социологи лояльны идеям демократизации и гласности, но самое важное для них — это возможность *научного управления*. Знание в социальной иерархии должно быть гомологично власти, и, как предполагается, все предшествующие неудачи модернизаций были связаны именно с тем, что власть отвергала знание, поставлявшееся наукой. Между тем, здесь совершалась *подмена понятий*, что не могло не иметь самых негативных следствий. Мало кто сомневается в том, что любое целенаправленное воздействие, скорее всего, будет успешно там, где есть знание о характере объекта воздействий. Но теоретическое знание далеко не всегда равно практическому владению предметом — и наоборот. Теоретическое знание в рамках позитивной социальной науки не может иметь своим результатом *целеполагание*, не может обосновать необходимость и положительный смысл модернизации. Альтернативы же пафосу модернизации не было никакой: споры между «прогрессистами» и «ретроградами» велись вовсе не о том, нужна ли нам модернизация, и даже если она нужна, то является ли это понятие и сопряженные с ним объяснительные схемы адекватным теоретическим ресурсом для понимания того, что на самом деле происходит в разрушающемся СССР и становящейся России. Это были споры о том, «ты за кого — за большевиков или за коммунистов?». Теоретическое их содержание было ничтожно, но политическое напряжение велико. Один из отцов — основателей советской социологии Г.В. Осипов так пишет об этом: «В конце 80-х — начале 90-х гг. в Институте социологии АН СССР сложились две различные социальные концепции перестройки и реформирования СССР и России. Единственно общим у этих концепций было то, что и та и другая обосновывали объективную необходимость радикального реформирования советского, в том числе российского, общества. Но видение и способы этого реформирования представлялись диаметрально противоположными»¹⁷. Осипов говорит о двух концепциях и двух программах, предложенных, соответственно, им самим и В.А. Ядовым. Если социологи, возглавляемые Ядовым, считали необходимым разрушить все, что было создано под руководством КПСС, то Осипов, по его словам, считал, что «все реформы реакционны, если при их осуществлении социально, морально и физически деградирует человек и распадаются социальные связи. Именно поэтому реформирование должно опираться на четкие правовые основы, любая реформа должна оцениваться с точки зрения ее социальных

¹⁶ На самом деле у нас, как всегда, все перепутали. Время наибольшей преданности Парсонсу в СССР приходится на годы самой жесткой критики Парсонса на Западе. Актуализация критики Парсонса со стороны так называемой *понимающей* традиции в социологии произошла у нас

точно в те годы, когда в США начался «ренессанс Парсонса».

¹⁷ Осипов Г.В. Возрождение российской социологии (60–90 годы XX века): Страницы истории // Социс. 2004. № 2. С. 28.

последствий для человека и общества»¹⁸. Эти взвешенные (Осипов отдает должное сильным и слабым сторонам каждой концепции) формулировки из года 2004-го, разумеется, не отражают накала борьбы пятнадцатилетней давности, не отражают они, как представляется, и нынешние самоощущения участников. Зато в них сказано гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд. Некогда Огюст Конт, номинальный отец — основатель всей социологии как науки, ставил проблему следующим образом: в наше время, говорил он в 30-е гг. XIX в., надо соединить порядок и прогресс. Не будет прогресса — отстанем от развитых стран. Не будет порядка — разрушится общество. Задача социологии — способствовать их соединению через познание регулярностей, наблюдаемых в обществе. Вот эта позитивистская программа оптимистичного эволюционизма, подобная чуть ли не генокоду науки, была невытравима из советской социологии, ставшей в одночасье российской.

Но случилось так, что небеса замолчали. Не то чтобы идеологам и практикам *новой России* не нужна была именно эта социология — им не нужна была никакая социология, кроме исследований того, что по привычке и не связывая с этим термином никаких теоретических обязательств называют у нас общественным мнением. Разумеется, никакого общественного мнения нет, есть определенная готовность голосовать или совершать иные, значимые для заказчика поступки. Разумеется, никакая теория даже и такого общественного мнения не нужна — ее и нет, и не будет, потому что основные задачи неплохо решаются без всяких умствований. Но дело-то в другом: единственное социологическое занятие, на которое образовался обширный и постоянный социально-политический заказ, не предполагало внятного самоопределения в рамках модернизационной парадигмы — кроме разве что демонстративной, но, в общем, весьма умеренной лояльности властям, якобы как раз и занимающимся модернизацией. Было бы несправедливо и безосновательно говорить, например, о сервиллизме бывших теоретиков, составивших костяк ВЦИОМа (того самого, первого, большая часть сотрудников которого перешла недавно в Левада-Центр). Речь идет именно о хорошо наблюдаемой приверженности науке как идеологии модернизации и о самой модернизации, которая, как казалось многим, еще более энергично продолжается в новой России.

Тем не менее постепенно ситуация приобрела большую определенность. Сначала социологи все больше говорили о *болезнях роста* и о том, что просто и безболезненно при радикальных реформах не бывает. Потом, когда жить стало хуже и скучнее, фракции той смеси структурного функционализма и марксизма, которая так долго была советским *mainstream*’ом, стали сепарироваться. Можно с известной осторожностью говорить о том, что, например, исследования «социально-

¹⁸ Указ. соч. С. 29.

экономического положения трудящегося большинства»¹⁹ относились скорее к марксистской традиции, тогда как многообразные версии исследования «социетальных процессов»²⁰ тяготели все-таки к структурному функционализму²¹. Здесь мы вынуждены еще раз подчеркнуть: речь вовсе не идет о том, чтобы вменить соотечественникам упорное следование Парсонсу времен «четырёхфункциональной парадигмы», или Мертону, или кому бы то ни было еще. Все гораздо проще: достаточно только принять за основу «целостность» или «системность», приписать ее «обществу» и заметить, что оно содержит в себе также и «подсистемы», чтобы нужные слова о функциях и структурах вырвались уже как бы сами собой. Не смеем утверждать наверняка, но предполагаем, что многие наши авторы, гордые своими публикациями, всерьез предполагают, будто содержание их концепций имеет характер *индивидуального вклада* в науку, где упорный труд соседствует с озарением. Мысль о том, что они намертво скованы и, хуже того, принуждаемы к определенного рода квазитеоретическим ходам не теориями, не парадигмами, но уже одним только выбором слов, возможно, не чужда им, но не оставляет никаких следов в доступных нам сочинениях. В качестве примера социально успешной теоретической новации такого рода приведем книгу С.Г. Кирдиной об «институциональных матрицах»²².

¹⁹ См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства: В 2 т. Т. 1: Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни; Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. М.: Эдиториал УРСС, 2000. См. также рецензию: Ядов В.А. Господа! Думайте о социальных последствиях проводимых реформ // Социс. 2002. № 5. С. 145–147. Богатейшее в смысле социогграфии исследование в обобщенно-теоретическом смысле сообщает читателю следующее: нет тенденций движения только в лучшую или худшую стороны. В одних отношениях происходят улучшения, в других — ухудшения. Рецензент в высшей степени доброжелателен к авторам, один из которых (Л.А. Гордон) незадолго до того ушел из жизни. Он так хвалит книгу: «Каков же „баланс“ потерь и приобретений? Авторы сводят итоги своего труда в прозрачную схему на с. 480 (второго тома. — А.Ф.). Показатели улучшения и прогресса они фиксируют так: а) формирование подлинных профсоюзов, свобода забастовок, начало демократизации трудовых отношений; б) преодоление дефицита промышленных и потребительских товаров; в) обновление и рост товаров бытовой техники; г) прогресс в автомобилизации и телефонизации; д) свобода в выборе форм досуга и получении информации; е) свобода

выезда за границу. Потери: а) сокращение доходов и покупательной способности большинства населения, низкие пенсии и потеря прежних сбережений; б) задержки выплат зарплаты, пенсий, пособий; в) безработица; г) ухудшение питания; д) потери в досуге и обеспечении отпускного отдыха; е) деградация воспитания и отдыха детей; ж) кризис образования вплоть до отсева из школ и детской беспризорности; з) опасность распада жилищного и коммунального обслуживания» (Указ. соч. С. 147). Как нам представляется, такая похвала есть в гораздо большей степени свидетельство трагической беспомощности социальных ученых в области социологической теории.

²⁰ См., например: Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

²¹ О сохраняющемся влиянии структурного функционализма говорит и то, что одно из лучших учебных пособий по общей социологии, появившееся сравнительно недавно, тоже написано преимущественно в духе этой концепции, хотя и со значительным переносом акцентов на теории действия и институтов. См.: Общая социология / Под ред. А.Г. Эфендиева. М.: Инфра-М, 2000.

²² Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭИОПП СО РАН, 2001.

Разумеется, западным функционалистам было бы несколько удивительно узнать о том, что «институциональная матрица как социологическое понятие — это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической» (причем «идеологическая» ставится автором на место «культурной»). Однако Кирдина внятно проговаривает главное: «Разработка понятия институциональной матрицы представляет собой одну из попыток решения основной, как полагал Т. Парсонс, проблемы теоретической социологии, а именно проблемы интеграции социальных систем»²³. Как известно, продолжает автор, мир наш построен по законам симметрии, и задача состоит в том, чтобы найти ее. Такую симметрию она усматривает, в частности, в наличии двух видов матриц: Y-матрица западного общества и X-матрица восточного. Для первой характерны в экономической сфере институты рыночной экономики, в политической — федеративное государственное устройство, в идеологической — «доминирующая идея индивидуальных, личностных ценностей». Для второй характерны, соответственно, институты редистрибутивной экономики, унитарного политического устройства и коллективных, надличностных ценностей. При этом институты каждой матрицы являются взаимообуславливающими, а сами матрицы представляют собой, с одной стороны, нечто вроде идеальных типов соответствующих обществ, а с другой — те глубинные структуры, которые оказывают на них неизменное и определяющее влияние. В обществах есть институты и другого типа — комплементарные по отношению к основным. Основные действуют стихийно, независимо от воли и целенаправленных действий людей, комплементарные нуждаются в сознательном поддержании.

Очевидно, что это не социологическая теория — это великий русский синтез, идея которого отравила немало голов (в том числе и светлую голову Питирима Сорокина). Очевидно, что он возможен только при насилии одновременно над историей и теорией. Так, например, нужна незаурядная смелость, т. е. уверенность в невозможности научной критики, чтобы писать: «Следы федерализма отыскиваются в союзах античных полисов, породивших страны Древней Греции, в складывании европейских государств на основе объединения городов-республик или соединения отдельных княжеств, графств, королевств и т. д.»²⁴ (это о политической Y-матрице в странах Запада). Нужно полное отсутствие теоретической культуры, чтобы писать: «Итак, основная функция базовых идеологических институтов состоит в рационализации массовым сознанием природы общества в целом, а также специфики действующих политической и экономической структур, в

²³ Мы цитируем по общедоступному электронному ресурсу: [http://kirdina.ru/book/glava2.shtml]. ²⁴ [http://kirdina.ru/book/glava6.shtml].

формировании соответствующих систем ценностей, разделяемых большинством населения» и чуть ли не сразу вслед за тем: «Базовые идеологические институты качественно отличаются от форм, в которых они проявляются, т.е. норм и рецептов поведения, конкретных концепций и идеологий, возникающих периодически в общественном сознании»²⁵ (курсив мой. — А. Ф.). Желая представить себе рационализацию массовым сознанием природы общества в целом, качественно отличную от конкретных концепций, периодически возникающих в общественном сознании, могут посвятить этому немало упоительных часов. Для нас же это лишь очередное подтверждение все того же печального тезиса: нет у нас теоретической социологии, нет и не было.

Впрочем, есть у нас и попытки привести в действие более богатые теоретические ресурсы. Среди них — теория социальных изменений П. Штомпки²⁶. Вообще говоря, всякому, кто стремится быть на уровне новейших мировых достижений, следует самым тщательным образом следить за польской социологией. Совершенно невозможно представить себе, чтобы выдающийся польский социолог написал что-нибудь, не отвечающее духу времени и движениям его наиболее влиятельных представителей. Он всегда безукоризненно современен. Так было в 60-е гг., когда Штомпка выпустил известную книгу о методологии структурного функционализма. Так это и по сей день, когда появилась социология трансформаций и любимое многими понятие социальной травмы. В.А. Ядов справедливо замечает, что Штомпка недаром был избран на последнем конгрессе президентом Международной социологической ассоциации²⁷. Впрочем, этот ресурс как бы теоретического мышления — не единственный, и попытки исследовать трансформации заново, без однозначной привязки к дискредитировавшей себя модернизации (хотя и с учетом всего продуктивного, что было в этой концепции), предпринимаются все снова и снова²⁸.

Другой аспект нашего отношения к теории, который может вызвать хотя бы относительный энтузиазм, — это появление так называемого «полипарадигмального подхода». При всей склонности к теоретическому ригоризму мы всегда приветствовали выход социологов за пределы одной теории, одной научной школы. Полипарадигмальному подходу, сколь бы сомнительным ни казался в этой связи сам термин «парадигма», нужно поставить в заслугу хотя бы то, что он позволяет

²⁵ [<http://kirdina.ru/book/glava7.shtml>].

²⁶ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996.

²⁷ См.: Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 11. О родстве пози-

ций Штомпки и Ядова см.: Малинкин А.Н. Полипарадигмальный подход в социологии: мнимый выход из мнимой дилеммы // Логос. 2005. № 2 (47). С. 107.

²⁸ Такова, например, большая работа Т. И. Заславской «Современное российское общество: Социальный механизм трансформации» (М.: Дело, 2004).

актуализировать много понятий, много мыслительных ходов²⁹. Многие из авторов, придерживающихся такого подхода, склонны становиться на точку зрения постмодерна, и хотя само по себе это не гарантирует качество теоретических построений, скорее, позволяет вообще не придавать значения теоретической строгости, им, по меньшей мере, достаточно успешно удастся избежать повторений опостылевшей теории модернизации. В нашу социологическую терминологию проникают понятия доверия, риска, игры, стиля, представления — это не позволяет судить о «судьбах России» или рецептах спасения Отечества, но зато спасает авторов и их читателей от чудовищной пошлости высокопарной и бездарной историософии, которая то и дело норовит прикинуться теоретической социологией.

Наконец, у нас есть совсем немного отчетливых приверженцев внятно очерченных западных школ. Упоминания заслуживают, например, сторонники Бурдье в Российско-французском центре ИС РАН, а также социологи Санкт-Петербургского университета, которых в течение продолжительного времени воспитывают в правильном ключе теории систем немецкие социологи из Билефельда, интеллектуальной вотчины школы Н. Лумана. Все эти явления и тенденции весьма отрадны и, хотя не свидетельствуют о существовании теории, говорят о возможности ее появления. А появится она лишь тогда, когда между реальностью и мыслью о реальности появится напряжение, которое потребно будет преодолеть. Когда мастерство фактографии и классификации перестанет считаться собственно научной и в особенности — теоретической работой. Возможно, это время недалеко.

²⁹ См.: Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. 2-е изд. М.: Анкил, 1998; Кравченко С.А. Социоло-

гия: парадигмы через призму социологического воображения. М.: Экзамен, 2002.

Лев Гудков

В ОТСУТСТВИИ «ОБЩЕСТВА»: ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

«Полевые» социально-политические исследования: общественное мнение, электоральные опросы, маркетинг

Сегодня в России насчитывают более 200 организаций и исследовательских коллективов, называющих себя «социологическим». Точное число таких организаций, равно как и их научный статус, установить трудно и вряд ли даже нужно. Деятельность многих из них носит нерегулярный и не систематический характер, а существование продолжается ровно столько времени, сколько денег удастся получить их руководству для проведения конкретной опросной работы. Хотя конкуренция на этом поле едва ощутима, тем не менее время от времени предпринимаются попытки регулировать отношения между участниками социологического «рынка», как можно условно назвать относительно упорядоченное взаимодействие по поводу производства социально значимого знания. В первой половине 90-х гг., когда массовые социологические исследования еще только разворачивались, инициативу проявляли сами представители независимых исследовательских центров, заинтересованные в выработке общих правил поведения на рынке научных работ, но позднее, когда структура авторитетов в данной области уже установилась, проекты такого рода стали исходить от рутинных и более слабых в научном плане структур, связанных с государством или привычно ориентированных на него. Руководство некоторых академических институтов пыталось взять все это множество под свой контроль, создать социологические ассоциации, могущие объединить в рамках одной профессиональной организации социологов одной идеологической направленности, особого успеха до сих пор не имели. При многих плюсах подобной координации (установление конвенциональных стандартов работы, общие образовательные программы и пр.) слишком очевиден корыстный интерес инициаторов подобных объединений, стремящихся монополизировать исследовательскую деятельность, ввести что-то вроде лицензирования и сертификации на право проведения социологических исследований или как-то иначе «организационно» противостоять своим «идейным» оппонентам из другого лагеря. Неудача этих начинаний свидетельствует о том, что свобода или, лучше сказать, — независимость научного

исследования начинает обеспечиваться определенными социальными и экономическими предпосылками, что становится особенно важным при обращении к социально-политической проблематике. Пока еще рано, разумеется, говорить о рождении собственно «российской социологии», отвечающей духу и интересам российского «общества»¹, но сам факт умножения заинтересованных в получении объективной социальной информации участников «рынка», готовых платить за нее, т. е. «символически» поддерживать практику подобных работ, обеспечивая автономность исследователей от внешнего, экстранаучного контроля, прежде всего — от государства, все еще считающего себя преемником тоталитарного режима, внушает некоторый оптимизм на возможную институционализацию этой дисциплинарной сферы.

Организационно эмпирическая социология представлена несколькими типами исследовательских фирм и институтов: прежде всего это а) академические институты, входящие в систему РАН, — Институт социологии, Институт социально-политических исследований, Институт народно-хозяйственного прогнозирования, Институт комплексных социальных исследований и др., разные по времени своего образования, идеологическим установкам и набору источников финансирования; б) отраслевые институты, проводящие замеры массовых установок, реакций, отношения к политике, проводимой соответствующими ведомствами (таковы исследования социологов «в погонах» — военных, чекистов, криминологов (не стоит их путать с исследованиями гражданских лиц о проблемах армии, правоохранительных органов, суда, прокуратуры и т. п.), урбанологов, массовые опросы, связанные с изучением состояния здоровья населения или репродуктивного поведения, медиаметрические замеры и т. п.); в) небольшие исследовательские подразделения в университетах (лаборатории, исследовательские центры, отдельные группы; в регионах некоторые из них, как правило, наиболее сильные в профессиональном плане, становятся постоянными партнерами больших исследовательских корпораций, звеньями их сетей); г) региональные отделения крупных исследовательских фирм, их опорные базы в областях или в целых регионах; благодаря им и стали возможными общероссийские репрезентативные опросы населения; это терминалы централизованных структур, хотя чаще всего они уже давно имеют самостоятельный юридический и организационный статус и в состоянии сами проводить зондажи общественного мнения или локальные социологические исследования (села, СМИ, миграции, семейных бюджетов и т. п.) либо на средства от полученных грантов, либо

¹ Подчеркну: не государства — не политиков и не управленцев. Социология как самостоятельная сфера познания появляется только тогда, когда проблемы повседневного человеческого существования, т. е. многообразия *невластных* форм социального взаимодействия, транспонируются

в специализированные когнитивные задачи, а отношения господства и подчинения перестают быть конституирующими для сообщества и выделяются в качестве отдельной автономной сферы регулирования.

по заказам — областной администрации, российских или зарубежных корпораций (компаний, университетов, региональной администрации, фондов и т. п.), заинтересованных в нужной информации². И наконец, это д) крупные независимые исследовательские центры, для которых систематическое проведение крупномасштабных общероссийских (или международных) репрезентативных опросов общественного мнения является основным видом деятельности (Левада-Центр, ФОМ и др.). Про них можно сказать, что они перевели отдельные «кустарные» или «мануфактурные» социальные исследования в режим промышленного производства социальной информации, ставшего возможным только благодаря функциональному разделению труда и поточно-технологической организации осуществления разнообразных исследовательских проектов. По объему и масштабам, диапазону исследований эти центры намного превосходят продуктивность старых академических институтов. По моим приблизительным оценкам, два крупнейших социологических центра — Левада-Центр (бывший ВЦИОМ) и ФОМ осуществляют 55–60% всех исследований общественного мнения в стране (того, что принято у нас считать «социологией», хотя это не совсем так), причем удельный вес ФОМа постоянно растет, особенно после 2003 г., и на сегодня объем проводимых им опросов следует считать наибольшим. Эти два центра задают тон и общие стандарты работы в данных исследовательских областях. Поэтому и вопросы методики, организации, контроля, надежности получаемой информации здесь стоят намного более серьезно, чем при осуществлении нерегулярных, сравнительно мелких проектов других центров, даже у академических институтов, тем более — в маломощных университетских лабораториях.

К названным выше двум организациям стремятся приблизиться и некоторые коммерческие компании или их объединения (такие как «Башкирова и партнеры», «ROMIR Monitoring», «Комкон», «TNS Gallup Media»³, «Валидейта», Социс МР Россия и ряд других), которые

² Региональные центры социально-экономических и политических исследований стали возникать в массовом порядке с середины 90-х гг. отчасти под влиянием реформ и складывающихся рыночных отношений, неясной политической ситуации, многопартийности, отчасти из-за резкого сокращения финансирования вузов и вынужденного поиска дополнительного заработка для преподавателей вузов. Довольно большая доля этих все время умножающихся региональных исследовательских центров представляет собой маленькие группы или коллективы, часто возникающие при соответствующих кафедрах областных университетов. В методическом плане они редко создают оригинальные продукты, обычно они просто адаптируют для себя программы и инструментари, которые попадают в

их руки от больших исследовательских центров. Но среди них есть и более самостоятельные и уверенно стоящие на своих ногах, например, «Фонд общественного мнения Татарстана» (Казань), проводящий маркетинговые и социально-политические исследования в Поволжье, Татарии, Башкирии; Тверской научный социологический центр (Тверской ЦИОМ при ТГТУ), Воронежский ЦИОМ, центры изучения общественного мнения в Вологде, Волгограде, Перми и т. п. Как пример объединения подобных организаций можно назвать группу компаний «Мониторинг.ру».

³ См. список подобных компаний в ежегодном сборнике ESOMAR: Directory 2005. Research organizations. Vol. 2. ESOMAR, 2005. P. 1087–1118.

используют социологические приемы и технику сбора информации (в том числе и медиаметрию, групповые дискуссии, фокус-группы, глубинные интервью, тестирование и пр.) прежде всего для маркетинга, а потому — только по привычному недоразумению — включаются в состав социологии. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что все они, время от времени, выполняют заказы на проведение различных социологических работ для российских или зарубежных заказчиков, иногда разрабатывая всю конструкцию исследования от начала до конца, иногда выступая лишь в качестве технических исполнителей полевых работ по уже готовым процедурным и методическим лекалам, предоставляемым заказчиком. В этом плане типологическая дифференциация социологов, которой я вынужден пользоваться в данном случае, имеет условный характер и исходит из подразумеваемой доминантной интенции или основного вида деятельности того или иного исследовательского центра.

Такова примерная схема производства эмпирической социальной информации в России, сложившаяся в середине 90-х гг. и в общих чертах пока еще сохраняющаяся в настоящее время. Коммуникативные связи внутри социологического сообщества весьма слабы⁴, в этом плане не приходится говорить о какой-то профессиональной солидарности, общих авторитетах, нет дискуссионного пространства, в котором бы ставились и обсуждались концептуальные или этические вопросы исследовательской деятельности в этой области. Поэтому инновационные импульсы в сфере эмпирических социальных разработок, развитие этой дисциплинарной области обусловлены скорее внешними, а не внутренними факторами (т. е. не давлением партнеров по научной деятельности).

⁴ Традиционно сильнее они в академической среде и связанных с ней университетах, хотя и здесь наблюдается заметный раскол: например, между ИСПИ, консолидировавшим вокруг себя остатки номенклатурных кадров, сотрудников служб безопасности и т. п., и подпитываемым предпринимателями-коммунистами, и социологическим факультетом МГУ, выросшим из департамента научного коммунизма, установились очень тесные «блоковые» отношения, в определенной мере противопоставленные ИС, ГУ–ВШЭ и т. п. Несмотря на то что выходят десятка полтора социологических журналов (учитывая как печатные, так и электронные издания), проводятся конференции, у каждой крупной органи-

зации есть сайт, где публикуются данные исследований и т. п., исследовательское сообщество остается не интегрированным и расколотым, как и само российское общество, не способное преодолеть разрыв между инерционной номенклатурной институциональной системой и рыхлительной гражданской организацией социума. Общение представителей одного круга исследователей с другим оказывается обычно невозможным или, по крайней мере, затрудненным по теоретическим, моральным, человеческим, идеологическим, квалификационно-образовательным и даже вкусовым соображениям и основаниям.

Полстеры и политическая социология

За прошедшие десять — двенадцать лет в России утвердилось представление о социологии как преимущественно «рейтинговых» или электоральных опросах. Такое редуцированное понимание социальной науки как сферы преимущественно властно-государственных отношений очень характерно для нашего апатичного и инфантильного, зависимого от власти «общества», для которого публичная сфера сегодня почти исчерпывается фигурами высшего руководства и телевизионными клоунами. В сознании российского «интеллектуального сословия» (в других просто не знают слова «социология») доминирует тема телевизионного «общества зрителей», на глазах которого разыгрывается интрига «демократии», т. е. борьба за симпатии аудитории различных фракций номенклатуры⁵. Неясность для публики реальных мотивов и тайных пружин подковерной конкуренции за ключевые позиции, идущей среди окол властных группировок (а потому никогда не свободных от подозрений в коррупции, связях с криминальными кругами), придает различным зондажам общественного мнения оттенок азартной игры, причем исход которой, по мнению большинства людей, с самого начала предопределен. Другими словами, в этом представлении социологии отведено особое место и указана ее роль: она часть общего действа, мыльной оперы под названием «русская политика», сюжет и фабула которого определяются перипетиями «манипулирования общественным мнением», «зомбированием сознания обывателя» и т. п. «грязными штучками» политического пиара. Поэтому и предполагается, что здесь крутятся бешеные деньги, идет жесточайшая схватка политтехнологов, фальсификация данных, столкновение интересов и т. п.

Хотя, конечно, «каждый волен понимать в мере своей испорченности» — к действительности это понимание социологии имеет очень отдаленное отношение. Такая картинка — не более чем проекция цинического сознания массового образованного слоя россиян. Она стала отчетливо проявляться только после 1996 г. и представляет собой рессантиментную реакцию на принудительную электоральную мобилизацию населения за Ельцина на вторых президентских выборах, а также связана с первой волной разочарования в демократических реформах. Поэтому она сама по себе — достойный предмет изучения для политической социологии.

⁵ При нынешнем монопольном контроле властей (как федеральных, так и региональных) над СМИ, в первую очередь ТВ, смысл этой игры сводится не к соперничеству программ или отбору политических лидеров, а к дискредитации противника действующей власти, т. е. к созданию условий для безальтернативного и безропотного принятия

предложенных администрацией кандидатур. Это не выборы, а «аккламация» — архаическое по своей сути одобрение той или иной властной «группировки», легитимирующее признание ее силы и веса. См.: Гудков Л. О легитимности социального порядка в России // Вестник общественного мнения. 2004. № 2. С. 18–42.

Реальное предметное поле исследований структурировано иначе, чем это обычно представляется нашей публике. Начну с самого очевидного для специалиста: политические (в смысле — электоральные) исследования — малодоходная сфера рынка социологических работ, далеко уступающих по рентабельности маркетингу или отдельным монографическим работам. Возможно, что профанные представления об этой сфере исходят из обычной практики однократных или редких замеров политической ситуации или рейтингов политиков, делаемых небольшими опросными конторами или академическими институтами (такими как ИКСИ или ИСПИ⁶). Однако *систематические и регулярные* политические исследования (а именно на них только и могут опираться замеры массовых электоральных предпочтений) могут позволить себе лишь самые крупные исследовательские организации. Только такие — длительные и непрерывные — наблюдения за динамикой массовых настроений и установок могут служить надежной основой для интерпретации получаемых данных, для понимания механизмов или факторов массовой мобилизации и спада общественной активности, параметров социальной интеграции, латентных, многоплановых значений институционального контекста, определяющего смысл политических действий и ритуалов, характера легитимности, авторитета власти и т. п.⁷ Поэтому (если учитывать всю совокупность исследовательской работы) приходится, и с большим сожалением,

⁶ Результаты именно такого рода опросов чаще всего и приводятся в статьях «Социса», наиболее тиражном и читаемом в провинции журнале российских социологов.

⁷ Концептуальный и эмпирический опыт научной интерпретации социальных данных приобретает с очень большим трудом и дорогой ценой, но именно он, работа над ошибками, заставляет менять или корректировать и систему организации, и технологию проведения, и концептуальную программу исследования, что, естественно, не под силу мелким коллективам. Приведу лишь один пример: неудача электоральных прогнозов в 1993 г., вызванная ошибочным переносом тенденций социального поведения избирателей, характерного для фазы подъема общественных настроений, оптимистических ожиданий, массовых иллюзий, характерных для 1990–1991 гг., для продвинутых групп, на другое состояние массы, встревоженной угрозой дестабилизации социального порядка, перспективой гражданской войны, снижением уровня жизни, заставила специалистов старого ВЦИОМа не только изменить выборку и саму организацию массовых исследований, которая в максимальной степени учитывала бы настроения социальной периферии, но и заняться теоретическими

разработками механизмов массовой мобилизации (особенно краткосрочной, но интенсивной волны реактивных протестных настроений, благодаря которым выиграл тогдашние выборы В. Жириновский), ее типов, структуры, фаз и т. п., чрезвычайно значимых в отсутствии стабильных институтов демократии, многопартийности и пр. Главный и наиболее содержательный для теории политических процессов вывод, сделанный впоследствии из этой неудачи, заключался в необходимости изучения логики институционального разложения старой системы, когда в силу интересов сохранения власти номинально «демократическая» верхушка вынуждена была опираться на старые институциональные структуры, выводя тем самым на сцену «серые» фракции номенклатуры, силовиков, в свою очередь, берущих власть под свой собственный контроль, оттесняющих прежних «реформаторов» и постепенно устанавливающих режим «полицейского государства». Такие проблемы, мало известные на Западе, требовали нахождения своего собственного и нетривиального решения, которого нельзя было ждать от российских политологов и «политических социологов», эпигонски перелагающих схемы «транзитологии» из западных учебников на российскую действительность.

констатировать, что подобные исследования оказываются слишком дорогими и трудоемкими. Их проведение возможно только за счет двух источников финансирования: постоянного перераспределения доходов от реализации других заказных работ, например, маркетинга, или стабильного, пусть и непрямого, финансирования из казны (чаще всего — через промежуточные, зависимые от властей корпорации).

Сегодня только две исследовательские корпорации могут отвечать подобным критериям: это Аналитический центр Левады (до 2003 г. — ВЦИОМ)⁸ и «Фонд общественного мнения». На протяжении уже более десяти лет они проводят от 50 до 130 социально-политических исследований и замеров в год. Располагая поэтому обширной и постоянно увеличивающейся базой накопленных данных (включаящей в каждом случае несколько миллионов опрошенных), они могут позволить себе вести сравнительный и структурный анализ общественных реакций по самым разным социальным, экономическим, культурным и демографическим параметрам, устанавливая общность составляющих социально-политических процессов. Помимо них, есть еще 5–6 более или менее авторитетных организаций, имеющих разный статус и источники финансирования, которые проводят регулярные замеры, хотя и с меньшей (от 5–10 до 20 замеров в год) частотой, чем первые две. Среди последних наиболее достоверны, валидны и устойчивы данные, получаемые специалистами из Института социологии РАН. В прессе время от времени появляются также материалы ИКСИ (теперь он слился с ИС РАН), ИСПИ, РОМИР или других социологических холдингов и маркетинговых ассоциаций, но качество их социально-политической информации я не берусь оценивать.

Вопреки расхожему и устоявшемуся мнению об ангажированности социологов и их клиентельной зависимости от заказчика, я утверждаю, что это обстоятельство незначимо для крупнейших организаций, что в практической работе оно не играет особой роли⁹. Подозрения в сервильности по отношению к властям разного рода могут

⁸ Левада-Центр был создан сотрудниками ВЦИОМа в 2003 г. после того, как кремлевская администрация, проводя зачистку информационного и политического пространства перед выборами, попыталась тихо, без лишней огласки устранить руководство центра. Когда это не удалось, она «приватизировала» его, разделив акции между собой и двумя министерствами (труда и госимущества). Апроприировав само название — заслуженный бренд ВЦИОМ, — она получила пустое помещение и оборудование. Исследовательский центр делает не вывеска, а люди, их опыт, знания, репутация. В новое акционерное общество «Аналитический центр Юрия Левады», образованное коллективом, перешли все 100 % прежнего персонала, как специалистов, так и техни-

ческих сотрудников, что в своем роде можно считать уникальным явлением. Новый ВЦИОМ ничего общего, кроме имени, с социологией уже не имеет: деньги есть, людей (специалистов) — нет.

⁹ Я не могу, по понятным причинам, говорить о нерегулярных опросах, которые могут проводить в предвыборный сезон множество организаций, объявляющих себя «социологическими» только потому, что они в состоянии организовать массовый опрос населения, размножив «содранный» у кого-нибудь из «больших» и слегка адаптированный опросный лист или примерную схему выборки.

быть (но совершенно не обязательно должны быть) оправданными относительно мелких региональных опросных контор, но для ведущих организаций подобная зависимость от заказчика — вещь скорее несвойственная¹⁰. Во-первых, они вынуждены дорожить своей профессиональной репутацией в кругу серьезных и долговременных партнеров, а потому они объективно заинтересованы в максимально возможной (при данных финансовых и организационных издержках) точности и корректности исследований. Во-вторых, технически бессмысленной является сама процедура фальсификации, если под этим подразумевать сознательное и систематическое искажение получаемой «в поле» информации, в котором пресса и политики постоянно упрекают социологов. Подозрение в фальсификации исходит из предположения о крайней значимости для масс получаемой социологами информации, т. е. широте распространения подобных сведений, что уравнивает ее с функциями и контентом СМИ. Но это социологически просто абсурдное предположение: как всякая специальная информация, данные социологических опросов имеют смысл и значения для очень ограниченных и заинтересованных групп — ученых, политиков, политтехнологов, менеджеров, короче, экспертного сообщества¹¹.

Возникает, однако, вопрос: почему крупные социологические центры широко проводят такого рода исследования? Реальная внутренняя причина (помимо общественной значимости и научной «интересности» социально-политической информации) заключается в том, что именно электоральные исследования позволяют периодически проверять надежность используемых технологий массовых опросов,

¹⁰ Речь в данном случае вовсе не идет о субъективной «порядочности/непорядочности» отдельных исследователей, а лишь об институциональных предпосылках производства социальной информации и знания. Проблема заключается в следующем: существуют или нет внешние стимулы к соблюдению норм исследовательской деятельности и гарантии «объективности» знания, накладываемые только «рынком». Здесь важны не характер политических ориентаций или идеологические пристрастия исследователя, а условия, при которых умножается число партнеров, а соответственно, возникает необходимость в самой структуре объяснительного — теоретического, или описательного — и методического инструментария учитывать множество действующих лиц, их определения и понимание реальности. Ориентация социолога на какой-то один тип заказчика или партнера, репрезентирующего «все социальное целое», например, администрацию, озабоченную проблемами «национальной безопасности», или «лиц принимающих решения», неизбежно парализует собственную работу по когнитивной репрезентации интересов, идей,

ценностей других групп и участников социально-политических процессов, которые собственно и образуют «общество» (а не «государство» как монополию на власть с присущей ей вертикально-командным или распределительным типом отношений). Если этих партнеров или конкурентов нет, то возникает обычная ситуация лукавого оперирования с цифрами, как это было, например, с некоторыми российскими полстерами, проводившими опросы на Украине в период решающих выборов президента в 2004 г.

¹¹ Не говоря уже о том, что фальсификация социологических данных, если бы кто-то на нее и пошел, в отличие от данных избирательных комиссий, представляла бы собой гораздо более трудоемкую (поскольку эта установка исходит из того, что кто-то получает объективные и истинные данные, которые затем надлежит *систематически* фальсифицировать по всем параметрам опросов) и трудно реализуемую процедуру, нежели получение собственно достоверной информации.

корректировать их, добиваясь оптимальной адекватности получаемой информации. Никакая другая инстанция или источник информации (включая данные Госкомстата России или результаты переписи населения) не может служить абсолютным мерилем качества собираемых в ходе массовых опросов сведений.

Результаты ведущих социологических служб в общем и целом близки друг другу и, как правило, согласуются между собой, а при обычных электоральных опросах приближаются к некоей величине, не слишком отличающейся от статистически допустимых колебаний. Для специалиста здесь нет ничего удивительного, поскольку электоральные опросы довольно просты и единообразны по своей технологии. Будучи однажды разработанными, опросные технологии могут легко тиражироваться и использоваться другими участниками уже без особого труда. Для их проведения требуется лишь элементарная социологическая грамотность, четкая организация и профессиональная дисциплина при проведении опроса, правила которых изложены в доступных для всех учебниках социологии. Кроме того, имеет смысл указать еще на две особенности отечественной социологии, способствующие сближению получаемых результатов:

1. Все крупные социологические центры, проводящие *репрезентативные* общероссийские исследования, работают на одной общей сети опорных региональных баз интервьюеров, созданной Б.А. Грушиным во ВЦИОМе (еще для всего СССР) в 1988–1990 гг.¹² Это был первый в стране и единственный до сих пор опыт формирования структуры такого рода, без которой реализация крупномасштабных проектов просто невыполнима. Техническая проблема существования этой сети, как всякой динамической структуры, заключается в том, что сеть может существовать только в непрерывном функционировании (как велосипед в движении) — в противном случае обученные и работающие интервьюеры, составляющие внештатный персонал региональных отделений, уходят в поисках другой работы. Вместе с тем ни одна из существующих организаций не в состоянии в одиночку держать эту сеть, полностью загружая ее своей работой, только своими заказами (обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии монополистов на этом рынке). Большинство прежних вциомовских отделений в регионах, ставших юридически самостоятельными предприятиями, выполняют в своей области заказы на проведение опросных работ для самых различных организаций и

¹² Б.А. Грушин был первым, кто начал еще в советское время исследования общественного мнения и чьими усилиями много лет пробивалась идея ВЦИОМа. См.: Грушин Б.А. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» //

Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1 (63). С. 60–74; Он же. Медленный взлет и стремительное падение ЦИОМ ИКСИ АН СССР // Вестник общественного мнения. 2003. №1 (67). С. 68–72.

заказчиков. В целом такой порядок обеспечивает сравнительно приемлемое качество сбора первичной информации.

2. Методическая база (система диагностических вопросов для электоральных и политических опросов) была разработана сотрудниками ВЦИОМа в самом начале 90-х гг. В значительной степени она представляет собой адаптацию к советским или позднее — к российским условиям общепринятых в мировой практике процедур электоральных опросов. Но помимо этого она включала в себя программное сочетание опросов двух разноцелевых типов — длительных и оперативных («Мониторинг» и «Экспресс», предназначенных для отслеживания, соответственно, актуальных реакций населения и глубинных изменений в обществе). Это сочетание непривычно для западной социологии, поскольку оно включает как регулярные социально-политические полстерные замеры, так и исследования фундаментально-академического характера. К числу последних относится изучение экономического поведения, субъективной стратификации, повседневных проблем семьи, занятости, структуры потребления, стратегий адаптации к изменениям, психологического самочувствия, этнической идентичности, динамики ксенофобии, миграции и пр. В дальнейшем эти методики лишь незначительно менялись в соответствии с обстоятельствами предвыборных ситуаций. «Идеология» этих массовых опросов (рейтинги лидеров и партий, доверие к институтам, важнейшие события, отношение к тем или иным политическим акциям, оценка собственной активности и т. п.) практически не менялась на протяжении 15 лет, а потому легко транспонировалась в стандарты полстерной работы. Естественно, что в самые первые годы она автоматически была принята и в ФОМе, бывшим составной частью ВЦИОМа¹³, а затем — по мере публикации этих данных и методик — как в широкой прессе, так и в отдельных монографиях, в начавшем выходить с весны 1993 г. «Мониторинге общественного мнения» и т. п. Так или иначе, с сопротивлением, с критикой, осуждением и т. п., эти схемы и методики исследований с несущественными изменениями были приняты другими полстерами и фирмами, ведущими социально-политические исследования¹⁴.

¹³ ФОМ был образован весной 1991 г. в качестве одного из подразделений ВЦИОМа или его дочерней организации, однако вскоре его сотрудники предпочли самостоятельное существование.

¹⁴ См.: Общественное мнение в цифрах: Информ. изд. Вып. 1. М.: ВЦИОМ, 1989. Это издание было продолжено другим, первый номер которого вышел в марте 1993 г. (см.: Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информ. бюлл. М.: Интерцентр-ВЦИОМ, 1993). См. также: Есть мнение! Итоги

211 Лев Гудков

В ОТСУТСТВИИ «ОБЩЕСТВА»

Расхождения между данными, получаемые социологическими центрами, ведущими регулярные социально-политические или электоральные исследования, объясняются в первую очередь особенностями применяемого ими статистическо-математического аппарата (ноу-хау каждого центра при составлении своих выборок, процедурах взвешивании полученных из поля результатов), хотя очень важное значение имеет также специфика организации и качество контроля собираемой информации. Поэтому главные различия между разными исследовательскими центрами заключаются в характере *интерпретации* эмпирических данных, глубине теоретического осмысления полученного материала, которое мало зависит от субъективных намерений представителя той или иной опросной фирмы, а определяется общими программными задачами соответствующего коллектива, этосом исследовательской деятельности, его установками на тип внешнего партнера и заказчика. Признавая близость различных центров в технологии и организации проведения исследований, следует подчеркнуть принципиальные расхождения в понимании ими своих задач, что отражается в конечном счете на глубине и своеобразии концептуальной интерпретации эмпирического материала. И первое, что здесь приходится сказать (и с чем будут вполне согласны ведущие российские социологи, вне зависимости от места их работы): *абсолютное большинство исследовательских организаций, использующих социологические средства сбора информации* (массовые и экспертные опросы, фокус-группы, глубокие интервью и т. п.), *в строгом смысле не являются социологическими*. Линия дифференциации здесь проходит не по масштабу опросной деятельности, характеру финансирования или обеспечения, а по ее смыслу и значению самой исследовательской работы.

В России плохо понимают принятое во всем мире строгое различие между полстерами и социологами, опросами общественного мнения (или, как их называют в Германии, «демоскопией»¹⁵), с одной стороны, и собственно социологией — с другой, которая имеет статус строгой и объективной академической дисциплины, не важно, заняты ли ее специалисты чисто теоретическими и историческими разработками или эмпирическими полевыми исследованиями. Суть различия заключается в том, что первые фиксируют коллективные представления (public opinion), не ставя своей задачей последующего подробного их анализа (хотя полученные ими данные могут использоваться в дальнейшем и политиками, и журналистами, и маркетологами), социологи же решают собственно социологические задачи, описывают сами социальные феномены, разрабатывают теоретические и концептуальные

одного социологического опроса. М., 1990; Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993 и др.

¹⁵ Именно такие исследования проводит, например, знаменитый Институт в Алленсбахе, возглавляемый Э. Ноэль-Нойманом, корпорация ЭМНИД; в США — корпорации Гэллага, Ропер-Старч и др.

конструкции, позволяющие фиксировать новые явления и объяснять их структуру, динамику, функциональное значение и т. п. Оба этих типа исследовательских организаций имеют разную философию, институциональную природу и историю своего развития, разные коммуникативные аудитории и партнеров, разные формы своего обеспечения и поддержки, разный характер авторитетности. Если в первом случае «общественное мнение» как социальный институт является частью *политической системы демократии*, элементом контроля гражданского общества над политической системой, то социология — необходимым звеном и инструментом когнитивного самопознания общества. Но в России (как и в некоторых других странах Восточной Европы, переживающих трансформацию посттоталитарных режимов) ситуация оказалась гораздо более запутанной (и плохо сознаваемой действующими лицами).

Социология в СССР (я имею в виду сравнительно поздний период — 60-е гг.) возникла как средство обеспечения обратной связи между властями и населением страны. Потребность в ней появилась после того, как практика массового террора была ограничена и заменена (в интересах самосохранения номенклатуры) профилактическими репрессиями против отдельных категорий или групп населения. В результате эффективность государственно-политического и хозяйственного управления начала быстро падать. Объясняется это тем, что из системы оказался изъят важнейший институциональный компонент тоталитарной системы. Что и явилось причиной нарастающих дисфункций и последующего разложения режима — склеротизации каналов вертикальной мобильности, скрытой децентрализации, формирования неформальных связей и коррупции и пр. Необходимость дополнить командно-административные методы господства и управления «материальными стимулами» вызвали к жизни целый ряд академических институтов (ИКСИ, ЦЭМИ и др.), в которых доминировала проблематика «труда», «управления», «эффективности партийно-идеологической и воспитательной работы» и «контрпропаганды». Поэтому социология здесь была (а для академических или университетских центров в значительной степени и остается) исключительно государственно-ориентированной, хотя в рамках отраслевых ведомств и учреждений возникали возможности альтернативных исследований и разработок, предназначенных для оптимизации групповых или региональных интересов (то была протоформа «общества»). Жизнь собственно «социума» (подавленного и репрессированного гражданского общества) в это время не находила соответствующих интеллектуальных форм выражения, она никак не могла быть представленной в теоретических конструкциях научного исследования советского времени. При такой организации науки, для того чтобы получить необходимую «дискурсивную форму», социальная проблема должна быть переведена на язык «озабоченной государственной власти». Только так какие-то смысловые

вопросы могли получить санкцию «научности». Такое суженое понимание социологии оказало крайне негативное воздействие на ее внутреннее развитие. Заимствованию с Запада мог подлежать лишь технический, методический инструментарий сбора информации (организации и проведения эмпирических исследований), а теория, методология, предметный и концептуальный арсенал социальных дисциплин должны были быть отвергнуты в принципе¹⁶. Такое положение вещей, сложившееся в советском обществоведении, привело к полной творческой кастрации слабых и зависимых социальных наук (последствия которой будут ощущать еще, как минимум, одно-два поколения ученых). Хотя в конце 80-х гг. существовало уже более десятка довольно крупных академических институтов по социальным наукам, их научная стерильность не позволила выдвинуть за все время существования ни одного сколько-нибудь заслуживающего внимания исследовательского проекта или теоретической идеи. Как оказалось, у абсолютного большинства «обществоведов» и «социологов» к моменту распада СССР «в столах» не было никаких концептуальных заготовок или разработок¹⁷. Не велось никакой внутренней, самостоятельной, не инициированной сверху работы по анализу природы советского общества или освоению западного наследия, отсутствовали какие-либо теоретические заготовки или интерпретации. Сама по себе независимость от власти, разумеется, еще не гарантирует научных инноваций или заметного прогресса в науке. Но она в наших условиях является условием социальной дифференциации, а стало быть — и возможного появления сильных ценностных стимулов к интеллектуальной работе.

Более свободными в концептуальном и прикладном плане были исследовательские подразделения при различных отраслевых и ведомственных институтах (проектных организациях, центрах информации, планирования, криминологии, городского управления, дизайна, книжного и библиотечного дела, суицидологии и пр.). Здесь было легче в финансовом отношении, вертикальный контроль был не таким жестким, как в академии или вузовской науке. Там социологам приходилось взаимодействовать с учеными и специалистами смежных областей знания, например, с экономистами, а значит — сильнее ощущалось предметное давление чужих дисциплин, где стояли реальные социальные проблемы, требовавшие уже собственной социологической интерпретации (и, соответственно, где слабее ощущался идеологический контроль¹⁸). Поэтому неслучайно, что обеспечение последующих

¹⁶ Сегодня эта линия социологической работы — отрыв теории от эмпирических исследований — воспроизводится подавляющим большинством российских социологов и полстеров.

¹⁷ Этого нельзя сказать, например, о философии, достоинство которой защитил М. Мамардашвили,

или об экономистах, накопивших некоторый опыт изучения стран с «переходной» экономической и политической системой.

¹⁸ Как ни покажется странным, но, например, в 70–80-е гг. специалисты из НИИ МВД или НИИ прокуратуры были гораздо свободнее в

реформ и процессов трансформации взяли на себя экономисты из наиболее продвинутых и наименее идеологизированных институтов и учреждений.

После краха коммунистической системы, устранения цензуры и идеологического диктата в сфере социальных исследований возникли совершенно новые задачи эмпирического изучения посттоталитарного общества, для решения которых не было ни соответствующей концептуальной, ни методической базы¹⁹. Государственно ориентированная социология оказалась не в состоянии выдвинуть ни одной концептуальной или тем более теоретической задачи, которая была бы связана с эмпирическим изучением российского общества. Эти вызовы более или менее ощущали специалисты (вне зависимости от своей ведомственной принадлежности), составлявшие периферийную по отношению к плановой работе академических институтов интеллектуальную среду социальных наук. Ответом на них и стало быстрое возникновение после 1991 г. независимых научных центров, имеющих самую разную природу и источники финансирования или обеспечения. Они могли возникать в рамках старых академических структур или основываться на «чистом месте» — важно лишь, что они располагали другими источниками поддержки. Это процесс шел не только в науке, но в образовании, где точно так же возникали новые и независимые от государства институты (таков, например, Институт европейских культур при РГГУ или Московская школа социальных и экономических наук, возглавляемая Т. Шаниным, и многие другие).

Новые центры оказались гораздо более открытыми в концептуальном и теоретическом плане, чем академическая или университетская среда, зависящая только от одной инстанции контроля — своего

обращении с разнообразными теоретическими и методологическими подходами в социологии (особенно в областях, примыкающих к проблематике девиантного поведения, аномии, преступности, социальной дезорганизации — классических предметах социологического дискурса), более осведомленными в западной литературе, нежели сотрудники академических институтов, повязанных необходимостью «долбать» зарубежных авторов за «отсутствие» понимания классовой природы правонарушений и т. п. Другое дело, что работы этих специалистов, включая и диссертации, опирающиеся и на ведомственную статистику, и на текущую иностранную литературу, никогда не выходили к публике, будучи надежно закрытым грифом «Для служебного пользования».

оказалась в тупике уже к 1968 г., не будучи в состоянии описывать факторы изменения тоталитарных режимов. Причина этого состояла в том, что к тому времени еще не был накоплен соответствующий исторический материал. После же 1989 г. уже не было нужды для такого описания, поскольку коммунистические режимы разваливались один за другим. На повестку дня встали концепции «перехода» — редуцированные варианты запаздывающей или догоняющей модернизации, но они были хороши в качестве политологических рецептов или политической риторики, но для дескриптивной или аналитической работы явно не подходили. Лишь проблемы неудачи реформ, инерции советских институтов и главное устойчивость культурно-антропологического типа человека, сложившегося в советское время, заставили заново пересмотреть теоретический арсенал исследования постсоветских обществ.

¹⁹ Разработка концепций тоталитаризма (как системы специфических институтов, «тоталитарный синдром» К. Й. Фридриха и З. Бжезинского)

бюрократического начальства, не испытывающая потребности в дискуссиях, полемике, конкуренции. Поэтому для независимых институтов потребность в междисциплинарной коммуникации и кооперации с внешними партнерами была гораздо важнее, чем внутридисциплинарные связи с «коллегами-социологами». Здесь значимы прежде всего организационно-финансовые причины: имея разные источники финансирования, разные типы исследовательской работы, они *вынуждены были* учитывать в своей работе взгляды *разных партнеров*, апеллировать к *разным группам общества*, сталкиваться с *разными публичными позициями*, а соответственно, оказались перед необходимостью эксперимента и постоянной перепроверки своих исходных инструментов и гипотез, их адекватности, надежности, результативности, поскольку в противном случае возникала опасность догматической склеротизации принятых оснований и подходов, что грозило потерей научного авторитета, а в конечном счете отказом от исследовательского партнерства, от предоставления грантов или утратой положения на рынке²⁰. Но это же обстоятельство создавало условия для внутренней свободы и способствовало быстрой рецепции западного опыта. Будучи негосударственными организациями, в этом плане — не обеспечиваемыми бюджетом, новые исследовательские центры и институты были вынуждены для самосохранения резко интенсифицировать свою работу, вести исследования в очень широком тематическом диапазоне, ставить новые задачи, о которых подконтрольная советская наука даже не решалась думать.

Примером такого центра и был ВЦИОМ²¹. Уникальность ВЦИОМа в первые годы его существования определялась совершенно

²⁰ Говоря о *новых* социологических центрах, я имею в виду в первую очередь, конечно, центры, занимающиеся массовыми систематическими опросами общественного мнения, хотя их работа не сводится только к изучению общественного мнения или к электоральным опросам (в прессе под социологией понимают, как правило, только эти формы получения социальной информации, что неверно). К успешным работам подобного рода можно отнести и изучение миграционных потоков, прогнозирование этнической напряженности, экономических процессов, ценностных представлений населения и пр. Именно на эмпирических исследованиях социальных процессов проверяется качество организации и надежность тех или иных методик. И надо сказать, что за 10–12 лет здесь достигнут существенный прогресс. Разработаны совершенно новые для нашей страны техники социологического наблюдения, вроде уникальной программы «Мониторинг социально-экономических перемен», который сначала ВЦИОМ, а затем Левада-Центр ведет уже больше 12 лет (с февраля 1993 г.). Эти программы принципиально

изменили представление о характере социологических наблюдений. Другой пример успешного многолетнего систематического наблюдения дает реализация многолетней программы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (The Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS)), действующая с 1992 г. Она создана при непосредственном участии (и инициативе) Майкла Сваффорда и координационной помощи Университета штата Северная Каролина (а также при содействии многих российских исследовательских организаций), но осуществляется сотрудниками Института социологии РАН. В отличие от нашего «Мониторинга», RLMS представляет собой *панельное* исследование (т. е. повторяющиеся опросы одних и тех же индивидов и семей по проблемам семейных доходов и потребления, здоровья, сексуального поведения и т. п.), что придает особую сложность его проведению.

²¹ ВЦИОМ был создан в декабре 1987 г. решением Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР, но развернул свою работу лишь к 1989 г., после

необычным характером тех задач, которые поставили себе исследователи, собранные вместе Т. И. Заславской, его первым директором: описать и проанализировать характер трансформации советского общества, факторы развития (изменения в ценностях, мотивации, образах жизни, роль «элит» и т. п.), а затем, когда стал проступать ограниченный характер этих изменений, — механизмы и основания консервации перемен, причины сопротивления изменениям, лежащие в специфической антропологии советского человека, адаптировавшегося к репрессивным институтам и выработавшего определенную стратегию выживания ценой снижения самих запросов, формирование специфической цинической культуры и т. п.

Известное противоречие в самой структуре ВЦИОМа, ориентация на проведение полстерных исследований и на собственно социологическую работу с помощью полстерных техник сбора информации обнаружилось довольно рано. Первая модель была более значима для Заславской и Левады, вторая — для Грушина. Дело не в субъективных представлениях, а в самом типе ориентаций исследователей. Последующее развитие центра показало, насколько трудно сочетание этих двух задач: уже через три года после начала и развертывания исследований произошло разделение ВЦИОМа и ФОМа, а еще позже Б.А. Грушин создал свою собственную фирму Vox Populi. Если в первом остались главным образом социологически ориентированные специалисты, занимавшиеся не только политическими, но и экономическими или культурными проблемами трансформации советской системы, то в ФОМе остались сотрудники, не связанные с академической тематикой, в первую очередь это сотрудники функционально-технических служб. Президент ФОМа А. Ослон возглавлял во ВЦИОМе отдел обработки данных, директор по исследованиям ФОМа Е. Петренко была зав. группой выборки, М. Тарусин, работавший до недавнего времени в «Ромир мониторинг», точно так же возглавлял отдел организации опросов, то же относится и к Л. Блехеру, и некоторым другим сотрудникам ФОМа; В. Гродский (бывший сотрудник отдела обработки ВЦИОМа) сегодня — один из руководителей «Гэллап-медиа» и т. п. Можно сказать, что эти две внутренние тенденции социальных исследований были тогда разведены и организационно, и человечески.

В этом отношении, несмотря на свое внешнее сходство, ФОМ и Левада-Центр принципиально различаются, поскольку ФОМ — это в первую очередь полстерная фирма, ориентированная на коммерческие задачи, включая информационное обслуживание федеральных властей (или как это называют руководители фирмы — «лиц, принимающих

того как усилиями Б.А. Грушина была создана по всей стране сеть отделений, что позволило проводить общенациональные опросы, репрезентативные и исследования.

решения», политтехнологов из Администрации Президента РФ), в то время как значительная часть сотрудников Левада-Центра принципиально сохраняет в структуре своей деятельности задачи теоретического плана (анализ антропологии посттоталитарного человека, трансформации институциональной структуры российского общества, специфики механизмов интеграции, динамики культурных процессов и т. п., близких, по сути, целям академических институтов²²).

Но и в этом заключается существенное изменение ситуации по сравнению с советским временем — власти в прямом и скрытом виде сегодня уже не являются единственными заказчиками для исследователей. Дело не в том, какой интерес проявляют власти к собственно социологической работе или как они используют полученные данные, насколько они контролируют задачи полстеров или социологов, а в том, что их стерилизующий эффект перестал действовать, как только они оказались не *единственной* инстанцией, на которую ориентируются исследователи, от кого ждут постановки задач и, соответственно, определения характера и целей исследовательской работы. Развитие социологии (в том числе и эмпирической социологии) определяется множественностью коммуникативных связей и групп интересов, т. е. — если очень схематически и упрощенно — структурой «общества», возникающего именно как система этих взаимосвязей. Появление разнообразных заказчиков социологических исследований является симптомом возникновения «общества» как такового, пусть даже в самом элементарном виде множества экстранаучных партнеров исследователя, чьи интересы, ценности и перспективы он вынужден учитывать.

Кто сегодня является таким партнером (и заказчиком эмпирических работ)? Если брать только плоскость социально-политических разработок, то здесь следует назвать политические партии, общественные фонды, средства массовой информации, научные и общественно-благотворительные фонды, предоставляющие гранты на проведение значимых для их программы исследований, зарубежные исследовательские организации, в том числе проводящие международные сравнительные исследования, западные университеты, международные организации и крупные корпорации, финансовые структуры, заинтересованные в получении объективной аналитической информации о

²² Это не случайная и не вкусовая вещь, а принципиальная программная установка Ю.А. Левады — идея глубокого социологического изучения советского общества, инициированная им еще в конце 60-х гг. в возглавляемом им секторе «Методология исследования социальных процессов» ИКСИ АН СССР, продолженная на его семинаре, существовавшем с перерывами более 20 лет, и реализующаяся теперь в практике собственно эмпирических социальных исследований. Основу

его «команды» (Левада-Центра) составляют люди, работавшие с ним еще в те годы, или участники неформального семинара, имеющие общие концептуальные и теоретико-методологические взгляды (в парадигматическом плане я бы назвал принятый здесь подход синтезом структурного функционализма, социальной антропологии и понимающей социологии; именно эти теоретические школы были предметом особого внимания сотрудников его сектора).

218 Мыслящая Россия
III. Общество

положении дел в разных странах и т. п.²³ Иначе говоря, слабость гражданского общества в России отчасти компенсируется в данном отношении влиянием мирового сообщества. Критерии оценки, которые они предъявляют к нашим исследованиям, намного выше тех, что были еще 15 лет назад.

Эти сдвиги привели и к изменению программы деятельности академических институтов, в работе которых центральное место заняли вопросы приватизации, реформирования социальной политики, формирования среднего класса как опоры нового режима, другие проблемы «транзитологии», т. е. поиск доказательств соответствия социальной реальности политическим декларациям правительства. Правда, концептуальная и теоретическая работа в нынешней академической социологии свелась к переносу общих сведений из истории дисциплины или краткому пересказу западных учебных пособий, инкрустированному цитатами недавно переведенных модных авторов. Такой подход делает интеллектуально невозможной постоянную, черную, но крайне необходимую работу по анализу понятийного инструментария, которым оперируют социологи²⁴. Другими словами, изложение западных теорий шло само по себе, предметное изучение российского общества — само по себе. Тем самым вне поля внимания и изучения оказалось все то, что и составляет своеобразие институциональной системы, тоталитарное и патерналистское прошлое российского общества-государства, тип человека, приспособляющегося к меняющимся формам насилия, циническая культура и т. п., а вместе с тем — стерилизованы возможности рационализации или рефлексии состояния самой социологической работы в России.

Нежелание касаться этой кардинальной тематики — табу на осмысление государственной организации насилия (его последствий для структуры личности, понимания цинического характера складыва-

²³ Зарубежные фонды поддерживают проекты нескольких направлений, в целом лежащих в русле концепции «исследования перехода» (Transition Studies): развитие гражданского общества и его структур, проблем малого бизнеса, свободы СМИ, положения меньшинств (дискриминируемых или уязвимых групп), религии, этнические отношения идентичность, этническая культура и дискриминация, права женщин, экологическая обстановка, проблемы бедности или, напротив, среднего класса, проблемы образования, здоровья, репродуктивного поведения, насилия в семье, молодежи (довольно часто это будут междисциплинарные исследования по одной технологии и методической базе) и т. п. Самые важные и эффективные фонды в России — это фонд Дж. и К. Макгартура, фонд Форда, фонд Вольксвагена, фонд Эберта, программа Евросоюза ТАСИС и др. Широким и успешным является также сотрудничество

отечественных исследователей с зарубежными университетами — американскими, британскими, немецкими. О роли зарубежных фондов см.: Батыгин Г. С. Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005. С. 323–340; Козлова Л. А. Изменение структуры финансовых инвестиций и личных доходов в российских социальных и гуманитарных науках, 1990 — начало 2000-х годов // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 341–384.

²⁴ Почти единственным в своем роде примером работы высокого класса может служить недавно вышедшая монография руководителя сектора элит ИС РАН О. Крыштановской, в которой она подводит итоги своей 15-летней работы над темой «Анатомия российской элиты» (М., 2005).

ющей в этой связи культуры, процессов психологической адаптации к произволу и многообразнейшие формы его идеологической защиты и человеческого самооправдания) ведет к крайне поверхностному представлению об интеллектуальных ресурсах современной социологии и социальных наук в целом. Ознакомлению подлежат работы лишь новейших и только модных, а потому и переведенных по конъюнктурным соображениям зарубежных авторов. «Слепым пятном» исследовательской оптики и сознания российской социологии является все, что относится к тоталитарному прошлому страны: антропология советского человека, имперские традиции, культура патернализма, т. е. сам характер крайне репрессивного и внутренне агрессивного общества. Попытка уйти, не замечать это прошлое, акцентируя нынешнюю тематику «транзитологических подходов» или опасности глобализации для России, оборачивается возрождением геополитических идеологических конструкций о месте и приоритетах России как великой державы. Социологические журналы и учебники полны разнообразными рассуждениями об «особости российского пути», с одной стороны, и навязчивыми попытками измерить, насколько мы соответствуем параметрам «нормальной цивилизованной страны» — с другой. Кроме того, номенклатурный характер политики, проводившейся российскими властями после кризиса 1998 г., уже не требовал специфических социологических знаний — новый режим, возникший с приходом Путина, не нуждался в глубоком социологическом изучении общества. Но, как оказалось, полстерная информация пользуется большим спросом.

Полстерные исследования стали служить основой для быстро развившейся в самом конце 90-х гг. и начале XXI в. политтехнологической работы по обеспечению поддержкой населения той или иной фракции власти или администрации в регионах. Обширный рынок для такой деятельности по работе с общественным мнением, социально-политических опросов и т.п. стал возникать одновременно с кризисом «демократических партий» и реваншем номенклатуры. Спрос на информацию независимых центров продолжался еще некоторое время, пока не установился путинский режим «управляемой демократии» и не были вытеснены партии, не солидарные с правящей элитой (бюрократически-номенклатурным монстром «Единой Россией»). Начиная с 2000 г. российский парламент шаг за шагом терял свое значение, усиливалась роль внеконституционного давления на избирателей в виде административного ресурса, и, соответственно, падал спрос на собственно электоральные и политические опросы — ситуация становилась все более и более одномерной. Но в собственно научном плане исследования этого рода оказывались все менее и менее интересными и информативными: уже в начале XXI в. был накоплен некоторый критический порог новизны, расстановка сил определилась, и дальнейшее накопление материала без принципиально нового его осмысления лишь создавало обманчивое впечатление очевидности и внятности

220 Мыслящая Россия
III. Общество

того, что происходит²⁵. Иначе говоря, полстерные (а в наших условиях — это ориентированные на тех, кто сегодня обладает монополией на власть) исследования, являющиеся наследниками государственнической социологии советского времени, ее духа, в этом смысле исчерпали свой объяснительный потенциал, вне зависимости от того, кто проводит подобные зондажи и замеры.

Тем не менее, подводя итоги пятнадцатилетию российской эмпирической социологии, можно сказать, что хотя и медленно, но все же идет процесс аналитического социологического описания действительности российского общества. Сегодня никто уже не может утверждать, что постсоветское общество — это одно сплошное белое пятно на социальной карте, как это было еще два десятилетия назад (и чем отчасти объясняется крах реформаторских начинаний того времени). Сегодня встают другие задачи, но они связаны уже не столько с развертыванием эмпирической социологии, сколько с необходимостью теоретической работы по осмыслению институциональной структуры и культуры, глубинных традиционных пластов сознания постсоветского человека.

²⁵ См.: Левада Ю. Парадоксы и смыслы «рейтингов». Попытка понимания // Вестник общественного мнения. 2005. № 4 (78). С. 8–18.

Виктор Воронков

ЧЕМУ АЛЬТЕРНАТИВНА «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ» СОЦИОЛОГИЯ?

Что-то должно было появиться. Проект введения единомыслия в советской социологии был заведомо обречен на неудачу. Конечно, в официальной публичности «марксистско-ленинская социология» господствовала безраздельно. Все прочее было допущено только в форме «критики буржуазных учений» теми редкими обществоведами, которым было дозволено читать западную литературу в «спецхране». Из приводимых критиками цитат мы могли только смутно догадываться об идеях, которые дискутировались на мировой социологической сцене.

«Реальная» же жизнь абсолютного большинства социологов-эмпириков была далека от теоретических размышлений. Формально истматовские догмы безусловно должны были присутствовать в текстах, которые проходили обязательную цензуру. Но, честно говоря, редкий исследователь морочил себе голову связью результатов собственных опросов с социальной теорией, в которой он, кстати, особенно и не разбирался. За ритуальными ортодоксально марксистскими формулировками скрывалась теоретическая эклектика.

Когда режим пал и социологи получили возможность «накопец-то» себя проявить в новых интересных исследованиях, то выяснилось, что проявлять-то, собственно говоря, нечего. Методологической базой для исследований стал явочным порядком структурный функционализм, хотя он был методологией эмпирических исследований и в советское время. Ничего принципиально не изменилось в самих эмпирических исследованиях. Однако их качество резко снизилось по сравнению с недавним прошлым: методические документы составлялись небрежно, требования выборки часто не соблюдались, контроля за процедурами не было. Отсутствие бюджетного финансирования стало причиной снижения количества эмпирических исследований вообще.

Зато стали развиваться исследования общественного мнения, которые были востребованы разными группами политических интересов, а чуть позже серьезным источником дохода для социологов стал маркетинг. Все та же советская социология сменила знамена, но не содержание. Может быть, перестала только быть исключительно идеологией и стала больше претендовать на то, чтобы считаться наукой. По мере знакомства с зарубежной литературой стало понятным, что социологию в советском исполнении вряд ли возможно интегрировать в мировую науку.

К началу 90-х гг. поле социологии выглядело следующим образом. Чуть ли не все значимые для советской социологии исследования делались сотрудниками Института социологии РАН и его ленинградского филиала. На глазах завершала свое существование «социология труда», опиравшаяся на обширные сети «рабочих социологов» в разных городах страны. «Периферийная» социология сошла на нет из-за отсутствия средств и отъезда ведущих ученых в столицу (особенно наглядный пример Новосибирска). Некоторое число известных социологов было разбросано по другим — в основном московским — институтам.

Только появившиеся факультеты социологии в московском и ленинградском университетах мало что значили для науки. Во-первых, там практически не проводилось эмпирических исследований. А во-вторых, доминировали там не социологи, а профессура, пришедшая из идеологических дисциплин, прекративших свое существование вместе с режимом. Академических ученых допускали к преподаванию крайне неохотно. В провинциальных вузах социология была представлена лишь считанными именами, которые имели какое-то значение для профессионального сообщества. Сугубо профессиональный журнал («Социологические исследования») был единственным в своем роде и отличался повышенной политической ангажированностью.

Итак, организационная структура в социологии выглядела так же, как и в других науках. Формальные роли были жестко предписаны. «Фундаментальными» исследованиями занимались академические институты, прикладными — в основном так называемые «заводские» социологи (практически же все, кому посчастливится поучаствовать в «пилении» бюджета), а вузы занимались обучением, воспроизводя собственную среду. Профессиональное сообщество распалось на множество малосвязанных между собой фрагментов. Хотя формально социология в России уже, разумеется, советской себя не именovala, однако все родовые черты последней (ангажированность и партийность — теперь многопартийность, отделение преподавания от исследований, слабое знание социальной теории и отсутствие к ней интереса, приоритет общественной актуальности перед научной, неразвитость дискуссии, отсутствие рефлексии, жесткая формальная иерархия, абсолютизация количественных методов, господство структурного функционализма в методологии) сохранились и не претерпели существенных изменений.

Когда я говорю о советской социологии, то речь идет, конечно, о доминирующих ее чертах и тенденциях. Не думаю, что в развитии количественных методов советские исследователи сильно отставали от запада. Находясь под жестким надзором цензуры, они занимались бесконечным совершенствованием собственно измерительного инструмента. Качественные методы практически не использовались, поскольку исследования, проведенные с их помощью, трудно было контролировать (методики и инструментарий массовых опросов обязательно

санкционировались партийными органами). Но и здесь мы знакомы с отдельными попытками вырваться из доминирующей парадигмы (например, известное исследование Андрея Алексеева, первого применившего метод участвующего наблюдения в буквальном его смысле)¹. Что объединяло всех советских социологов, так это вера в то, что их деятельность поможет власти реформировать общество на пути к светлому будущему.

Обсуждая альтернативу в развитии социологии в России, я акцентирую внимание на трех аспектах: институциональном, кадровом и методологическом.

Институциональная альтернатива

Целый ряд обстоятельств способствовал, на мой взгляд, поиску новых путей в социологии. Свобода исследования, дискурсивная открытость, поиск идентичности, обсуждение этического кодекса социолога, лавина переводной литературы, тесные контакты с зарубежными учеными, пересмотр роли науки — дух захватывало от новых перспектив. В то же время радикальная трансформация общественных отношений в период перестройки, гигантский прирост новых социальных практик в позднее советское время практически не стали предметом исследований в рамках официальных институтов (если, конечно, не относиться серьезно к бесчисленным опросам «общественного мнения»).

Появление альтернативы связано во многом с сохранением жестких формальных рамок советской организации науки на фоне новых возможностей, связанных с иными практиками и иными научными претензиями. «Государственная» наука не поспевала за быстрыми социальными изменениями, по-прежнему планируя исследования на пять лет вперед и требуя соблюдения этих планов. В этих планах предполагалось еще долго исследовать те социальные феномены, которые на глазах исчезали, в то время как новые практики, которые были особенно привлекательны для социологов, не были да и не могли быть приняты во внимание. Начался поиск новых институциональных возможностей для удовлетворения нового исследовательского интереса (стратегии выживания, биографический опыт, интерес к идентичности, изменения в социальной структуре, общественные движения, неформальная экономика, изменения повседневности, гендерные проблемы).

Характерно в этом смысле становление «незримых колледжей» — неформальных сетей между исследователями из различных институтов, идентифицирующих себя нередко с разными социальными дисциплинами, но объединенных схожими научными интересами.

¹ См.: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Санкт-Петербург: Норма, 2003.

Первая такая сеть — секция исследователей общественных движений при советской социологической ассоциации — возникла в 1988 г. в Ленинграде. Она была сформирована социологами, которые приняли активное участие в социальных движениях того времени и которые представляли маргинализированное поколение сорокалетних, особенно заинтересованное в радикальных изменениях. Из этой среды впоследствии вышел целый ряд видных социологов.

Одновременно новые правовые возможности позволили зарегистрировать первые независимые исследовательские центры, которые занялись отслеживанием происходящих изменений (наиболее известный пример — ВЦИОМ, переименованный позже в Левада-Центр). К сожалению, большая часть деятельности таких центров постепенно сосредоточилась на обслуживании либо государственных институтов, либо политических организаций, либо на работе непосредственно на рынке заказов, так что их деятельность лишь в небольшой части можно отнести к научной. Редкие исключения (например, санкт-петербургский Центр независимых социологических исследований — ЦНСИ) связаны с решительной ориентацией исключительно на международный рынок грантов на научные исследования.

Первое время сотрудники академических институтов и вузов, которые реализовали свои авторские проекты, не могли заставить себя разорвать пуповину, связывавшую их с теми государственными институтами, где они продолжали работать. Но через несколько лет, поняв, что независимость дает большие преимущества в самореализации и в заработке, эти исследователи ответили на вызов эпохи не по-советски — ушли в свободное плавание. Конечно, независимые институты столкнулись с неизвестными ранее рисками. Они были практически отрезаны от бюджетных средств, тонким слоем размазываемых государством по множеству традиционных организаций. Время показало, что успешными стали далеко не все. Но те, кто овладел навыками научного антрепренерства, обнаружили достаточно ресурсов, чтобы реализовать свои идеи.

В рамках невидимых колледжей постоянно рождаются новые инициативы. Возникают сети молодых социологов в самых разных тематических направлениях, особенно в новых для российского поля (гендер, биографии и т. п.). Эти социологи выступают уже не как представители «старых» институтов, а как независимые ученые, объединенные общими интересами. При поддержке научных фондов они проводят семинары, конференции и летние школы, которые обычно не связаны с традиционными научными учреждениями. Здесь же осваиваются новые для российской публики социологические категории, рождаются идеи и реализуются проекты без оглядки на прежние и нынешние бюрократические правила. Острый недостаток социологической периодики становится причиной появления новых социологических журналов, идеи которых также разрабатываются в таких сетях.

Огромную роль для развития таких сетей сыграл Интернет. Новые коммуникационные технологии позволили поддерживать эффективную деятельность при минимуме затрат (интернет-журналы, интернет-конференции и т.д.). Социологические сети не замыкаются в рамках отдельных регионов и стран. Они объединяют как отдельных ученых, так и новые исследовательские центры. Сетевая организация науки постепенно разрушает привычные границы между учреждениями и дисциплинами.

Итак, *первой альтернативой* «советской» социологии стала новая организация науки, опирающаяся на независимость, свободный поиск, минимум бюрократии и демократические принципы управления. Параллельно осваиваемый новыми организациями рынок грантов дал возможность для развития на фоне застоя и даже деградации «государственной» науки.

Кадровая альтернатива

В конце 80-х гг. в СССР для западных социологов открылся новый исследовательский рынок, вызвавший живейший интерес как арена быстрых социальных изменений. Многие из этих ученых писали диссертации на свежем и доселе неизвестном полевом материале. Некоторые впоследствии стали партнерами независимых исследовательских центров и отдельных исследовательских групп. Они инициировали проекты, финансово поддерживали их, нуждаясь одновременно в доступе в поле, квалифицированных коллегам. Это стимулировало создание в дальнейшем не только независимых исследовательских центров, но и обновление отдельных сегментов традиционных университетов и институтов (например, появление центра «Регион» при Ульяновском университете). Такое сотрудничество помогало овладевать западной культурой научного труда и быстрее интегрироваться в международное сообщество. Одновременно молодые выпускники российских вузов и студенты получили возможности для получения образования в Европе и США. Многие из них получили магистерские и докторские степени и вернулись в Россию. В России появились первые независимые университеты (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Московская школа социальных и экономических наук), которые готовили специалистов по западным методикам.

Главной проблемой этого нового поколения социологов стал поиск достойного места работы, соответствующего их уровню знаний и умений. Традиционные учреждения их брали весьма неохотно, дабы не сравнивать свою деятельность с иными профессиональными стандартами. Да и сами молодые социологи не рвались в эти институты и вузы с их консервативной атмосферой, отсутствием стимулов для развития и нищенской оплатой труда. Власть повсюду сохранили социологические «генералы», сделавшие свои карьеры в советское время и

всячески стремящиеся защитить завоеванное когда-то в тяжелой конкурентной борьбе. Отсюда берет корни антизападничество, иногда скрываемое, иногда нет, но мысленно объединяющее большинство профессоров в университетах и некоторых академических институтах.

Появление слоя «новых социологов» имело для социологии в России два важных следствия. Первое связано с тем, что независимые исследовательские центры остро нуждались в молодых талантливых и амбициозных людях, которые могли бы работать иначе, нежели ученые с устойчивой советской социализацией. Неявным образом выработался критерий приема на работу: знание иностранного языка и «ни одного дня работы в советской социологии» (хотя последнее требование конечно же не было абсолютизировано). Новые социологи и новые центры нашли друг друга.

Разумеется, многие новые социологи были прописаны и в традиционных государственных институтах. Однако они не стремились особенно интегрироваться в коллективы, живя своей обособленной научной жизнью, поддерживаемой грантами западных фондов и эффективным сотрудничеством с такими же, как они, маргиналами в тех самых «незримых колледжах». Постепенно формировалось сообщество новых социологов, которое не было ограничено российскими государственными рубежами (как это характерно для продолжающей свое существование «советской» социологии), а являлось частью глобального профессионального комьюнити.

Таким образом, *вторую альтернативу* «советской» социологии представляют те исследователи, которые ориентированы на западные профессиональные стандарты и ощущают себя частью мирового социологического сообщества. В подавляющем большинстве они относятся к первому постсоветскому поколению. Однако можно назвать и несколько десятков представителей среднего поколения, которые, несмотря на советскую социализацию, сумели переиграть свою научную карьеру. Этим ученым, обладавшим специфическим культурным капиталом, удалось использовать особый — биографический — капитал. Часто этому способствовала «вовремя» состоявшаяся стажировка на Западе (как у Леонида Ионина еще во времена «застоя») или появление удачных биографических ассистентов из-за рубежа: например, Хилари Пилкингтон для «Региона», Саймона Кларка для сетевого Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), Ингрид Освальд для ЦНСИ. Часто новая научная социализация была связана с зарубежными проектами, реализованными силами российских исследователей. Наиболее яркими примерами могут служить проекты первой половины 90-х гг. Даниэль Берто фактически сформировал сообщество биографических исследователей в Москве. Еще более значимым для российской социологии стал Теодор Шанин, который был отцом-основателем целого ряда московских инициатив, а его гигантский проект по трансформации крестьянства оказал решающее влияние на множество исследователей по всей России.

Методологическая альтернатива

Новое поколение социологов, хорошо знакомых с западной научной дискуссией, искало возможность применить полученное знание для исследований российского поля. Усвоив, что полипарадигмальность вполне нормальна, а поиск единственной истины потерял смысл, они заявляли себя адептами различных подходов, в зависимости от собственного жизненного и исследовательского опыта. Традиционные позитивистские подходы подвергались сомнению, они противопоставляли им новые подходы, повторяя в этом тенденции мировой социологии в запаздывающем режиме («запаздывающая социология»). Расширение сферы исследований, антропологический поворот в социологии, экспансия феноменологии, привлекательность личностно-ориентированной гуманистической социологии — все эти факторы существенно повлияли на методологические приоритеты новых социологов. Методологической основой становится социальный конструктивизм. Наибольший интерес вызывают этнометодология, социальный интеракционизм, феминистская критика.

Две стратегии имели значение для развития альтернативы. Первая — это «съем». Знакомство с западной литературой постоянно соблазняло заимствовать новые идеи. Чаще всего ученый брал вычитанную идею в ее первозданности, упаковывал в нее российский материал и публиковал как собственный вклад в науку. Таким образом «широкие социологические массы» имели возможность познакомиться с новыми идеями.

Другой путь был связан с мучительной рефлексией по поводу собственных эмпирических исследований. Речь шла не только о тематике исследований, но и о неудовлетворенности традиционным использованием количественных методов. Новые объекты исследования сами по себе делали применение анкетных опросов сомнительными. Развитие же так называемых «мягких» методов, которые традиция относилась презрительно к «журналистике», получало поддержку в первую очередь именно в независимых центрах и у «новых социологов».

Глубинное интервью социологи использовали и раньше, хотя и достаточно редко. Целью их применения было исключительно стремление совершенствовать постановку вопросов в последующем анкетировании. Теперь же использование интервью диктовалось совершенно другими потребностями. Исследователь стремился избежать втискивания жизненного мира информанта в прокрустово ложе собственных представлений. Проблемно-ориентированные интервью получили глубину. Стали развиваться биографические исследования. Далее исследователи обратили внимание на методы анализа транскрибированных текстов интервью да и текстов вообще, особенно на анализ дискурса. Прежний контент-анализ уступил место качественным методам анализа текста.

Стирается грань между социологией и социальной антропологией (этнологией) в прежних смыслах этих дисциплин. Новый социолог все чаще использует в своих исследованиях участвующее наблюдение в стремлении глубже понять жизненный мир информантов. Ключевым понятием становится «понимающая социология» с аллюзиями к Макс Веберу.

Огромную роль для развития качественных методов сыграло появление диктофонов и компьютеров. Появилась возможность создавать документы, так что вопросы валидности и достоверности могли быть решены более конвенционально.

Характерно, что адепты новых для российского научного поля идей и подходов вовсе не озабочены их непризнанием традиционными социологическими авторитетами в России. Они больше сверяют себя с собственным исследовательским опытом и развитием западной дискуссии. Типична история с развитием качественных методов. Они возникли явочным порядком и быстро стали завоевывать умы молодых социологов, которые в основу своих исследований клали исключительно качественную методологию. В 1994 г. два авторитетных социолога опубликовали разгромную статью против еретиков². Однако «новые социологи» проигнорировали попытку навязать дискуссию. Им было достаточно того, что они уже были полноправными участниками международного научного сообщества и, помимо того, быстро формировали внутрироссийские сети соратников, где они могли обсуждать свои исследования в среде единомышленников. Тем более, что подобный спор «количественников» с «качественниками» на Западе был завершен еще в 70-е гг. XX в.

Теоретической основой *третьей альтернативы* стали критика позитивизма, развитие новых исследовательских подходов, апелляция к мировому исследовательскому опыту. Включенность в соответствующие международные социологические сети способствовали авторитету и распространению новой методологии.

Обобщения и выводы

1. Все более или менее ясно по поводу того, кто такие «они» для «альтернативных» социологов. Это в первую очередь «советская» социология (читай: идеология), позиция которой в России еще достаточно сильна. Главная оппозиция связана с включенностью/исключенностью в мировую социологическую науку. «Они» воспроизводятся постоянно в вузах и в меньшей степени в академических институтах. Еще долго две ветви социологов будут существовать параллельно — одна

² См.: Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.

на подъеме, другая на излете. Этот процесс начинает напоминать длительное сосуществование палеоантропов и неолитов. «Советские» социологи-палеоантропы не вымрут вместе с последним советским поколением. Их потомки нет-нет да и будут возникать где-то на окраинах социологического сообщества, вызывая всеобщее любопытство, как это происходит с появлением «снежного человека» или — если не уходить далеко от предмета обсуждения — с представителями удивительной паранауки «космической социологии».

«Они» для новой генерации социологов — это также позитивисты, эссенциалисты вообще. Куда сложнее определить, что означает «мы». Я бы отнес сюда социальных конструктивистов, сторонников понимающей социологии. Вообще решающим для объединения здесь является не критерий общности методологических установок, а скорее соображения «против кого объединяемся». Если реконструировать дискуссию в сообществе (в реальности ее почти не существует, как, впрочем, не существует и самого сообщества, которое наблюдаемо лишь в виде мало связанных между собой фрагментов), то явно заметны попытки упростить ситуацию, просто противопоставив качественные и количественные методы исследования. (Я бы предпочел говорить об оппозиции тех, кто представляет себе социальный мир как существующий вне сознания людей, и тех, для кого социальный факт не существует вне его интерпретации, т. е. социальных конструктивистов.) Объектом критики качественников являются в том числе и многие социальные теоретики, которые мало интересуются социальной реальностью, конструируя свои теории на логических спекуляциях и обращаясь по необходимости к данным массовых опросов. Вообще говоря, «альтернативной» является во многом микросоциология, опирающаяся на исследования отдельных случаев (case study).

Надо признаться, что «альтернативная» социология — не более чем конструкт, сформированный в сознании социологов из определенной перспективы. По мере интеграции в мировую науку все менее эвристично применение понятия «альтернативная социология». Скорее следует говорить о полипарадигмальности, о плюрализме исследовательских подходов. Так, количественники и качественные избрали стратегию мирного сосуществования, мысленно проведя демаркационную линию, по обе стороны которой формируются отдельные социологические сообщества. Предпринимаются нередкие поиски компромисса, заключающиеся в попытках соединить качественные методы с количественными. Но эти попытки выглядят удачными лишь при позитивистском подходе. Эмпирические исследования демонстрируют иллюзорность такого соединения.

2. Если сузить понятие «альтернативности» до приверженности к качественным методам, то можно перечислить десятки социологов и исследовательских групп, которые этими методами получают интересные результаты. Такие ученые есть во всех заметных институтах

230 Мыслящая Россия
III. Общество

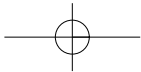
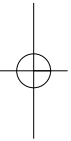
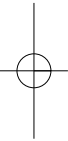
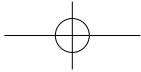
(в университетах — реже). Если говорить о научных коллективах, то в рамках «альтернативной» социологии работают обычно те исследовательские центры, которые декларируют себя как независимые и некоммерческие и ориентированы на исследования академического характера. Направления таких исследований исключительно разнообразны.

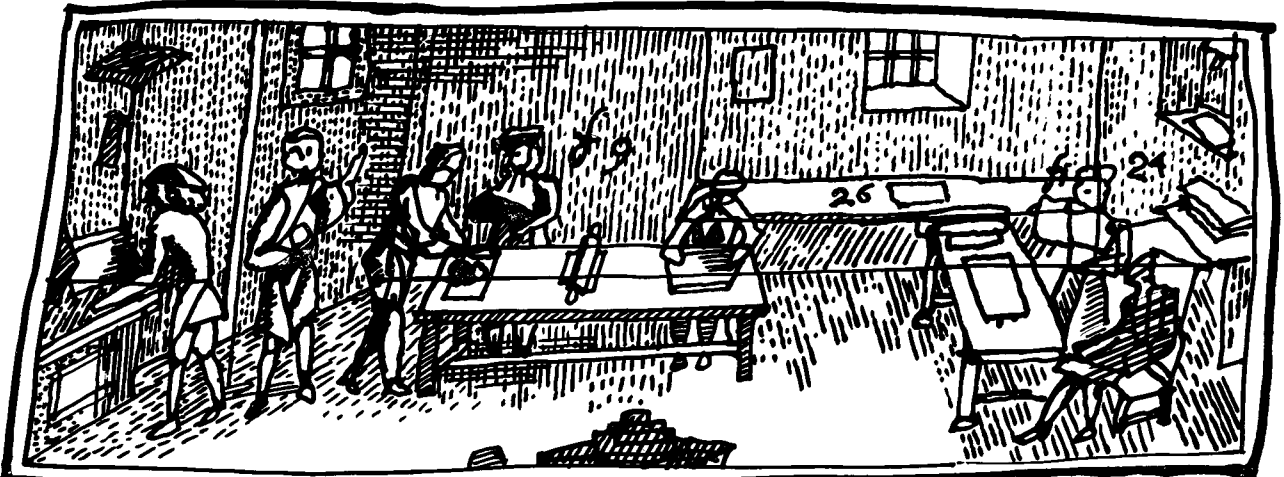
Большинство «альтернативных» социологов понимает социологию как науку об исследованиях правил, которым люди следуют в своем поведении. В этом смысле они не оценивают социальные действия людей, считая своей задачей эти действия понять и объяснить. Они избегают генерализации, хотя качественная методология располагает средствами для обобщений. Отдельные случаи могут быть интересны сами по себе. Поэтому качественный исследователь охотнее говорит об отдельных фрагментах общества, нежели об обществе в целом. Из этой перспективы говорить о состоянии российского общества в целом крайне проблематично, ибо кто как не «качественники» понимают, насколько общество гетерогенно, по каким непредсказуемым критериям формируются границы между социальными средами и как эти среды изменчивы. Процесс индивидуализации, характерный для наиболее развитой части мира, становится чуть ли не гарантом «победного шествия» той самой «альтернативной социологии», при помощи исследовательских подходов которой можно наиболее исчерпывающе объяснить изменения в обществе.

**Важнейшие центры, институты
и периодические издания «альтернативной»
социологии**

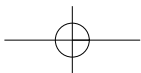
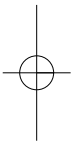
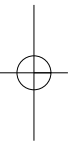
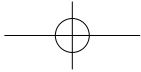
Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург); Центр независимых социальных исследований и образования (Иркутск); Институт социальных исследований и гражданских инициатив (Казань); Центр антропологических исследований (Краснодар);

Сектор биографических исследований в Институте социологии РАН; Европейский университет (Санкт-Петербург); Центр «Регион» (Ульяновский университет); Школа социальных и экономических наук (Москва); Центр социальной политики и гендерных исследований (Саратов); Конвенция независимых социологических центров; журнал «Интер».

Часть IV
ЭКОНОМИКА

Руслан Дзарасов, Дмитрий Новоженев

ЭВОЛЮЦИОННО-РЕГУЛЯТИВНАЯ И РАДИКАЛЬНАЯ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В настоящее время в российской экономической науке представлен довольно широкий спектр подходов, альтернативных проводимой правительством либеральной экономической политике. С некоторой долей условности их можно разделить на два основных направления — эволюционно-регулятивное и радикальное. Рассмотрим подробнее основные позиции и объекты критики представителей этих теоретических парадигм.

Эволюционно-регулятивное направление является результатом синтеза ряда советских школ экономической мысли (теория оптимального народно-хозяйственного планирования, теория качественной неоднородности ресурсов, теория управления научно-техническим прогрессом и др.), институциональной теории, кейнсианства, немецкой исторической школы экономики и некоторых других теорий. Представители этого подхода часто заимствуют отдельные положения из классического марксизма и неомарксизма. Однако они редко указывают данную теоретическую парадигму в качестве основы своих работ.

Сторонники эволюционно-регулятивного направления считают центральной проблемой российской экономики диспропорции в распределении доходов между секторами экономики и категориями населения. Они полагают, что возникшие после развала СССР ценовые диспропорции между секторами, ориентированными на внутренний спрос, и компаниями затратообразующих секторов препятствуют восстановлению хозяйства нашей страны после катастрофического спада 90-х гг. Нынешнее правительство, по их мнению, контролируется представителями сырьевых корпораций. В результате оно пассивно реагирует на негативные тенденции и не пытается исправить положение. Указывается, что в сложившейся ситуации государство должно проводить активную политику изъятия рентных доходов у секторов, поставленных нынешней системой цен в привилегированное положение, и направлять их на решение ряда приоритетных задач. Также органам власти необходимо способствовать позитивной эволюции экономических институтов — фондового рынка и рынка труда, систем, обеспечивающих исполнение контрактов, процедур государственного регулирования и др. Ключевым условием реализации предлагаемой программы сторонники эволюционно-регулятивного подхода считают приход к власти национально-ориентированных элит.

Выдвигая данные предложения, эволюционисты не стремятся к возврату советской практики централизованного управления экономикой. Они активно критикуют его недостатки и отмечают, что в нашей стране надо развивать рыночную систему. Однако не менее часто сторонники этого направления указывают на губительные последствия либеральных реформ. Основными своими оппонентами они считают экономистов-неоклассиков и монетаристов — Е. Гайдара, Е. Ясина, М. Лифшица, В. Мау и др., а также высших государственных чиновников, проводящих либеральные реформы, — Г. Грефа и А. Кудрина. Они в целом благосклонно относятся к институциональной школе экономической теории и считают, что эта теоретическая парадигма имеет большой потенциал для решения проблем российского общества.

Радикальные экономисты, в свою очередь, основываются на классическом марксизме, неомарксизме и достижениях российских политэкономов конца XIX и XX вв. Они широко используют элементы современных теорий, альтернативных неоклассической ортодоксии, — посткейнсианства, неорикардизма и институционализма.

Радикалы считают центральной проблемой российской экономики, возникшей после развала СССР, распределение власти между основными социальными классами российского общества. Резкое усиление лиц, контролирующих власть и собственность в стране, при относительной пассивности остальных категорий населения привело к возникновению колоссального социального неравенства, которое превратилось в фактор, понижающий экономическую эффективность. Сторонники радикального направления уделяют значительное внимание отношениям, сформировавшимся после приватизации на российских предприятиях, и считают их главной причиной разрушения этих бизнесов.

Радикалы, так же как и эволюционисты, отмечают, что государство должно играть гораздо более активную роль в экономике, чем в настоящее время. Некоторые из них указывают на необходимость не только централизованного перераспределения доходов с помощью фискальных методов, но и регулирования ценовых пропорций между некоторыми секторами экономики. Однако радикалы — в отличие от эволюционистов — считают, что импульс к позитивным изменениям в хозяйстве страны должен быть связан не с приходом к власти той или иной группы элит, а с мощным движением протеста широких слоев населения. Именно такой конфликт позволит отстранить от власти нынешние «компрадорские элиты», провести национализацию крупных производственных комплексов и создаст предпосылки для социального творчества на всех уровнях функционирования экономики. Большинство радикалов считают, что в настоящее время активность населения низкая и вспышки массового протеста могут возникнуть только в более или менее отдаленной перспективе.

Как и сторонники эволюционно-регулятивного подхода, радикалы критикуют недостатки сформировавшейся в сталинскую эпоху советской централизованной системы управления экономикой и резко отрицательно относятся к неоклассическим направлениям экономической теории. Они полагают, что эта теория не является эффективным инструментом познания российской действительности, а используется по преимуществу для идеологического обоснования интересов крупного капитала. Радикалы полагают, что институциональная теория обладает значительным потенциалом для решения некоторых микроэкономических задач страны. Однако они считают, что отдельные элементы данной теоретической парадигмы не составляют целостной системы, а потому данная теория не может использоваться для комплексного анализа хозяйства.

Содержательные позиции эволюционного и радикального направлений

Оба подхода дают похожие характеристики экономического уклада современной России.

Сторонники эволюционно-регулятивного направления утверждают, что в стране сформировался олигархический строй, в котором государство выражает интересы меньшинства, а не широких слоев населения. В результате экономика нашей страны по своим количественным показателям (величина ВВП, объем промышленного производства и т. д.) и качественным показателям (структура промышленного производства, затраты на здравоохранение, науку и образование, степени дифференциации населения и т. д.) существенно отстает от уровня СССР и передовых стран мира. Экономическое оживление последних лет не может радикально улучшить положение.

Радикальные экономисты утверждают, что после развала СССР Россия превратилась в типичную страну периферийного капитализма. Такие государства являются объектом эксплуатации со стороны «глобальных игроков» мирового рынка — стран центра мирового капитализма (США, Западная Европа и Япония) и международных финансовых организаций, транснациональных корпораций и т. д. В экономике стран периферии параллельно сосуществуют два сектора — компании, ориентированные на внутренний рынок, и корпорации, интегрированные в воспроизводственные схемы мирового капитализма. С помощью неравноценного экономического обмена второй сектор эксплуатирует первый. Элита второго сектора имеет практически неограниченные возможности экономического и внеэкономического принуждения оппонентов. В результате в странах периферии капитал имеет колоссальную власть над трудом. Это способствует перераспределению национального дохода от широких масс населения в пользу паразитических слоев крупных собственников и верхов государственной бюрократии.

Последние благодаря специфическим механизмам сверхэксплуатации лишь обогащаются, практически не занимаясь организацией эффективного производства.

Несмотря на сходные оценки нынешнего состояния российской экономики, эволюционисты и радикалы по-разному видят *желаемый для нашей страны экономический уклад и механизмы его достижения*.

Для первых таким идеалом является социально ориентированное рыночное хозяйство. В данной системе должен быть достигнут баланс интересов разных социальных классов. При этом государство будет сглаживать противоречия, осуществляя перераспределение национального дохода от имущих к неимущим слоям населения. Данные цели можно достичь через осуществление программы *третьего пути*, содержание которой представлено в разработанной под эгидой ООН Концепции устойчивого развития. Эти меры обеспечат гуманизацию социально-экономических отношений и действенный контроль эффективности использования ресурсно-природного потенциала Земли. В рамках данной концепции Российское государство должно ограничить власть олигархов, создать систему «национального дивиденда» и активизировать социально-экономические факторы экономического роста. Отдаленным аналогом такой формы организации экономики является ряд государств Западной Европы в период послевоенного экономического бума и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в период резкого повышения национальной конкурентоспособности.

Для радикалов социальным идеалом является многоукладное социалистическое хозяйство. Данная система сочетает централизованное планирование (индикативными и директивным методами) с различными формами кооперации трудящихся, с мелким и средним предпринимательством. При этом некоторые радикальные экономисты считают частное предпринимательство, использующее наемный труд, несправедливым и отказывают ему в праве на существование. Многоукладное социалистическое хозяйство характеризуется общественным контролем над производством и распределением через различные формы участия трудящихся в управлении и разные формы коллективной собственности. Отдаленным аналогом такой формы организации экономики являются современные Китай и Вьетнам, СССР 20-х гг.

Различное понимание социального идеала эволюционно-регулятивным и радикальным направлениями экономической мысли приводит к тому, что их сторонники предлагают разные *стратегии экономического прорыва*.

Экономисты, придерживающиеся эволюционно-регулятивного подхода, считают, что государство должно прежде всего фискальными методами изымать природную ренту у компаний, осуществляющих добычу и низкие стадии переработки природных ресурсов (топливно-энергетический комплекс, черная и цветная металлургия,

лесная и целлюлозно-бумажная промышленность, рыболовство и др.). Эти средства необходимо использовать для решения следующих приоритетных задач:

- 1) активная инвестиционная политика, направленная на развитие инфраструктурных отраслей (энергетики, транспорта и связи), машиностроения и сельского хозяйства;
- 2) резкое увеличение помощи социально незащищенным категориям населения и, возможно, ряду других социальных групп (система «национального дивиденда»);
- 3) развитие науки, образования и здравоохранения;
- 4) укрепление обороноспособности страны.

Вторым важнейшим направлением государственной политики должно стать совершенствование экономических институтов. В частности, органам власти следует способствовать созданию «контрактной экономики», в которой можно добиться соблюдения своих прав через суд. Это подразумевает глубокую реформу правоохранительной и судебной систем. Кроме того, государство должно совершенствовать процедуры регулирования экономических процессов и методы управления национальным имуществом.

Наконец, третьим основным направлением государственной политики стимулирования экономического роста должно стать повышение платежеспособного спроса населения через неинфляционное увеличение денежной массы.

Радикальные экономисты считают, что стратегия экономического прорыва должна включать не только активную государственную политику, но и глубокие реформы в организации управления отдельными предприятиями. Основой хозяйственной политики государства должно стать директивное планирование (в отношении секторов, способных создавать крупные диспропорции в экономике) и индикативное планирование (в отношении секторов, не оказывающих негативного влияния на пропорциональность хозяйства). Монетарные функции рассматриваются как подчиненный элемент планового механизма управления. Именно централизованные регулирующие воздействия позволят достичь сбалансированности экономики, а также пресечь паразитическое потребление нынешних имущих классов и вывод ими капитала за рубеж. Это не исключает необходимости реализации вышеописанной программы мер, предлагаемых сторонниками эволюционно-регулятивного подхода. Правда, по мнению радикалов, данные планы могут быть реализованы лишь после коренного обновления кадрового состава всех уровней управления экономикой. Реформы только на верхних уровнях государственного аппарата не позволят эффективно использовать централизованные государством средства, и они будут разворованы.

Другим направлением предлагаемых радикальными экономистами реформ должно стать изменение отношений собственности и контроля на российских предприятиях. Необходимо расширять сферу

коллективной собственности трудящихся и широко внедрять механизмы контроля процессов управления со стороны трудовых коллективов.

Эти меры позволят полноценно использовать еще сохраняющийся производственный и научно-технический потенциал страны и высокую квалификацию населения, достигнутые в советское время. Данная политика обеспечит модернизацию страны через мобилизацию ресурсов на основных направлениях научно-технической революции, повышение уровня жизни основной массы населения и создание современной инфраструктуры.

Предлагаемые сторонниками обоих направлений стратегии экономического прорыва предполагают схожее понимание *оптимума закрытости-открытости национальной экономики и места России в глобальных экономических взаимодействиях*.

Экономисты, придерживающиеся эволюционно-регулятивной парадигмы, считают, что для улучшения положения страны необходимо обеспечить ее частичную автаркию от мирового хозяйства. Ограничение импорта продукции обрабатывающей промышленности позволит стимулировать внутреннее производство товаров с высокой добавленной стоимостью. Ограничение экспорта сырья поможет использовать эти ресурсы для развития отечественной промышленности. Кроме того, стране необходимо воздерживаться от взаимодействия с международными финансовыми организациями, которые используются для ограбления стран периферии мирового капитализма и являются одной из важнейших причин распространения бедности. В совокупности эти мероприятия должны помочь модернизировать промышленность и прорваться в ряды стран полупериферии.

Радикальные экономисты предлагают аналогичные мероприятия и поддерживают концепцию западных левых движений, известных как альтерглобалисты. Этот сценарий развития противостоит капиталистической глобализации, но не отрицает необходимости увеличения международной торговли. Он должен способствовать снижению уровня эксплуатации центром периферии мирового капитализма и в конечном итоге гармонизировать международные отношения.

Историческая преемственность и зарубежные аналоги

Эволюционно-регулятивный подход является аналогом западной социал-демократии. Их генетическими предшественниками являются социал-демократическая и историческая школа на Западе и почвенническое направление экономической мысли России. Многих современных отечественных экономистов в этих направлениях привлекает сочетание рыночных стимулов деловой активности с нематериальными мотивами хозяйственной деятельности, акцент на сочетании коллективизма с предпринимательской инициативой, подчеркивание

роли этических ценностей и трудовой этики, изучение национальных особенностей экономики. Им симпатичен акцент социал-демократической и исторической школы на Западе на роли государства как арбитра и посредника, примиряющего противоречивые социальные интересы.

Радикальное направление является аналогом зарубежного анти- или альтерглобализма и коммунизма. Их генетическими предшественниками являются отечественный и европейский марксизм, революционная традиция. Современные сторонники этих движений считают наиболее ценным в них выработку стратегии и тактики борьбы за изменение общественного строя; анализ сильных и слабых сторон конкретного капиталистического общества; накопленные методы анализа и опыт мобилизации масс в ходе парламентской и внепарламентской борьбы. Современные российские радикальные экономисты делятся на последователей оппозиций 20-х гг. и сталинизма. Первые делают акцент на самостоятельности трудящихся, а вторые — на необходимости государственного принуждения.

Институциональная локализация

Эволюционно-регулятивный подход к экономике развивается в Центральном экономико-математическом институте РАН (ЦЭМИ РАН). Его признанным лидером является академик Д.С. Львов. С ним активно сотрудничает С.Ю. Глазьев, считающийся его учеником. К Д.С. Львову примыкает целый ряд видных сотрудников ЦЭМИ РАН, в том числе В. Гребенников, М. Попов, В. Зотов и ряд других. Самым ярким теоретиком кейнсианского направления в данном течении является известный российский экономист С.М. Меншиков — бывший профессор Роттердамского университета.

Радикальное направление локализуется на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Главным лидером этого течения является профессор А. Бузгалин. Его ближайшим соратником является профессор А. Колганов. Идеи этого течения разрабатывает целый ряд видных сотрудников различных академических институтов. В том числе доктор экономических наук Ф. Клоцвог и доктор экономических наук В. Волконский (Институт народно-хозяйственного прогнозирования), доктор экономических наук М. Воейков (Институт экономики), доктор исторических наук Л. Истягин (Институт мировой экономики и международных отношений), доктор философских наук В. Межуев (Институт философии), доктор экономических наук Э. Рудык (Академия труда и социальных отношений) и др.

В том же поле работает один из лучших профессиональных журналов страны «Экономист». Его главным редактором является известный российский специалист по планированию доктор экономических наук П. Игнатовский. Ближайшим соратником является его заместитель доктор экономических наук С. Губанов.

242 Мыслящая Россия
IV. Экономика

Эволюционно-регулятивное направление

Публикации

Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов. М.: Экономика, 1999; Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М.: УРСС, 2001; Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002; Львов Д.С. Экономический рост и качество экономики. М.: Русская книга, 2004; Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2004.

Журналы

Экономическая наука современной России; Проблемы прогнозирования.

Радикальное направление

Публикации

Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. — М.: Едиториал УРСС, 2004; Они же. Теория социально-экономических трансформаций: Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире. М.: УРСС, 2003; Они же. Критический марксизм: продолжение дискуссий. М.: УРСС, 2001; Бузгалин А. Ренессанс социализма. М.: Едиториал УРСС, 2003; Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. Рабочий протест в России: опыт и проблемы. М.: Экономическая демократия, 2000; Рабочий класс и рабочее движение России: История и современность / Под. ред. А.В. Бузгалина, П. Шульце. М.: Слово, 2002.

Журналы

Альтернативы; Экономист.

Вадим Новиков

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ

Систематизация разнообразных взглядов, которые выражают российские либеральные экономисты, является непростой задачей. Многие различия во взглядах следуют из неэкономических этических философских воззрений, которые только в неявной форме отражаются в профессиональных экономических дискуссиях. При этом в дискуссиях на первый план экономисты нередко выдвигают те аргументы, которые считаются более убедительными для читателей, а не те, которые наиболее важны для самого оратора. В этой ситуации есть серьезный риск ошибиться с точным определением подлинных воззрений экономиста.

Кроме того, даже в рамках одной научной или философской школы существует, как правило, множество оттенков мысли, игнорировать которые не очень хорошо хотя бы потому, что это подразумевает объявления некоторых различий во мнениях «несущественными», «непринципиальными».

Хорошо понимая все это, мы все же предприняли попытку сведения существующих в либеральном экономическом лагере позиций к относительно небольшому количеству, используя различия в этических и теоретических воззрениях экономистов. Основные позиции с некоторыми примерами разделяющих их экономистов приведены в табл. 1.

ТАБЛИЦА 1. РОССИЙСКИЕ СТОРОННИКИ ДЕРЕГУЛИРОВАНИЯ

Экономическая аргументация	Этическая аргументация		
	деонтологическая	смешанная	консеквенциалистская
Неоклассическая школа	«Деонтологические неоклассики» С. Васильев, Е. Ясин		«Неоклассики-консеквенциалисты» Е. Гайдар, В. Мау, А. Шаститко, В. Тамбовцев, Я. Кузьминов, А. Аузан
Смешанная	В. Найшуль	А. Илларионов	
Австрийская школа	«Деонтологические австрийцы» Ю. Кузнецов	Б. Львин, Г. Сапов, А. Левенчук	«Австрийцы-консеквенциалисты» А. Куряев

Необходимость выбора именно двух оснований для классификации следует из того, что в данном материале обсуждаются взгляды экономистов на *должную* государственную политику, но в соответствии с известным в логике «принципом Юма» высказывания о должном не могут быть выведены непосредственно из высказывания о сущем (теории) без привлечения ценностных суждений (этики).

С этической точки зрения наиболее важным является разделение на тех, для кого свобода граждан и, соответственно, либеральная экономическая политика являются самостоятельной *ценностью*, и тех, для кого свобода — наилучший *инструмент* достижения какой-либо иной конечной цели, например, цели повышения общественного благосостояния.

При *ценностном обосновании* роль экономической теории в предлагаемой экономической политике является подчиненной. Сколь бы ни был интересным с теоретической точки зрения вопрос о том, как именно, допустим, антимонопольное регулирование влияет на экономический рост, ответ на него не будет иметь значения для выработки практических рекомендаций. Напротив, будет важно определить, является ли антимонопольный закон правовым законом¹ или ограничивающим права собственников государственным произволом.

Такой подход тесно связан с традиционной деонтологической моралью², для которой моральные заповеди (например, «не укради» и «не убий») носят абсолютный характер и прилагаются к конкретным ситуациям непосредственно — без предварительного анализа положительных или отрицательных последствий от следования им.

При *инструментальном обосновании* роль экономической теории намного более весома — именно она должна дать ответ, какие меры приближают к поставленной конечной цели, например, к наибольшему благосостоянию граждан, а какие — отдаляют.

Инструментальный подход к этике, как и ценностный, имеет свои привлекательные стороны. Не каждый готов заставить мир погибнуть ради справедливости, особенно если учитывать, что непросто

¹ Понятие «правовой закон» является ключевым для различения между юридическим и легистским правопониманием. В рамках *юридического правопонимания* у права есть своя сущность — справедливость, и если закон адекватно ее отражает, то мы имеем дело с «правовым законом». В противном же случае закон признается неправовым и не более обязательным для исполнения, чем произвольные приказы бандитов. «Что такое царства без справедливости, как не большие разбойничьи банды?» — писал один из сторонников юридического правопонимания св. Августин. В России наибольшее развитие юридическое правопонимание нашло в работах В.С. Нерсисянца и В.А. Четвернина. В рамках

легистского правопонимания понятие права и закона совпадают. Правом является любой подкрепленный силой приказ высшей для данной территории власти.

² Особенностью *деонтологической этики* является то, что в ее рамках поступки оцениваются на основе определенного «кодекса», который позволяет отделить нравственные поступки от безнравственных. Моральный человек в рамках данной системы — это тот, кто выполняет свой долг. Деонтологической этике противостоит *консеквенциалистская этика*, предполагающая оценку поступков на основе их последствий.

достичь согласия в определении таких понятий, как «справедливость», «долг» и «добро». В этой ситуации предложение судить поступки по их плодам нередко воспринимается как единственно возможный выход.

Стоит заметить, что анализ публичной аргументации не всегда позволяет отнести экономиста к одной из двух данных групп — в отдельных высказываниях или статьях могут приводиться этические аргументы разного типа. Так, А. Илларионов во многих случаях обосновывает свои рекомендации консеквенциалистскими аргументами («страны, которые сделали это, стали беднее»), но он также известен как проводник учения американской писательницы и философа Айн Рэнд, которая в своих трудах ставила свободу индивида на первое место, не подчиняя ее каким-либо соображениям индивидуального или коллективного счастья.

Наряду с этическими есть и *теоретические разногласия* между либеральными экономистами.

Часть либеральный экономистов тяготеет к *неоклассическому мейнстриму*, куда входит и известная чикагская школа со всеми ее дополнительными ответвлениями (неоинституционализм, «экономический анализ права» и т. д.). Другая часть экономистов тяготеет к *австрийской школе экономической теории*.

Различия между двумя перечисленным подходами к теории весьма существенны на уровне методологии — неоклассики предпочитают эмпирические исследования и используют математический аппарат, тогда как «австрийцы» считают экономику аксиоматической наукой (вроде геометрии) и используют аппарат формальной логики. Тем не менее конечные выводы сторонников данных подходов в большинстве случаев совпадают, что не удивительно, если иметь в виду, что основателем «австрийской экономики» был Карл Менгер, являющийся наряду с Уильямом Джевонсом и Леоном Вальрасом одним из трех «отцов» современной экономической теории в целом.

В некоторых случаях (В. Найшуль, А. Илларионов) экономистов сложно отнести к одному из двух перечисленных теоретических направлений. Так, В. Найшуль использует неоклассический аппарат неоинституционализма и вирджинской школы, однако интерпретирует его в рамках присущего австрийской школе субъективизма. При обращении к большинству теоретических разногласий между австрийцами и неоклассиками взгляд А. Илларионова ближе к австрийскому, но его роднят с неоклассиками избираемые формы аргументации (регрессионный анализ, графики и т. д.).

Неоклассики-консеквенциалисты

Наиболее влиятельной и многочисленной группой среди экономистов дерегулятивного лагеря являются «неоклассики-консеквенциалисты». Другими словами, те, кто обосновывает необходимость расширения свободы граждан через разнообразные положительные последствия этого шага и при этом использует аппарат неоклассической теории.

«Либеральные марксисты»

В общественном мнении дерегулирование и вообще рыночные реформы тесно связаны с такими именами, как Е. Гайдар и В. Мау³, которые в своих работах развивают «либеральный марксизм» — оригинальный синтез марксистских философии истории и теории экономической истории, утилитаризма и неоклассической теории. Вопреки расхожему мнению их учение не имеет отношения к воззрениям «чикагской школы» вообще и в особенности М. Фридмана⁴, от которой взгляды Е. Гайдара и В. Мау отличаются большей умеренностью в оценке роли государства. Здесь можно вспомнить, что М. Фридман советует российским реформаторам не брать пример с проникнутых социалистической идеологией современных США и ЕС, а ориентироваться на США XIX в. Однако сами Е. Гайдар и В. Мау предлагают сделать России выбор в пользу большей интеграции с современной Европой. Хотя они и отмечают излишне «социальный» характер европейских государств, они никогда не были близки к идее возвращения в позапрошрое столетие. Впрочем, в силу своеобразия этого учения «либеральный марксизм» довольно сложно сравнивать с другими известными экономико-политическими воззрениями⁵.

Существенными чертами развиваемого ими подхода являются: — критическое отношение к идеологическому либерализму (либерализм предлагается не как панацея, а как адекватный ответ на быстро меняющиеся реалии постиндустриального мира); — подчеркнутый историзм (либеральные марксисты сомневаются относительно возможности существования теоретических

³ Вполне естественно в этом ряду смотрелся бы и А. Чубайс. Однако его более уместно считать известным менеджером и влиятельным государственным деятелем, чем экономистом. Тем не менее стоит отметить известный факт серьезного влияния взглядов Е. Гайдара на его представления об экономике.

⁴ Здесь стоит пояснить, что макроэкономический аппарат монетаризма (одной из чикагских школ) близок к кейнсианскому и сам по себе не ведет к существенному пересмотру монетаристами взгляда на роль государства в экономике.

Однако политические работы М. Фридмана вдохновлены далеко не только теорией и заслуженно считаются классикой либеральной мысли.

⁵ Сами «либеральные марксисты», правда, находят родство своих взглядов со взглядами либерального философа Ф. Фукуямы, который связывал развитие общественных институтов с развитием производительных сил. Другое дело, что Ф. Фукуяма не был экономистом, а потому российских «либеральных марксистов», вероятно, можно считать основателями нового направления.

- утверждений, которые были бы верны для всех мыслимых обстоятельств, что сближает их с немецкой исторической школой);
- скептическое отношение к возможности подчинить действия чиновников интересам общества, что роднит их с представителями вирджинской школы⁶;
- использование теоретического инструментария неоклассической школы.

Соответственно, позиция Е. Гайдара и В. Мау предполагает критическое отношение:

- к дирижистам, которые ошибочно настаивают на применимости своих рецептов не только к индустриальному, но и к постиндустриальному обществу;
- экономистам-марксистам, которые настаивают на правильности не только взглядов Маркса на историю, но и его экономического учения;
- «идеологизированным либералам», которые отождествляют идеальную экономическую политику с либеральной, тогда как они совпадают только в определенные исторические периоды;
- «кабинетным экономистам», которые предполагают, что экономическая политика определяется замыслами экономистов, а не политическими возможностями.

Текущий этап развития России рассматривается «либеральными марксистами» как совпадение трансформационного кризиса, кризиса индустриальной экономики и революционного политического процесса. Следствием этого совпадения является как масштаб появившихся проблем, так и сложность стоящих перед реформаторами задач. Сами задачи в основном состоят в необходимости осуществления экономического рывка в условиях постиндустриального мира. А это, в свою очередь, позволит сформировать экономические и политические институты, близкие к тем, что существуют сейчас в развитых постиндустриальных странах Запада, которые, в соответствии с логикой взглядов К. Маркса, показывают образ нашего будущего. Специфика необходимого экономического рывка состоит в том, что на этот раз он должен осуществляться в условиях постиндустриального мира, когда выбор «приоритетных отраслей», «отраслей-локомотивов» стал невозможным. Поэтому приоритетными становятся инвестиции в то, что не специфично для отдельных отраслей. Это развитие инфраструктуры (транспорт, связь), а также инвестиции в человеческий капитал (образование, медицина, культура).

⁶ Вирджинская школа (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, Дж. Бреннан) анализирует политическое поведение при помощи тех же инструментов и исходя из тех же предпосылок, что и обычное рыночное поведение. Утверждается, что в политике, как и в экономике, люди имеют тенденцию дей-

ствовать на основе одного и того же мотива — эгоистического интереса. В этой ситуации действия правительства, как правило, способствуют не общему благу, а частным интересам чиновников и их спонсоров.

«Неонституционалисты-инструменталисты»

Заметное место в российской экономической науке занимают представители неонституционализма — А. Шаститко, В. Тамбовцев, А. Аузан, Я. Кузьминов.

Для данного направления характерны:

- оценка различных вариантов экономической политики на основе их ожидаемого влияния на «социальный продукт» (общественное благосостояние);
- представление о фирме, рынке и государственном регулировании как альтернативных инструментах решения одной и той же задачи — задачи повышения общественного благосостояния;
- признание способности рыночных механизмов в большинстве ситуаций направлять ресурсы в области, где они могут быть использованы наиболее эффективным образом;
- идея о том, что государству принадлежит важная роль в решении проблем высоких транзакционных издержек и наличия внешних эффектов.

Такая позиция предполагает критическое отношение:

- к «идеологизированному либерализму» (либеральные решения, как правило, хороши, но у рынка есть «провалы», которые государство должно ликвидировать);
- историзму (теория верна всегда и везде, хотя стоит задача применения правильной теоретической модели по отношению к данному набору условий);
- дирижизму (дирижисты недооценивают возможности рыночных механизмов).

При оценке существующей ситуации представители данного направления обращают внимание на неразвитость государственных и рыночных институтов: государственный аппарат коррумпирован и бюрократичен, а права собственности слабо защищены и применяются не во всех возможных сферах хозяйственной деятельности. Соответственно, дальнейшее развитие страны связывается с поддержкой государством гражданского общества; административными реформами, которые способствовали бы сближению принципов управления в государственном и коммерческом секторах⁷; с перенастройкой регулирования в соответствии с соображениями поддержания общеэкономической эффективности (что зачастую предполагает дерегулирование).

⁷ Такой подход предлагается распространенной сейчас концепцией нового государственного менеджмента (New Public Management), который не стоит путать с более старой теорией — новым государственным управлением (New Public Administration). Суть нового государственного управления состоит в увеличении произвола чиновников в строгом юридическом смысле

этого слова, т.е. предоставлении возможности действовать по собственному усмотрению. Предполагается, что увеличение произвола в сочетании с системой стимулирования чиновников в соответствии с тем, как они способствовали достижению тех или иных государственных целей, способно увеличить результативность государственного аппарата.

Преимуществом данного направления, которое способствует его быстрому развитию в России, является тесная интеллектуальная связь с динамично развивающейся на Западе чикагской школой, выдающиеся деятели которой — Р. Коуз, Ф. Найт, М. Фридман, Р. Познер, Г. Демсец — пользуются значительным авторитетом в рамках экономической науки и юриспруденции.

Заметим, что экономические взгляды чикагской школы являются либеральным по сравнению с доминирующими в настоящее время среди экономистов взглядами, но далеко отходят от положений классического либерализма. Их отнесение к либералам объясняется сильным левым креном в современной экономической науке.

По этому поводу Г. Хоппе писал: «В 30–40-х гг. чикагская школа считалась школой левого направления, и считалась, надо сказать, справедливо. Фридман тогда обосновывал необходимость центрального банка и бумажных денег, выступая против золотого стандарта. Он искренне разделял принципы перераспределяющего государства, государства благосостояния, когда выдвигал свои предложения о гарантированном минимуме дохода (система так называемых отрицательных налогов), на уровень которого он не накладывал никаких ограничений. Он защищал принцип прогрессивного налогообложения дохода, стремясь достичь максимально возможного уравнивания богатства. Он участвовал в разработке концепции и практическом воплощении системы налогообложения дивидендов. Фридман поддержал идею, в соответствии с которой государство может вводить налоги для финансирования производства благ, имеющих положительные экстерналии, или таких, про которые оно думает, что они могут иметь этот эффект. Это означало, что нет ничего такого, что государство не могло бы начать производить, финансируя это производство из налогов... Сегодня, полвека спустя, чикагская школа, не изменив существенно своих взглядов, считается школой правой, защитницей принципов свободного рынка. Более того, считается, что именно это направление в экономической науке является пограничным, отделяя респектабельных правых от правых экстремистов»⁸.

⁸ См. Hoppe H.-H. Natural Elites, Intellectuals and the State. Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute Pamphlet, 1995 [<http://www.sapov.ru/novoe/n07.html>].

«Деонтологические неоклассики»

Наряду с «неоклассиками-инструменталистами» можно выделить «деонтологических неоклассиков» — экономистов, которые используют неоклассическую экономическую методологию, но приписывают свободе граждан самостоятельное и важное значение.

Наиболее известными фигурами этого лагеря являются Е. Ясин и С. Васильев.

С. Васильев наряду с А. Илларионовым известен как наиболее либеральный экономист в команде Гайдара — Чубайса 1992 г. (в которой самым последовательным дирижистом был С. Глазьев).

Е. Ясина, вероятно, можно назвать представителем леволиберального направления — это подразумевает, что он является последовательным защитником политических прав и свобод, но признает много случаев, когда государственное ограничение прав собственников необходимо для реализации публичных целей или осуществления социальных программ. Примером первого является идея об ограничении прав собственников СМИ в пользу журналистов, примером второго — поддержка идеи о сохранении в близком к существующему виду системы финансирования образования и здравоохранения. В США позиция Е. Ясина могла бы рассматриваться как центристская «золотая середина», и политик или экономист с подобными взглядами мог бы принадлежать как к Республиканской, так и Демократической партии. Однако в России Е. Ясин совершенно справедливо рассматривается как один из ведущих представителей дерегулятивного направления.

«Деонтологические австрийцы»

Особое место в российском экономическом либерализме занимают «деонтологические австрийцы» — те, кто формулируют экономические рекомендации на основе теоретического аппарата австрийской школы экономической теории и либертарианской политико-правовой философии. Наиболее распространенная формулировка последней предполагает признание двух аксиом: аксиомы гомстединга (собственником предмета является тот, кто первым ввел его в хозяйственный оборот, либо тот, кому первый владелец передал свои права) и аксиомы неагрессии (применение силы допустимо только в целях самозащиты, но не допустимо для совершения агрессии, понятие которой включает и систему принудительного налогообложения).

Характерными чертами данного направления являются:

— субъективизм (любые экономические события трактуются с точки зрения субъективных интерпретаций конкретных индивидов, но не с точки зрения «общества в целом»);

- отрицание содержательности понятия «общественное благосостояние» за исключением тех тривиальных случаев, когда благосостояние растет или падает у каждого члена общества;
- внимание к невидимой части последствий государственного вмешательства (тем событиям, которые могли бы произойти, но не произошли вследствие вмешательства);
- дедуктивизм (как ценностные, так и теоретические суждения строятся на основе аксиоматических теорий⁹, а потому в рамках этого направления нет места «золотой середине» или историзму);
- последовательным оппонированием всем видам государственного вмешательства, включая антимонопольную политику и регулирование естественных монополий, деятельность центральных банков и предоставление государством общественных благ, осуществление государством социальных программ.

Такая позиция предполагает критическое отношение:

- к дирижистам (ценностные основания их суждений оспариваются с этической точки зрения; а теоретические утверждения критикуются за игнорирование того, что понятие благосостояния содержательно только применительно к конкретным людям и только в рамках их личных предпочтений);
- историзму (выводы экономической теории основываются на неопровержимых аксиомах и могут быть применены к любому человеческому обществу, а это невозможно для исторических аргументов);
- неоинституционализму (лежащий в основе его рекомендаций утилитаризм позволяет передавать права собственности наиболее «эффективному» с «общественной точки зрения» собственнику и фактически подразумевает общественную собственность на средства производства);
- левому либерализму (оправданными у деонтологических австрийцев признаются только те права, которые выводятся из права собственности, что включает и право собственности на свое тело).

Основной проблемой существующей в России ситуации, по мнению «деонтологических австрийцев», является всеобъемлющее вмешательство государства в жизнь граждан, которое для них неприемлемо как по этическим соображениям, так и ввиду того, что большинство мер вмешательства не достигает поставленных перед ними целей.

⁹ Как было сказано ранее, наиболее распространенная версия либертарианства в изложении Ротбарда—Хоппе является аксиоматической политико-правовой теорией. Аналогично австрийская школа экономической теории также

имеет аксиоматические основания—либо на основе априоризма И. Канта, либо на основе принятия «самоочевидных истин» в духе Фомы Аквинского.

Соответственно, реформирование, если брать его содержательную сторону, подразумевает отказ от любых форм государственного вмешательства, за исключением предлагаемых классическим либерализмом задач защиты жизни, здоровья и частной собственности граждан от агрессии. Причем даже эти функции «деонтологические австрийцы» склонны возлагать на частные охранные агентства, которые финансировались бы путем оплаты их услуг, а не принудительного налогообложения, которое отождествляется с вооруженным грабежом. Стоит особо подчеркнуть, что противостояние представителей этой группы всем проявлениям «социального государства» основывается на этической неприемлемости любой агрессии, а не на обсуждении полезности или желательности помощи бедным, строительства общественных парков и т. д.

Как и неоинституционалисты чикагского толка, представители этого направления осознают себя частью сформировавшейся интеллектуальной традиции. Основу австрийской традиции в экономической сфере заложили К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер, Л. Мизес, Ф. Хайек, М. Ротбард, и сейчас она развивается в работах Х. Хоппе, Г. Хьюльсмана, Р. Гаррисона. В политико-правовой сфере интеллектуальные основания этого направления лежат в классическом либерализме, естественно-правовой традиции, учениях И. Канта и Фомы Аквинского, современном анархо-капитализме, начало которому положил Г. Молинали.

«Австрийцы-консеквенциалисты»

Данная группа также использует разработанный в основных чертах Л. Мизесом аппарат «австрийской экономики», но, в отличие от предыдущей, принимает в расчет и аргументы утилитаризма, сторонником которого был Мизес. Соответственно, в основу обоснования либеральной политики кладется мысль о том, что именно либеральная политика хороша для общества, понимаемого прежде всего как система разделения труда. Частная собственность и рынки признаются необходимыми для обеспечения максимального благосостояния максимального количества людей.

Лидером данного направления можно считать основателя издательства «Социум», экономиста-международника А. Куряева.

В оценке существующей ситуации представители этого направления солидарны с «деонтологическими австрийцами», однако государственный интервенционизм критикуется ими с практических позиций — ведь он приводит к обнищанию, а не богатству страны. Соответственно, «австрийцы-консеквенциалисты» выдвигают и сходные рекомендации за тем исключением, что налогообложение считается оправданным в той степени, в какой оно требуется для исполнения государством его правоохранительных функций. Насильственное

253 *Вадим Новиков*

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ

изъятие налогов морально оправдывается тем, что это насилие позволяет избежать еще большего насилия, другими словами, потому, что последствия принудительного налогообложения более благоприятны, чем последствия отказа от него.

Экономико-теоретические основы данного направления совпадают с основами предыдущего направления, однако в политической области их корни, как и у «чикагских экономистов», лежат в учении И. Бентама.

Либеральные неоклассики**Институты**

Институт экономики переходного периода (Институт Гайдара); фонд «Либеральная миссия»; фонд «Бюро экономического анализа».

Журналы и периодические издания

Публикации Института экономики переходного периода (ИЭПП); реферативный журнал «Экономическая теория преступлений и наказаний».

Интернет-ресурсы

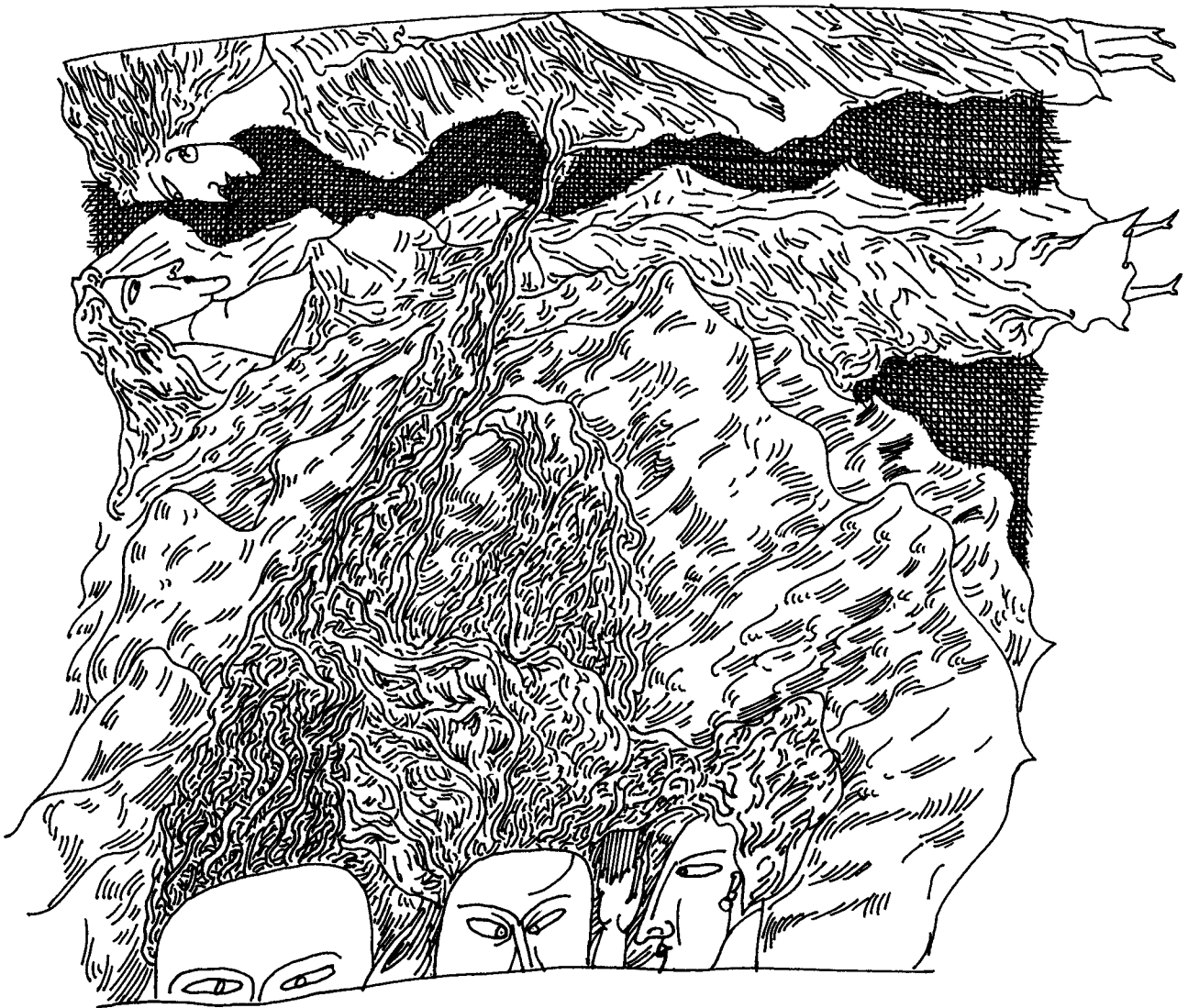
Сайт Е. Гайдара; страница В. Мау; сайт «Институциональная экономика».

Австрийская школа и либертарианство**Институты**

Институт национальной модели экономики; Институт экономического анализа; Институт Катона. Русский проект.

Интернет-ресурсы

Институт свободы «Московский Либертариум»; сайт Экспертного совета по промышленной политике; «Бюро Григория Сапова»; «Вести с южной границы» (сайт Валерия Кизилова); сайт чтений памяти Г.В. Лебедева; семинар Экономика. Теория. История. Хозяйство и Право (ЭТИХиП); Александр Школьников: Экономические исследования; Научно-исследовательский центр Мизеса (Белоруссия).

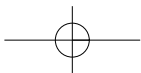
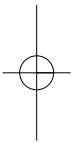
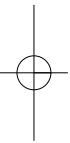
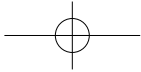
Т Е Р Р И

255

НАСЕЛЕНИЕ И

Часть V

Т О Р И Я

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Беседа с Анатолием Вишневским

Знания, почерпнутые из области демографии и миграции, в настоящее время имеют широкое прагматическое употребление. Кажется, уже самих фактов, касающихся демографии и миграции, достаточно, чтобы предлагать некие социальные и политические рецепты и программы. Таким образом, хотя эти области знания и не принадлежат к традиционным сферам, с которыми соотносятся интеллектуалы, современная высокая степень «ангажированности» и политической значимости этого знания, использование его в качестве аргумента в различных дискуссиях, побуждает нас пристальнее присмотреться к этой области, к ее состоянию и системе позиций, в ней представленной. Отсюда первый вопрос: в каком состоянии в современной России находятся демография как отрасль знания?

Мне, кажется, уже приходилось цитировать слова, которые я как-то прочел в материалах одной французской демографической конференции. Ректор Страсбургской академии, обращаясь с приветствием к участникам конференции, сказал: «На протяжении последних трех десятилетий демография играла роль ведущей дисциплины в концерте гуманитарных наук. Строгостью методов, богатством гипотез, глубиной полученных результатов она привлекла внимание всех специалистов, изучающих общество и человека. Своим примером она способствовала развитию многих смежных дисциплин и объединению их усилий. Она не только проясняет историю наших обществ, она указывает также их будущее, потому что для наших старых европейских стран нет богатства более надежного, чем количество, квалификация и ум людей»¹. Дело было в 1982 г. Так что если интеллектуалы и «не соотносятся» с этой областью знания, то лишь наши замшелые интеллектуалы, отставшие от жизни лет на пятьдесят, если не больше.

Но правда и то, что и наша демография не далеко от них ушла. Это на Западе после Второй мировой войны она стала весьма важной, значимой наукой. Появилось множество научных центров, занятых этими проблемами, в которых работает масса людей. Во Франции Национальный институт демографических исследований был создан

¹ Les ages de la vie. VIIe Colloque national de démographie. Strasbourg, mai 1982. Actes du Colloque. Tome II. P. 7.

по указу де Голля в 1945 г. Он и сейчас остается самым крупным в мире учреждением такого рода — в этом году отмечаем его шестидесятилетие. А у нас мы в прошлом году отмечали семидесятилетие закрытия демографического института. В СССР демография не получила места в семье социальных наук, в отличие, например, от этнографии (этнологии), которой занимается соответствующий академический институт. Институционально демография в нашей академической системе не представлена и до сих пор.

Для того чтобы некая наука вообще могла существовать, необходима определенная критическая масса людей, работающих в данной научной области. Если этого нет, то нет и возможности развивать нормальную систему научных взглядов, закреплять полученное знание: приходит любой человек, непонятно откуда взявшийся, и вместо того, чтобы садиться за парту, сразу лезет на профессорскую кафедру. И ему фактически невозможно противостоять, потому что нет школы, нет накопленной массы знаний, которая запрещает определенного рода вещи. Если сейчас среди физиков появится персонаж, который станет распространяться об идее вечного двигателя, то с ним никто не станет разговаривать. Потому что этот вопрос уже пройден, он считается решенным. А у демографов время от времени возникают какие-то доморощенные фигуры, способные только на создание «информационного шума», но даже в академической среде их иной раз воспринимают всерьез.

Иными словами, в нашей демографии нет «нормальной науки» в том смысле, как ее понимал и описывал Томас Кун, нет того социально-концептуального комплекса, который он назвал «научная парадигма»?

Да, многие у нас любят объявлять свою точку зрения «парадигмой». Но произвольная точка зрения какого-то человека не является парадигмой, для ее существования требуется «нормальное» научное сообщество. Если бы у нас была хотя бы сотня демографов, тогда такого рода вещи ушли бы на второй план и не нужно было бы всякий раз заново доказывать, что вечный двигатель построить нельзя. А вот в области демографии сейчас сплошь и рядом встречаются носители такого рода «донаучных» идей. Но именно в силу своей «донаучности», примитивной упрощенности, «понятности» такие идеи зачастую очень нравятся политикам, малообразованным журналистам, они тиражируются, выдаются за некое знание.

Сейчас сплошь и рядом встречаются люди, которые говорят о какой-то своей особой «точке зрения» на демографические проблемы. Но никакой «точкой зрения» это в действительности не является. Люди набивают себе цену, привлекают к себе внимание, выступают не с обоснованными высказываниями, а с благими пожеланиями, ложными посулами. Скажем, внезапно, как черт из табакерки, появляется

259 Демографические исследования в России: история, состояние и перспективы
Беседа с Анатолием Вишневским

некто, представляющийся директором «центра демографических исследований». Кто этот человек и что это за центр — никто не знает. Но он так себя назвал — и этого достаточно, появился еще один источник информационного мусора.

И дело ведь не в том, что у нас совсем нет хороших и грамотных специалистов. Когда мы отбираем статьи для того же «Демоскопа», мы, порой даже к своему удивлению, часто находим хорошие работы, которые пишут люди из разных научных институтов, присылают из других городов. Но нет центра кристаллизации, и нет механизмов его создания.

У нас нет демографического образования, нет демографического просвещения. Сейчас в демографической сфере происходят необычные, очень глубокие и серьезные по своим последствиям сдвиги. Поэтому какие-то начала демографического знания должны прививаться уже на школьной скамье, чтобы человек мог разбираться в том, что происходит. Мы же — по части демографических знаний — какие-то Митрофанушки. Слушаешь иных высокопоставленных чиновников, политиков — и волосы дыбом становятся.

Нельзя сказать, что власти не проявляют интереса к демографической ситуации. Время от времени к нам обращаются представители власти, уполномоченные с ней разобраться. Мы пишем какие-то записки и т. д. Но на этом дело и заканчивается. Обычная советская штурмовщина. Так и раньше было. Готовились к очередному съезду партии — начиналась бурная деятельность. В итоге в докладе генсека появлялся какой-то абзац о том, что у нас не все благополучно. Тем дело и заканчивалось. Сейчас, бывает, приглашают на телевидение, якобы поговорить о демографии. Приходишь — и оказывается, что ты просто гарнир для какого-нибудь Селезнева или Говорухина, который собирается баллотироваться в Думу, и ему надо с экрана выразить озабоченность бедственным демографическим состоянием России.

Вы говорите, что демографию свернули в 30-е гг. Почему?

20-е гг. были временем расцвета социальных наук, да и не только наук — искусства, культуры и т. д. Занимались и демографией. При этом все плохое списывалось на дореволюционный период, а так как демографического «негатива» в старой России хватало, объективные исследования поощрялись. Определенный итог этому периоду подвела перепись населения 1926 г.

Но потом пришла пора демонстрировать уже свои достижения, а если они и были тогда, то никак не в области демографии. Коллективизация, голод, — кто как не демографы должны были изучать огромные потери, которые понесла страна. Но о них никто не должен был знать. Поэтому уже в 1934 г., в аккурат когда начали готовиться к переписи населения 1937 г. (первоначально ее намеревались проводить раньше, сроки неоднократно переносились), закрыли Демографический

институт в Ленинграде. Результаты этой переписи не устроили власть, перепись объявили вредительской, многих ведущих демографов пересажали и стали готовиться к повторной переписи — 1939 г. Тогда и ликвидировали последний киевский Институт демографии. Если бы демографы продолжали существовать, они должны были бы что-то говорить. А коль скоро их нет, то нет и такой проблемы. Разумеется, сокращение потерь было нужно и после Второй мировой войны.

Как складывалась последующая судьба демографии?

Когда к проблемам демографии начали возвращаться, уже в 60-е гг., профессиональных демографов в СССР почти не было. В этой области стали работать — иногда успешно — экономисты, географы, математики, философы и т. п. К примеру, один из наиболее известных демографов, Л. Дарский, был по образованию юристом. Но все-таки отсутствие школы давало о себе знать. Специалистов по народонаселению готовил у нас в основном МГУ, но это была особая подготовка. Она была идеологизирована, испытывала сильное влияние тогдашней политэкономии, ее методов. Издавались работы под названием «Марксистско-ленинская теория народонаселения» и т. д. Между тем, демография — это дисциплина, имеющая свою собственную методологию, перерабатывающая огромную статистическую информацию, широко применяющая количественные методы исследования, математические модели.

В перестроечный период, правда, было время, когда едва не создали Институт демографии. Но кончилось дело тем, что в 1988 г. был создан Институт социально-экономических проблем народонаселения (нынешний ИСЭПН РАН). Самостоятельные, имеющие свою собственную природу демографические проблемы в очередной раз были сведены к социально-экономическим. Получилось, что был создан еще один экономический институт — вдобавок к тем многим, которые в Академии наук уже были. А демография опять осталась беспризорной.

Но почему так вышло? Существовало же понимание важности этих проблем еще в советское время.

Здесь множество факторов. Конечно, в этом есть и определенная вина нашей Академии наук, кто как не она должна заботиться о развитии новых научных направлений. Не могут же они не понимать, что закрытие в 30-е гг. институтов демографии диктовалось политической и идеологической конъюнктурой, которая давно ушла в прошлое, а сейчас отсутствие подобного института противоречит логике развития современного социального знания. Кстати, институты демографии недавно созданы во многих странах СНГ. У нас же — олимпийское спокойствие.

Но есть, может быть, и более общие причины, отражающие взаимоотношения науки и власти. Я вспоминаю забавный эпизод. Когда в середине 60-х гг. на Украине стала возрождаться демография,

261 ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Беседа с Анатолием Вишневским

там решили провести конференцию. Пошли к тогдашнему первому секретарю компартии Украины Владимиру Щербицкому. И он произнес фразу, которую я считаю классической: «У нас сейчас не такая хорошая демографическая ситуация, чтобы нам проводить конференцию по этому вопросу». Другими словами, научная конференция рассматривалась как своеобразная ярмарка достижений. Тогда все же Щербицкого удалось переубедить, и в 1966 г. в Киеве прошла первая в послевоенном СССР крупная конференция по демографии. Но логика отношения к науке как к инструменту «политтехнологии» не исчезла, она сохраняется и у нынешней российской власти.

Я не могу сказать, что никто не интересуется тем, чем мы занимаемся. Время от времени нас с интересом выслушивают даже на самых высоких уровнях, чего раньше не было. Но поскольку наше знание нельзя использовать, скажем, для прямого воздействия на электорат, то интерес быстро угасает. Как и в советское время, от науки требуют «рекомендаций». Но ведь никто не требует от метеоролога, чтобы он порекомендовал, как исправить погоду. Он должен предсказать ее изменения, чтобы люди могли заблаговременно к ним подготовиться. Это мы и делаем в своей области.

Наши прогнозы не слишком оптимистичны, и это многим не нравится. Конечно, это не нравится и нам самим, мы бы с большей радостью пообещали что-нибудь более приятное. Однако пока мы не находим оснований для этого.

Представьте себе, что метеоролог предсказывает суровую зиму, а ему говорят: нет, ваш прогноз нам не подходит, он требует очень больших затрат на отопление; мы поищем другого метеоролога, чтобы он нам повысил температуру на несколько градусов.

Абсурд? Но не в области демографии.

У нас существует принятая еще в 2001 г. официальная Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, она провозглашает в качестве главной цели «стабилизацию численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту». Для демографов очевидно, что такая цель недостижима не только до 2015 г., но и в течение более длительного периода. Однако чиновникам хотелось что-то пообещать народу, и они не стали обращаться к «метеорологам», которые делали неподходящие предсказания, а просто заявили о том, что причины роста смертности и сокращения рождаемости «должны быть полностью устранены к 2015 году». О том, как понималась при этом роль науки, можно судить по интервью одного из высокопоставленных чиновников тогдашнего Министерства труда и социального развития РФ, в котором говорилось: «В Минтруде России пока не знают, как убедить россиян, что три или четыре ребенка в семье лучше, чем один или два, или же как склонить мужчин к здоровому образу жизни... Предполагается, что ответы на эти вопросы появятся через два года». За это время «министерство

рассчитывает получить от ведущих отечественных вузов и исследовательских институтов фундаментальные аналитические работы. От ученых в Минтруда ожидают, в частности, исследований поведения россиян и мотивов, побуждающих семьи иметь всего одного ребенка»².

Автор этих слов, конечно, не мог не знать, что подобные исследования ведутся во всем мире уже не два и даже не двадцать лет, но именно результаты этих исследований его и не устраивали. Поэтому, с его точки зрения, имеющаяся демографическая наука была бесполезна, а нужна была какая-то другая, которая дала бы заранее известный, нужный чиновнику результат.

В таком климате научное знание развиваться не может.

Как обстоят дела не с демографией как наукой, а с состоянием демографических исследований — при указанном дефиците демографов, отсутствии опорных институтов и т. д. Насколько хорошо, иными словами, мы знаем нашу демографическую и миграционную реальность?

Знаем, но, возможно, недостаточно. Демография — это такая дисциплина, которая во многом опирается на государственную статистику, на результаты переписей населения и т. д. В этом отношении мы в лучшем положении, чем, например, социологи, которым нужно постоянно проводить полевые и эмпирические исследования.

Но официальная демографическая статистика, кстати, ухудшившаяся с конца 90-х гг. из-за непродуманных решений Государственной Думы РФ, дает не всю необходимую информацию, так что демографы тоже проводят свои полевые исследования. В качестве примера назову недавнее исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Россия впервые участвовала в подобном исследовании, которое проводится по единой программе во многих развитых странах. В России оно осуществлялось Независимым институтом социальной политики, от нашего Центра в нем участвовал Сергей Захаров. Другой пример — исследования по смертности в Удмуртии. Ведется довольно много исследований по миграционной проблематике. Но как правило, на этом направлении деятельности демографов сильно сдерживает ограниченность денежных, а главное людских ресурсов.

Относительно многих цифр, связанных, например, с миграционной ситуацией, нередко возникают методологические сомнения в их надежности. Скажем, относительно оценок численности нелегальных мигрантов, которые колеблются в очень широких пределах.

Нелегальные мигранты — они потому и нелегальные, что их число невозможно достоверно оценить. Цифры, которые приводятся,

² Время новостей. 2001. 28 марта.

263 Демографические исследования в России: история, состояние и перспективы
Беседа с Анатолием Вишневским

являются липовыми. Но, к счастью, сейчас хотя бы стали признавать, что такая проблема есть. Когда приводятся какие-то высокие цифры, например, 15 миллионов нелегальных мигрантов в России, нужно отдавать себе отчет в том, что эти цифры взяты из воздуха. Чиновники, занимающиеся безопасностью, милиция, приводя такие цифры, набивают себе цену.

Разные показатели имеют разную степень достоверности. Вполне уверенно мы можем говорить о показателях рождаемости или смертности. С браками уже ситуация сложнее, поскольку сейчас много нерегистрируемых браков. Недавно мы закончили большое исследование «Демографическая модернизация России: 1900–2000 гг.». В нем есть специальная глава, посвященная демографии как науке, где описывается, как скрывались демографические данные в прошлом, и показано, что она и сейчас еще не всегда может получить достоверные данные. Но я бы сказал, что сейчас мы знаем немало. В советское время многие данные собирались, но не публиковались. Теперь они стали доступны, но потребовалось время для их обработки и осмысления. Мы, например, работая совместно с французским Национальным институтом демографических исследований, потратили несколько лет, чтобы восстановить все ряды показателей смертности по причинам смерти начиная с 1965 г., — сейчас они доступны всем.

Каким образом выглядит на сегодняшний день поляризация позиций по актуальным проблемам демографии?

Приведу цитату из недавней статьи заместителя начальника Федеральной миграционной службы МВД России Михаила Тюркина, которая, кстати, имеет непосредственное отношение и к предыдущему вопросу. Он пишет:

Есть два наиболее известных (из опубликованных) варианта стратегии миграционной политики, и некоторые из их принципиальных различий заметны уже на уровне базовых подходов авторов. Речь идет о статье Анатолия Вишневского «Альтернативы миграционной стратегии», опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» (2004. № 6), и исследовании коллектива авторов под общей редакцией Леонида Рыбаковского (Захарова О., Иванова А., Рыбаковский Л. Национальная безопасность и демографический рост. М., 2004).

Вишневский считает миграцию преимущественным фактором восполнения населения. У Рыбаковского же ей отведена только компенсаторная (замещающая) роль при условии проведения государственной политики по увеличению уровня рождаемости хотя бы до показателя 1,5–1,6 ребенка на семью и по снижению уровня смертности, т. е. миграция, по мнению автора, должна иметь селективный характер.

Несходные стратегические установки порождают и различия тактического характера. Это, в частности, касается вопроса, кого следует принимать, а кому — отказать, ответ на который может быть найден, во-первых, исходя из принципа территориальной общности и национальной принадлежности потенциального мигранта. Рыбаковский отдает приоритет русскоязычному населению из государств — участников СНГ и стран Балтии, Вишневский же придерживается здесь более либерального подхода, а именно: «от этнического к гражданскому пониманию нации и национального». Первый автор основывается на том, что миграционный потенциал ближнего зарубежья по-прежнему высок, второй полагает обратное.

Во-вторых, имеет значение качество иммиграции. Рыбаковский предлагает делать ставку на квалифицированные кадры. А вот Вишневский говорит о возмещении потребности российской экономики в низкоквалифицированной рабочей силе, и в этой связи неясно: необходима ли быстрая натурализация иностранцев в России, или следует идти, в частности, по пути их постепенной интеграции посредством привлечения на работу?

Обе представленные точки зрения базируются на определенных прогнозах развития демографической и экономической ситуаций в России, причем по их пессимистическому варианту. На наш взгляд, при наличии двух противоречивых факторов — сложной демографической ситуации и незаконной миграции — селективный подход более приемлем в качестве приоритетного в государственной стратегии миграционной политики³.

Казалось бы, яркий пример поляризации позиций. Но по моему, она совершенно надуманная. Да, я считаю «миграцию преимущественным фактором восполнения населения». Но это — не мое «мнение», это констатация факта. Если я утверждаю, что после осени наступит зима, а не лето, я могу не рассматривать другие утверждения как равным образом обоснованные.

Для простого воспроизводства требуется 2,2 ребенка на одну женщину, а сейчас в России нужно и того больше. Пока этого нет, компенсаторную роль может выполнять только миграция — об этом говорю я, и об этом же говорит Рыбаковский. Непонятно, каким образом

³ Тюркин М. Стратегия развития миграционной политики в России // Россия в глобальной политике. 2005. № 1 [<http://www.globalaffairs.ru/numbers/12/3647.html>]. — Прим. ред.

может быть иначе, даже при уровне рождаемости в 1,5–1,6 ребенка. Саму постановку вопроса о том, что здесь могут существовать разные «точки зрения», я считаю неправильной.

Различия здесь возникают за счет игры со словами. Например, сталкиваются выражения «преимущественный фактор» и «компенсаторная роль». Но это — одно и то же. Если рождаемость выше, потребность в компенсирующей миграции — меньше, и наоборот. В прогнозах нашего Центра рассматриваются разные варианты, в том числе и вариант повышения рождаемости до уровня 1,6 ребенка и даже выше. Каким должен быть при каждом варианте объем миграции, показывает расчет, его результаты опубликованы. Сделайте другой расчет, опубликуйте, тогда и поговорим.

Вместо этого появляется апелляция к какому-то политическому подтексту, к соответствующей аудитории, чувствительной к риторике такого рода. Звучат выражения: «миграционная зависимость», «миграционная игла», «проходной двор» и т. д. Продолжая нашу аналогию с метеорологией, получается, что если мы говорим, что в декабре наступит зима, то, значит, мы обязательно хотим, чтобы в декабре наступила зима, и умышленно сопротивляемся тому, чтобы в декабре наступило лето.

Разумеется, я также не считаю, что миграция это хорошо. Если продолжить нашу аналогию, то, разумеется, мне также хотелось бы, чтобы всегда было лето. Часто бывая во Франции, я вижу, например, что происходит с Парижем в связи с наплывом мигрантов. И конечно, я не хотел бы, чтобы такое повторилось у нас. Но я понимаю, что этого нельзя избежать.

Наши прогнозы — это прогнозы-предостережения. Мы вовсе не с восторгом приветствуем приток большого количества иммигрантов, а лишь стремимся одновременно объяснить две вещи: 1) что миграция неизбежна и 2) что она таит в себе определенные опасности. Если не быть готовыми к этим опасностям, можно столкнуться с неразрешимыми проблемами, нельзя, чтобы они застали нас врасплох.

Когда же говорят о том, что можно повысить рождаемость до того уровня, какой нам нужен, и обойтись без крупномасштабной иммиграции, то это не более чем риторика, создающая иллюзию отвратимости того, что на самом деле неотвратимо. Особенно падки на эту иллюзию различные «патриотические» силы, выступающие с лозунгами «Россия для русских» и т. д. Причем содержание этих лозунгов никак не расшифровывается. Они работают на какие-то стереотипы массового сознания. А поскольку эти стереотипы очень устойчивы, то это создает ситуацию, при которой никто из политиков не рискует смотреть в лицо реальным проблемам.

Почему миграция неизбежна? В силу потребностей рынка труда?

Не только. Стране, в первую очередь, необходимо население как таковое. Россия имеет самую большую в мире территорию и при этом очень низкую плотность населения. Сокращение численности населения снизит ее еще больше. Нужно, например, как-то комплектовать нашу армию. Призывной контингент начнет сокращаться у нас с 2007 г. очень быстро. Получается, что нам придется отдавать в армию все, что у нас есть? Какое будущее ждет в таком случае нашу науку, культуру и т. д.? Но эти вакантные места в армии требуется заполнять, поскольку у нас остается, даже если отвлечься от всего прочего, огромная по своей протяженности граница, которую кому-то надо охранять.

Пустеют территории. Были потрачены огромные усилия на то, чтобы худо-бедно заселить Сибирь и Дальний Восток, а теперь оттуда идет отток. Но там необходимо какое-то население — не обязательно даже рабочая сила. Население и рабочая сила — разные вещи. На работу человек может приехать и уехать. Совсем другое дело, если человек здесь оседает, обзаводится семьей, детьми. Его дети уже ходят в русскую школу, и через 20 лет мы имеем русского человека. Может быть с другим разрезом глаз или цветом волос. Так же как французом себя считает любой выходец из алжирской семьи, который родился и вырос во Франции. Держаться же за какие-то этнические или фенотипические особенности — это означает заколачивать гвозди в собственный гроб.

Рабочая сила также нужна. Но дело здесь даже не в количестве, которое, конечно, немаловажно ввиду наших территорий, а в структуре. В советское время была категория людей, которых называли лимитчиками. Это было структурное дополнение рабочей силы крупных городов. Кто-то должен был работать в горячих цехах, на транспорте, строить, подметать улицы. Москвичи или ленинградцы не хотели выполнять эту работу уже тогда, в советское время. Они перешли в другую социальную страту. Возникавший дефицит на рынке и пополнялся этими самыми лимитчиками. К которым, кстати сказать, отношение коренного населения было ненамного лучше, чем к нынешним мигрантам.

Сейчас нередко приходится слышать о том, что нам нужны квалифицированные кадры. Конечно, нужны. Но об этом должна заботиться, в первую очередь, наша система образования, она способна давать высокую квалификацию нашим гражданам и даже экспортировать свои услуги. А чем более образовано собственное население, тем более оно нуждается в структурном дополнении, которое обеспечивало бы рабочей силой «нижние этажи» экономики. Ибо без этого и ее «верхние этажи» не смогут эффективно функционировать. Врач вам может сделать хорошую операцию, но потом вы умрете в палате, если там не окажется медсестры или нянечки.

Пришлые рабочие — это дешевая, неприхотливая рабочая сила. Представители миграционной службы любят порассуждать о том, что необходимо защищать их права и т. д. Милиция должна защищать их права в гражданской, так сказать, жизни. Если предприниматель отбирает у мигрантов паспорта, то здесь есть все основания для милицейского вмешательства. Но свои обычные трудовые права они должны защищать сами, действуя, например, через те же профсоюзы. Предприниматель всегда будет стараться ободраť рабочего человека — такова его социальная функция. Но в нормальном гражданском обществе есть институты, которые защищают интересы труда, — и это не милиция.

В то же время нельзя не понимать, что в случае с мигрантами нередко возникает ситуация, выгодная работодателям, потому что они платят меньше, чем «своим», и работникам, потому что они зарабатывают больше, чем у себя дома. К тому же они занимают те места, которые не хотят занимать наши соотечественники. Это — один из механизмов, на которых держится нелегальная, а отчасти и легальная миграция, в каком-то смысле он выгоден всей национальной экономике.

Разумеется, есть проблема неуплаты налогов и многие другие проблемы. Но каждый должен заниматься своим делом. Сбором налогов должна заниматься налоговая служба; интересы трудящихся должны защищать профсоюзы; милиция должна обеспечивать регистрацию и безопасность. Но у нас все получается вывернутым наизнанку: милиция препятствует регистрации, предприниматели дают откат налоговым органам и т. д. В результате все это приобретает совершенно уродливые формы. И та политика, которую мы наблюдаем в этой сфере, только усугубляет ситуацию, милиция на деле создает благоприятные условия для коррупции, для эксплуатации приезжих и т. д.

Но на уровне заявлений декларируются совсем другие цели.

По каким критериям оценивается работа той же самой миграционной службы? По числу депортаций нелегальных мигрантов. И это всем нравится. Но мы не слышим от них отчетов о том, насколько они повысили объем регистраций. Логика всего этого вопроса, на мой взгляд, совершенно извращена.

Какие шаги нужно предпринимать, чтобы избежать негативных последствий притока мигрантов?

Необходимо повышать нашу миграционную емкость, нашу способность «переваривать», интегрировать мигрантов в российское общество. Это не так просто: нужно обучить их языку, потратить время и ресурсы на то, чтобы они освоили наши культурные стереотипы, правила поведения и т. д. Почти такие же проблемы, кстати сказать, нужно было решать и внутри самой страны в период урбанизации. Когда крестьяне попадали в 30-е гг. в города, они совершенно не

умели жить «по-городскому». Но тогда этим специально занимались, существовали ликбезы, санпросвет, система фабрично-заводского обучения и т. п. В то время просветительскую функцию выполняла и армия...

А сейчас?

Сейчас уже нет. Мы все время отстаем, живем вчерашним днем. Сейчас армия нередко выполняет противоположную функцию: не цивилизует, а способствует одичанию. Наши армейские традиции сложились, когда армия была по преимуществу крестьянской. А сейчас большинство населения России — городское, точнее, — и это важно, — «полугородское». Собственно «город» более или менее научился избегать армии, она в основном пополняется «недоурбанизированными», промежуточными слоями — отсюда и дедовщина и многие другие проблемы. Но мы отвлеклись.

Главная задача в области миграционной политики состоит в том, чтобы создать для мигрантов своеобразный коридор, в который они входили бы одними людьми, а выходили — совсем другими. Даже если не они сами, то, по крайней мере, их дети должны быть ассимилированы (впрочем, они сами тоже должны по возможности избежать чрезмерных сложностей). Если этого не будет, то конфликты неизбежны. И дело вовсе не в количестве иммигрантов, для возникновения конфликтов достаточно очень небольшого числа людей.

Но количество тоже имеет значение.

В том-то и дело. Мы говорим, что нужны большие объемы миграции для решения наших демографических проблем, чуть не миллион в год. Но мы не готовы принимать миллион мигрантов ежегодно. Если к нам хлынет такое число мигрантов, то может произойти катастрофа. Впрочем, даже и при меньшем их притоке надо учесть ошибки, совершенные европейцами, и постараться их избежать. Европейцы не слишком заботились об интеграции мигрантов, хотя там были школы, в которых учились их дети, и т. д. В итоге возникли анклавные, сформированные по этническому принципу, где консервируются традиционные черты этноса, а интеграция тормозится.

А какое значение имеет этнический состав мигрантов?

Население мира за столетие выросло невероятно, и при этом изменился его этнический состав, рано или поздно это обернется изменением этнического состава населения России. Того мира, в котором Россия со своей территорией и своим населением могла существовать в позапрошлом веке, уже не существует. Прогнозы показывают, что если будет крупномасштабная иммиграция в Россию, то ее нынешние жители и их потомки к концу XXI в. останутся в меньшинстве. Как жить в этой будущей России?

Возьмем тот же религиозный аспект. Общераспространенное отношение к этому вопросу состоит в том, что все религии равны, у каждого свой Бог и т. д. Мультикультурализм без границ. Но здесь нужно думать очень основательно. Слишком сильное подчеркивание конфессионального своеобразия, его консервирование разобщает людей и ослабляет единство нации.

Как может сказаться приток мигрантов из густонаселенных сопредельных стран, например, из Китая? Пока мы еще отгорожены от него своими границами, защищать которые мы в состоянии все меньше и меньше. С Китаем у нас сейчас все хорошо — проводятся совместные военные маневры, делаются взаимные реверансы и т. д. Но все переменчиво. Кто может поручиться, скажем, что центральное правительство в Китае всегда будет контролировать ситуацию, как оно это делает сейчас? Мы можем смотреть на 5–10 лет вперед, но нужно видеть немного дальше. Демографическая ситуация в мире уже изменилась, а вслед за этим начинают меняться и экономические, и военные соотношения. Наивно думать, что мы сможем отсидеться вдалеке от этих процессов.

Принимать много выходцев из зарубежных стран опасно, а не принимать нельзя. Обратите внимание на стратегию американцев, которые — несмотря на все протесты и возражения — продолжают поглощать огромное количество мигрантов, сохраняя свое третье место в мире по демографическим показателям (после Китая и Индии). Они и через 50 лет будут на этом же самом третьем месте. А что мы будем делать со 100 миллионам на нашей территории? Мы ее просто-напросто не удержим.

Каким образом вы рассматриваете проблему русской диаспоры, оказавшейся в других странах после распада СССР? Может ли политика, направленная на стимулирование их возвращения в Россию, решить наши проблемы с населением? Или же за этими рассуждениями нет ничего, кроме благих пожеланий?

Ответ на этот вопрос зависит от региона. Если речь идет, например, о Средней Азии, то другого выхода, кроме возвращения русских в Россию, я просто не вижу, само пребывание в этом регионе для них становится опасным. Еще в начале 90-х гг. там проводились опросы, которые показывали, что в Средней Азии русские все еще чувствуют себя комфортно, в безопасности. Несмотря на это, они хотели уехать в Россию. Когда такие же опросы проводились в Прибалтике, то картина была обратная: русские говорили, что их обижают и притесняют, но возвращаться они не хотели. В массовом масштабе жить русским в Киргизии столь же нелогично, как и французам жить сейчас в России. Речь может идти о каких-то единичных случаях, а не о правиле.

Сложнее ситуация на Украине или в Казахстане. В Северном Казахстане есть места достаточно компактного проживания русских.

Например, в той же Караганде в основном живут русские, там есть университет, нет проблем с русским языком и т. д. Не думаю, что сейчас они все бросятся в Россию, хотя определенный отток идет и оттуда. Но власти Казахстана обеспокоены этой проблемой, и они стараются предотвратить выезд русских. Ведь там те же проблемы, что и у нас, — население сокращается, территория очень большая, рядом Китай, которого они очень боятся.

С Украиной еще сложнее. Там русские просто считают, что живут у себя. Рассчитывать на существенный приток русских из Украины, на мой взгляд, не приходится. А если вдруг на Украине установится более либеральный политический и экономический режим, то о том, что кто-то поедет сюда из Украины, можно будет вообще забыть. Из Прибалтики к нам мало кто поедет.

Но даже если предположить маловероятное — что все русские из «ближнего зарубежья» вернутся в Россию, ее демографические проблемы несколько смягчатся, но для их полного решения этого ресурса недостаточно.

Какие исследовательские центры сейчас в России занимаются демографией?

В Московском государственном университете есть Центр по изучению проблем народонаселения, которым заведует Валерий Елизаров, а также кафедра народонаселения, которой заведует Владимир Ионцев. Есть наш Центр демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. В Институте социально-политических исследований есть Отдел социальной демографии, которым руководит Леонид Рыбаковский. Формально над этими проблемами должен был бы работать и уже упоминавшийся Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, но в основном они занимаются экономическими вопросами — бедностью и т. д. Однако к демографии в собственном смысле слова эти проблемы, на мой взгляд, отношения не имеют. Кроме того, в различных академических институтах можно встретить отдельных специалистов. Перечисленными центрами, пожалуй, и исчерпывается все наше сообщество демографов.

На этом фоне вызывают удивление заявления некоторых представителей власти, которые вдруг заявляют о том, что нужно бросить миллиарды на повышение рождаемости. Прежде чем тратить такие деньги, стоило бы потратить хотя бы один процент из этой суммы на проведение соответствующих исследований. Куда там!

Кто финансирует главным образом ваши исследования?

В основном все финансируется иностранцами. Это зарубежные гранты и проекты. Даже когда мы делаем исследования на деньги, казалось бы, российского ведомства, зачастую это опять же зарубежные деньги, кредиты Мирового банка или что-то в этом роде.

271 ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Беседа с Анатолием Вишневским

Приведу один пример. С 1994 г. мы издаем ежегодный демографический доклад «Население России», издано уже 10 докладов. Нам никто это не поручает, он не стоит ни в каких планах и, соответственно, никак не финансируется. Всякий раз нам приходилось прилагать неимоверные усилия для поиска средств, которые нужны даже не для исследований, а для простой публикации этого ежегодника. А речь идет о тысяче долларов — огромная сумма для нынешней России, не правда ли? Последние годы с публикацией (не с исследованиями) нам помогал Фонд ООН по народонаселению, который вообще-то призван помогать бедным развивающимся странам. Только в этом году впервые мы сможем издать наш доклад в издательстве «Наука» бесплатно. Но обращаю внимание на то, что само это теперь уже 12-летнее предприятие — просто наша личная инициатива, никто никогда нас об этом не попросил. По сути, это самодеятельность.

Изменяется ли как-то система финансирования в последнее время в связи с заметным уходом западных фондов из России?

Пока мы этого не заметили, но, в принципе, это может стать очень серьезной проблемой. Я не представляю себе, как сможет существовать тот же «Демоскоп». Там только зарубежные гранты. Там нет ни одного российского рубля. Если фонды уйдут, он может просто прекратить свое существование.

Каким образом выстраиваются ваши отношения с зарубежными коллегами, существует ли здесь общее пространство коммуникации?

Коммуникация у нас очень интенсивная, но иногда она обрывается для нас потерями. У нас очень тесные связи с французским Национальным институтом демографических исследований, о котором я уже упоминал. Кстати, именно французы помогают нам с 1994 г. издавать бюллетень «Население и общество», поддерживают «Демоскоп», и все это — совершенно безвозмездно и бескорыстно. В проектах по исследованию России совместно работают и французские специалисты экстра-класса, и наши исследователи.

Потери же обычные: утечка мозгов. В этом году на Всемирном конгрессе демографов престижная премия Международного союза по научному изучению населения (IUSSP), которая раз в четыре года присуждается одному демографу за наибольший вклад в сравнительные исследования, была вручена нашему бывшему сотруднику Владимиру Школьникову. Сейчас он работает в институте Макса Планка в Германии. Обидно, что не у нас, но ведь мы понимаем, что там его мозги были востребованы, а здесь — нет.

В чем мы отстаем от западных исследователей? Демография как наука обширна, она имеет сложную внутреннюю структуру, включает в себя экономическую демографию, этническую демографию и т. д.

И мы не покрываем всю эту структуру, занимаясь только центральным ее островком — собственно демографическими проблемами (рождаемость, смертность, миграция). Если французский институт — это огромное шестизэтажное здание, то в нашем центре — всего шесть комнат. К этому следует добавить проблему молодого поколения. Понятно, что к нам, на наши зарплаты просто никто не идет. И хотя мы продержались долго — больше 15 лет, но сейчас я не вижу перспектив. Все резервы, которые были, мы уже исчерпали. В коллективе у нас поддерживается очень хорошая атмосфера, но все же чувствуется, что люди выдыхаются, устают, да и просто стареют. Даже если бы сейчас речь зашла о создании специального института, мы бы просто не смогли сразу набрать нужного числа специалистов. И тем не менее у нас ситуация все же лучше, чем, например, на той же Украине, где демографический институт уже создан.

В Грузии летом 2005 г. я проводил семинар для представителей трех закавказских государств. И видно, что к нам тянутся — в силу давних исторических связей, в силу того, что мы ближе к центрам цивилизации, у нас выходит какая-то литература и т.д. Но подобные контакты становятся все более редкими. В том же французском Национальном институте демографических исследований постоянно стажировались молодые ученые со всего мира, они устанавливали долговременные научные связи, усваивают какие-то точки зрения. Это важный канал влияния. Но у нас и об этом никто не думает.

Беседовал Виталий Куренной

Александр Никулин

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

Изучение сельской России за прошедшие полтора десятилетия прошло несколько этапов, связанных с общими процессами самопознания российского общества. Можно выделить три основных этапа на этом пути:

1. Обретение интеллектуальных аграрных традиций — как отечественных досоветских, так и мировых современных, начавшееся в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в.
2. Признание и исследование процессов глубокой сельской социально-экономической дифференциации, ярко проявившихся в период трансформационного перехода через приватизацию к рынку в 90-е гг.
3. Междисциплинарное стремление к интеграции аграрных знаний и практик.

Конечно, эти вехи не были абсолютно последовательными и автономными. В любой исторический период общественные традиции, дифференциация, интеграция сосуществуют, трансформируя доминанты своих соотношений в конкретный период времени.

Обретение традиции

Три важнейших составляющих для возвращения в Россию традиции мировой аграрной мысли привнесла с собой перестройка.

Во-первых, реабилитацию имен и идей исследователей сельской России первой трети XX в. Во-вторых, признание идеи многоукладности, многовариантности аграрного развития. В-третьих, свободное общение с зарубежными аграрниками, изучение и применение их исследовательских концепций и методов.

Реабилитация российских аграрников, большинство из которых было репрессировано еще в 1930 г. по делу Трудовой крестьянской партии, прошла в 1988 г., совпав со столетним юбилеем выдающегося представителя российской и мировой аграрной социально-экономической науки А.В. Чаянова. В течение ближайших нескольких лет были переизданы основные труды А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и других российских аграрников. В их работах отстаивались идеи многоукладной аграрной экономики, в которой уклад именно крестьянско-фермерского хозяйства являлся центральным для всего сельского хозяйства. Вместе с тем эта классическая аграрная традиция признавала

важное значение и иных, например, крупных форм аграрного производства, основанных на широком применении наемного труда сельских рабочих. Главной задачей аграрной политической экономии с точки зрения ученых школы Чаянова являлось нахождение оптимальных соотношений между различными «крупными» и «мелкими», «семейными» и «наемными» хозяйственными формами.

Освоение запрещенного и забытого (со сталинских времен) аграрного наследия, казалось, пришлось как нельзя кстати в горбачевских попытках реформировать ортодоксальное советское сельское хозяйство, упершееся в тупик неэффективного и расточительного хозяйствования огосударственного аграрно-промышленного комплекса.

От догматических приоритетов превосходства крупного казенного сельского хозяйства аграрная идеология советской перестройки попыталась вернуться к идеям многоукладности и многовариантности сельского развития.

Можно выделить три важнейших вехи в этих попытках аграрных реформ: первое — идея арендного подряда; второе — развитие сельской кооперации; третье — становление многоукладной сельской экономики, поощряющей развитие крестьянско-фермерских хозяйств.

Арендный подряд предполагал стимулирование эффективных взаимовыгодных отношений между «мелкими» семейно-родственными хозяйственными формами, инкорпорированными в «крупных» формах колхозов и совхозов.

Принятый в период перестройки Закон о кооперации (1989) относительно сельского хозяйства должен был, прежде всего, стимулировать развитие негосударственных форм собственности в виде малых и средних предприятий отраслей аграрной переработки и сельскохозяйственных промыслов, по которым существовали серьезные диспропорции в советской экономике.

Наконец, принятие законов о земельной реформе и о крестьянско-фермерском хозяйстве (1990) должно было инициировать возрождение и развитие семейной крестьянской экономики в условиях плюрализма форм собственности и хозяйств ¹.

Развитие идей многовариантности, многоукладности перестроечного села сопровождалось возникновением исследовательских аграрных проектов международного уровня, направленных на преодоление советского деления аграрной науки на реакционную (буржуазную) и прогрессивную (социалистическую) ².

Безусловные успехи в возвращении и развитии лучших традиций отечественной и зарубежной аграрной науки тем не менее совпали с глубоким социально-политическим и культурно-историческим

¹ См.: Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России. М., 1995.

² См.: Шанин Т. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.

кризисом, распадом советского строя, который чувствительно проявился и в российском селе.

Накануне коллапса 1991 г. в советской аграрной экономике уже было обнаружено, что разумные меры развития арендного подряда, кооперации, крестьянско-фермерских хозяйств приносят в целом позитивный, но очень скромный эффект, абсолютно несопоставимый с фантастическим ростом, например, аграрного развития Китая. Исследователи подчеркивали, что мощная инерция застойных особенностей советской сельской социальной структуры заключалась, во-первых, в высокой забюрократизированности, огосударствленности советского села, проявившаяся в тотальном чиновничьем контроле над новыми формами аграрного подряда и фермерства; во-вторых, в далеко зашедших процессах «раскрестьянивания» деревни, приведших к исчезновению навыков самостоятельных экономик семейных хозяйств и деревенских общин, трансформации бывших крестьянских миров во фрагментарные, часто алкогольно-люмпенизированные механические сообщества наемных рабочих колхозов и совхозов. В этих условиях путь возвращения к традициям крестьянско-кооперативной многоукладности представлялся слишком медленным, а то и утопически невозможным.

Рост дифференциации

Для ускорения аграрных преобразований после распада СССР новая российская власть обращается к рецептам экономического либерализма. В декабре 1991 г. российским правительством принимается постановление *о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий*. К середине 90-х гг. был осуществлен ряд мер экономической либерализации в отношении российского сельского хозяйства: введение ценообразования свободного рынка; свертывание государственных дотаций в сельском хозяйстве; акционирование и приватизация колхозно-совхозной собственности; поощрение шагов к введению частной собственности на землю. Это была решительная, спонтанная шоковая агротерапия, которая оказалась серьезным испытанием для села и вызвала диаметрально противоположные оценки специалистов. Например, ведущий представитель отечественного аграрного либерализма Е.В. Серова в целом позитивно оценивает этот период, подчеркивая неизбежность спада производства и социального кризиса, обусловленных предшествующим советским социально-экономическим наследием. Под руководством Е.В. Серовой было проведено оригинальное компаративистское изучение аграрных реформ в странах бывшего евразийского коммунистического блока от Восточной Германии до Вьетнама. В сводных таблицах этого исследования было показано, что в разных странах применялись различные либеральные

подходы в аграрных преобразованиях. Так, в вопросах земельной собственности в одних странах обращались к реституции, где-то к акционированию и делению земли на пай, в других странах ведущей была аренда земли. В одних странах решительно разрушали бывшие крупные социалистические предприятия (госхозы, колхозы, совхозы, кооперативы), в других медленно их трансформировали. Но результат по двум группам стран за 90-е гг. оказался на редкость устойчивым. Первая, самая большая группа, куда вошли все бывшие социалистические страны Восточной Европы (за исключением Албании), а также весь бывший СССР, продемонстрировала безусловный спад аграрного производства с незначительными колебаниями в ту или иную сторону. Вторая — малочисленная группа бывших коммунистических стран, состоящая из Китая, Вьетнама и Албании, наоборот, показала значительный рост сельскохозяйственного производства. Объяснение этого фундаментального и устойчивого различия, предложенное Серовой, очень просто. Аграрная экономика первой группы стран находилась на индустриально-бюрократическом уровне развития и организации сельского хозяйства, оказавшемся весьма уязвимым при вхождении в рыночную экономику. Вторая группа стран базировалась в основном на традиционной крестьянской экономике, способной гибко и продуктивно приспособиться к рынку.

Впрочем, у российских аграрных либералов оказались и суровые оппоненты, обвинившие их реформы в безграмотности, безответственности, своекорыстии, а также в попытках оправдать постсоветский аграрный кризис ссылками на фатализм объективной ситуации, подобно вышеприведенной концепции Серовой.

Так, по мнению С.А. Никольского, изначально у реформаторов не существовало четкого плана аграрных реформ, они шли по пути спонтанных, рефлекторных, противоречивых мер, в результате лишь запутывавших отношения земельной собственности, блокировавших стимулы к высокопроизводительному сельскому труду³. По мнению В.П. Данилова, волюнтаристский курс на деколлективизацию и насаждение фермерства первой половины 90-х гг. сменился к концу 1990-х очередным курсом на раскрестьянивание России через создание крупных частнокапиталистических аграрных компаний, контролируемых союзом спекулятивного капитала и коррумпированного чиновничества⁴.

В целом за первое постсоветское десятилетие производство многих важнейших видов сельскохозяйственной продукции сократилось

³ См.: Никольский С.А. «Аграрная реформа» 1991–1995 гг. и проблема модернизации российской деревни // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1996.

⁴ См.: Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) // Osudy zemedelskeho druzstevnictvi ve 20. stoleti. Sbornik prispevku z mezinarodni konference konane ve dnech 15.–16. kvetna 2002 venovany Lubomiru Slezakovi k 70. narozeninam. Studie Slovackeho muzea, Uherske hradiste, 7/2002, 107–120.

до уровня начала 60-х гг. Понизился уровень жизни обитателей деревни из-за резкого сокращения зарплат на селе, а то и многомесечных-многолетних денежных невыплат. Даже традиционное деревенское подворовывание из колхозов в собственные подсобные хозяйства стало во многих случаях невозможным из-за окончательной разрухи и остановки деятельности многих колхозов. С другой стороны, идеалистические либеральные надежды на то, что политически освобожденные жители села инициативно и самостоятельно обратятся к независимым фермерским формам ведения хозяйства, нигде широко не воплотились в жизнь. Хотя в начале 90-х гг. и казалось, что в России набирает обороты фермерское движение, но, достигнув численности примерно в 250 тыс. фермерских хозяйств и произведя максимум 2% сельскохозяйственной продукции страны, фермерство остановилось в своем развитии, а в некоторых регионах даже пошло на спад. Новый фермер, не имея разумной государственной поддержки в виде доступных кредитов, системы реализации произведенной им продукции, эффективной кооперации со своими товарищами, остался один против трех великих недоброжелательных сил: спекулятивного рынка, бюрократического государства и местного сельского сообщества, в котором часто тон задают бедные спившиеся индивиды, завидующие умелым и зажиточным односельчанам⁵.

Вместе с тем надо признать, что в 90-е гг. не реализовался и худший, тревожный постсоветский прогноз полного коллапса российского села, результатом которого мог стать массовый голод. Да, массовый спад сельхозпроизводства был, но за ним не последовали признаки надвигающегося голода. Главная причина — с исчезновением крестьянства автоматически не исчезла сельская ментальность российского народа. Получив в начале 90-х гг. широкую возможность обзаводиться собственными дачными и приусадебными участками, жители России, между прочим, являются невиданным в мире гигантским социумом мелких сельских собственников, ведущих массовое, официально почти не регистрируемое натуральное производство аграрной продукции прежде всего для самопотребления. Значению сохранения и выживания сельской ментальности мелких семейных хозяйств России был посвящен ряд специальных исследований⁶.

В центре большинства исследовательских проблем постсоветской сельской России оказалась перманентно возрастающая дифференциация во всех ее многообразных проявлениях — региональных, экономических, социальных. Эта дифференциация на сельские богатые и бедные регионы, предприятия, семьи имеет ряд характерных

⁵ См.: *Нефедова Т.Г.* Мнимые фермеры // Политический журнал. 2005. 4 апр.

⁶ См.: *Алексеев А.И., Симагин Ю.А.* Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские реги-

оны в новых экономических условиях. М., 1996; *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003; *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2002 гг. М., 2003.

черт. Во-первых, в масштабах страны явно проявляются закономерности знаменитой модели аграрной дифференциации немецкого эконом-географа фон Тюнена, характерные для мирового сельского хозяйства еще вековой давности, что было хорошо показано в исследованиях социального географа Т. Нефедовой. Суть тюненовской модели — рыночное сельское хозяйство интенсивно развивается, прежде всего, вокруг крупных городов и на плодородных землях. По мере удаления от городов и плодородных почв рыночное хозяйство почти прямо пропорционально уменьшает свой потенциал, а в «глубинке» и вовсе сходит на нет — там выживает лишь экономика натуральных семейных хозяйств. В экономике современных развитых западных стран старинная тюненовская модель почти уже не работает. А в России решающее рыночное преимущество имеет главным образом лишь тот фермер и то предприятие, которое хозяйствует поближе к Москве, или хотя бы к областному центру, или на землях Южного Черноземья — лучше всего на Кубани ⁷.

Но кроме роста дифференциации по местоположению, выгодному или невыгодному, происходит рост дифференциации классовой — вполне в марксистском смысле этого слова. Процессы приватизации бывшей колхозно-совхозной собственности не носили в целом столь скандальный характер, как приватизация добывающих отраслей промышленности. Местные элиты — бывшие председатели колхозов, чиновники районных и областных управлений сельским хозяйством — исподволь, с оглядкой на местных жителей, превращали в свою частную собственность землю, здания, сооружения, технику бывших советских сельхозпредприятий. В бедных регионах местные сельские элиты не слишком обогатились (в силу отсутствия того, что можно было с выгодой для себя приватизировать). Иначе обстояли дела в богатых регионах. В Центральном Черноземье, на Северном Кавказе и землях, и сельхозпроизводство, сконцентрированные частными владельцами, приносят громадный доход бывшим номенклатурщикам, получившим в 90-е гг. прозвище «красных помещиков». В исследованиях немецкого социального географа П. Линднера детально показаны внутренние региональные механизмы этих явлений ⁸.

После дефолта 1998-го, когда курс рубля по отношению к иностранной валюте изменился в пользу отечественного товаропроизводителя, сельским хозяйством ринулись заниматься уже крупные финансовые структуры и сырьевые компании. В результате последние годы как грибы растут так называемые агрохолдинги — крупные капиталистические корпорации, скупающие на корню в гигантских масштабах местное сельскохозяйственное производство, ставящие под

⁷ См.: Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

⁸ См.: Линднер П. Дифференциация продолжается: репродукционные круги богатства и бедности в сельских сообществах России // Социологические исследования. 2002. № 1.

свой экономический контроль местные сельские элиты путем банкротства их предприятий или выплаты им «отступного». «Красные помещики» 90-х гг. оказались под ударом «белых олигархов» начала XXI в. Аграрная пресса, например, газета «Крестьянские ведомости», уделила много внимания конфликтам между новыми и старыми агровластями, резко обострившимся это время.

Безусловно, на селе в результате постсоветских переделов собственности появились отдельные эффективные хозяева крупных аграрных предприятий, производительно и прибыльно ведущие свой бизнес. Уже несколько лет анализируется рейтинг трехсот самых успешных аграрных предприятий России исследовательским коллективом В. Узун (ВИАПИ)⁹. Как свидетельствуют эти исследования, разрыв между отдельными успешными и массой безуспешных предприятий все возрастает. Эта «трехсотка» самых прибыльных сельских предприятий в 2001 г. произвела продукции на сумму, эквивалентную производству 17 тыс. бедных и нищих постколхозов России (тогда как всего в России существует около 25 тыс. сельхозпредприятий).

Кроме того, на селе резко проявляется специфически российский тип дифференциации, основанный на субъективно-личностном факторе. Среди массы бедных апатичных семейных хозяйств или полуразрушенных аграрных предприятий России иногда — вопреки тюневской модели околгородского процветания — можно обнаружить удивительные оазисы высококультурного, высокопроизводительного сельского хозяйства. Эти оазисы могут функционировать то в виде хозяйства большой фермерской семьи, расширяющей свое подворье по соседству с множеством бессильных и безвольных семейных экономик, то в виде зажиточного традиционного колхоза или постсоветского АО, руководимого талантливым председателем-«хозяином» и резко выделяющегося на фоне большинства дышащих на ладан аграрных предприятий. Воля и талант таких отдельных семей и руководителей в постсоветский период иногда проявляют себя с невиданной, поразительной силой, в то время как на другом полюсе сельского социума усиливается массовая апатия бесперспективности своего социально-экономического существования¹⁰.

Все вышеупомянутые типы дифференциации способствуют закреплению и воспроизводству жесткого характера отдельных страт сельских социумов. В центре раздробленных сельских социально-экономических структур сформировался локальный мирок избранных новых сельских русских элит. Но на гигантской периферии сельских социально-экономических пространств России самовоспроизводится

⁹ См.: Узун В.Я. Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. Вып. II. М.: ВИАПИ, ЭРД, 2004.

¹⁰ См.: Никулин А.М. Из колхоза — на ферму, в глубинку, в кооператив, в холдинг, в асьенду? // Кто и куда стремится вести Россию? М.: МВШСЭН, 2001.

массовая хроническая бедность по типу сельских регионов стран третьего мира, отягченная специфически российским демографическим кризисом¹¹. Как показывают исследования специалистов по сельской бедности Л. Овчинцевой и Г. Родионовой, современная российская сельская бедность имеет собственную количественную и качественную специфику в сравнении с городской. В частности, в количественном отношении населения с доходами ниже прожиточного минимума здесь в 1,5–1,3 раза превышает городской уровень, а дефицит доходов, требуемых для преодоления черты бедности, выше, чем в городах. Оплата труда в сельском хозяйстве самая низкая по отраслям, поэтому общероссийский рост средних показателей зарплаты в большей степени сокращает бедность в городах, где сконцентрированы более высокооплачиваемые рабочие места¹².

Особенности интеграции

Стремление к социально-экономической и социально-политической интеграции, обнаруживающееся в российском обществе начала XXI в., начинает проявляться и в сельской России. Оно имеет несколько форм, каждая из которых поляризует оценки исследователей.

Во-первых, происходит интенсивная «интеграция сверху» аграрного производства, осуществляемая крупным агробизнесом после 1998 г. Разброс мнений современных исследователей о значении и последствиях этого процесса простирается от безусловно позитивных оценок (рост профессионального глобального агробизнеса модернизирует сельскую Россию) до в основном негативных (рост горячечной гигантомании власти и капитала в сельской России приводит к развитию и укреплению реакционных олигархических структур)¹³. Взвешенной позиции придерживается В. Узун, который, признавая положительный эффект от капиталистической «интеграции сверху», отмечает, что она пока так и не решила фундаментальных проблем интегрирования экономики семейных хозяйств в крупное агропромышленное производство. Не была решена проблема забюрократизированного менеджмента и стимулирования к производительному труду (без воровства) наемных сельскохозяйственных рабочих, сохраняется опасная тенденция постановки местных сельских территорий под контроль неместного бизнеса¹⁴.

Во-вторых, имеет место «интеграция снизу», проявляющаяся во встраивании формального и неформального структур семейных хозяйств в структуры крупного аграрного производства. В принципе эта

¹¹ См.: Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

¹² См.: Овчинцева Л.А. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1.

¹³ См.: Никулин А.М. Новейшая гигантомания // Политический журнал. 2005. 4 апр.

¹⁴ См.: Узун В.Я. Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. Вып. II. М.: ВИАПИ, ЭРД, 2004.

интеграция существовала и в советское время, выживала, даже развивалась в 90-е гг. Этот эффект в основном неформального взаимодействия семейных хозяйств колхозников с колхозным промышленным сектором получил название «симбиоза крупхоза»¹⁵. Постсоветский период показал, что крупные аграрные предприятия — бывшие колхозы — можно реформировать различными рыночными путями, превращая колхозы в разные формы акционерных обществ или сельскохозяйственных кооперативов. Эффективность последующей работы таких предприятий не определяется безусловно избранной ими конкретной правовой формой. Во многом эффективность, устойчивость крупного предприятия будет определяться специфическим симбиотическим взаимодействием с отдельными семейными хозяйствами и всем местным сообществом в целом (выражаясь, например, в поддержке им социальной инфраструктуры — школы, детского сада, медицинского обслуживания). Подобная симбиотическая интеграция во многом сохраняет черты традиционалистского уклада: здесь еще не произошло, если воспользоваться терминологией М. Вебера, отделение семьи от предприятия, позволяющее рационализировать ведение хозяйства. Крупхоз во многом продолжает оставаться большим патримониальным хозяйством местного сообщества, где часто социальное обеспечение ценнее бизнеса, а общинное выживание важнее индивидуального развития¹⁶.

В-третьих, огромное значение для сельской России приобретает интеграция региональная и локальная, связанная с трансформацией локальных территорий и ландшафтов, а также реформированием местного самоуправления. Парадоксы дезинтеграции и интеграции российского сельского пространства глубоко исследованы в работах социальных географов А. Алексеева, Т. Нефедовой, Б. Родомана. Так, по мнению Б. Родомана, 1991 г. не затронул трех китов, на которых держалось социальное пространство советского населения: дешевого жилья, обширных угодий для огородов и браконьерства, дешевого проезда между пространствами городских жилищ и просторами сельских огородов.

Этот глобальный провинциально-перефирийный социально-экономический уклад в последнее время подвергается разрушительному натиску ряда государственных реформ (монетизации льгот и, соответственно, транспортных услуг). Но в целом российский культурный ландшафт продолжает изобретательно сопротивляться, сохраняя интегрирующую инерцию собственного исторического развития, обладая при этом пока еще мало востребованным уникальным эколого-рекреационным потенциалом мирового значения¹⁷.

¹⁵ См.: *Фадеева О.П.* Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003.

¹⁷ См.: *Родоман Б.Б.* Культурный ландшафт против легальной монетизации // Пути России: двадцать лет перемен. М., 2005.

¹⁶ См.: *Родионова Г.А.* Приватизация земли: выжить или преуспеть? // Отечественные записки. 2004. № 1.

Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 2003 г. инициировал также серию критических аналитических комментариев российских ученых-аграрников о потенциальных возможностях интеграции местных территорий. Главный упрек состоял в том, что эта реформа местного самоуправления в очередной раз спускается исключительно сверху. В нем заложены старые принципы централизованного чиновничьего контроля и планирования, мало учитывающие специфику и волю местных территорий и их жителей¹⁸.

Региональная интеграция тесно связана и с исследованием проблем межнациональных, межэтнических отношений в сельской России. Не секрет, что во многих сельских регионах, где имеется сильная депопуляция коренного русского населения, наблюдается прилив сельских трудящихся-мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья: китайцев и корейцев, узбеков и таджиков, дагестанцев и чеченцев¹⁹.

Наконец, существуют серьезные исследовательские проблемы интеграции российского сельского хозяйства в глобальную аграрно-экономическую сеть, в частности, в ходе запланированного вступления России в ВТО. Этому вопросу были полностью посвящены одни из последних Никоновских чтений (2003). В целом у большинства российских аграрников можно встретить настороженное отношение к идее вступления в ВТО. Они не рекомендуют форсировать сам этот процесс, а также придерживаться курса маневренного протекционизма²⁰.

¹⁸ См.: Алексеев А. Территориальное устройство российского общества: районирование и административное деление // Общество и государство. М., 2005; Кузнецова Т. Муниципальный уровень современной России: состояние и перспективы // Общество и государство. М., 2005.

¹⁹ См.: Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. 2004. № 2.

²⁰ См.: Крылатых Э. Чем обернется вступление России в ВТО для сельского хозяйства страны? // Отечественные записки. 2004. № 1.

Основные информационные источники по аграрным исследованиям России (1990–2005)

Публикации

Алексеев А.И., Симагин Ю.А. Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях. М., 1996; Алексеев А. Территориальное устройство российского общества: районирование и административное деление // Общество и государство. М., 2005; Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998; Глазьев В. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2003; Город и деревня в европейской России: Сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001; Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) // Osudy zemedelskeho družstevnictví ve 20. století. Sborník příspěvků z mezinárodní konference konané ve dnech 15.–16. května 2002 venovány Lubomíru Slezákovi k 70. narozeninám. Studie Slovackeho muzea, Uherské Hradiště, 7/2002, 107–120; Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000; Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999; Крестьяноведение. Ученые записки Центра крестьяноведения и сельских реформ. Вып. 1–3. 1997–1999; Крылатых Э. Чем обернется вступление России в ВТО для сельского хозяйства страны? // Отечественные записки. 2004. № 1; Кузнецова Т. Муниципальный уровень современной России: состояние и перспективы // Общество и государство. М., 2005; Линднер П. Дифференциация продолжается: репродукционные круги богатства и бедности в сельских сообществах России // Социологические исследования. 2002. № 1; Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003; Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. 2004. № 2; Нефедова Т.Г. Мнимые фермеры // Политический журнал. 2005. 4 апр.; Неформальная экономика Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России. М., 1995; Никоновские чтения. М.: ВИАПИ. Вып. 1–9. 1996–2004; Никольский С.А. «Аграрная реформа» 1991–1995 гг. и проблема модернизации российской деревни // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1996;

Никулин А.М. Из колхоза — на ферму, в глубинку, в кооператив, в холдинг, в асьенду? // Кто и куда стремится вести Россию? М.: МВШСЭН, 2001; Никулин А.М. Новейшая гигантомания // Политический журнал. 2005. 4 апр.; Овчинцева Л.А. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1; Пацюрковский В.В. Сельская Россия: 1991–2002 гг. М., 2003; Петриков А.В. Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М., 1995; Рейтинг наиболее крупных и эффективных производителей сельскохозяйственной продукции. М.: Росагрофонд, 2000–2003; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследования сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002; Серова Е.В. Аграрная экономика. М., 1999; Родионова Г.А. Приватизация земли: выжить или преуспеть? // Отечественные записки. 2004. № 1; Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире: «нестандартное решение»? // Пути России. М., 2004; Родоман Б.Б. Культурный ландшафт против легальной монетизации // Пути России: двадцать лет перемен. М.: 2005; Узун В.Я. Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. Вып. 11. М.: ВИАПИ, ЭРД, 2004; Фадеева О.П. Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003; Шанин Т. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992; Шанин Т. Крестьянства нет, крестьянский вопрос есть // Политический журнал. 2005. 4 апр.; Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989; Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1991; Чаянов А.В. Теория сельскохозяйственной кооперации. М., 1991; Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян 1992–2002. М., 2005; Agrarian Reform in Post-Soviet Russia. Ed. by J. O'Brien & S. K. Wegren. Washington D.C., 2002; The Postsocialist Agrarian Question. Ed. by Chris Hann. Transaction Publishers, 2003.

Интернет-сайты специализированных периодических изданий и исследовательских центров

Всероссийский институт аграрных проблем информатики; газета «Крестьянские ведомости»; журнал «Агробизнес»; журнал «Отечественные записки» (2004. № 1 — тематический номер, посвященный сельской России); Конвенция независимых социологических центров; Центр крестьяноведения и сельских реформ.

Борис Межуев

ГЕОПОЛИТИКА

К возрождению геополитики в постсоветской России как социальному феномену исследователи обращались неоднократно. Так, Леонидом Иониным было отмечено, что геополитика возродилась в 90-е гг. в качестве консервативного ответа¹ одержавшему на время верх в идеологической борьбе прогрессистскому мировоззрению. В том же духе высказался и Анджей Новак, который увидел в геополитике «эрзац идеологии в тех державах, которые уже утратили свои империи, но еще не нашли своего места в международных отношениях»².

Геополитика действительно приобрела в постсоветской России идеологические функции очень быстро, хотя и не сразу. В статье «Геополитика как мировидение и род занятий» Вадим Цымбурский³ обращает внимание на то, что геополитика первоначально — в том числе в устах министра иностранных дел РФ А. Козырева — стала «синонимом политического прагматизма в противовес прежним, принятым в СССР идеологически нагруженным теориям внешней политики». Тем не менее уже с 1992 г. возникает совершенно иное и в чем-то парадоксальное понимание геополитики как своего рода крипто-идеологии, не только предписывающей совершенно определенную политику государству, но и задающей как бы «объективно верные» ценностные ориентиры для государственной деятельности. Такого рода «реидеологизация геополитики» в первую очередь связана с деятельностью неоевразийской группы Александра Дугина и его журнала «Элементы». Яркая публицистика Дугина способствовала тому, что в течение практически всех 90-х гг. слова «геополитика», «консервативная революция», «традиционализм» и в какой-то мере «евразийство» ассоциировались в первую очередь именно с его именем.

Дугин ввел старое, идущее со времен Х. Маккиндера, но принятое и в некоторых современных мирополитических концепциях разделение на центры «морского» и «континентального» могущества в качестве основания для изображения вообще всей политики как столкновения сил Суши и сил Моря. Причем вслед за антибританской германской публицистикой 20–40-х гг. XX в. Дугин усматривал в этом

¹ См.: Ионин Л.Г. Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика // Социс. 1998. № 10.

² Новак А. Соблазны геополитики // Русский журнал. 2002. 25 сент. [http://www.iicas.org/articles/library/30_09_02_libr_rus_gp.htm].

³ См.: Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4 [<http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/interp/rofession/>].

столкновении борьбу не только государств, но и различных экономических систем (государственного социализма и либерального капитализма), а также метафизических систем, в конечном счете — альтернативных религиозных программ. Иными словами, географические категории представляли в творчестве Дугина и его группы не объектами для изучения, но проекцией определенных философско-политических установок. Это вывело разговор о геополитике в плоскость идеологической борьбы.

Леонид Ионин, описывая эту трансформацию понятия «геополитики», попытался разграничить «органическую» ее концепцию, тяготеющую к консервативным подходам, от «прагматической»⁴. Между тем такое разделение едва ли возможно в силу того, что эти альтернативные разновидности одной концепции часто пересекаются между собой. Консервативные геополитики очень часто хвалят политику Сталина именно за то, что он решился поставить государственный расчет выше коммунистической идеологии, пойдя на сближение с врагами коммунизма и в 1939 г., и в 1941 г. С другой стороны, вполне определенные идеологические обертоны определяют направление анализа тех либеральных публицистов, кто подобно Игорю Яковенко⁵ использует термин «геополитика» для обозначения рода своих занятий, кто, в частности, полагает, что даже установка на сохранение территориальной целостности России в ее нынешних границах также мотивирована не только прагматическими соображениями, но и определенными идеологическими установками.

Стремясь противопоставить «геополитику» «идеологии», одновременно указав на их пересечение в конкретных стратегических расчетах, Константин Плешаков в 1995 г. ввел понятие «геоидеологическая парадигма»⁶. Плешаков признавал возможность соединения «геополитики» и «идеологии», а также вариант превосходства «геополитики» над «идеологией». Однако он усомнился в вероятности ситуации, когда «идеология» довлела бы над «геополитикой» (в качестве единственного случая такого рода он указал на политику раннего большевизма в 1917–1920 гг.).

Между тем с конца 90-х гг. геополитика начинает восприниматься в качестве синонима особой консервативной идеологии, обладающей своим особым набором ценностных установок. Основной причиной такого рода переосмысления термина «геополитика» стало оспаривание адекватности самой этой дисциплины с самых разных позиций:

⁴ См.: Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000 [http://www.auditorium.ru/books/301/IONIN_chapter62.html].

⁵ См., например: Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы и перспективы. Новосибирск, 1999.

⁶ См.: Плешаков К. Геоидеологическая парадигма // Международная жизнь. 1995. № 4.

1. Способность «геополитики» обнаруживать реальные факторы международных отношений была поставлена под сомнение сторонниками идеи глобального превосходства либерально-демократической идеологии. Геополитика, исходящая из географического детерминизма и некоторых константных, обусловленных пространственными факторами конфликтных отношений, не учитывает, согласно этой точке зрения, могущество либеральной идеологической парадигмы, способной радикально трансформировать извечные реалии геополитики. Сторонники этой позиции любят ссылаться на процесс европейской интеграции, в ходе которого извечные конфликтные поля — «Германия — Британия», «Германия — Франция» — оказались нивелированы. К приверженцам данной точки зрения я бы отнес в первую очередь проживающего в США, но активно печатающегося и публикующегося в России бывшего профессора университета Нью-Йорка Александра Янова⁷.
2. Геополитика осмысливалась как дисциплина, соответствующая кризисной фазе современной цивилизации, утратившей проектно-временную составляющую в своем развитии. В данном случае в геополитике виделся не какой-то пережиток прошлого, но как раз феномен, который наилучшим образом соответствует настоящему положению вещей, а именно — сознанию истощенности мировых ресурсов при технологической невозможности обнаружить новые источники развития. В этом смысле *геополитическому* подходу противопоставлялся как более перспективный подход *цивилизационный*, ориентированный на будущее. Именно на этот «цивилизационный оптимизм» некоторые теоретики, в первую очередь Александр Панарин⁸ (в последние годы своей жизни, отмеченные дрейфом от либерализма к своего рода православному альтерглобализму), призывали ориентироваться Россию.
3. Геополитика критиковалась и за имманентно присущей этой дисциплине *государствоцентризм*. В конце 90-х гг. наряду с модой на использование термина «глобализация» наблюдается кратковременное возрождение либерализма как системы взглядов, более адекватной глобализации как явлению. Геополитика подвергается критике, с одной стороны, как дисциплина, не учитывающая преобладающее значение экономических, ресурсных факторов в мировой политике, а с другой

⁷ См.: Янов А. После Ельцина. «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995; ответ Дугина Янову «Война и смерть Александра Дугина» [<http://www.arctogaia.com/public/txt-yanov.htm>].

⁸ См.: Панарин А.С. К реконструкции «Второго мира» [http://www.archipelag.ru/authors/panarin_aleksandr/?library=1239].

стороны — как система воззрений в духе политического реализма, по-прежнему рассматривающая государство в качестве основного игрока на мировой сцене. Сошедшиеся в критике геополитики с этих позиций либеральные сторонники международных отношений (например, профессор МГИМО Марина Лебедева⁹) и адепты так называемой геоэкономики (здесь нужно указать на многочисленные произведения Эрнста Кочетова¹⁰) полагали, что в современности государство все в большей мере начинают замещать иные акторы, прежде всего транснациональные компании, в силу чего фактор пространства — важнейший для геополитики — не может уже рассматриваться в качестве значимого для понимания международных процессов.

Поскольку все три основных аргумента против геополитики содержали в себе — помимо чисто теоретических — еще и ряд нормативных претензий к этой дисциплине, приверженность геополитике чаще всего сочеталась в России с защитой трех ценностных установок:

- 1) антиуниверсализм¹¹;
- 2) антипрогрессизм;
- 3) политический холизм¹².

Все эти черты изначально придали геополитике на российской почве подчеркнуто консервативный и в ситуации 90-х гг. даже оппозиционный оттенок. Между тем к концу 90-х гг. в среде либеральных идеологов, как правило лояльных новому путинскому режиму, возник альтернативный геополитический подход, в наиболее яркой форме проявившийся в предвыборном манифесте Анатолия Чубайса о «либеральной империи».

В среде самих геополитиков в России возникло несколько альтернативных подходов к пониманию статуса этой дисциплины. Некоторые эксперты, декларативно утверждавшие свою причастность этой дисциплине, отвергали в качестве пережитка прошлой эпохи ее

⁹ См.: Лебедева М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира // Космополис. 2003. № 3 [<http://www.rami.ru/cosmopolis/archives/3/lebedeva.html>].

Гумилева с превознесением геополитической маргинальности как наиболее оптимального для народа положения) (См.: Дергачев В.А. Геополитика. Киев: ВИРА-Р, 2000).

¹⁰ Кочетов Э.Г. Геоэкономика: Освоение мирового экономического пространства: Учебник. М.: БЕК, 1999.

¹¹ Геополитики, как правило, указывают на обусловленность тех или иных политических порядков этнокультурной или же климатической спецификой того или иного типа пространства (здесь можно указать на работы украинского геополитика Владимира Дергачева, парадоксальным образом сочетающего верность идеям

¹² Как правильно подчеркивал Вадим Цымбурский в цитируемой статье, «в обществе, круто разделенном по социальным ориентирам, геополитика, представляя страну... как единого игрока по отношению к внешнему миру, несла в себе миф „общей пользы“». В отличие от классового или же геоэкономического подходов, геополитика методологически исходила из государства как целого, как организма, обладающего некими едиными для всех его частей интересами.

необходимую связь с географическими реалиями. Так, Камалудин Гаджиев утверждал необходимость для современной геополитики выйти «за традиционные, чисто пространственные параметры, оторваться от пуповины географического детерминизма и разрабатывать геополитику как самостоятельную политологическую дисциплину». С этой точки зрения геополитика рассматривалась просто как синоним науки о мировых глобальных процессах, сродни тому, что часто именуется «глобалистикой». Гаджиев именно так предлагал интерпретировать приставку «гео» в слове «геополитика» — как обозначение общепланетарного контекста политических событий, как всепланетные масштабы, параметры и измерения, правила и нормы поведения в целом, а также отдельных государств, союзов, блоков в общемировом контексте, а заодно и «восприятие мирового сообщества в качестве единой завершенной системы в масштабе всей планеты»¹³. Той же линии следовал и плодотворно работавший в сфере военной геостратегии Константин Сорокин, который полагал, что в геополитике существуют два раздела: «фундаментальная геополитика», изучающая развитие геополитического пространства планеты со своей специфической точки зрения, и «прикладная геополитика», вырабатывающая принципиальные рекомендации поведения государств или группы государств на мировой арене¹⁴.

Оригинальную трактовку геополитике предложил Константин Плешаков. С его точки зрения геополитика «может быть определена не просто как объективная зависимость внешней политики той или иной нации от ее географического месторасположения, а как объективная зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, которые позволяют этому субъекту осуществлять контроль над пространством»¹⁵. В этой синтетической трактовке связь государства с пространством мыслится не в качестве фактора, позволяющего объяснять и моделировать политическое поведение государства, но в качестве простого объекта исследования.

С другой стороны, существует целый ряд исследователей, которые, принимая связь «геополитики» с географией, тем не менее сужают предметное поле рассматриваемой дисциплины, выводя за ее пределы масштабное политическое проектирование в географических образах. Так, по мнению Михаила Ильина, геополитикой можно назвать «знание (учение) об организации политий в качественно определенном пространстве», состоящее «в выяснении взаимодействия природных и, шире, географических факторов... с различными системами

¹³ Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 17, 38.

¹⁵ Плешаков К.В. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. 1994. № 10.

¹⁴ См.: Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и геостратегия России. М., 1996.

и способами политической организации». «В первую очередь геополитика анализирует, какие ограничения накладывают географические факторы на политическую практику и какие из подобных факторов могут быть эффективно использованы при том или ином способе политической организации»¹⁶. Как отмечает В. Цымбурский, основная проблематика этой науки для Ильина заключена во «внутреннем устройстве (конфигурации сочленения географических возможностей и принципов политической организации) отдельных политий»¹⁷.

Наконец, третья позиция в этом обмене мнениями, представленная в цитированной статье самого Цымбурского, сводится к тому, что геополитика не может быть приравнена ни к чистой глобалистике, ни к идеологически нейтральной «политической географии». Геополитика, по мнению Цымбурского, начинается там, где налицо — пусть в замысле или в умственной модели — волевой политический акт, отталкивающийся от потенций, усмотренных в конкретном пространстве. И интересуют ее только такие пространственные структуры, которые мыслятся как субстраты, орудия и проводники порождаемых ею политических планов. Геополитика — это вид деятельности, связанный с проекцией определенных мироустроительных установок на пространство. Цымбурский также определяет геополитику как «восприятие мира в политически заряженных географических образах», а также «как специфическую деятельность, которая, вырабатывая такие образы, часто не совпадающие с границами существующих государств, имитирует процесс принятия политических решений, а иногда и прямо включается в этот процесс».

Каждый из этих трех неортодоксальных по отношению к традиционной геополитике подходов в отечественной науке предлагает для сохранения значения дисциплины в современную эпоху пожертвовать каким-то одним важным ее компонентом:

- 1) приоритетной связью геополитики с географией;
- 2) ее проективно-стратегической составляющей;
- 3) ее научным статусом.

В рамках российской геополитики 90-х гг. сформировалось несколько направлений. Важную роль для формирования отечественной геополитической мысли сыграла концепция «хартланда» Х. Маккиндера, высказанная им в работе «Географическая ось истории» (1904)¹⁸. Идея хартланда Евразии как «оси мировой истории», задающей последней динамику, но вместе с тем являющейся источником

¹⁶ Ильин М.В. Проблемы формирования «острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестник Московского университета. Сер. 12. 1995. № 1.

¹⁷ Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4 [<http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/interpret/profession/>].

¹⁸ Работа переведена на русский язык дважды: Полис. 1995. № 4; Элементы. 2000. № 7.

опасных вызовов для Приморья, была переосмыслена некоторыми отечественными геополитиками в совершенно противоположном ее изначальном смысле ключе. «Ось истории» стала мыслиться как необходимый для стабильности евразийского континента территориальный конгломерат, своей отчужденностью от конфликтных полей Приморья поддерживающий стабильность на материке. В России подобная рецепция теории Маккиндера была характерна для двух отечественных исследователей: Эльгиза Позднякова и Михаила Ильина.

Как пишет Поздняков в своем исследовании «Геополитика», «тот кто имеет контроль над хартландом, тот владеет средством эффективного контроля над мировой политикой, и прежде всего средством поддержания в мире геополитического и силового баланса. Без последнего немислим стабильный мир. Хартланд не может выполнить роль баланса, если будет раздроблен на мелкие части. В этом случае он сам окажется в состоянии дисбаланса и хаоса; и оно может распространиться, подобно волнам, по всем направлениям на внешний от него мир. Отсюда проистекает геополитическая роль и задача России, как центра хартланда, здесь лежат и истоки ее фундаментальных национально-государственных интересов»¹⁹.

Поздняков выступил стойким защитником примата государственных интересов над частными, и в этом смысле в отечественной геополитике может считаться выразителем этатистской линии отечественной мысли. Очень близкий ему в отношении интерпретации идей Маккиндера Михаил Ильин вместе с тем не принимает жесткой антилиберальной детерминированности данного подхода. Согласно Ильину, Россия сможет выполнить предназначенную ей роль стабилизатора мировой истории, проникнувшись не узко национальным, но глобалистским видением ситуации. «Предназначение Сердцевины Земли, — пишет Ильин, — может быть усмотрено в том, чтобы служить своего рода стабилизатором мировых процессов, обеспечивая устойчивость развития. Подобная геософская интерпретация прямо связывает Россию с ключевой проблемой всего мирового развития — обеспечения его, как обычно говорят, устойчивости, а точнее — sustentability (sustainability), поддерживаемости»²⁰. И далее, фактически заочно споря с Поздняковым, Ильин отвергает возможные этатистские и национально-партикуляристские импликации подобного геополитического видения: «Сможет ли Россия стабилизировать себя и стать мировым стабилизатором? Результаты зависят от множества обстоятельств, например, от политических решений, которые будут приниматься и в России (на разных уровнях), и ее соседями, и державами Окружия

¹⁹ Поздняков Э.А. Геополитика. М.: Прогресс-культура, 1995. С. 91.

²⁰ Ильин М.В. Стабилизация развития // Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2000 [http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/megatrend/stabilization/].

Коловращения, и, наконец, мировым сообществом в целом. Не в последнюю очередь зависят они и от частных лиц, их сообществ, особенно если это сообщества творческие, а образующие их личности — люди обширных знаний и доброй воли, если они способны сочетать укорененность в своей культурной почве с поистине космополитическим видением глобальных проблем». Ильин полностью переосмысливает важнейшее положение Маккиндера, согласно которому мировая политика функционирует за счет импульсов, идущих из центра континентальной системы на ее периферию, т. е. из хартланда в Приморье. Согласно Ильину, дело обстоит прямо противоположным образом — «начало и наибольшая интенсивность процессов глобальных перемен приходится на зоны так называемого Внешнего и Внутреннего Полумесяцев, или Окружия Земли, тогда как Россия и Евразия становятся Осью Коловращения Истории — неким подобием „ока тайфуна“, т. е. зоны покоя и замедленности среди наиболее интенсивных перемен и ускоренного развития»²¹.

Таким образом, геополитическая концепция Ильина (и в некоторой степени Позднякова) имеет наряду с глобалистским своего рода полуизоляционистский оттенок (собственно, позиция Ильина и отличается этой сложностью — глобализм в его воззрениях странным образом сочетается с изоляционистским подходом): для того чтобы обеспечить «устойчивое развитие» Евразии, России-хартланду нужно удержаться от самоотожествления с приморскими цивилизациями, тем самым сохранив свою удаленность от основных конфликтных полей Евразии. Надо сказать, что такой мягкий изоляционизм был в целом весьма популярен у многих экспертов в 90-е гг., в период президентства Б. Клинтона, явно не стремившегося — несмотря на многочисленные опасения — расширять и явственно обозначать присутствие США в Евразии (Америка полагалась здесь скорее на своих агентов в лице Турции и полуавторитарные режимы Центральной Азии, включая талибов). Приход Буша и неоконсервативной группировки в США в 2000 г. к управлению внешней и оборонной политикой в Вашингтоне резко изменил ситуацию, в особенности после событий 11 сентября. Американцы стали продвигаться в глубь Евразии, вначале ограниченными военными контингентами, а затем — «бархатными революциями». Вполне логичное для клинтоновской эпохи сочетание глобализма и мягкого изоляционизма утратило в этой ситуации ясный политический смысл — Россия оказалась вынуждена принимать выбор либо в пользу своего изолированного самостояния (в том числе в союзе с другими евроазиатскими державами — Ираном, Китаем и Индией), либо

²¹ Ильин М.В. Геополитическое самоопределение России в контексте европейского развития // Русский Архипелаг [http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/iljin/self-determination/].

в пользу союза с «мировым гегемоном» в его противодействии странам так называемой «оси зла». Это означало, что конфликтное поле переместилось с Приморья в центр Евразии.

Другая школа отечественной геополитики сформировалась под непосредственным влиянием немецкой школы, в первую очередь — идей немецкого географа Карла Хаусхофера. Надо сказать, что Хаусхофер был воспринят отечественной мыслью не столько как творец знаменитой «геополитики панидей», сколько как защитник «континентального блока» — оси Берлин — Москва — Токио, нашедшего свое выражение в пакте Молотова — Риббентропа августа 1939 г. Сторонники этой линии не только ретроспективно почитали этот акт в качестве «геополитического акта века» (Т. Михайлов²²), но и усматривали в нем указание на единственно правильную линию российской стратегии в будущем. России, согласно этой точке зрения, нужно было руководствоваться близостью «континентальных» интересов России и Германии и добиваться максимального сближения между этими государствами в противовес работающему на раскол континента атлантизму и его агентам в Евразии, в особенности — Польше.

Несколько эклектично (в сочетании с панславистскими устремлениями), но вместе с тем наиболее последовательно эту линию отстаивал «Русский геополитический сборник» (вышло всего два номера этого издания) и его руководитель Евгений Морозов. Как сторонник Хаусхофера, Морозов отстаивал идею создания Большого пространства в качестве наилучшего способа обеспечения безопасности евразийского государства. Впрочем, сам Морозов называл себя скорее последователем русской школы геополитики, истоки которой он возводил к военному министру царской России Дмитрию Милютину (1816–1912) и военному географу начальнику Академии Генерального штаба РККА Андрею Снесареву (1865–1937). С Милютиным Морозов связывал идею русско-германского союза, направленного против Британии, со Снесаревым — стремление России утвердиться на Индийском океане, опять же в противоборстве с «владычицей морей». Последнее стремление Морозов увязывал, однако, не столько военной экспансией, сколько со стратегическим сближением с Индией, которая, по мнению редактора «Русского геополитического сборника», «сохранила в наиболее нетронутom виде арийскую духовность, арийские ценности», тогда как «Европа потеряла их»²³. По-видимому, примерно на этот комплекс идей ориентировался и Владимир Жириновский в своем раннем и наиболее известном труде «Последний бросок на Юг» (1993), когда предлагал России посредством ядерного шантажа Соединенных Штатов продвигаться к

²² См.: Михайлов Т.А. Эволюция геополитических идей. М.: Весь мир, 2000.

²³ Беседа с Е.Ф. Морозовым редактора портала «Белый мир» Павла Тулаева [[http://whiteworld.](http://whiteworld.ruweb.info/rubriki/000102/01020301.htm)

ruweb.info/rubriki/000102/01020301.htm]. На том же портале размещены материалы двух номеров «Русского геополитического сборника» и другие работы Е.Ф. Морозова.

Индийскому океану. Сторонником воссоздания военно-экономической оси Берлин — Москва — Токио выступал также в своей работе «Шаги к новой геополитике» (1997) основной геополитический теоретик ЛДПР, некоторое время занимавший пост председателя Комитета по геополитике Государственной Думы РФ, Алексей Митрофанов²⁴.

Изначально Морозов был близок дугинскому направлению в геополитике и активно печатался в издаваемом Дугиным журнале «Элементы». Дугин разделял концепцию Хаусхофера и в своей работе «Основы геополитики»²⁵ предлагал различные практические шаги по налаживанию геополитического взаимодействия с Японией и Германией. Среди его рекомендаций — предложение передать Калининград объединенной Германии и Южные Курилы — Японии. Однако вполне вероятно, что линия Морозова впоследствии очень серьезно разошлась с линией Дугина. На одно из этих разногласий указал в процитированном выше интервью П. Тулаеву сам Морозов: «В свое время мы с А.Г. Дугиным разделили этот мир по горизонтали. Он себе забрал небо, т. е. мистическую сторону геополитики, а я забрал землю, практическую сторону геополитики». Но вероятно, две хаусхоферовские школы — «Элементов» и «Русского геополитического сборника» — разделили и некоторые иные принципиальные противоречия. Так, Дугин, объявив себя лидером русской школы евразийцев, был всегда довольно равнодушен к славянской идее, в то время как Морозов, сотрудничая в портале «Белый мир», тяготел к какой-то особенной мистической версии славянофильской ариософии. С другой стороны, одной из примечательных черт практической геостратегии Дугина является его недоверие к Китаю, в котором автор «основ геополитики» упорно усматривает «пятую колонну» атлантизма в Евразии. С точки зрения Морозова, напротив, Китай является одним из возможных союзников России в Евразии. Причем интересы Китая ни в коей мере не направлены против России, поскольку его стратегическая экспансия направлена строго в направлении Юго-Восточной Азии.

Для Дугина, несмотря на декларированное евразийство, резко отличное от евразийства 30-х гг., а также идей Льва Гумилева, был вообще принципиально важен именно европейский вектор российской

²⁴ По словам А. Митрофанова, «Россия должна поставить свои атомные досье на службу совместного российско-германского экономического развития, обеспечивая распространение германской сферы влияния на Восток. В восточном направлении Россия имеет лишь одну цель — Японию. Здесь мы должны помочь Японии в ее гармоническом развитии: участии в процессах азиатского континента, что составляло вековые чаяния японских политиков. Страна в качестве «морской державы» уже отведала невпроворот американской кухни и готова перейти на ази-

атское меню. Россия становится тем геополитическим фактором, который способен придать необходимую устойчивость и прочность стремящимся к вековечному союзу Германии и Японии» (Митрофанов А.В. Шаги новой геополитики. М., 1997 [http://www.alexeymitrofanov.ru/books_geopolit32.html]).

²⁵ См.: Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1997. Работы Дугина см. на его ресурсе «Арктогея»: [<http://www.arctogaia.com/>].

политики. Он весьма сочувствует процессу европейской интеграции, несмотря даже на то, что этот процесс проходит под либеральными лозунгами. Дугин вовсе не германofil, он относится вполне положительно к франко-германской связке, которая лежит в основе европейской интеграции. Другими словами, Франция для него — это потенциально евразийская страна, противоположная по своим интересам англо-американскому альянсу.

Как мы уже говорили, для Дугина геополитика — не более чем проекция неких метафизических установок. Во всяком политическом процессе он усматривает противостояние между силами Моря и силами Суши. В его интерпретации их борьба воспроизводит извечный конфликт двух религиозных мировоззрений — языческого (и вместе с тем традиционалистского и подлинно православного) манифестационизма и иудейского креационизма. Сведение всей мировой политики к конфликту этих двух начал позволило Дугину произвести в своем роде оригинальный синтез социалистических идей и религиозного традиционализма, привлекая к нему немало сторонников.

Вероятно, наиболее уязвимый пункт его геополитической доктрины был связан с отношением к исламу: в начале 2001 г. Дугин явно не смог верно оценить новый контекст мировой политики, вызванный конфликтом США с исламским терроризмом. До 2001 г. Дугин выступал за союз с континентальной Европой, Японией и Ираном против США и Великобритании, союзниками которых считался так наз. «ваххабитский», т. е. поддерживаемый Саудовской Аравией, ислам. Дугин использовал для оправдания данного расклада работы Жана Парвулеско, который в одной из своих статей ссылается на книгу французского геополитика Александра Дельваля «Исламизм и США». Дельваль утверждал, что «ваххабизм» является скрытым оружием американского империализма, созданным для борьбы с Западной Европой. Вся эта конструкция позволяла Дугину парадоксально сочетать симпатию к европейским «новым правым», вслед за Рене Геноном видящих в исламе спасение от разложения традиционных устоев общества, союз с крайне националистическими силами в Израиле и поддержку политики Путина в Чечне. Шиитский и исмаилитский ислам противопоставлялся Дугиным утратившему свои сакральные истоки суннитскому исламу и «ваххабизму», спонсируемому традиционным союзником США Саудовской Аравией. Таким образом, война в Чечне в дугинской геополитике оценивалась как составная часть противостояния континентализма с атлантизмом. Такая геополитическая модель позволяла редуцировать треугольник Запад — Россия — ислам до двух основных составляющих.

Однако после возобновления палестинской интифады в 2001 г. и событий 11 сентября эта позиция оказалась уже крайне уязвимой. Важнейший итог этих событий — из полусоюзника радикальный суннитский ислам превращается в злейшего врага США. Американцы

объявляют войну созданному при их же финансовой поддержке движению талибан, контролировавшему большую часть территории Афганистана. У путинской России появилась уникальная возможность связать антитеррористическую кампанию в Чечне с действиями Джорджа Буша по искоренению террористической сети «Аль Каида», которой она и не замедлила воспользоваться. Александр Дугин призывал тогда президента воздержаться от участия в глобальном конфликте; однако после того, как союз с США окончательно оформился, его геополитическая стратегия утратила определенность в отношении самоопределения России на международной сцене. Дугин, некогда советник по вопросам геополитики председателя Государственной Думы РФ Г.Н. Селезнева, всецело переключился на организацию ОПОД «Евразия», движения опричников Евразийского союза молодежи и тому подобных организаций, в настоящее время нацеленных в первую очередь на противодействие так называемой «оранжевой революции».

Между тем с того же самого времени в среде патриотической интеллигенции получает распространение прямо противоположное геополитическое направление. Оно не имело определенного названия или какой-то ясной организационной структуры, но в 2003 г. неожиданно оказалось способным на время сыграть роль своеобразного противовеса последовательному дугинскому антиамериканизму. Это направление условно можно назвать патриотическим атлантизмом — наиболее ярким представителем этого течения можно считать петербургского этнолога, участницу многих православно-имперских проектов Светлану Лурье. В 2003 г. Лурье выступила фактически за союз России с бушевской Америкой против ваххабитского ислама и в противовес «старой» Европе, которая, как предполагала Лурье, наиболее враждебно относится к России и является противницей возрождения ее имперской мощи. «Казалось бы, на сегодняшний день России ближе всего Франция и Германия, — писала в 2003 г. Лурье. — Но это только кажется. Дело в том, что у нас вовсе нет шансов быть этими странами понятыми. Да и нам, какие они сейчас есть, также не понять. Именно эти две страны на практике настроены к нам наиболее враждебно внутренне»²⁶. Лурье с радикально патриотических и даже имперских позиций считала необходимым для России налаживать контакт с пробушевской «новой Европой», т. е. с Италией и Великобританией. По ее мнению, которое в 2003 г. находило множество влиятельных сторонников, в том числе среди противопоставивших себя евразийству дугинского толка группы авторов газет «Спецназ России» и «Консерватор», бушевская «консервативная» Америка гораздо в большей мере, чем либерально-социалистическая Европа, может признать неоимперские

²⁶ Лурье С.В. Жесткий разговор о любви // Спецназ России. 2003. № 5 [<http://www.specnaz.ru/zagranica/175/>].

претензии России и ее заявку на лидерство в СНГ. Эта линия, так и не развившаяся в полноценную геополитическую школу и оставшаяся скорее течением в публицистике, была как будто подрезана на пике ее подъема в 2004 г., после так называемой «оранжевой революции», когда официальный Вашингтон недвусмысленно дал понять, что не собирается признавать особые права России на постсоветском пространстве.

Особое положение в среде российских геополитиков занимает Вадим Цымбурский. Некогда сторонник имперского либерализма, он в 1993 г. полностью пересмотрел свои позиции и выработал концепцию «Острова России», согласно которой распад СССР в 1991 г. означал отход от прежней имперской исторической фазы развития России, отмеченной стремлением принять участие в европейской истории, и возвращение к ее изолированному от воздействия иных цивилизаций положению. Центристский характер нашего имперского движения Цымбурский объяснял комплексом «похищения Европы», желанием России стать законным участником европейской истории. Сжатие России, по мнению ученого, знаменовало собой отказ от этой европоцентристской перспективы. Какими бы причинами — исторически весомыми или конъюнктурными — этот откат от Европы ни объяснялся, он позволил России увидеть себя иными глазами, чем в предшествующие три столетия, когда «особенности геополитического строения русского мира и сопредельных земель <...> были затемняемы то пафосом европейской причастности нашей Империи, русским духом „похищения Европы“, то накручиванием на Россию под именем Евразии иноприродных и инокультурных массивов». Вслед за О. Шпенглером ученый оценил «европопохительский» комплекс России как «извращение» ее культурно-политической традиции²⁷.

Цымбурский называет сферу своих исследований «цивилизационной геополитикой», что предполагает выделение в качестве основного субъекта мировой истории цивилизаций (по формулировке автора) «человеческих популяций <...> эталонно воплощающих определенный, резко контрастирующий с иными тип духовности и социальности» с их четко очерченными географическими пределами. Так, согласно Цымбурскому, Россия предстает огромной землей, растянувшейся от Тихого океана до своих нынешних западных границ и отделенной от иных соположенных с ней цивилизаций — Евро-Атлантики, Китая, арабо-иранского мусульманского мира — полосой так называемого Великого Лимитрофа, цепью территорий, населенных народами, ни одной из вышеупомянутых цивилизаций полностью не принадлежащими.

Еще до событий 2001 г. Цымбурский выступил с идеей геополитического союза России, Китая, а также Индии, основанного не на

²⁷ Цымбурский В.Л. Остров Россия // Полис. 1993. № 5 [http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/].

цивилизационной близости этих стран, а на их общей озабоченности стабильностью в Центральной Азии и стремлением не допустить проникновения третьей силы, т. е. в первую очередь США, на лимитрофные территории — т. е. в Афганистан и Среднюю Азию²⁸. В силу этого в 2001 г. Цымбурский подверг острой критике внешнеполитический разворот Кремля в сторону сближения с Америкой в рамках антитеррористической коалиции, в результате которого американцам удалось разместить военные базы в Узбекистане и Киргизии.

Надо сказать также, что сам термин «Великий Лимитроф» был введен воронежским историком и геополитиком Станиславом Хатунцевым, который обозначал этим понятием пояс стран, разделяющих «метацивилизации Старого Света: Севера (европейская и российская цивилизации), Востока (южноазиатская и дальневосточная цивилизации) и Юга (афразийский и африканский культурно-исторические миры)». Согласно Хатунцеву, Великий Лимитроф «тянется средиземноморскими островами и сушей от Гибралтара к Приморью, а через Пакистан выходит к Индийскому океану». Система Лимитрофов включает также и вливающиеся в Великий «обычные», цивилизационные Лимитрофы, в первую очередь *Лимитроф российско-европейский*²⁹. По Цымбурскому, Великий Лимитроф как раз включает в себя этот последний, однако в него не входят ни Пакистан, ни страны Магриба.

Как мы уже говорили, своего рода геополитическая концепция была выработана и сторонниками Союза правых сил, т. е. представителями российского либерал-глобализма. Эта концепция нашла свое отражение в манифесте Чубайса о «либеральной империи», в котором руководитель РАО «ЕЭС России» и неформальный лидер СПС поддерживал давнюю идею (некогда разделявшуюся и Цымбурским) о необходимости для нашей страны войти в систему глобального Севера и тем самым замкнуть кольцо развитых индустриальных и демократических стран, объемлющее в себе Японию, США и объединенную Европу³⁰. О той же самой идее «замыкания северного кольца» как о геополитическом видении СПС в интервью автору этих строк сказал в 2001 г. один из видных идеологов партии Алексей Кара-Мурза: «Мы признаем,

²⁸ См.: Цымбурский В.Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4 [http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/geopolitics/]

²⁹ См.: Хатунцев С.В. Россия и Европа против Балтийско-Черноморского междумирья // Агентство политических новостей. 2005. 22 авг. [http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=136&data_id=138&do=view_single].

³⁰ «Не нужно нам никакого вступления ни в ЕС, ни в НАТО. Мы туда не поместимся ни экономиче-

ски, ни политически, ни географически... Вместо этого нам нужно просто увидеть сейчас контуры нового формирующегося мира XXI в., в котором будут США (на сегодня самая крупная империя в мире), новая объединившаяся Европа (завершается процесс формирования европейской конституции и объединение Европы — не за горами), Япония (в тяжелом кризисе, но явно из него выйдет) и в котором должна занять свое место и наша страна. Не просто занять место в этой цепочке, а замкнуть это кольцо великих демократий XXI в.» (Чубайс А.Б. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. 2003. 1 окт.).

что основная ось политической истории пойдет не по линии Восток — Запад, а по линии, условно говоря, свободный и богатый Север vs бедный и несвободный Юг. Задача России заключается в том, чтобы примкнуть к богатым и здоровым, а не к бедным и больным... Россия призвана замкнуть северное кольцо развитых государств, включающее в себя Америку — Канаду, Японию, Западную Европу»³¹. Подобная точка зрения напрямую восходит к геополитической доктрине Г. Киссинджера эпохи разрядки, который, как известно, выделил пять основных индустриальных центров мира: Европу, США, СССР, Японию и Китай. В программе СПС, однако, разрывающий «кольцо» Китай как бы выносятся за скобки.

Нельзя сказать, что все эти тенденции на сегодняшний день стали основой каких-либо устойчивых школ в русской геополитике. Пока большая часть вышеуказанных течений продолжает развиваться скорее в рамках более или менее обоснованных публицистических деклараций. За исключением концепции «Острова России», геополитические школы в России пока не представили убедительных политико-географических аргументов в свою пользу. В какой-то мере виной тому принципиальная зависимость геополитики от внешнеполитической конъюнктуры: те или иные процессы на поверхности земного шара неизбежно вносят коррективы в самые изощренные и на первый взгляд хорошо обоснованные геополитические концепции. Тем не менее взлет геополитики в 90-е гг. позволяет надеяться, что значительные усилия представителей всех школ отечественной геополитической публицистики не уйдут в песок, и в будущем можно ожидать возникновения новых ярких работ в этой области.

³¹ На перекрестье политики и науки: Интервью с Алексеем Кара-Мурзой [<http://www.politstudies.ru/universum/esse/8kmz.htm#17>].

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Беседа с Юрием Перелыгиным

Можно ли, на ваш взгляд, говорить о существовании дисциплинарно выраженной сферы, связанной с регионалистикой и проблемами регионального развития?

Безусловно. Поскольку как исследовательские, так и практические дисциплины, связанные с темой регионального развития, существуют, по меньшей мере, уже лет сто. Начиная с трудов по экономическому и экономико-географическому районированию, работ Вернадского, Докучаева, Морозова, Сукачева и затем целой школы эконом-географов и тех, кто занимался планами ГОЭЛРО.

Из каких дисциплинарных составляющих складывается современная регионалистика?

Во многом это оригинальные разработки. Если же говорить об этой сфере как о некой системной единице, то современная регионалистика складывается как конгломерат гуманитарного блока знаний (таких как экономика, право) и технического блока, в который входят физическая (гидрология, ландшафтоведение, экология и др.) и экономическая география.

Существует ли у нашей регионалистики западный аналог?

Думаю, да. Это «Basing Planning» («бассейновое планирование»), собственно «Regional Studies» («региональные исследования»), направления исследований по «Sustainable Development» («устойчивое (сбалансированное) развитие») и т.д., а также определенные направления в географии.

Вы упомянули о долгой традиции. А как можно охарактеризовать нынешнее состояние?

Думаю, мы начинаем вспоминать основы. Пытаемся к ним возвращаться, переосмысливать и уже с новым пониманием вырабатывать конструктивные решения. Советская школа регионалистики была связана с достаточно проработанными элементами планирования регионального развития как с точки зрения государственного строительства (административно-территориальные единицы), так и с точки зрения обоснования некоторых хозяйственных единиц типа совнархозов, территориально-производственных комплексов. Например, в годы последних советских пятилеток развивались Южно-Якутский, Экибастузский и другие территориально-промышленные комплексы.

В территориальном планировании появились такие вещи, как районная планировка, вбиравшие в себя такие дисциплины, как физическая география, ландшафтоведение, экономика, исследования биогеоценозов, инженерные дисциплины и т. д. Последние лет пятнадцать это наследие было во многом позабыто, отсутствовало понимание того, насколько оно необходимо. Сейчас же происходит осознание существенного значения влияния этих региональных моментов на общую и в том числе экономическую ситуацию в стране.

С точки зрения прагматики в современной регионалистике доминирует управленчески-планирующая или же исследовательская составляющая?

Больше выражено исследовательское направление. Есть большое число ученых, экономических географов — в Московском государственном университете Владимир Шувалов, Наталья Зубаревич, в Петербурге Анатолий Чистобаев и др. Появление Министерства регионального развития РФ формирует запрос уже на конструктивные разработки. Ведь исследовательское знание отвечает на вопрос «что есть?», а знание конструктивное имеет прогнозирующий характер и должно отвечать на вопрос «что будет?». Здесь уже включается момент того, что называется «проспективной рефлексией», без которой нельзя быть проектировщиком. Исследовательский и проектный подходы сопутствуют друг другу, конструктивное знание не может в чистом виде использовать исследовательское знание. Мой двадцатилетний опыт проектировщика свидетельствует о том, что лишь около 10 % из того, что дают исследования, можно включить в реальный проект. Его еще требуется доводить, обрабатывать. Что, конечно, не делает исследовательское направление менее ценным: оно должно накапливаться и использоваться в проектной практике.

Можно ли выделить в круге проблем, связанных с прагматикой, управленческими задачами регионалистики набор определенных позиций, между которыми сегодня ведется дискуссия?

Думаю, да. Есть и позиции, и дискуссия. В частности, дифференциация позиций существует по отношению к проблеме развития как такового. Сейчас можно сказать, что понимание развития как количественного роста тех или иных показателей уступает место пониманию развития как изменению качественных характеристик среды жизнедеятельности. Переход к такому средовому пониманию сейчас очень широко дискутируется. Понятие «Sustainable Development», устойчивого развития, теперь подвергается критике и определенному пересмотру, на его место приходит другое понимание. В связи с этой темой могу заметить, что обсуждение этой проблемы сильно затуманивает само понятие «sustainable», которое означает, скорее, не «устойчивое», а «сбалансированное» развитие, что, в частности, выражается

в том, что будущие поколения не должны страдать от того, что мы делаем сейчас.

Вторая принципиальная дискуссия является столь же давней, сколь и современной. Это спор между «отраслевиками» и «территориальщиками». Различие этих подходов выражается, в частности, в различной трактовке рынка. В первом случае это понимание основывается на предпринимательском и отраслевом подходе, когда ставка делается, в частности, на транснациональные корпорации. При территориальном подходе рынок понимается через привязку к территории, а не к определенному бизнесу. Это старый серьезный спор, в котором у нас до сих пор был крен в сторону отраслевого развития.

Но разве реалии глобализации не показывают, что именно в этом экономически-корпоративном направлении и происходит развитие?

Сейчас это уже вчерашний день. Мир приступил к строительству макрорегионов. Это определенный переход, поскольку теперь считается, что если страна не строит конкурентоспособных в современном понимании регионов, то она не может стать конкурентоспособной. Союз НАФТА и ЕЭС — самая яркая тому иллюстрация. Процессы, связанные с такого рода организациями, указывают также и на некоторый кризис государственности, государства как такового. Для вступления в ЕЭС надо поступиться частью своего суверенитета. Ты вступишь в союз, ты должен играть по соответствующим правилам, а это и означает, что часть твоего суверенитета передается в обобщественное управление. В этом смысле кризис национального государства наблюдается отчетливо. При этом новым связующим звеном выступает как раз регионалистика, поскольку регионы прочерчиваются поверх государств. Сегодняшние еврорегионы — это виртуальные конструкции, не завязанные на административные границы и государственное деление.

То же самое разворачивается и у нас в стране, так как интенсивность хозяйственных процессов привязана к определенной территориальной площади и очень существенно ею детерминирована. То, что может происходить вокруг Москвы с ее способностью втягивать окружающее пространство, невозможно где-нибудь на Дальнем Востоке. Это как две разные материи.

В контексте этих тенденций в чем состоит задача управления и регулирования этих процессов? Требуется ли вообще управленческое вмешательство в процессы, в которых действует спонтанная экономическая или социальная необходимость?

В отличие от прямого руководства, управление всегда надстраивается над уже существующим процессом. Есть понятие «ситуативного управления», когда управляют не объектом, а ситуацией,

включающей в себя множество разных объектов, поведение которых зависит от того, как ты изменяешь эту ситуацию. Это уже современный уровень управления, и нынешняя регионалистика, с моей точки зрения, является одним из способов такого управления.

Какие рычаги существуют у федеральной власти в плане управления таким контекстом, средой?

Власть — это и есть один из основных рычагов. Она на то и есть власть, что ее можно употребить. Некоторые исследователи, например, та же Наталья Зубаревич, обвиняют нас в том, что мы не либералы, а государственники, что слишком много государства в наших рассуждениях. Но в ситуативном управлении основным деятелем выступает как раз государство, которое понимает, что должно вмешиваться в эти процессы, помогать им. Речь идет о непрямом вмешательстве государства: оно должно участвовать в происходящих процессах, но не идти против их основного течения, а помогать им, видеть их направление. Нормотворчество, законотворчество, девелоперская деятельность государства — вот те усилия, которые надо предпринимать.

По отношению к нашей деятельности существуют определенная инертность предубеждений. Когда мы, например, выдвигаем тезис о необходимости проведения политики расселения, то в уме людей, знакомых с Госпланом, сразу возникает представление о методах расселения, применявшихся партийным руководством. При этом, правда, забывается, что даже советские методы мобилизации, например, на те же комсомольские стройки, были методами непрямого действия. В значительной степени это было идеологическое действие, снимавшее с мест огромные массы людей, которые ехали черт знает куда и поднимали колоссальные стройки вовсе не под дулом пистолета, а на волне романтики, стимулировавшей определенную идеологией.

Конечно, сегодня такое невозможно, равно как невозможно и насильственное принуждение. Мы объявили, что конституционные свободы — наша основа и нам нужен свободный человек. Но свободный человек мобилен. Следовательно, мы должны повысить мобильность населения, в частности, создать в тех местах, где нам требуется закрепить население, такую среду, в которую люди поедут. Это и есть не прямое, недирективное управление, средовое управление. Властность государства состоит здесь не в насилии, а в том, чтобы создать разность потенциалов, мотивировать людей и самое главное обеспечить условия для этой мобильности. Дать им жилье, социальный пакет, возможность поменять профессию, переквалифицироваться.

Территория — это одновременно и величайшее богатство, и величайшая проблема России. В последнее время часто озвучивалась также и со стороны людей, облеченных государственной властью, угроза возможности распада. Учитываете ли вы этот

фактор, эту политическую компоненту, стремясь ограничить, например, самостоятельность и самодостаточность регионов?

Мы говорим скорее о безопасности, а не об ограничении самостоятельности регионов. Я считаю, что возникновение в стране сильных и связанных друг с другом регионов создает крепкий, устойчивый каркас, по-новому собирает страну. Если у нас появляется мощная связка Владивосток—Хабаровск, то мы таким образом укрепляем Дальний Восток, а не теряем его. Та парадигма регионального развития, которая сейчас предлагается, — своего рода акупунктурное действие: мы не будем действовать везде одинаково, а точно, выявляя те места, где государственное воздействие дает максимальный эффект. Нам нужно создать не один (как сейчас Москва), а несколько (5–6 на страну) мощных регионов, связанных между собой всеми возможными способами.

Этот подход означает отказ от прежней идеологии «равномерного развития»?

Я всегда исхожу из того, что развитие в принципе неравномерно. Оно скачкообразно, оно всегда вдруг, всегда конфликтно. Оно меняет качество, в нем наблюдаются пороговые эффекты. Для стабильных же систем развитие вообще противопоказано. А поскольку страна у нас очень разнообразная, в ней случаются даже разные по своему характеру элементы развития. Никакое выравнивание здесь невозможно в принципе. В этом смысле термин «устойчивое развитие» (что по-русски близко к смыслу «одинаковое, постоянное развитие») опять же вводит в заблуждение. Развитие может происходить и при падении экономических показателей.

Если вернуться к проблеме состояния знания в этой сфере, достаточно ли оно?

Знания всегда недостаточно. Область незнаемого здесь больше, чем область известного. То, что было наработано выдающимися умами за прошедший период, хорошо подходило для конструктивного применения в современной им ситуации. Сейчас ситуация изменилась, и нужны новые, прорывные идеи. Это постоянный процесс.

По публикациям складывается впечатление, что эмпирическими исследованиями регионов на приемлемом теоретическом уровне у нас занимаются единицы.

За последние пятнадцать лет в сфере регионалистики произошла серьезная утечка мозгов, поскольку этой области не уделялось достаточно внимания, был дефицит финансирования. Оставшиеся — небольшой круг людей, порядка 30 семей. Все они занимаются этим лет по двадцать, и все они хорошо друг друга знают. Среди них Л.М. Григорьев, Ю.Ю. Наймарк, С.С. Артоболевский, Е.Н. Перциг, А.Г. Гранберг. Дай бог, чтобы появлялись новые имена и школы.

Существует ли какая-то форма институционализации у региональных исследований?

Мне неизвестно ни о каком союзе регионалистов по типу, скажем, Союза архитекторов. Есть научные школы, есть поддерживающие фонды, какие-то новые организации. Но было бы преувеличением говорить о существовании установившегося профессионального сообщества регионалистов.

Вы не чувствуете в нем потребности? Выходил же какое-то время журнал «Региональные исследования», есть журнал «Регионология».

Но ведь это не означает, что мы создали боевую единицу большевиков газету «Искра».

Думаю, что региональное развитие — это область эксклюзивного знания, не требующего, чтобы им занималось большое количество людей.

Существует ли какая-то коммуникация с западными коллегами?

Да, мы довольно часто бываем на различных зарубежных мероприятиях, посвященных региональному развитию. Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской Академии наук (ИСЭПН РАН) выпускает сборники, например, «Проблема формирования институциональной среды Российской Федерации, принятие стратегических решений в области регионального развития». Мировой банк провозгласил с этого года региональное развитие одним из элементов своего постоянного внимания, своей политики на нашей территории. Это находит отклик. Да и министерство создано не на пустом месте.

Насколько западный опыт регионального развития применим к России?

Конечно, применим, но с разумным подходом. Это не мир вещей, который гораздо проще. Там, где начинаются управленческие разработки, требуется аккуратная адаптация. Мы изучаем западный опыт, и российская специфика не является неприступным барьером для его применения.

Какие вещи для вас сейчас представляют наибольший интерес?

Я ориентируюсь на современные тренды, и здесь меня в первую очередь интересуют два из них. Первый из них — процесс урбанизации, происходящий на нашей территории. Считать его завершившимся — заблуждение, поскольку индустриальная модель урбанизации, искусственной накачки городов, примененная в Советском Союзе,

привела во многом лишь к возникновению некоторого переходного варианта, когда деревни уже нет, а город еще не появился. Поэтому процесс урбанизации у нас продолжается: меняются функции городов, какие-то теряют население, другие себя переосмысливают, меняются потоки людей, качество людей.

Второй важный процесс — глобальная регионализация в социально-экономическом смысле. Через нее человечество, на мой взгляд, переходит к новому цивилизационному этапу своей жизни. Под регионализацией здесь имеется в виду способ увязки прежде всех социально-экономических процессов, происходящих на той или иной территории. Регион — мыслительная конструкция, позволяющая в своих рамках совершать соответствующие управленческие действия. Системно она намного сложнее, чем отрасль, где можно построить технологический процесс, распределить под него функции, под функции построить систему управления и т. д. Вершиной развития таких предпринимательских систем являются транснациональные корпорации, у которых эти технологические вещи доведены до совершенства. Но объект «город» системно намного сложнее, чем любая корпорация.

Но город по определению — место свободного развития. Постановка вопроса об управлении городом входит, на первый взгляд, в противоречие с его сущностью.

Понятно, что бессмысленно ставить прямую задачу управлять сразу всеми событиями, происходящими в городе. В каждый момент их происходит огромное число. Но при помощи некоторых виртуальных конструктов знания, используя некоторые способы обобщения, мы можем представить всю махину города как некую системную единицу и применить для управления происходящими в нем процессами системный подход. А это означает соответствующую разбивку на элементы, связи, структуру, функции и т. д. Если бы мы не изобрели, не освоили такого способа мышления, такого типа знания, мы не смогли бы управлять столь сложными, непознанными объектами.

Кто является субъектом этого управления?

Лица, принимающие решения. Управлять городом должен человек, который, во-первых, сам по себе ему сомасштабен и, во-вторых, владеет соответствующими, сомасштабными элементами анализа, прогноза и действия, а также сосредоточивший в своих руках соответствующие инструменты власти и финансовые ресурсы. И сейчас таких людей уже немало.

Российское территориально-административное деление совпадает с регионами, которые могут быть объектами управления?

Регионы, которыми мы занимаемся, — это не административно-территориальные единицы. Последние сами по себе относятся к

области строительства государства, устройства государственной власти. Как и учили классики, государство — это единство территории, людей и границ. Оно перестает существовать при потере одного из этих трех сущностных признаков. Оно имеет свой инструментарий, для того чтобы работать со своей территорией. Регион — вне административных единиц, это другая реальность. И только когда мы различаем региональное и государственное строительство, тогда мы можем адекватно применять те или иные инструменты. Где-то они совпадают, где-то нет.

Если, допустим, несколько субъектов Российской Федерации начинают договариваться между собой и хозяйствовать на большей территории, то масштаб видения, мышления у них меняется, и они могут, например, прийти к решению вместо трех мостов через реку построить один совместный, для общих нужд. Это логично, и некоторые так уже делают. Регионалистика же помогает такому переходу от конкурентных отношений к поиску сотрудничества.

Можно привести в качестве образца какую-то страну, где регионалистика хорошо работает?

Я считаю, что хорошим образцом для нас в этом отношении является пока Европейское сообщество. Хотя многие относятся к евро-регионам скептически. Но нужно понимать, что именно регионы ведь были способом строительства ЕС, они были тем инструментом, с помощью которого поначалу осуществлялось виртуальное строительство единой Европы. Некоторые из этих регионов, кстати, заходят и на российскую территорию. Например, Баренц-Арктический и Балтийский регион включают в себя Карелию, Мурманск, Архангельск, часть Пскова, Новгорода. И это позволяет европейцам распространять свои управленческие схемы и на наши территории, учитывать в рамках региона те хозяйственные процессы и перспективы, которые их здесь интересуют. Это включение происходит сначала на мыслительном, исследовательском уровне, на который направляются, кстати сказать, очень значительные средства.

По нашим подсчетам, в такие проектно-программные разработки по России разными мировыми фондами вкладывалось до миллиарда долларов ежегодно только на исследовательскую часть. Они очень неплохо знают и нашу территорию, и происходящие здесь процессы. Мы не можем в отношении них похвастать тем же. Я не знаю у нас в стране подобных масштабных исследований, позволивших бы нам очертить свой собственный еврорегион и посмотреть, что на их территории мы могли бы реально включить в сферу своих интересов.

Беседовал Виталий Куренной

БРОДЯЧАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Беседа с Вячеславом Глазычевым

Регионалистика не известна у нас как отдельная академическая дисциплина. Но в настоящее время она активно заявляет о себе, и похоже, в ней происходит какое-то новое движение знания. Само ее появление как-то связано со спецификой России, с ее самой большой в мире территорией?

Наша страна тут ни при чем. Это модный сюжет уже лет тридцать, но как раз не у нас. В советское время такой подход не мог появиться, поскольку превыше всего был единый социалистический Госплан. Вся логика размещения и планирования диктовались в это время отнюдь не соображениями того, есть ли в данном месте ресурсы — человеческие или какие-то другие — или их нет. А диктовались они в основном какой-нибудь доктриной генштаба: рассредоточить патронные заводы так, чтобы враг не догадался. И это вполне серьезно. Если не было людей, то их завозили. Сначала зеков, а потом заманивали вольнонаемных. Так было на целине, в Тимертау и т. д. Никого не интересовало, что там нет никого и ничего. Вся система хозяйства по структуре своей была военно-мобилизационной.

В этом отношении есть замечательная история с Елабугой. В Набережных Челнах в 1969 г. строят огромный завод КамАЗ. К нему фактически пристраивается новый город — Автозаводский район, как в Тольятти. Дальше принимается решение строить еще и танковый завод, называя его, разумеется, тракторным заводом. Где его ставят? В Елабуге — в 27 километрах от тех же Набережных Челнов, по другую сторону Камы. Камский гидроузел есть, Набережные Челны есть — и это считается вполне достаточным, чтобы поставить рядом друг с другом два этих предприятия. Кто это обсуждал? Да никто. Вернее, обсуждали, но ни географы, ни регионалисты к этому отношения не имели. А затем начинают перемены в жизни — вроде бы столько танков не надо, значит, сделаем там автомобильный завод. Потом там начинают собирать какие-то отверточные машинки, привозимые из Бразилии. Это было гениально — из Бразилии везли комплекты, которые потом собирали в Елабуге. В конце концов, и это кончилось, потому что оказалось, что дороговато.

Или Кувандык — граница Оренбуржья с Казахстаном. Зачем там ставят завод гидравлических прессов?! Просто чтобы было машиностроение. В редких случаях мы видим, правда, какие-то следы регионалистического подхода. В свое время, скажем, в Иваново, где было много женщин и мало мужчин, было принято решение развивать тяжелое машиностроение. Создали там завод автокранов, еще кое-что.

Регионалистика возникла на Западе, когда обратили внимание на несколько вещей. Во-первых, на то, что люди и среда, в которой они живут, образуют некоторое единое целое. Во-вторых, что государство есть определенный тип абстракции. И страна — это тоже абстракция, проекция государства на карту. После этого выяснилось, что, оказывается, люди живут не в стране и не в государстве, а в регионах. Под регионами следует иметь в виду не субъекты федерации, а некие реальные целостности, исторически сложившиеся и слежавшиеся.

Понятие о регионе обрывает новым смыслом, когда, скажем, вокруг Базеля, в месте, где сходятся Швейцария, Германия и Франция, вдруг замечают некое сложившееся единство исторического, экологического и культурно-обменного характера. И тогда вместо понятия «Европа государств» возникает понятие «Европа регионов». Такие же регионы начинают выделять и внутри государств, например, Рур в Германии. Когда встал вопрос о закрытии там шахт, то решали задачу изменения направленности и уклада Рурского региона, а не отдельно Дюссельдорфа или Эссена. Именно такого рода работа с ландшафтом, людьми и их деятельностью получила название «регионалистики».

Региональный подход — это подход совершенно новый как в экономическом, так и в социокультурном отношении. Он избавляется от ограничений национальной государственности и работает с другими сущностями. В нашей истории этот подход только складывался. В годы Первой мировой войны под руководством академика В.И. Вернадского была сделана попытка сформировать представление о регионах как о народно-хозяйственных целостностях исходя из наличия природных ресурсов: уголь, нефть, железная руда, марганец и пр. Комиссия, организованная в 1915 г., так и называлась — Комиссия по естественным производительным силам. Вполне понятно, что человеческую сторону вообще не принимали во внимание. Людские ресурсы казались неисчерпаемыми, рабсила была избыточной. Тогда действительно был некоторый демографический подъем, связанный с распространением медицины и чуть лучшим, чем раньше, питанием. Естественно, пренебрегали и социальной стороной вопроса: сначала казалось, что все будет и дальше так, как оно есть, а потом начались социалистические бредни.

Регионалистика же, которая начинала складываться в США и Европе, трактует человеческий капитал как ресурс номер один. Это, кстати, помогло понять японцы, у которых значимых природных ресурсов не было.

Поэтому регионалистики как некоей единой дисциплины в строгом смысле слова не существует, а есть определенная концентрация внимания. Это специфический междисциплинарный способ выделения объекта или квазиобъекта, очень подвижного по своей природе. В советское время можно было говорить о «северо-западе» в широком макрорегиональном смысле — от Мурманска до Белоруссии,

с включением Прибалтики, сейчас это урезанный «северо-запад», сплошь приграничные области. Следовательно, ее переосмысление в региональном ключе сразу меняется: здесь возникают другие задачи, связи, ресурсная база. Возник другой регион, а когда, как я надеюсь, помрачение ума в странах Балтии прекратится, возникнет третий, сложно-составной. Поэтому регион — это не какая-то вечная и неизменная конструкция.

Это означает, что политические и государственные факторы все-таки оказывают существенное влияние на регионы?

Еще как. И хорошая региональная политика учитывает политический фактор. Даже в рамках очень устойчивых политических образований. Например, в Великобритании Уэльс трактуется как регион, не столько потому, что там есть горстка валлийцев, а потому, что там исторически сложилась достаточно обособленная, вполне своеобразная — отстающая и бедная — территория. И никто не игнорирует специфику этого региона. Если шотландцы хотят потешить себе душу, то вот вам, пожалуйста, свой парламент. Это у нас, может и не без оснований, принято страшиться всего на свете, а в Великобритании люди не такие пугливые. Шотландия даже печатает свои деньги — шотландские фунты имеют тот же вес и номинал, что и великобританские, — но только на территории Шотландии. Если ты попал с ними в Лондон, то там есть один-единственный банк, в котором их можно обменять, и работает он два часа в день, так что проще наклеить их в альбом. И никто этого не боится, отдавая дань важной социально-психической компоненте. Это своего рода игра: все равно все это регулируется Центральным банком Великобритании. Ввели бы у нас, к примеру, в Татарстане какие-нибудь тенге для внутреннего употребления, и тоже ничего бы трагического не произошло. Тем самым создали бы клапан для «выпускания пара».

Можно ли сказать, что регион — это самодостаточная социально-экономическая сущность?

Нет, самодостаточной его нельзя назвать: самодостаточных регионов давно не существует и в строгом смысле слова их не было с эпохи неолита. Она, скажем так, сущность самоопределенная. Она осознает себя таковой, и ее признают в таком качестве.

Регионалистика — это особый подход и особое отношение. Она не должна переоценивать самодостаточность своих объектов. Самое опасное у нас, мне кажется, стало происходить, когда регионы стали отождествлять с условными административными границами. А ведь эти границы перекраивались более тридцати раз — тридцать два раза, если быть точным. В случае региона речь идет о вещи глубоко подвижной, и отождествлять ее с административной единицей — абсурд.

В прошлом году мы занимались, например, северо-восточным углом Кировской области. Сама область — это абстракция. Ее границы как-то проводились, как-то менялись, что не влекло за собой ничего, кроме изменения адресов распределения бюджетных денег. Мы рассмотрели эту область в региональном аспекте. Оказалось, что она сама собой распадается на несколько частей. И не столько по природным, сколько по экономическим параметрам, по связям с соседями и т. д. Когда мы эти части выделили, то руководители восьми районов, расположенных в этом дальнем углу бывшей Вятской губернии, легко приняли новые правила игры. В результате им удалось выработать пакет кооперативных проектов, некую общую, лоббистскую политику в отношении областной администрации. Не сделали бы этого, продолжила бы работать чисто административная абстракция.

Есть другая странная вещь. Вот Владимир Каганский, очень тонкий наблюдатель¹, но, на мой взгляд, он как раз и занимается «натурализацией» абстракций, старается уверить себя и других, что этот чистый номинал является объективной сущностью. Есть сегодня отдельная Белгородская и отдельная Воронежская область. Сделай ты завтра единую область с центром в Воронеже — ничего не произойдет, потому что ни белгородцев, ни воронежцев на самом деле нет. Есть недооформленный юго-западный регион. Но Каганский, конечно, прав в том, что границы между этими абстракциями опредмечивались в силу центростремительной инфраструктурной политики каждой области.

Обращу внимание на то, что советская система уничтожала всякую регионалистику в зародыше. Возьмем знаменитую схему водохранилищ Волжского каскада. Самое маленькое из них — Чебоксарское. Его создание уничтожило зону обитания луговых марийцев. Она утонула. Если бы суверенное право народа, издавна проживающего на этой территории, фигурировало как значимая ценность, то такое техническое решение было бы просто невозможно.

Если перевести это на язык западной социологии, то это означает, что в советскую эпоху формировалось «общество»: набор атомов-индивидов, которых, как песок, легко можно пересыпать с места на место. Тем самым разрушалось «сообщество» как целостная, осознающая себя общность людей, располагающая определенным социальным капиталом.

В отличие от общества, которое может иметь территориальную привязку, а может и не иметь, «сообщество» имеет ее непременно. Для регионального подхода принципиально важна привязка к карте, к территории. Однако же региональный объект размыт: его «граница» — это

¹ См. обширную серию публикаций в «Русском журнале» [<http://www.russ.ru/>].

311 Бродячая конструкция*Беседа с Вячеславом Глазычевым*

предел, за которым угасает поле тяготения к собственному ядру. За этим пределом сильнее оказывается другое поле — поле соседей.

Когда мы, например, анализировали ситуацию в Приволжском округе, то было совершенно очевидно, что такая химера, как Ульяновская область (ничего общего не имеющая с бывшей Симбирской губернией, имевшей совершенно иные очертания), буквально раздирается силовыми полями соседей. Экономическая жизнь ее просто растаскивает, хотя существующая «собесовская» схема единства территории может просуществовать еще неопределенное время. Иногда это получает явное выражение, когда, например, жители одного из западных районов Кировской области умоляют причислить их к Вологодской области по понятным причинам — из Кирова до них никто не доезжает, ничто не доходит, тогда как до Вологды им проще добраться.

Такого рода явления свидетельствуют о стремлении вернуться от искусственности к некоторой натуральности жизни. Как правило, это пресекается властью, привыкшей к простоте и избегающей сложностей. Но это абсолютно естественный процесс, отражающий динамичную природу регионов. Регионы — это не такая уж неподвижная вещь в пространстве и времени, как это хорошо показал великий аналитик истории цивилизации Фернан Бродель. При определенных условиях регионы — очень мелкие и обособленные, а где-то, как на наших равнинах, они оказываются гораздо более разлапистыми и растекающимися, как лужи. Но границы между ними есть всегда, и границы эти изменчивы.

Эти регионы пронизаны системой властных, экономических, административных отношений. Как они действуют, какие из них являются сейчас наиболее значимыми?

Властные отношения, конечно, работают инерционно. Так называемые региональные власти стремятся максимально удержать свои позиции. Но сейчас уже начинают происходить очень интересные вещи, поскольку закон о местном самоуправлении, который полувходит в жизнь, может подразумевать существенный передел границ. На этот процесс оказывает влияние то самое сообщество, «Gemeinschaft», которое кое-где уже сложилось. И там, где это произошло, пошел процесс дифференциации, обособления. Рыбинск, например, референдумом отвоевал городскую вольность — статус городского округа. Он выделился из района после долгой борьбы. Но где-то такой энергетики нет, кто-то оказывается не способен отстоять свою самостоятельность. И это нормально. Я настаиваю на том, что право на самоуправление надо еще доказать и отстоять. Его нельзя просто разверстать. Закон его формально разверстал для всех, а жизнь начинает его возвращать к естеству. Там, где звенья для самоопределения сложились, люди находят выход, используя уже существующие сейчас легальные инструменты. А где-то они не сложились. Управляющий каркас губерний, конечно,

очень сильно влияет на эти процессы. При этом влияет по очень простой схеме, поскольку губернаторы на местах копируют федеральную схему распределения бюджетных средств. Одному району выделили средства с коэффициентом 0,8, другому — с коэффициентом 1,2. В обмен на лояльность.

С экономическими отношениями все куда сложнее. Зоны действия крупных экономических структур не замыкаются горизонтом. Есть московская банковская, колониальная экспансия: московские банки, открыв массу филиалов, начали активно играть на местных рынках, способствуя пределу собственности. Есть ТНК, для представителей которых важно только одно — найти принципиальную договоренность с губернской властью. Им важно, чтобы им не мешали. Они безразличны к регионалистике, так как территории для них сугубо инструментальны.

Здесь действует отраслевой принцип?

Скорее финансово-отраслевой. Он и раньше, кстати, был такой: деньги давали не городу X, а заводу Y при городе X, который с этого что-то имел. Иностранный капитал также входит в систему договоренностей (прежде всего — с губернским начальством). Этого капитала, кстати, гораздо больше, чем многим кажется, хотя его присутствие имеет точечный характер. И тогда всякая данная точка, скажем город Бор в Нижегородской губернии, одновременно оказывается вписана уже совсем в другую карту — карту мира.

Жизнь в этом отношении резко усложнилась. Но все же зрелых регионов в полном смысле этого слова у нас пока еще нет. Они только начинают складываться, вырастают из советской системы, опираясь на новые реалии. Причем этот процесс протекает на разных уровнях, в разных плоскостях. Регион напоминает луковицу — в нем много разных слоев разной конфигурации. Например, Оренбургский университет имеет свой ареал работы, втягивая в себя не только соседний Орск, до которого около 300 километров. Он имеет филиалы в Башкирии, где учатся русские и татары, которых зажимают башкиры, а также в Северном Казахстане. Разные конструкции наращивают вокруг себя разную региональность, и каждый слой имеет свою карту. Сейчас это намного более динамичная и сложная действительность, чем до недавнего времени.

В Самарском университете меня поразило то, что тамошние преподаватели работают фактически «вахтовым методом», выезжая в близлежащие города.

Это нормально. Разные формы колонизации слабых более сильными разворачиваются очень интенсивно. Это очень творящий процесс — плохо изученный и плохо изучаемый. К несчастью, этим очень мало интересовались. В советское время понятно: кроме климатиче-

ского зонирования, зонирования надбавок и ценового зонирования на муку и сахар, ничего больше и не требовалось. Сейчас ситуация меняется, но очень медленно. Когда я был в вузах Нижнего Новгорода с публичными лекциями и выманивал людей на откровенность, я был поражен: некоторые обследования территорий худо-бедно, но проводятся в рамках учебного процесса, однако их результаты никому больше не интересны.

Вообще же этим занимаются лишь индивиды. Тот же Сергей Артоболевский, Леонид Смирнягин, Наталья Зубаревич или Татьяна Нефедова. Есть еще ряд людей на местах — немного в Красноярске, немного во Владивостоке, Новосибирске и Екатеринбурге. Петербург традиционно занимался «северами», но сегодня это лишь остаточная горстка ученых. Такие исследования мало востребованы.

Интересна здесь сама констелляция знания, потому что региональный подход отличен от традиционной плановой логики. Требование идти от социальной фактуры выстраивает по-другому всю стратегию знания.

Приходится идти на компромиссы: тому же Юрию Перелыгину или Владимиру Княгинину то тут то там приходится заниматься «развитием области икс», но при этом постоянно подчеркивать собственно региональный аспект, обращая внимание на границы связанных территорий и сами связи между ними. На мой взгляд, это получается с разной степенью успеха: по Псковской области — интересная работа, по Тверской — очень приличная, а по Тюменской — скорее слабая. Если же посмотреть на регионы с точки зрения демографически-миграционных ресурсов, тот здесь вообще бездна незнания чудовищная, а востребованность минимальная. Так что сегодня регионалистика — это флажок, под которым горстка людей старается заниматься изучением того, что на самом деле происходит.

Когда я занялся тем, чем сейчас продолжает успешно заниматься Сергей Градировский, внутренние миграции вообще не были предметом рассмотрения. Какое-то, пусть даже в основном неразумное законодательное вмешательство во внешнюю миграцию все же было, а на внутреннюю миграцию вообще не обращали никакого внимания. А она происходит в гигантских масштабах. Подсчитали, что за последние 15 лет в рамках внутренней миграции в России переместилось примерно 36 миллионов человек. А это почти четвертая часть всего нашего населения! Если оставаться при старом подходе, то эти колоссальные подвижки и изменения просто остаются незамеченными.

Приведу пример, связанный с работой в Татарстане. На уровне республики считается, что в Лаишевском районе совокупный миграционный эффект — ноль, и это правда. Но само движение исчезло из статистики, не попало в поле зрения государственного наблюдателя. А в действительности произошло перемещение: четыре тысячи

человек выехали, столько же въехали — из 26 тысяч населения района. Это очень мощное движение. Получается, что в значительной степени это непознанная действительность.

Кроме отдельных исследователей, занимаются ли этим специально какие-нибудь институты?

В основном сугубо условно, в силу того, что в отдельных институтах есть люди, которые этим занимаются. Есть Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН, где этим занята Ж. Зайончковская и некоторые другие исследователи. Есть Институт географии РАН, географический факультет МГУ, но они опять же занимаются этим лишь постольку, поскольку там есть отдельные исследователи. Центр стратегических разработок Приволжского федерального округа этим занимался до последнего времени. Институционально регионалистика, таким образом, не оформлена. Таких заведений нет.

Каким же образом транслируется это знание? Получается, что этот подход существует на уровне ноу-хау, а это трудновоспроизводимое знание.

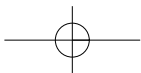
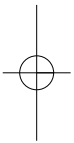
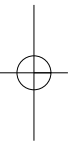
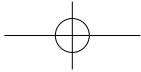
Люди пишут книжки. Их иногда читают. У исследователей есть аспиранты. Приходят люди из других областей знания. В Академии народного хозяйства Сергей Зуев сейчас создает кафедру. Но пока на это не могло быть реального запроса, поскольку в правительстве у нас этими вопросами ведают люди с чисто бухгалтерским воображением. О людях вроде Грефа или Кудрина ничего не хочу сказать дурного, но они мыслят строками бюджетных таблиц. Для них Башкирия — это строка, а не сложный край со своей природой и непростой социальной структурой.

Но что-то все же меняется. Сейчас в Центре стратегических разработок Грефа появился отдел региональных программ. Там есть несколько людей, которые набрались у нас какого-то опыта. А такой опыт меняет людей, хотя, конечно, и не сразу.

Есть фонд «Институт экономики города», возглавляемый Н. Косаревой, который преимущественно занимается адаптацией американских технологий. На мой взгляд, это вредный подход, но все-таки они обшаривают страну и накапливают какой-то массив опыта. Сейчас на кафедру муниципального управления в Высшей школе экономики пришел Ю. Плюснин. Есть надежда, что возникнет еще одна точка воспроизводства.

Что-то возникает, что-то исчезает. Получается, что регионалистика — очаговая, «бродячая» конструкция.

Беседовал Виталий Куренной

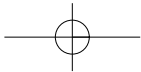
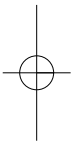
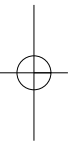
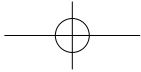

317

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Часть VI

BEGEGNUNG.

Михаил Маяцкий

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦИИ

Как представлена современная российская мысль во французском интеллектуальном пространстве? Сам этот вопрос дисциплинарно лежит в области исследований, весьма активно разрабатываемой именно французской гуманитаристикой. Здесь это называется *transfert culturel*¹, т. е. культурный трансфер (букв. «перенос»²), а именно о его *мыслительной* составляющей. Тот или иной сценарий культурного трансфера зависит в основном от характеристик репрезентируемого сообщения и от особенностей реципиента. Взаимная валентность этих двух факторов и определяет то или иное протекание культурного трансфера. По отношению к встречному трансферу он может характеризоваться большей или меньшей уравновешенностью. Во француско-российском интеллектуальном обмене встречные трансферы крайне асимметричны. Образ французской мысли интенсивно присутствует в России, активно воздействует на российскую мысль, а для некоторых ее областей даже конститутивен³, тогда как, рассматривая представленность российской мысли во Франции, мы говорим, безусловно, о периферийном для французского интеллектуального пространства феномене. По своей периферийности она сопоставима с представленностью здесь других «иностранных», инорегиональных или иноязычных мышлений: скажем, венгерской или скандинавской. Она несомненно мизерна по сравнению с интеллектуальными проявлениями, исходящими из США, монополиста мировой культурной сцены. Но и интеллектуальное присутствие во Франции соседних европейских стран или традиционных зон и стран взаимодействия и/или интереса (Магриб, Черная Африка, Китай, Япония, Польша) также значительно ощутимее. Здесь сказывается, в частности, и высокая культурная активность французов — выходцев из этих регионов и стран, служащих проводниками своих культур происхождения. Необходимо иметь в виду и

¹ См. также: Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох — типы пограничного сознания: В 2 т. / Под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. М.: ИМЛИ, 2002.

² Совокупность двух встречных переносов образует «обмен» (*échange culturel*).

³ Интерес к тому, что из французского мыслительного ресурса находит отклик в России, существует и во Франции. См., например: семинар «Рецепция и перенос западного понятийного аппарата в России» (*Réception et transposition des concepts occidentaux en Russie*) под руководством Сильвии Мартен (Sylvie Martin), Жан-Робер Равио (Jean-Robert Raviot), Мириам Дезер (Myriam Désert) и др.) в Институте Восток — Запад (Institut Européen Est-Ouest) при Высшей нормальной школе (ÉNS).

относительно выраженную до недавнего времени закрытость, самодостаточность французской культуры, на которую часто сетовали французские интеллектуалы. Однако о русском культурном трансфере во Францию можно сказать, что он знавал в своей истории и более интенсивные фазы, которые, кстати, продолжают привлекать профессиональное внимание⁴.

Взаимная валентность месседжа (послания) и реципиента может снижаться оттого, что месседж истолковывается по обе стороны процесса различно. В данном случае со стороны отправителя месседж (русская мысль) дается преимущественно в своих политических, экономических и социологических ипостасях, тогда как со стороны реципиента (Франция) под мыслью (*la pensée*) ожидается нечто (а) иное, (б) более узкое и (в) более обширное.

(а) Эту инаковость можно проиллюстрировать, например, устоявшейся во Франции трактовкой политического, включающей в себя муниципальный и ассоциативный уровни, властные отношения в сферах труда, быта, других социальных отношений. Различение между политикой и политическим (*la politique* vs *le politique*) здесь общепринято и общепонятно. Если в политическое мышление в России входит, даже если судить по данному аналитическому обзору, почти исключительно сфера политики, то во Франции жалобы на то, что мысль (французская и мысль вообще) покинула и программы, и вообще дискурс французских политиков по всему спектру слева направо, что политика в результате стала лишь политиканством (*politique* vs *politicien*), стали общим местом, что косвенно свидетельствует об иных ожиданиях и, в частности, о представлении о том, что мысль не производится политической автоматически, но может и должна питать ее как бы извне. Сходным же образом в сегодняшней Франции мало кому (за исключением, может быть, некоторых корсиканских или бретонских интеллектуалов) придет в голову зачислять в *мысль* национализм.

(б) Одной из особенностей французского культурного пространства является, как известно, особый статус интеллектуала. Интеллектуал как *таковой* действует *вне* своей узкопрофессиональной сферы, реагируя на проблемы преимущественно политические или политизируя проблемы априори неполитические. И наоборот, то, что перешло из англосаксонского политического языка в российский под названием «экспертная деятельность» во Франции рассматривается скорее как платная услуга, чем как собственно дело мысли.

(в) Следует учесть и непереводаемость⁵ понятия «русская/русская мысль». «Правильный» перевод «*pensée russe*» неизбежно отсылает французского респондента к одноименной эмигрантской

⁴ У таких авторов, как Патрик Серио (Patrick Sériot), Эва Берар (Ewa Bérard), и многих других славистов.

⁵ «Непереводаемость» философского языка стала недавно предметом объемной энциклопедии «Европейский словарь философий» под редакцией

газете, существующей при поддержке Ватикана и с ослабевшей, но все же ощутимой соответствующей тенденцией. Современная «русская мысль» должна оказаться чем-то вроде религиозного модернизма, осмыслением социальных и политических проблем России с православной точки зрения, — ожидание не абсурдное, но все же не отвечающее реальному составу сообщения⁶. Если справедливо, что французский реципиент понимает под «мыслью» и нечто более обширное, чем то, что актуально предлагает российский месседж, то это особенно относится к философии, наукам о человеке (истории, антропологии-этнографии, лингвистике), паранаучным практикам (психоанализ) и к искусству (литературе, музыке, пластическим и зрелищным видам искусства, будь то театр, хореография, кино или опера), которые во Франции давно действуют как генераторы идей. Если даже настоящий исследовательский проект не тематизирует эти виды российской интеллектуальной деятельности, то естественно, что они — в этом качестве — никак не представлены и на французской культурной сцене. Что не отменяет того, что во Франции известны некоторые российские писатели и театральные режиссеры и что в разных научных областях во Франции работают российские или бывшие российские ученые, не говоря уже о французской славистике, для которой русистика метрополии, т. е. России, так или иначе выступает точкой отсчета (пусть даже иногда и негативной).

В «мысль» французская интеллектуальная среда включает и связанную с наукой (но далеко не исчерпываемую ею) систему практик «осознания» (*prise de conscience*): отношение к своему прошлому, так называемая «работа памяти», отношение к «другому», к меньшинствам и маргиналам, эволюция нравов, правового сознания и практик, изменения в экологическом сознании и поведении, отношение к науке, образованию, медиа и т. п. Сведения об этой области российского интеллектуального пространства до среднего француза практически не доходят.

Какие идиосинкратические характеристики реципиента задают его потенциальное отношение к месседжу? Россия как ментальный фактор присутствовала во французском культурном пространстве последовательно в двух ипостасях: до революции как одна из провинций всемирной франкофонии и французского Просвещения (*Lumières*), а затем как страна коммунизма у власти. Для понимания современного положения дел особенно важна вторая ипостась. Россия остается и, вероятно, еще долго останется для Франции страной осуществления и краха коммунистического проекта⁷, а «*post-soviétique*»,

Барбары Кассен: *Vocabulaire européen des philosophies*. P.: Seuil/Le Robert, 2004.

⁶ Оправдайся это ожидание, интерес к нему был бы в секулярной Франции еще меньше...

⁷ Важными для французского общественного мнения была книга Стефана Куртуа и др. «Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии» (*Stéphane Courtois e.a. Le Livre noir du communisme. Crimes, terreur, répression*. P.: Robert Laffont, 1997) и дебаты вокруг нее.

как раньше «soviétique», долго будет синонимом «russe» (российского-русского: французский язык не делает различия между ними). Советский Союз как социополитическая реальность долгое время служил во Франции как левым, так и правым аргументом в идейной борьбе. Характеристики «сталинист» или «троцкист» остаются понятными во французском левом политлексиконе. Россия остается точкой резкой поляризации (по резкости к ней приближаются, пожалуй, только США, предмет одновременно «нутряного антиамериканизма», *anti-américanisme viscéral*, и американофилии). Как некогда Советский Союз, так сегодня Россия редко описываются в медиа нейтрально или взвешенно, но всегда с эмоциональной окраской. Если в ней преобладают осуждение, опаска или иные отрицательные чувства, то реальные потребители, даже не имеющие другого доступа к информации о России, могут высказывать и недовольство тенденциозностью медиа.

Франция, в данном случае страна-реципиент, отличается, как известно, высокой степенью государственного централизма в экономике и администрации, в целом сильной и структурированной государственной властью, что не может не отражаться и на ее интеллектуальном ландшафте. Артефакты интеллектуальной деятельности, исходящие из советского пространства, всегда интересовали французов поэтому не только сами по себе, но и как продукты определенной, государственной культурной политики. Это характерно особенно для эпохи, когда Франция сама искала приемлемую формулу «управления культурой» (реформы системы образования, протекционистские меры на эстраде и в кинематографе, особый статус «работников зрелищных искусств», дебаты о легальном статусе психоанализа, Генеральные Штаты философии и т. д.), поиски, которые привели к формированию так называемой «французской культурной модели», «французской исключительности» (*le modèle culturel français*, l'«*exception française*»).

В послевоенные годы культурный обмен между Францией и СССР был весьма интенсивным, чему способствовала благоприятная политическая конъюнктура: традиционная опора на Россию как на потенциального союзника против недавнего врага, Германии, конкуренция-партнерство с СССР во влиянии на третий мир, сила левых в самой Франции.

Собственно же интеллектуальное присутствие было вместе с тем довольно слабо. Советский, так называемый интеллектуальный марксизм (сложившийся, как известно, не без воздействия французской марксистской мысли; ср. Альтюссер — Мамардашвили) остался во Франции неизвестен, а официальный хотя и был известен (благодаря обильной франкоязычной полиграфической продукции «Политиздата», «Прогресса» и пр.), едва ли принимался всерьез. Если советский фактор присутствовал напрямую весьма слабо, то необходимо учитывать его опосредованное влияние через франкоговорящие страны третьего

мира. Гораздо более известной была диссидентская мысль⁸, остающаяся в привилегированном положении и сегодня: взгляды Лимонова, например, по-прежнему более известны во Франции, чем другие политико-интеллектуальные программы, будь то властные или оппозиционные.

В более широком, цивилизационном, ключе интеллектуальная Франция остро переживает вместе со всей Европой радикальную смену вех. Впервые в истории совокупный социальный пейзаж претерпел такие глубокие изменения за жизнь одного поколения и без «перерыва постепенности» революцией или войной. Сдвиг всех экономических, социополитических и культурных ориентиров контрастирует с опустошением (при формальном полиграфическом и медиатическом изобилии) интеллектуального потенциала. Господствует ностальгия по 70-м гг., последнему золотому веку французской мысли; уход «последних интеллектуалов» символически подчеркивает конец очередного эона. Это настроение в значительной мере определяет и конкретное протекание интеллектуально-культурного трансфера, что можно наглядно проиллюстрировать неожиданным кассовым успехом немецкого «остальгического»⁹ фильма «Good-bye, Lenin!». По идее задуманный как восточногерманская идиома, заведомо не совсем понятная даже западным немцам, не говоря уже об «иностранцах», этот фильм попал точно в нерв современного французского мироощущения (это, вероятно, справедливо и для других стран Европы): французский интеллигент, без всякого захода в коматозное состояние (как персонаж фильма), т. е. если не при полном своем содействии, то, во всяком случае, при непрерывной вменяемости очутился в новом мире, который предъявляет себя как единственно нормальный, единственно невыдуманый, единственно реальный и который переживается тем не менее как невыносимый. Третьим, «присутствующим в отсутствии», членом этой аналогии является, несомненно, советско-российский опыт последних двух десятилетий.

В этом смысле во Франции русское присутствие ощутимо гораздо более в форме урока, чем в виде каких-то интеллектуальных артефактов (теорий, подходов, методов, открытий). Какой же интеллектуальный урок преподает Франции Россия последних лет и как современная Франция его усваивает? Коротко на этот вопрос можно ответить так: и содержание урока, и его усвоение в значительной степени обусловлены собственной французской духовной ситуацией. Разумеется, здесь речь может идти лишь о попытке реконструкции некоторых, часто нигде и никем не артикулированных представлений (стереотипов, мифов и т. п.).

⁸ Солженицын был для Франции последней фигурой русской литературы, значение которого вышло за узколитературные рамки (как Бахтин — последней русской фигурой, вышедшей за пределы собственно славистики).

⁹ От нем. Ost (восток), т. е. ностальгия по восточногерманскому социализму. — *Прим. ред.*

(1) Ментальное состояние страны состоит в нелинейной зависимости от ее политического состояния. Если некоторые сферы интеллектуальной деятельности были, очевидно, стимулированы возвращением России к капитализму, другие от этого пострадали. Даже самый малоинформированный (и/или антисоветски настроенный) француз знает, в частности, что советская наука (преимущественно, математическая, физическая, химическая и др.) и советская школа во многом отвечали высшим мировым критериям. Он же знает и о том, что этот уровень сегодня утрачен. Это знание налагается на его переживание кризиса как современной французской науки, так и особенно школы.

(2) Для среднего француза вызванное падением коммунизма переструктурирование российского культурного производства (о нем он может судить, например, по резкому сокращению российской кинопродукции) может служить — и так или иначе служит — аргументом в пользу сохранения и укрепления сильной, государственной, модели культурной политики. Однако поскольку эта модель стала все больше показывать свои пределы, то это обстоятельство стало обуславливать и внимание к другим типам поддержки культуры. «Российская культурная модель» как таковая не обсуждается — прежде всего в силу своей непрозрачности для французов и, во всяком случае, своей смешанности и разнородности, однако продолжающееся культурное воспроизводство в России (французам знакомы в основном области театра, литературы, музыкального исполнительства, классической хореографии) позволяет предполагать относительную эффективность этой модели, даже если для всех и очевидно, что она во многом живет за счет ресурса прежней модели. Любой француз знает, что многие российские ученые нашли работу во Франции, но он знает и то, что французской науке грозит та же утечка мозгов, что и России, и что для части российских ученых Франция лишь временная (и/или вынужденная) станция на их пути.

(3) В целом Россия из уникального геоисторического случая постепенно подпадает во французском воображаемом под тот или иной род. Современная Россия, видная Франции прежде всего своей «новорусской» стороной, предстает, прежде всего, как страна демонстративного неравенства: в этом смысле она входит в один род с некоторыми латиноамериканскими странами. В этом культурный контраст наиболее велик: Франция рассматривает свое — нарастающее — неравенство как проблему, считает за благо *исповедовать* равенство. Борьба с неравенством входит в программы всех политических партий. Сведений же о том, как российская мысль реагирует на неравенство своего общества, во французские медиа не поступает.

(4) Смена регистра с уникального до типичного обеспечивает некоторое «знакомство» с Россией, хотя бы в силу возникающих аналогий с более знакомыми странами. Сочетание авторитарного режима с экономической стабильностью, например, сближает Россию с Тунисом.

Доминирование в экономике сырьевых, добывающих отраслей — с некоторыми из наиболее благополучных африканских стран, преобладание во внешней политике нервного силового жеста — с Ираном или Северной Кореей. Средним французом режим современной России, вероятно, оценивается как недемократический парламентаризм.

(5) Средний интересующийся француз черпает информацию о России из медиа. Ее в целом поступает немало, если сравнить ее с информацией из, скажем, Австралии. Однако сведения о России в целом фрагментарны, если сравнить их с информационным потоком из регионов традиционного французского материального и духовного инвестирования. Падение интереса к России, отражающее, конечно, утрату ею веса как геополитического партнера, привело к тому, что в медиа попадают только сведения либо точечно-событийные, либо сенсационные, обе категории, как правило, в негативе. Видеть в этом проявление какой-то априорной «русофобии», разумеется, не приходится: потребитель медиа знает эту черту как *общую* тенденцию медиа и в принципе способен корректировать ее.

(6) Следует указать и на феномен определенной «нормальной» слепоты реципиента к отдельным, особо ему чуждым аспектам сообщения. В частности, средний француз относительно малочувствителен к федеративному опыту и связанным с ним политическим и интеллектуальным усилиям. Аграрный вопрос также вышел из фокуса интереса широкой публики и, следовательно, может заинтересовать ее применительно к удаленной стране.

(7) Рефлектирующий потребитель французских медиа не может не задуматься о связи страха с интересом. Общественное внимание сегодня во Франции безраздельно завоевано исламом, и причины этого интереса более чем очевидны. Интерес (выражающийся, например, в количестве теле- и радиопередач, статей, новых и переиздаваемых книг), однако, не ограничился феноменом терроризма и смежными явлениями, а распространился на всю историю и культуру ислама и мусульманских стран. Россия — как и другие культуры и регионы (более), не вызывающие страха, — стали смещаться на периферию любопытности широкой публики. Та же перспектива (и продолжающееся осмысление опыта алжирской войны) стала причиной тому, что для среднего француза чеченская война остается самым известным фактом о сегодняшней России.

Сказанное касалось преимущественно присутствия-отсутствия интеллектуальной России в культурном поле французского обывателя. Разумеется, российская жизнь во всех ее ипостасях остается предметом пристального, глубокого интереса *специалистов*, некоторых из которых медиа периодически приглашают на свои страницы и экраны. Профессиональная ситуация «россиеведения» (*études russes/post-soviétiques*) может быть непростой: падение интереса сказывается и на нем (сокращение числа студентов, урезание субсидий, закрытие

кафедр, снижение интереса издательств и периодики и пр.). Но зато значительно возросло общение с российскими коллегами (например, в рамках Французско-российского центра по общественным наукам в Москве).

Среди французских исследовательских учреждений, занимающихся Россией, следует назвать прежде всего Центр исследований российского, кавказского и центральноевропейского миров (Centre d'études des mondes russe, caucasien et centreeuropéen, бывший Центр исследований российского, советского и постсоветского мира (Centre d'études du monde russe, soviétique et post-soviétique)), а также Центр исследований и документации о бывшем СССР, Китае и Восточной Европе (Centre d'études et de documentation sur l'ex-URSS, la Chine et l'Europe de l'Est)¹⁰ и отделы крупных политологических институтов, например, Центр исследований международных отношений (CERI). Кроме славистов («русистов»), особенно тесно сотрудничают (и, следовательно, наиболее детально информированы о «мысли» другого) историки двух стран¹¹. Упомянем лишь нескольких исследователей, так или иначе интересующихся различными аспектами российской мысли:

экономика: Ж. Фонтанель (J. Fontanel), Ж. Сапир (J. Sapir);

политика: А. Блюм (A. Blum), И. Коэн (Y. Cohen), Ж. Радвани (J. Radvanyi), Н. Верт (N. Werth);

общество: А. и В. Берелович (A. & W. Berelowitch), К. Кабан (C. Cabanne), М. Мандрас (M. Mendras), М. Меполе (M. Mespolet), Н. Муан (N. Moine);

геополитика: Ж.-К. Ромер (J.-C. Romer);

правосудие: Ж. Фаварел-Гарриг (G. Favarel-Garrigues);

религия: К. Русле (K. Rousselet);

культура, философия: М. Дэн (M. Dennes), М. Дэзер (M. Désert), Б. Жё (B. Jeu), Ф. Лесур (F. Lesourd), М. Маля (M. Malia), Ж.-Р. Равио (J.-R. Raviot).

Среди журналов, целиком или большей частью посвященных российской проблематике, следует назвать: «Курьер стран Востока» (Le courrier des pays de l'Est), «Тетради российского мира» (Cahiers du monde russe), «Русский журнал» (La revue russe), «Журнал сравнительных исследований Восток — Запад» (Revue d'études comparatives Est — Ouest), Slavica Occitania. Многие другие журналы регулярно печатают материалы, касающиеся России: «Международные альтернативы» (Alternatives Internationales), «Комментарий» (Commentaire), «Международная критика» (Critique internationale), «Национальная оборона» (Défense nationale), «Политическая экономия» (L'Economie politique),

¹⁰ См.: Россия и другие страны СНГ в 2004 году (La Russie et les autres pays de la CEI en 2004) // Курьер стран Востока (Le courrier des pays de l'Est, numéro spécial). 2005. № 1047.

¹¹ См., например: Неприкосновенный запас. 2005. № 42 (французские историки и «пост-советологи» о Российском государстве).

327 Михаил Маяцкий

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦИИ

«Международный и стратегический журнал» (La Revue internationale et stratégique), «Тетради по внутренней безопасности» (Les Cahiers de la sécurité intérieure), «Дипломатический мир» (Monde Diplomatique), «Внешняя политика» (Politique étrangère), «Журнал новой и современной истории» (Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine), «Международный журнал сравнительной политики» (Revue Internationale de Politique Comparée), «Современные общества» (Sociétés Contemporaines).

Николай Плотников

РУССКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ГЕРМАНИИ

Культурное осознание «русского присутствия» является в Германии традиционно не столько фактом интеллектуальной любознательности к «чужому», сколько элементом собственной истории и условием самоопределения немецкого политического и культурного сознания. Именно этим объясняется то обстоятельство, что, с одной стороны, степень информированности немецкого образованного класса о российских делах является весьма высокой и детализированной (пусть даже и в форме критического отношения к ним), а с другой стороны — количество «интеллектуальных продуктов», имеющих отчетливо российское происхождение и освоенных немецким культурным пространством, совершенно ничтожно.

Эту связь можно обнаружить в самых разных течениях немецкой интеллектуальной жизни на протяжении всего XX в. — всюду интерес к России обусловлен фактором самоопределения Германии как культурного пространства между Востоком и Западом. Там, где Германия воспринималась как культурный бастион, противостоящий западной цивилизации, Россия являлась в образе производительницы родственных идей. Так, ранний Томас Манн видел своих консервативных союзников в борьбе против «цивилизованных писак» в мистицизме Дм. Мережковского и религиозно-культурной идеологии сборника «Вехи». А Вальтер Беньямин и иные левые интеллектуалы отправлялись в паломничество по Советскому Союзу, чтобы увидеть уже сегодня социалистическое будущее Германии. Напротив, смена политической и культурной ориентации Германии влекла за собой утрату интереса к России как источнику родственных идей и возрождала образ грозной азиатской деспотии, подавляющей всякую свободную мысль. Интеграция послевоенной Германии в «атлантический мир» еще более содействовала упрочению этого образа, и по сей день налагающего свой отпечаток на характер восприятия русской мысли.

Из этих колебаний интеллектуальных и идеологических мод складывается то сложное сплетение мотивов, которое и сегодня определяет интерес (или отсутствие его) к идейным продуктам из России. В силу же устойчивости этих мод современная немецкая рефлексия до сих пор апеллирует к прежним идейным моделям России (советской и досоветской), выработанным в течение XX столетия, воспринимая интеллектуальное пространство России в категориях «западников» и «славянофилов», «евразийцев», «почвенников», «государственников» и т. д. (К этим категориям добавились в последние 15 лет разве что

«реформаторы», «либералы» и «правозащитники».) В рамках таких сплетений почти невозможно выделить «чистые тенденции» восприятия, свойственные для тех или иных интеллектуальных сообществ, действующих на пересечении политики, науки и журналистики.

Поскольку присутствие «идей из России» в силу указанных мотивов слишком рассеяно в публичном и научном пространстве, постольку имеет смысл выделить структурные элементы такого присутствия, определяющие диверсификацию интереса к российским интеллектуальным продуктам и характер их восприятия.

В первом приближении можно разграничить отношение к интеллектуальной жизни в России как к объекту и субъекту исследования и дискуссии. От этого различия в установке восприятия зависит и характер интеллектуального присутствия России в Германии.

И здесь нужно сразу отметить, что подавляющее большинство исследований, анализов, наблюдений и рефлексий по поводу русской мысли однозначно воспринимают ее лишь как объект рассмотрения. В таком модусе российский интеллектуальный опыт интересен лишь как свидетельство о ситуации в региональной державе, расположенной на границе Европейского Союза и связанной с Германией узлами сотрудничества преимущественно в энергетической и торговой областях. Знание, представленное в таком «объектном» модусе, почти не поддается генерализации и с трудом может быть включено в собственный опыт. Даже в отношении внутригерманских проблем, касающихся интеграции огромного слоя русскоязычного населения, российский опыт остается, как правило, нерелевантным.

Тем не менее в Германии существует огромная сеть¹ политических и университетских центров, занимающихся Восточной Европой, где исследовательский и экспертный интерес традиционно направлен в первую очередь на Россию. Наряду с институтами истории Восточной Европы, существующими в более чем 30 университетах Германии², и университетскими институтами славистики и русистики (около 40 институтов и отделений³) эта сеть включает специальные университетские центры междисциплинарных исследований. Среди них следует назвать Исследовательский центр Восточной Европы в Бремене (Forschungsstelle Osteuropa), Институт русской и советской культуры им. Лотмана в Бохуме (Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur), Научный центр Восток — Запад университета в Касселе

¹ Понятие «сеть» имеет в данном случае отнюдь не метафорический характер. Существует меж-институциональная структура, именуемая «Восточноевропейская сеть» (Osteuropa-Netzwerk [<http://www.osteuropa-netzwerk.de/>]). Данная сеть объединяет различные организации, специализирующиеся на Восточной Европе — от научных и экспертных, до юридических и гуманитарных, а также интернет-порталы, базы дан-

ных и даже интернетовские форумы по восточноевропейской тематике.

² Список институтов см.: [<http://www.uni-giessen.de/~g814/osem10.html>].

³ См.: [http://www.uni-potsdam.de/u/slavistik/projekte/flash/slavistik_institute/linkflash.htm].

(Ost-West Wissenschaftszentrum), Гуманитарно-научный центр истории и культуры Восточной Европы в Лейпциге (Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Osteuropas), Институт Восточной Европы в Мюнхене (Osteuropa-Institut), Центральный институт средне- и восточноевропейских исследований при католическом университете г. Айхштетт (Zentralinstitut für Mittel- und Osteuropastudien) и др. Кроме того, эта сеть включает в себя межуниверситетские организации, а именно Немецкое общество исследований Восточной Европы (Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde), а также политические экспертные структуры, к числу которых относится Центр им. Кёрбера «Россия и СНГ» при Немецком обществе внешней политики (Körber-Zentrum Rußland/GUS, Deutsche Gesellschaft für auswärtige Politik) — экспертная структура, близкая правительственным кругам. Наконец, составной частью восточноевропейской сети в Германии являются многочисленные неправительственные организации, осуществляющие прямое сотрудничество с партнерами из России и стран бывшего Советского Союза, как правило, в гуманитарной области.

Корпус информации, производимый и накапливаемый «восточноевропейской сетью», находит свое публичное выражение не только в экспертных заключениях и научных публикациях, но и в регулярных органах «сети», к числу которых в первую очередь относятся журнал «Восточная Европа» (Osteuropa) Немецкого общества исследований Восточной Европы, «Барометр СНГ» (GUS-Barometer) Центра им. Кёрбера при Немецком обществе внешней политики и «Анализ России» (Russlandanalysen) Исследовательского центра Восточной Европы в Бремене. В этих и других изданиях производится регулярный мониторинг ситуации в России, касающийся практически всех областей социальной жизни. Однако ситуация в российской интеллектуальной сфере занимает в этих изданиях маргинальное положение. Так, бременский «Анализ России» даже не включает интеллектуальную и научную сферу в предметный указатель своих регулярных выпусков. В большей степени ориентирован на освещение интеллектуальной жизни журнал «Восточная Европа», но и то лишь постольку, поскольку он значительное место уделяет историческим исследованиям русской мысли XIX и XX вв.

В рассматриваемых изданиях и экспертных материалах можно в целом выделить *две тенденции*, определяющие интерес к российской интеллектуальной ситуации. Это внимание к постсоветским дискуссиям в публичной и научной сфере как проявлениям процесса постсоветской модернизации России, с одной стороны, и анализ российской ситуации с точки зрения внутригерманских проблем и дискуссий, в том числе и вопросов сотрудничества с Россией, с другой стороны.

В рамках первой тенденции интерес оформляется в категории *процесса*, в силу чего любое рассматриваемое событие осмысливается как его специальное проявление. В центре внимания такой установки

находится спектр вопросов, относящихся к политической и культурной идентичности постсоветского общества, характеру и тенденциям ее трансформации. При этом предметом особого беспокойства являются процессы складывания консервативно-националистических форм идентичности, рождающих у экспертов ассоциации с Веймарской республикой.

В целом можно сказать, что именно под воздействием указанной связи между восприятием России и культурно-политическим самоопределением Германии анализируемые российские процессы рассматриваются экспертами сквозь призму немецкой истории XX в. Это касается не только часто выражаемой экспертами озабоченности по поводу складывания авторитарных и консервативно-националистических тенденций в российском политическом и культурном сознании, приводящих к формам нового изоляционизма и питающих идеологию противопоставления России Западу. Столь же важную роль, хотя, как правило, в модусе критики, играет в экспертных оценках и отношение к историческому прошлому в посткоммунистической России и к процессам формирования исторического сознания. Для немецких экспертов историческая аргументация существенным образом связана с политической и поэтому отчетливо рефлексированное отношение к собственной истории рассматривается ими как один из базисных элементов демократической политической культуры. По этой причине столь часты указания экспертов на дезориентацию в отношении к собственному прошлому в современной России, проявляющуюся как на уровне политических заявлений, так и в образовательной сфере (преподавания истории). В контексте этих оценок предметом исследования становятся и конкретные примеры исторических дискуссий в России — о «новой хронологии» А. Фоменко, о историософии Л. Гумилева и т. п. Вместе с тем и обширная сеть специальных исторических исследований, в особенности советского периода (осуществляемая отчасти в сотрудничестве с немецкими научными фондами), становится темой изучения в немецком экспертном сообществе.

В связи с анализом исторического сознания как стимула модернизации находятся и экспертные наблюдения, констатирующие распад прежних структур интеллектуальной деятельности в России. Данные исследования тематизируют в первую очередь состояние науки и традиционных сообществ интеллигенции и констатируют, как правило, общую дезориентацию интеллектуалов, принужденных действовать в ситуации рыночной экономики.

Важным аспектом научных и экспертных исследований современного состояния российского общества является обсуждение социально-политической ситуации, и в первую очередь — процесс распада советских социальных структур и прогрессирующее расслоение общества, сопровождающие процесс российской модернизации. Не только в

СМИ, но и в исследовательском сообществе, специализирующемся на России, темы бедности, имущественного расслоения и обнищания значительных слоев населения составляют одну из существенных тем анализа и оценок. Такой интерес к социальной ситуации в России обусловлен, прежде всего, интеллектуальными установками исследователей. Модель социального государства является для подавляющего большинства из них основным масштабом оценки политического и социального развития, в силу чего картина рыночной стихии, едва сдерживаемая коррумпированным государством, воспринимается не как свидетельство российской модернизации, а как признак прогрессирующего распада социальной структуры.

В рамках второй тенденции научных и экспертных исследований приоритетным является артикулирование немецких *интересов* в сотрудничестве с Россией. Здесь доминируют те темы, которые занимают все экспертное сообщество Германии в целом и составляют предмет внутринемецких публичных дискуссий. По этой причине результаты данного направления деятельности экспертов по России значительно лучше представлены в публичном пространстве, чем исследования российской модернизации.

К наиболее активно обсуждаемым темам относятся здесь вопросы энергетического сотрудничества и политических условий его обеспечения, вопросы экономических перспектив, связанных с возможностью расширения рынков для немецких фирм, и прочие темы экономического сотрудничества. Не удивительно поэтому, что дело ЮКОСа главенствовало в списке тем не только СМИ, но и экспертных анализов последних лет, поскольку напрямую затрагивало тему энергетических интересов Германии и политических и правовых условий их реализации.

Вместе с тем значительное место в списке исследуемых тем занимают вопросы научно-технического сотрудничества России и Германии, проблемы научной эмиграции ученых из России. Для Германии тема образования и утечки мозгов является особенно актуальной как в контексте неутешительных результатов, показанных немецкими школьниками в общеевропейском сравнительном исследовании уровня образования (PISA), так и в связи со значительной потребностью в инженерно-технических и IT-специалистах, обнаружившейся в последнее время в немецкой экономике. Выдвинутый немецким правительством лозунг «притока мозгов» (brain drain) мотивировал значительное число исследований, посвященных состоянию российской науки и перспектив привлечения российских технических специалистов для работы в Германии. Оценки состояния российской научной инфраструктуры, высказываемые в рамках такого рода исследований, определены в данном случае прагматическим интересом вербовки специалистов, но и независимо от этого интереса они дают весьма печальную картину состояния науки в постсоветских условиях.

В рамках названных установок исследований о России уже давно существует тенденция к преодолению чисто «объектного» рассмотрения России. В большинство анализов, исследований и экспертных заключений включаются результаты опросов российских социологических служб (Левада-Центр, ФОМ), приглашаются эксперты из России, высказывающиеся преимущественно по социологическим, политологическим и экономическим темам. Редкий сборник статей, выходящий под эгидой перечисленных экспертных структур, обходится без приглашения российских специалистов по социальным наукам, комментирующих внутрироссийские события.

В целом, однако, нужно отметить, что подобное сотрудничество в экспертной сфере не меняет модуса представления информации. Он остается в значительной мере «объектным», т. е. ограниченным сугубо российской тематикой в ее связи с прочими темами международной политики. На общую интеллектуальную повестку дня немецкой дискуссии эти экспертные исследования и оценки не влияют совершенно, оставаясь замкнутыми на предмет «Россия». Поскольку же и российские дискуссии в том виде, как они предстают экспертному анализу, постоянно вращаются вокруг вопроса о России, ее месте в мире, ее идентичности, самобытности и пр., постольку они в принципе не могут выйти за рамки сугубо регионального интереса и быть генерализованы в немецкую или общеевропейскую интеллектуальную повестку дня.

Иначе обстоит дело с теми российскими явлениями, которые выступают в качестве субъекта немецкой и европейской интеллектуальной жизни, т. е. не только являются объектом наблюдения, но и сами влияют на интеллектуальную жизнь Германии, формируя ее собственную интеллектуальную повестку дня. Но здесь необходимо строго различать типы интеллектуальной деятельности, добившиеся субъектного присутствия. Если брать весь объем такого присутствия, то он почти целиком занят искусством и литературой, каковые в публичной сфере также относятся к деятельности «интеллектуалов». И в этом отношении субъектное присутствие российских музыкантов на порядки выше какой-либо другой интеллектуальной деятельности, если судить по тому количеству рецензий, музыкальной критики, тематических обзоров, которые им посвящаются. Например, постановки Вагнера Валерием Гергиевым или вокальные выступления Анны Нетребко обсуждаются внимательно и подробно, с экскурсами в традиции русской музыки и анализом их своеобразия на фоне европейского опыта. С некоторым отставанием за русской музыкой следует кино, в отношении которого также можно говорить о его «присутствии» в публичном культурном сознании Германии. В меньшей степени это касается литературы, хотя, возможно, по количеству переводов литературных произведений и литературоведческих работ современная русская литература занимает даже больший объем интеллектуального присутствия,

нежели остальные виды искусства⁴, но оно все больше сосредоточивается в профессиональном литературоведческом сообществе, не выходя в публичную сферу. Литературные новинки, в том числе и литературные скандалы в России (вроде публикации «Господина Гексогена» Проханова или публичные преследования романа Сорокина «Голубое сало»), по инерции продолжают обсуждаться, предметом внимания все еще становятся новые интеллектуальные предприятия (например, издательства «НЛО», «Ad Marginem» и т. п.), а российским авторам (В. Кривулину, В. Ерофееву и др.) предоставляют публичную трибуну. Все еще сохраняется интерес к прежним фигурам российской интеллектуальной сцены вроде А.И. Солженицына. Но по сравнению с еще недавним поклонением «святой русской литературе» (Т. Манн) интерес к современному литературному процессу в России неуклонно снижается.

В сравнительно благоприятной ситуации находятся российские естественные науки, давно и прочно занимающие узкую нишу профессионального интереса, который при необходимости (как в случае упомянутой дискуссии о «притоке мозгов») может приобретать публичное измерение и попадать в поле медийного интереса. Но и независимо от такового профессиональное сотрудничество, например, в области физики и математики, приводит к возникновению прочных институциональных структур, основанных не в последнюю очередь на политически артикулированном интересе немецкой науки в притоке научно-технических инноваций⁵.

Совершенно иначе обстоит дело с российской гуманитарной наукой. Ее идейное присутствие в сообществах, не связанных с Россией и не владеющих русским языком, — а это, разумеется, подавляющая и наиболее влиятельная часть интеллектуальной среды, — совершенно незначительно. Если говорить о «присутствии» «идей из России» в Германии, то необходимо рассматривать в первую очередь именно этот слой. Поскольку он является жестко структурированным по линиям научных дисциплин, постольку апроприация российских интеллектуальных продуктов происходит в заданных дисциплинарных рамках, что, с одной стороны, сразу ограничивает сферу их влияния, но с другой — способствует долговременному присутствию в силу инертности дисциплинарных дискурсов.

В области гуманитарных дисциплин в Германии можно зафиксировать присутствие лишь тех российских интеллектуальных продуктов, которые относятся к далекому и недавнему прошлому. К такому следует отнести наследие советской психологической науки (школы Л. Выготского и А. Леонтьева), литературоведческие концепции

⁴ В последнее время, правда, наметилась тенденция снижения интереса к литературе из России, так что она по количеству переводов отстает от, например, испанской литературы (занимая седьмое место в рейтинге переводимости).

⁵ Ср.: *Joachim Müller-Jung: Mit Russen unter einem Dach. Helmholtz in Moskau: Wie die Forschung ihr Glück im Osten findet // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2005. № 35. S. 34.*

формалистов, М. Бахтина⁶ и Ю. Лотмана, советские исследования в области структурной лингвистики и математической логики. Существует также комплекс неоформленных представлений о «русской мысли», т. е. философских течениях досоветского периода. Он хотя и вызывает известные симпатии и интерес у интеллектуалов, будь то в силу левых политических предпочтений, будь то в силу старых представлений о близости «русской духовности» немецкой культуре, но за немногими исключениями вообще не является предметом профессионального интереса философов и историков культуры (неславистов). Напротив, информация о новой русской философии (М. Мамардашвили, В. Подорога, М. Рыклин) хотя и проникала в СМИ в первой половине 90-х гг., но так и не вышла за пределы кратковременного медийного присутствия, не попав в дисциплинарный философский дискурс, из которого в конечном счете и рекрутируются политические и общественные эксперты соответствующего профиля.

Итак, субъектное интеллектуальное присутствие России крайне незначительно и ограничивается в основном сферой искусства. Сведения о современных идейных трендах и дискуссиях в России хотя и попадают на страницы печати (например, в рамках обзоров российских политических журналов), но не становятся фактом присутствия в немецком интеллектуальном дискурсе. С одной стороны, для этого существуют некоторые структурные препятствия, связанные с четкой дисциплинарной ориентацией научного и экспертного знания. «Интеллектуалы», не укорененные в университетской среде, могут найти свою трибуну на страницах отделов культуры центральных газет и в других СМИ, но чтобы закрепить свой статус «интеллектуалов», так или иначе вынуждены апеллировать к университетскому дискурсу⁷. С другой стороны, каналы проникновения информации о России столь многочисленны и многосторонни, что любое значительное интеллектуальное событие в России имеет шанс найти отклик в СМИ и экспертном сообществе Германии.

В этой связи интересно рассмотреть те случаи, когда «русские интеллектуалы» все же попадают в поле публичного интереса за пределами специализирующихся на России экспертных и медийных сообществ.

⁶ В случае с Бахтиным влияние его вышло далеко за пределы литературоведения и отчасти попало даже в канон гимназического образования, так что в Германии можно встретить, например, рядового государственного чиновника, изучавшего Бахтина на уроках обществоведения в гимназии.

⁷ Для примера можно сравнить две недавние дискуссии, прошедшие на страницах газеты «Франкфуртер Альгемайне»: о попытках нейрофизиологов в очередной раз подвергнуть сомнению «свободу воли» и об образе будущего западного

общества, подвергающегося неуклонному старению. Первая дискуссия проходила с участием специалистов-нейрофизиологов и философов и имела значительный резонанс в дисциплинарных кругах, получив в результате выход и в политический дискурс. Напротив, вторая дискуссия велась исключительно журналистами и хотя и стала, будучи опубликована отдельной книгой, интеллектуальным бестселлером 2004 г., но никакого последующего резонанса не имела, оказавшись вытесненной другими медийными сенсациями.

Укажем три имени «русских интеллектуалов», которые представитель немецкого образованного слоя сможет без труда назвать. Это Владимир Каминер, Борис Гройс и Лев Копелев (1912–1997). Весьма разными путями они добились публичного интереса к себе, но и в их индивидуальных биографических линиях можно обнаружить некоторые общие черты, позволяющие приблизиться к пониманию того, как становятся «русскими интеллектуалами» в Германии.

Существенным условием их вхождения в немецкую публичную сферу было, разумеется, их постоянное пребывание в Германии, которое обеспечивало и обеспечивает им постоянство внимания. Но и помимо этого биографического условия существуют сходные факторы их утверждения в сообществе, и в первую очередь — своеобразное превращение левой идеи в творчестве каждого из них. Каминер приобрел популярность в качестве представителя поп-литературы, освещающего в ироничной форме не только свое советское прошлое, но и актуальные социальные темы, касающиеся форм жизни иммигрантов в Германии, их взаимодействия с немецким населением и способов самоутверждения в чужом культурном окружении. Гройс воспринимается как один из постмодернистских художественных теоретиков, артикулирующих современное понимание левой идеи. В этих рамках художественной «левизны» находят свое место и старые стереотипы левого сознания с его антиамериканизмом, ностальгией по утопии и амбивалентным отношением к советскому прошлому, соединяющему в себе антиавторитарный протест с латентной симпатией к социалистическому государству. Наконец, Копелев воспринимался как один из ведущих представителей леволиберальной интеллигенции, соединявшей правозащитный дискурс и идею социальной справедливости с идеей ненасильственного культурного диалога наций, опирающегося на классическое культурное наследие. Его усилия по организации русско-немецкого культурного и политического диалога нашли признание далеко за пределами сообществ, специализирующихся на России, и воспринимались как попытка обновления культурного диалога после трагического опыта XX в.

Из рассмотренных примеров, а также из анализа тенденций восприятия русского интеллектуального присутствия в Германии можно вывести ряд минимальных условий, которым должен отвечать интеллектуальный продукт, чтобы сформировать к себе интерес в немецком сообществе интеллектуалов.

Одним из существенных условий является инновативное обсуждение темы свободы и справедливости, составляющей центральный элемент социально-политического сознания немецких интеллектуалов. При этом важно учесть, что это характерно как для консервативных, так и для либеральных и левых позиций. Классический немецкий консерватизм Веймарской республики почти единодушно воспринимается наряду с коммунистическим радикализмом как одна из фатальных

предпосылок прихода к власти нацистов и в силу этого обстоятельства не имеет шансов на прямое продолжение в современной дискуссии. Вместе с тем и рыночный либерализм американского типа воспринимается как одна из угроз социальному миру. Напротив, рефлексия по поводу судеб и перспектив социального государства как формы связи свободы и справедливости образует ядро идейных установок немецких интеллектуалов как консервативного, так и либерального лагеря.

Другим условием признания является универсализм. В данном случае его следует понимать не только в том смысле, что традиционный модус российского дискурса, опирающийся на убежденность в «самобытности» России, не поддается генерализации и оказывается структурно непригодным для апроприации иными культурными традициями. Существенным аспектом немецкой установки на универсализм, обусловленной тяжким опытом немецкой истории, является фундаментальное недоверие ко всякой исключительно национально-культурной артикуляции своего опыта. Модели политической и культурной интеграции общества, известные в Германии под названием «конституционного патриотизма» или «постнациональной констелляции» (Хабермас), базируются как раз на такой универсалистской установке при экспликации собственного опыта. В силу этого тенденции к ренационализации политического пространства в постсоветских государствах воспринимаются немецкими интеллектуалами как утрата универсалистского ориентира. Даже и в тех кругах интеллектуалов, которые принято считать консервативными и для которых национально-государственное сознание составляет один из базисных принципов политической интеграции, осмысляют структуру этого сознания в правовых категориях, т.е. опять же под углом зрения их универсального значения.

С этим связана такая установка немецкого интеллектуально-го сообщества, как *юридизм*, восходящий к мощной немецкой традиции государственного права, теоретики которого до сегодняшнего дня рассматриваются в Германии как основные эксперты политической жизни. Правовой подход к политике является в Германии господствующей установкой осмысления политической реальности, в то время как социологический, политологический или политехнологический подходы неизменно рассматриваются как подчиненные. Этой установкой обусловлена и та озабоченность, которую высказывают немецкие эксперты по поводу процессов, происходящих в постсоветской России как в период приватизации 90-х гг., так и в условиях путинского авторитаризма. Отсутствие правового обоснования в этих процессах является в глазах немецких экспертов достаточной причиной для того, чтобы рассматривать их как поражение модернизации в России. Причем даже интеллектуальные продукты, не связанные непосредственно с политической реальностью (например, философские идеи), рассматриваются

338 Мыслящая Россия
VI. Взгляд со стороны

и признаются в той мере, в какой они способны рефлексировать собственное отношение к правовому оформлению социальной жизни.

Не лишне упомянуть среди перечисленного набора условий также и *профессионализм*, т. е. представление интеллектуального продукта, артикулированного с учетом тенденций мировых и конечно же немецких интеллектуальных и научных дискуссий.

Важным фактором признания в немецком сообществе является также то обстоятельство, что данный интеллектуальный продукт опосредствован внутрироссийским интеллектуальным консенсусом. Возможны, конечно, случаи прямого включения в немецкую интеллектуальную дискуссию, но все же основным путем здесь может быть только признанность данного интеллектуального продукта в рамках российского интеллектуального сообщества. Поэтому вопрос о том, какие «идеи из России» могут быть и оказываются признаны в немецком сообществе интеллектуалов, опирается в конечном счете на вопрос, имеются ли «идеи», которые признаны интеллектуальным сообществом как инновативные и универсальные в самой России.

Георгий Дерлугьян

**РОССИЯ НА ПОДВИЖНОМ
ГОРИЗОНТЕ АМЕРИКИ:
МЕХАНИЗМЫ НЕЭКВИВАЛЕНТНОГО
ОБМЕНА В ГЕОКУЛЬТУРЕ**

На первый взгляд, дела с интеллектуальными потоками между Россией и Америкой обстоят парадоксально, если не попросту обидно. Людские массы с очень высокой пропорцией высокообразованных специалистов двигаются в одном направлении, а идеи и образы — ровно в противоположном. Но не станем впадать в новейший грех бытового антиамериканизма, выводы из которого столь же просты, насколько поспешны и огульны, и оттого мало эффективны в социальной практике. Лучше последуем наставлениям почтенного теоретика и не менее известного ворчливого скептика Артура Стинчкома и попробуем разобраться в социальных механизмах, т.е. устойчивых и регулярно воспроизводящихся в аналогичных исторических контекстах причинно-следственных взаимосвязях, действующих на подтеоретическом уровне. В данном случае, согласно Стинчкому, мы имеем дело с типичными механизмами монополистической конкуренции между организациями такого порядка, как национальные государства, ведущие университеты и бизнес-корпорации (включая книгоиздание, кино и телевидение) ¹.

В случае интеллектуальной диффузии между Америкой и Россией (как и множеством прочих стран мира) социальные механизмы культурного и символического производства складываются в явно неравновесную структуру, которую в политэкономии миросистемной зависимости называют неэквивалентным обменом ². Проще говоря, согласно этой теории, мировые рынки сформировались и действуют таким образом, что периферийным и новововлеченным участникам регулярно приходится покупать и продавать с минимальной прибылью

¹ См.: *Arthur Stinchcombe. Monopolistic competition as a mechanism: corporations, universities, and nation states in competitive fields. Chicago: American Bar Foundation, 1996.* К вопросу об интеллектуальном присутствии России в Америке: Артур Стинчком в молодости изучал русский язык из интереса к стране, наиболее сравнимой с Америкой по многим историко-географическим параметрам. Он также полагает, что, невзирая на политические пристрастия, классиком политической социологии следует считать также и

Троцкого. Стинчком напоминает, что знаменитое определение государства как монополии на легитимное насилие Макс Вебер (сам в период революции 1905 г. увлекавшийся русским языком) на самом деле позаимствовал у тогдашнего председателя Петербургского совета.

² *Kunibert Raffer. Unequal exchange and the evolution of the world system: reconsidering the impact of trade on North-South relations. New York: St. Martin's Press, 1987.*

и порой даже себе в убыток, в то время как наиболее прибыльные ниши их внутренних рынков подвержены конкурентной колонизации более ресурсными и эффективными фирмами из центра миросистемы. Рынок идей и символических капиталов-репутаций, по терминологии французского социолога Пьера Бурдьё, структурно гомологичен рынкам политической власти и экономических обменов³.

Но трижды обиднее и ошибочнее было бы впасть в пессимизм перед лицом якобы непреодолимых структурных конфигураций. Если сегодня Россия для американцев — далеко не самая важная и интересная страна (особенно в сравнении с экономически возрождающимся Китаем или смертельно опасным и непостижимым исламским миром), это вовсе не означает, что Россия стала заурядно «нормальной средне-развитой» страной по последнему упрощению известных либеральных экономистов. Совокупный культурный капитал, накопленный поколениями, не поддается статистической оценке в денежных единицах и процентах ВВП, отчего он не перестает быть базовой исторической реальностью с вытекающими из нее будущими возможностями. Собственно, в этом и заключается главная функция любой формы капитала: накопленного и соответствующими способами институционализированного успеха, который можно инвестировать в будущие успехи⁴.

Здесь полезно будет вспомнить пример Франции, которая в 1945–1960 гг. пережила собственную череду глубоких потрясений, сопровождавшуюся среди прочего мощным вторжением престижных американских моделей на дотоле закрытые и даже косные французские интеллектуальные рынки. Однако спустя одно поколение это обернулось контрвторжением в Америку французских интеллектуальных продуктов нового гибридного типа, возникших в ответ на послевоенную ситуацию. Механизм французского контрэкспорта был проанализирован в ставшей классической статье американско-канадского социолога Мишель Ламонт «Как стать господствующим французским философом: пример Жака Деррида», к которой мы еще вернемся⁵. Пока же отметим — в качестве индикатора самой возможности создания турбулентности в культурных потоках с возникновением гибридных явлений нового поколения — неожиданно шумный (во всех смыслах) успех рок-группы «System of a Down», которую в 2000 г. создали четыре молодых армянина: Серж Танкян, Шаво Оаджян, Дарон Малакян и Джон Долмаян (один из них из Армении, двое из Ливана, и еще один — уроженец Калифорнии). Эта рок-группа, которая сейчас занимает

³ См.: Бурдьё П. Социология политики. М.: Социологос, 1993.

raphy. University of Chicago Press, 2005, Chapter 5: «The Social Structure of Late Soviet Society».

⁴ Данное прагматическое определение капитала предложено Иммануилом Валлерстайном в личной дискуссии. См.: Derlugian G. Bourdieu's secret admirer in the Caucasus: A world-system biog-

⁵ См.: Lamont Michèle. How to become a dominant French philosopher: The case of Jacques Derrida // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93 (3). P. 584–622.

верхние строчки хит-парадов и даже удостоилась удивленного внимания на интеллектуально-солидном Общественном радио Америки, поет, конечно, по-английски, но в том числе и о трагически важном для армян геноциде 1915 г. И теперь она выводит толпы американских фанатов на пикетирование турецких дипломатических представительств. Так что есть еще место для подвига.

Защищенный континент

Казалось бы, никогда прежде между Америкой и Россией не существовало такой плотности коммуникативных каналов. Чего стоил один лишь доступ к Интернету, социальные последствия которого (даже с поправкой на безудержный «хайп» и переоценку, свойственную всякой моде на новшества), несомненно, уже изменяют самые структуры повседневности. Несмотря на эпидемию банкротств среди авиакомпаний и рост цен на билеты, сегодня расстояние между континентами физически сократилось до прежней поездки из Москвы в Ленинград. (Во всяком случае, московские приятели регулярно иронизируют, что с автором данной статьи они видятся чаще, чем со многими москвичами и тем более киевлянами или ереванцами.) Кто только не слетал в Нью-Йорк или какой-нибудь Милуоки «по делу срочно» — соответственно, и я постоянно держу наготове комнату для гостей в своем чикагском доме.

Русскоязычные (бывшие советские) ученые, преподаватели, студенты и специалисты со всевозможными временными и постоянными визовыми статусами составляют сегодня весьма заметную в интеллектуальном и поведенческом плане группу иностранцев на американских кампусах. Наши соотечественники немалым числом представлены практически во всех исследовательских университетах США, число которых превышает шесть сотен, плюс в тысячах начальных колледжей и техникумов, а также в прикладных лабораториях и компьютерных отделах коммерческих фирм, в симфонических оркестрах, картинных галереях или спортивных школах. Уже не выглядит курьезом, что, к примеру, научным руководителем американского Национального научного фонда в Антарктиде служит россиянин Владимир Папиташвили.

И все же посмотрим мультсериал про семейку Симпсонов, с успехом идущий по российскому телевидению, — пародийную квинт-эссенцию американского обывательского сообщества. Основная масса нормализованных американцев выглядит в этом сериале удивительно провинциальной, закрытой от ненужных им иностранных влияний и даже подозрительной ко всему культурно чужому (во многом оттого и настолько патриотичной). В чем тут причина?

Америка — не национальное государство и не Европа. Прежде всего, в силу своих континентальных размеров. Городки, из которых

за три года не доскачешь ни до какой границы (разве что канадской), составляют географическую и социальную массу американского образа жизни, особенно того воинственно-провинциального варианта, который политически разрабатывает администрация Буша-младшего. Лишь примерно пятая часть американских граждан имеет на руках загранпаспорта, владение иностранными языками распространено минимально за ненадобностью, радиоприемники традиционно выпускаются с настройкой только на местные длинные и средние волны. Америка играет в свой американский футбол, бейсбол и профессиональный баскетбол. Масса зрителей в столь большой стране вполне достаточна для поддержания рыночного спроса. Равно американская промышленность и торговля с очевидно протекционистской выгодой продолжает использовать футы, унции, галлоны, болты и гайки под недесятичные доли дюйма или архаичные градусы Фаренгейта — при этом называя все это стандартной системой мер в пике метрической, на сегодня уже принятой во всем мире, кроме США. Понятие иностранной валюты отсутствует в быту (евро обменивают только в больших банках), главные политические и экономические решения, затрагивающие повседневность, принимаются в национальной столице Вашингтоне или на своей собственной Уолл-стрит, и уж совершенно невозможно представить себе иностранные военные базы на территории США. Переводные программы не смогут пробиться на телевидении (англоязычная Би-би-си, транслируемая на некоммерческих публичных каналах, служит единственным приемлемым образцом старой высокой культуры). По данным небольшого импрессионистического обследования, которое я предпринял в компьютерном каталоге трехэтажного видеосалона, не обнаружено ни единого упоминания таких кинозвезд, как Луи де Фюнес, Пьер Ришар и Челентано. (Впрочем, «Высокий блондин в черном ботинке» выходил в голливудском римейке, где героя-растяпу Ришара невыразительно изображал американский актер среди знакомых американских реалий.) Нашелся лишь Бельмондо — в фильме о Холокосте.

Ядро миросистемной гегемонии

Итак, первейшая причина американской неприступности лежит на поверхности — это сам географический размах страны, ее многомиллионного населения и заключенной в границах США экономики, откуда и самодостаточность культурных рынков. Но размер и заокеанская удаленность страны недостаточное объяснение. В принципе, границы США достаточно открыты, а согласно официальной идеологии, и подавно должны пасть все барьеры обмена, однако это лишь усиливает американский интеллектуальный экспорт. Превращение мира в открытую площадку — как при сегодняшней глобализации, так и при фритредерской глобализации, которую проводили британцы

в XIX в., — увеличивает возможности прежде всего самого сильного игрока на поле и почти без видимого нажима, естественно как природная данность, распространяет его правила и нормы на менее значительных игроков, которые желают участвовать в мировых процессах накопления экономического или культурно-символического капитала. Собственно это Джованни Арриги и называет периодами гегемонии в мировой системе — не грубого господства, но общепринятого лидерства, вызывающего подражательный эффект⁶.

Здесь действует связка социальных механизмов, совокупность которых подобна зоне устойчиво высокого давления — оттуда дует во все стороны, но туда редко пробиваются поветрия извне, и там вообще больше кислорода (или, по метафоре Фернана Броделя, в центре мира-экономики солнце светит ярче). Если окинуть взором заседание кафедры или конференцию в американском университете, возникает сложное ощущение, что ты оказался в некоей сборной мира, хотя многие из окружающих скорее беженцы, которым возвращаться особенно некуда. Это могут быть интеллектуалы из бывшей Югославии или распадающихся государств Африки, либо из арабских деспотий, из котла латиноамериканских социальных движений, или просто из стран, чьи правительства и фонды более не готовы финансировать науку выше прожиточного минимума, — примером тут может служить та же тэтчеровская Великобритания. Особый случай представляет Китай, который с 80-х гг. XX в. экспортировал массу молодых ученых. Долгосрочной целью при этом было создание транснациональной китайской диаспоры интеллектуальных кадров, объединенных культурно и патриотически, часть которой могла бы вернуться на родину после достижения высокого положения за рубежом. Материальные структуры полей науки и культуры пострадали во всем мире от сдвигов в финансовых приоритетах правительств и рыночных организаций. Америка столкнулась с подобным кризисом в конце 70-х гг., но затем, начиная с рейгановского периода, активная глобализация финансов привела к денежному оживлению всех областей деятельности в США. Гегемония воспряла.

Механизмы, образующие интеллектуальную «зону высокого давления» в начале XXI в., с необходимой поправкой на современное ускорение транспортных и информационных потоков, все-таки остаются теми же, что и в цивилизациях прошлого. Согласно подробнейшим образом документированному исследованию Рэндалла Коллинза, центры цивилизаций всегда были зонами высокого престижа и социального контакта⁷. Сочетание престижа главной сцены мира и постоянного притока талантливых ищущих провинциалов с ближних и дальних

⁶ См.: Giovanni Arrighi. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Making of Our Times*. London: Verso, 1994.

⁷ См.: Randall Collins. *Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact* // *International Sociology*. 2001. September. Vol. 16 (3). P. 421–437.

орбит цивилизации создает генератор творческой энергии, причем не столько через подражание, сколько в коллективной конкуренции избранного числа ведущих в данный период идейных школ. Такими центрами цивилизационного притяжения были классические Афины, Александрия и имперский Рим, буддийские монастыри Северной Индии в начале общей эры, дворцы и медресе Багдадского халифата, салоны и более демократичные кофейни Парижа и Вены. Или американские университеты сегодня.

Не-переход количества в качество

Повторяю, в американских кампусах нас весьма немало, особенно со стороны технических и естественных наук. (Необходимо напомнить, что университеты в США существуют как интегрированные интеллектуальные городки и служат, помимо прочего, основными материальными базами литературы и искусств.) Академические, артистические и спортивные контакты между двумя странами как будто налажены беспрецедентным образом. Конечно, математика или физика не связаны с национальной спецификой — хотя школы, производящие исследователей, все же растут не в абстрактном пространстве. Равно в космополитичном спорте или опере все-таки существует пусть не всегда очевидная связь атлетов и музыкантов со страной их происхождения. Павла Буре называют «russian rocket» («русская ракета»), прямо намекая на бывшее сверхдержавное соперничество в космосе. А успех Дмитрия Хворостовского так же связан потоком ассоциаций с самым популярным классическим композитором Америки Петром Чайковским, как невозможны без «Щелкунчика» и «Увертюры 1812 года» оба главных американских праздничных ритуала — рождественский шоппинг и фейерверк Четвертого июля.

Эти примеры, однако, есть дивиденды со старого культурного капитала, прямо выраженного как в виртуозных навыках исполнителей и игроков, так и в традиционном престиже породивших их школ. Напротив, в современной литературе, кино, архитектуре, популярных и авангардных жанрах музыки или практиках, традиционно именуемых изобразительным искусством, насколько можно судить по внешним индикаторам этих творческих полей, Россия сегодня представлена минимально с тенденцией к быстрому убыванию. Во всяком случае, здесь присутствие России заметно меньше Бразилии, Польши или Ирана.

Российская мысль в Америке сегодня едва различима в общественных и гуманитарных дисциплинах (за некоторыми исключениями вроде структурной лингвистики, которая в позднесоветский период оформилась в мудреные интеллигентские катакомбы вне идеологического и институционального контроля). Очень небольшому числу выходцев из бывшего СССР, которым удалось добиться устойчивого положения в перенаселенных полях университетской психологии, истории

или философии, оставалось лишь усваивать господствующие в американской среде стандарты и способы выражения-дискурсы (скажем, гендерных исследований). В экономике и политологии, где особенно сильно воздействие официальной американской идеологии (как в теориях демократизации или свободных рынков), где, соответственно, плюрализм ограничен схоластическими рамками канона и конформистское давление через механизм конкурентности особенно велико, успешные выходцы из России, особенно с математическим, а не гуманитарным багажом, ассимилируются наиболее быстро и полно. Порой и по-русски они начинают говорить с акцентом, в избытке вставляя английскую терминологию. Это вполне ожидаемый результат успеха через подражание.

Траектория славистики и советологии

Центры по изучению Восточной Европы и отделения славистики, с которыми непосредственно сталкиваются носители российской интеллектуальной культуры, в настоящее время представляют собой ограниченные площадки с тенденцией к убыванию. Институционально это продукты холодной войны. После 1945 г. американское правительство и частные корпоративные фонды (Карнеги, Рокфеллера, Форда) направили поток средств на создание, тогда практически с нуля, экспертного знания о вероятном противнике. Вполне объяснимо, что в первом поколении советологов преобладали антикоммунисты. И даже просто русофобы вроде Бжезинского, который популярно упростил и сдвинул вправо теории тоталитаризма франкфуртской школы и Ханны Арендт, или коллеги Бжезинского по Гарварду и также сына польских эмигрантов Ричарда Пайпса, который вывел из идей Данилевского историческую предопределенность русского деспотизма.

Антикоммунистическая «тоталитарная школа» подверглась внутреннему восстанию младших тогда преподавателей в бурные 60-е гг., что было частью общего движения протеста против официальной идеологии. Произшедшая тогда переоценка роли внутри-большевистских альтернатив сталинизму (например, в знаковой работе принстонского профессора истории Стивена Козна о Бухарине) имела полемический оттенок. Движение «ревизионистов» (по отношению к тоталитаристской ортодоксии) в итоге достигло серьезных успехов в своей борьбе за научную реконструкцию социальной истории СССР 20–30-х гг. и со временем даже стало господствующим мнением в советологии.

В 80-е гг. американский интерес к СССР пережил последовательно целых два всплеска, сопровождавшихся соответствующим притоком финансирования, молодых кадров и ростом относительного веса и престижа советологии внутри университетов. Один всплеск был произведен возобновлением холодной войны в первые годы президентства

Рейгана, когда на противостояние «империи зла» были мобилизованы федеральные ресурсы. Со своей стороны, леволиберальные фонды (прежде всего, Макартуров) сделали приоритетом всяческое сопротивление программе «звездных войн». Что, в свою очередь, дало средства и эмоциональный заряд американским исследователям, стоявшим в моральной и профессиональной оппозиции к антикоммунистическому «тоталитаристскому» лагерю гарвардских и стэнфордских стариков и к экспертам оборонного истеблишмента. Вслед подоспел второй, намного больший всплеск интереса и энтузиазма по поводу реформ Горбачева, которые открыли новые возможности для исследований внутри СССР. В университетах создавались вакансии, щедро выделялись гранты, резко возросло число аспирантов и студентов, изучающих русский язык. В этот период главный журнал сообщества *Slavic Review* («Обозрение славистики») достигает пика тиражей и по академическому статусу встает почти вровень с главными изданиями профессиональных научных ассоциаций, такими как «Обозрение американской политической науки» или «Американский социологический журнал», публикации в которых определяют репутации и дают доступ к конкурсам на должности в ведущих университетах.

Советология провалилась в историческую яму вслед за Советским Союзом. Диссертации по политике и экономике СССР к моменту защиты превращались в работы по истории. Пришлось срочно придумывать новое название. Удовлетворительной замены не нашли и пришлось остановиться на вариациях «Евразии» и «посткоммунизма», поскольку Россия продолжает рассматриваться в совокупности с бывшими странами советского блока. При этом поляки, венгры, чехи, прибалты, а затем и многие украинцы стали себя выделять в особую зону Центральной Европы. Примерно с середины 90-х гг. явной стала смена приоритетов университетов и фондов. Ставки, ранее выделенные на изучение России, при возникновении вакансий заполнялись специалистами по Китаю, а с 2001 г. — по исламским странам. Численно большое поколение аспирантов времен перестройки столкнулось с жесткими ограничениями в поисках работы. Вдобавок именно в то время на американских рынках интеллектуального труда стали появляться выходцы из бывшего СССР, которые особенно успешно потеснили американцев в филологии и связанных с ней гуманитарных областях. Многие экономисты и политологи предпочли переквалифицироваться, уходя в бизнес, на административные и консультационные должности. Историки остались в рамках обычного поколенческого воспроизводства (новый найм строго связан с уходами на пенсию). Пожалуй, больше всех пострадали аспиранты-антропологи, изучавшие народы СССР: среди них работу по специальности нашел примерно один из двадцати.

Сегодня ситуация стабилизировалась на новом, значительно пониженном уровне. Преподавание русской классической литературы

и кино плюс истории дореволюционной России и отчасти СССР занимают традиционные ниши в университетских программах. О Чайковском уже говорилось. Имена Толстого и Достоевского остаются в списке обязательного чтения образованных американцев. (Хотя среди преподавателей престижных школ бизнеса встречаются и такие, кто путает Dostoevsky с водкой Stolichnaia, говоря в извинение, что подобного рода информация ничего не дает эксперту по японскому экспорту.) Наиболее искушенные читатели также знают, как оказалось, Виктора Пелевина, и можно прогнозировать умеренный рост поклонников Б. Акунина. Однако читать интеллектуально-отточенные детективные истории о России, стилизованные под викторианскую эпоху, станет, вероятнее всего, лишь та (а скорее всего, это будет именно читательница), кто в колледже сталкивалась с Толстым.

Но ничего нельзя предрекать наверняка. Год назад немалый сюрприз преподнесла негритянская супер-звезда телевидения Опра Уинфри, ток-шоу которой ежедневно с подлинным благоговением смотрят миллионы женщин среднего возраста. Опра начала свою кампанию за чтение качественных книг с призыва познакомиться по ее примеру с удивительной «Анной Карениной». К потрясению славистов, роман, недавно заново переведенный на хороший и общедоступный английский, вдруг сделался массовым бестселлером, а в университеты пошли звонки из воскресных женских клубов при церквях с просьбами прислать им лекторов по Толстому.

В заключение: может ли дерридов земля российская рожать?

Ответ на сей вопрос, по теоретическому рассуждению, должен быть положительный. Потенциальность такая есть, вернее, она создается. Постперестроечный развал несущих структур интеллектуального производства и главное расформирование самих отечественных аудиторий привели к массовому вымиранию прежних культурных практик. Далее наступили смутные годы имитационных ассимиляций, которые не подлежат реэкспорту по причине своей вторичной подражательности. Это равно относится как к отечественным вариациям на усложненные постиндустриальные и постмодернистские темы, так и к продуктам массовой культуры вроде «Ночного дозора» (продюсеры которого, слывающие в российском быту довольно зубастыми существами, немало удивили пионерскими заявками на вторжение в вотчины Голливуда). Вопрос о положении дел в полях российской интеллектуальной деятельности лежит за пределами задач данной главы, хотя и имеет к ней прямое отношение: что, собственно, будет экспортироваться на мировые интеллектуальные рынки помимо продуктов традиционного спроса вроде Толстого, физики, хоккея и балета?

Вернемся к статье о невероятном случае Жака Деррида. Ее автор, Мишель Ламонт, показала, что взлет популярности Деррида, начавшийся в 70-х гг., был связан с принципиально различными механизмами, действовавшими на американском рынке идей и в самой Франции. У себя на родине Деррида начинал как аутсайдер — все-таки сын маляра из колониального Алжира не обладал связями и культурными навыками, которые могли бы обеспечить ему парижскую карьеру. Точно как и его университетский приятель — социолог Пьер Бурдьё, сын почтальона из беарнской глубинки, Деррида пробивался в Париже, умело нарушая устоявшиеся конвенции, которые именно в это время подвергались ломке во многом под воздействием мощной культурно-политической диффузии из Америки. Деррида впервые обрел свою аудиторию не в высокостатусной академической среде, контролируемой сорбоннской профессурой, а среди массы читателей интеллектуальной публицистики, аналогичной публицистике журналов «Новый мир» или «Искусство кино» советского периода.

В ходе своего продвижения на Париж через средние интеллектуальные слои Деррида выработал новый стиль и даже сами предметы философствования, нередко действуя на грани эпатажа. Гибридное скрещивание навыков прежней высокой культуры вкупе с американизированными приемами и темами масс-медиа стало секретом успеха Жака Деррида (как во многом и Бурдьё). Однако в Америке, где отсутствует массовая аудитория интеллектуальной публицистики, механизм успеха был совсем иной. Деррида сразу стал популярен именно в высокостатусной академической среде отделений филологии и философии в качестве новой европейской моды, которая удачно совпала с кризисом англосаксонского эмпиризма и протестными настроениями среди младших преподавателей и аспирантов американских университетов. Программа постструктуралистской деконструкции Деррида (в чем она состояла — не суть важно) стала платформой в борьбе за смену поколений среди американских ученых. Впоследствии прием продвижения философии в массы (но не интеллектуальную программу) неожиданно успешно применил на правом фланге американской политики один из слушателей парижского семинара Жака Деррида Фрэнсис Фукуяма.

Какие уроки можно извлечь из случая Жака Деррида? Конечно, если бы он боролся за место не в Париже, сохраняющем налет былого величия, а где-нибудь в столице второго ранга в мировой интеллектуальной иерархии вроде Праги, Киева или Стамбула, то он бы не стал тем, кем он стал. Однако Москва или Петербург пока еще сохраняют свой мистически высокий статус — в этом заключена частица совокупного культурного капитала, накопленного российской традицией. Необходимо сразу оговориться, что существуют примеры практически полной потери даже более высокого статуса в результате длительных исторических потрясений — это прекрасная и, увы, сегодня мертвенная Вена или некогда славные германские университеты (вроде

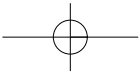
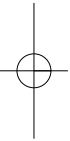
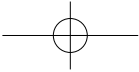
Тюбингена). Интеллектуальная жизнь вместе с потоком беженцев от нацизма и войн ушла из этих мест в те же Гарвард и Голливуд.

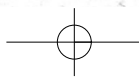
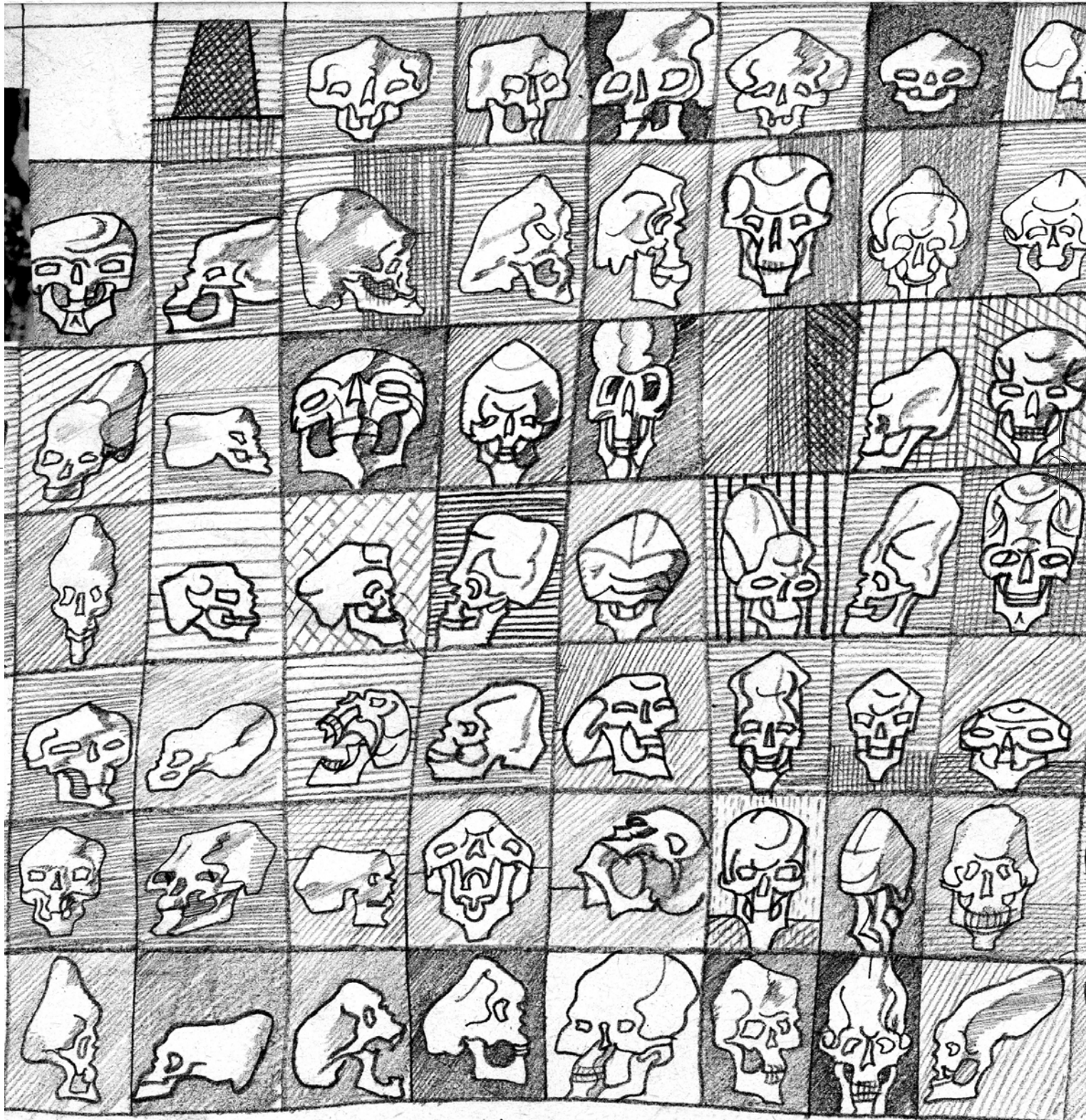
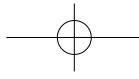
И все-таки принцип обновления творческой энергии в ядре мировых цивилизаций путем гибридизации и вторжения напористых талантов с более отдаленных орбит в центральную зону ресурсов и престижа сегодня продолжает действовать, как он действовал и в прежних цивилизациях, описанных Рэндаллом Коллинзом. В центрах регулярно возникают интеллектуальные пустоты, очаги истощения эмоциональной энергии, без которой невозможно творческое движение, как, впрочем, невозможно и удерживать внимание аудитории — философской, шахматной или, если угодно, фанатов на рок-концертах. Рок-группа из экзотичных армян на самой вершине американской концертной иерархии могла возникнуть только там, где истосковались по настоящему крутому драйву.

Суммируя, в Америке ныне все спокойно, но далеко не все здорово. Российская интеллектуальная жизнь представлена в основном традиционными наработками XIX в. (классика) и XX в. (наука и спорт). В общественных и гуманитарных науках Россия представлена только в сжимающемся сообществе специалистов-страноведов. Но вполне возможно, российской культуре еще предстоит освоить позиции в мировых интеллектуальных полях, подобно тому положению, которое после 1945 г. заняли интеллектуальные державы Европы: Франция, Британия, Испания, те же Венгрия и Польша. Быть может, у нас даже есть то, что русский экономист Александр Гершенкрон некогда называл «преимуществом отсталости».

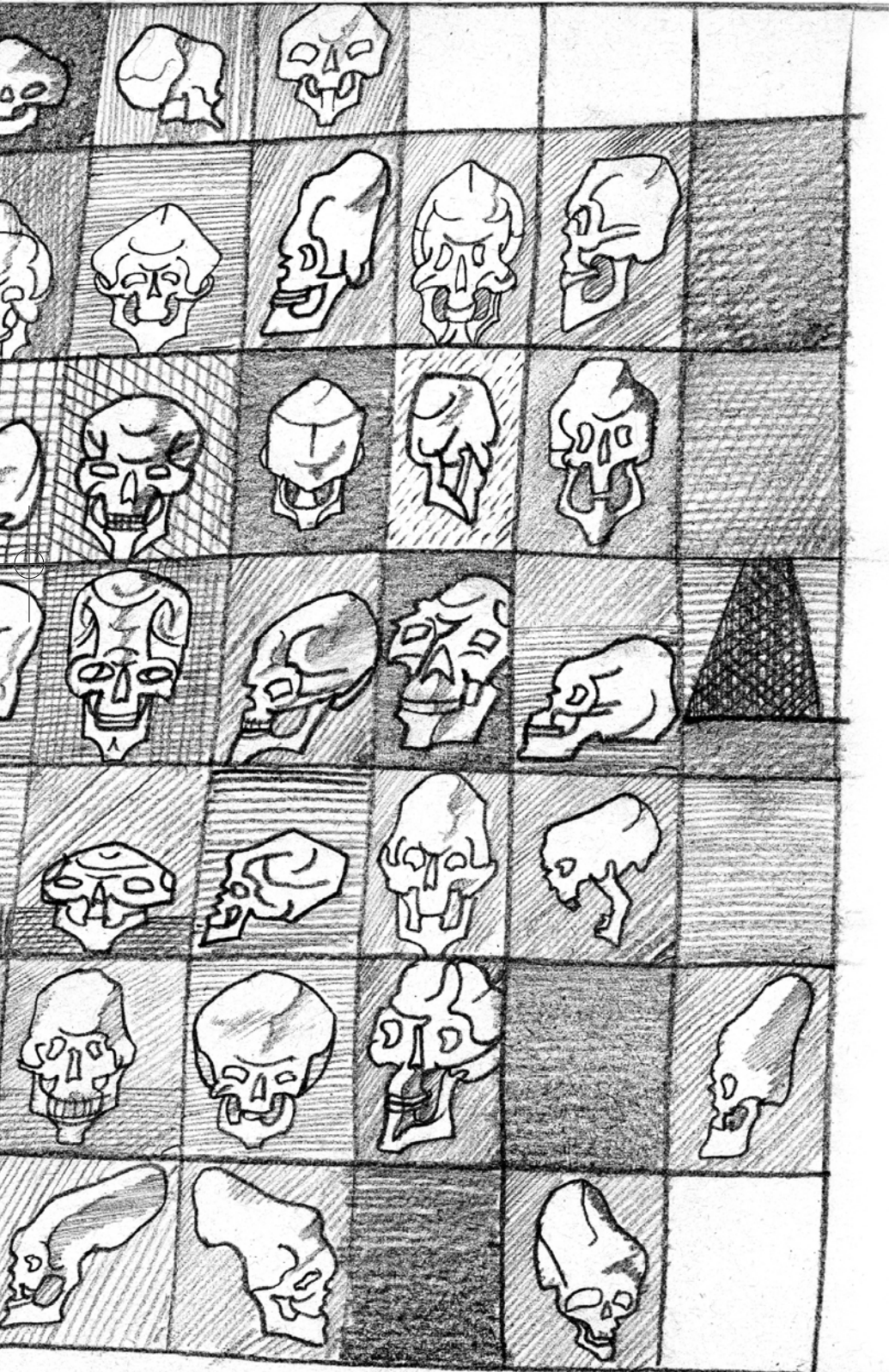
Весьма проницательный наблюдатель Крэйг Калхун, президент американского Совета по исследованиям в общественных науках (более известный грантополучателям по сакраментальной аббревиатуре SSRC), видит из своего манхэттенского кабинета едва ли не всю мировую науку. Зрелище представляется Калхуну отнюдь не самым отрадным. Генерирование новых идей в западной (не только американской) науке сегодня находится на самом низком уровне едва ли не за столетие. Наиболее интересные работы последних лет (а такие все-таки в потоке появляются) написаны преимущественно старшими учеными, которые продолжают свои разработки 70-х гг. Научной продукции производится масса, притом даже по нарастающей, поскольку среднее поколение ученых как никогда велико, но эта масса, грубо говоря, сильно измельчала и поскучнела. Это говорится не к вящему злорадству себе в успокоение — вон, де, у самих американцев какие проблемы. Проблема в значительной мере возникает от избытка профессионализации, которая ведет к узкой специализации и преобладанию надежных технических методов над всегда рискованным воображением. Многие из рисковавших в результате лишились работы путем профессионального отсева. Короче, оформился академизм, всегда чреватый эпигонством и застоєм.

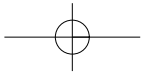
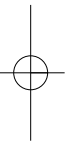
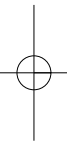
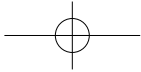
Когда Крэйг Калхун (кстати, прекрасно знавший и Деррида, и Бурдье, и многих прочих знаменитостей) воздевает руки к небу и восклицает: «На вас, русских, теперь надежда!» — он вполне прагматично подразумевает приток свежей крови. За пределами Америки и Западной Европы Россия и ближайшие соседи остаются едва ли не единственной серьезной базой интеллектуального воспроизводства, несмотря на потрясения последних лет, сохранившей достаточно автономные традиции и энергию. (Другой такой базой гуманитарного производства служат крупные страны Латинской Америки, но едва ли Китай и, увы, арабские страны.) В частности, как считает Калхун, у нас есть навыки развитой школы, при этом еще возможно знание, не специализированное по дисциплинам, и все еще почитается самоценной эрудиция, выходящая за пределы узкопрофессиональной компетенции, что типично для капиталистических рынков экспертных услуг. Такое недоинституционализированное положение дел создает необходимое условие для гибридизации культурного производства. Притом сегодня Россия вполне открыта контактам с другими интеллектуальными полями, а новые идеи возникают преимущественно на стыках полей со значительными потенциалами. Наконец, недавнее возникновение большой диаспоры бывших советских ученых в Америке еще может сыграть роль катализатора. Это не предсказание, но оценка возможностей, исходя из которых можно действовать.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ

Российская Федерация

Академия труда и социальных отношений

Ректор: Алексей Шулус
Сайт: <http://www.kfatiso.ru/>
241

Аналитический центр центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Директор: Юрий Левада
Сайт: <http://www.levada.ru/politiki.html>
50, 51, 196, 203, 207, 215–217, 224, 333

Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова РАСХН (ВИАПИ) — Аграрный институт

Директор: Александр Петриков
Сайт: <http://www.viapi.ru/>
279

Горбачев-фонд

Президент Совета Фонда: Михаил Горбачев
Сайт: <http://www.gorby.ru/>
103, 155

Государственный университет — Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ)

Ректор: Ярослав Кузьминов
Сайт: <http://www.hse.ru/>
13, 35–37, 39, 93, 204, 314

«Духовное наследие» — Фонд Алексея Подберезкина

Руководитель: Алексей Подберезкин
Сайт: <http://www.nasled.ru/>
149

«Евразия», общероссийское политическое общественное движение

Руководитель: Александр Дугин
Сайт: <http://eurasia.com.ru/>
151, 295

Европейский университет (Санкт-Петербург)

Ректор: Николай Вахтин
Сайт: <http://eu.spb.ru/>
70, 225, 230

Институт географии РАН

Директор: Владимир Котляков
Сайт: <http://igras.geonet.ru/igras/>
156, 314

Институт европейских культур

Директор: Валерия Кудрявцева
Сайт: <http://www.iek.edu.ru/>
214

Институт изучения религии в странах СНГ и Балтии

Директор: Николай Митрохин
Сайт: <http://religion.gif.ru/articles.html>
93

Институт Катона. Русский проект

Сайт: <http://www.cato.ru/>
253

Институт «Коллективное действие»

Директор: Карин Клеман
Сайт: <http://www.ikd.ru/>
100, 107, 108

Институт комплексных социальных исследований РАН

Директор: Михаил Горшков
Сайт: <http://www.iksiran.ru/>
202

Институт комплексных стратегических исследований (ИКСИ)

Директор: Олег Виханский
Сайт: <http://www.icss.ac.ru/news/>
206, 207, 209, 212, 217

Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Директор: Нодари Симония
<http://www.imemo.ru/>
93, 241

Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН

Директор: Виктор Ивантер
Сайт: <http://www.ecfor.ru/index.php>
202, 241, 270, 314

Институт национальной модели экономики

Директор: Виталий Найшуль
Сайт: <http://www.inme.ru/index.php>
153, 253

Институт национальной стратегии

Президент: Михаил Ремизов
117, 137, 147, 180

356 Мыслящая Россия
УКАЗАТЕЛИ

Институт проблем глобализации (ИПРОГ)

Директор: Борис Кагарлицкий
Сайт: <http://www.iprog.ru/>
99–101, 106–108, 110

Институт русской истории РГГУ

Директор: Андрей Фурсов
Сайт: <http://www.rsuh.ru/>
118

Институт свободы

«Московский Либертариум»
Сайт: <http://www.libertarium.ru/libertarium>
253

Институт современного искусства

Директор: Иосиф Бакштейн
Сайт: <http://www.isi-vuz.ru/>
102

Институт социально-политических исследований РАН

Директор: Геннадий Осипов
Сайт: <http://www.ispr.ras.ru/ispr.htm>
202, 270

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН)

Директор: Алексей Шевяков
Сайт: <http://www.isesp-ras.ru/home1.htm>
(старый сайт: <http://www.cemi.rssi.ru/isesp/>)
260, 270, 304

Институт социальных исследований и гражданских инициатив (Казань)

Директор: Лилия Сагитова
230

Институт социологии РАН¹

Директор: Леокадия Дробизева
Сайт: <http://www.isras.ru/>
36, 207, 215, 222, 230

Институт сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО)

Директор: Вероника Кабалина
Сайт: <http://www.isito.ru/>
226

Институт философии РАН

Директор: Вячеслав Степин
Сайт: <http://iph.ras.ru/>
241

Институт экономики РАН

Директор: Дмитрий Сорокин (и. о.)
Сайт: <http://www.inst-econ.org.ru/>
35, 241

Институт экономики переходного периода (ИЭПП)

Директор: Егор Гайдар
Сайт: <http://www.iet.ru/>
93, 253

Институт экономического анализа

Директор: А. Илларионов (1994–2000)
Сайт: <http://www.iea.ru/>
253

Институт этнологии и антропологии РАН

Директор: Валерий Тишков
Сайт: <http://www.iea.ras.ru/>
142

Информационно-аналитический центр «Сова»

Директор: Александр Верховский
Сайт: <http://www.sova-center.ru/>
93

Исследовательский центр частного права при Президенте РФ

Директор: Вениамин Яковлев
Сайт: <http://www.privlaw.h1.ru/>
93

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)

Сайт: <http://www.kprf.ru/>
62, 85, 96, 97, 104, 108, 110, 143, 144, 146, 149, 150

Консервативный пресс-клуб

Директор: Михаил Голованов
Сайт: <http://www.conservative.ru/>
117, 130, 137, 139

Международный фонд экономических и социальных реформ (Фонд «Реформа»)

Директор: Мартин Шаккум
153

¹ В соответствии с постановлением Президиума РАН от 14 июня 2005 г. ИС РАН был реорганизован путем его слияния с Институтом комплексных социальных исследований Российской академии наук и Институтом сравнительной

политологии Российской академии наук в научную организацию РАН — Институт социологии Российской академии наук. Директором-организатором вновь образованного Института социологии РАН назначен Михаил Горшков.

357 УКАЗАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ

Международное евразийское движение

Председатель: Александр Дугин

Сайт: <http://www.eurazia.org/>

135, 151

Московская высшая школа социальных и экономических наук

Директор: Теодор Шанин

Сайт: <http://www.msses.ru/win/index.html>

38, 70, 214, 225, 230

«Наши», молодежное движение

Председатель: Василий Якеменко

Сайт: <http://www.nashi.su/>

124

Независимый институт социальной политики

Директор: Татьяна Малева

Сайт: <http://www.socpol.ru/>

262

Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (ИНДЕМ)

Директор: Георгий Сатаров

Сайт: <http://www.indem.ru/>

93

Российская ассоциация политической науки (РАПН)Сайт: <http://www.rapn.ru/>

61, 71

Российские ученые социалистической ориентации (РУСО)

Председатель: Виктор Шевелуха

97, 98, 105–108, 115

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Ректор: Ирина Карапетянц (и.о.)

Сайт: <http://www.rsuh.ru/>

118, 214

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)Сайт: <http://rsppr.ru/>

175

Российский фонд культуры

Директор: Никита Михалков

Сайт: <http://www.culture.ru/3d/cfond.htm>

118

Серафимовский клуб

Директор: Александр Привалов

Сайт: <http://www.serafim-club.ru/>

117, 130, 135

Совет по внешней и оборонной политике (СВОП)Сайт: <http://www.svop.ru/live/>

175

Российская школа частного праваСайт: <http://privlaw.ru/>

93

Фонд «Бюро экономического анализа»

Директор: Леонид Григорьев

Сайт: <http://www.beafnd.org/ru/>

253

Фонд «Вклад Карнеги в международный мир» — Московский центр Карнеги

Директор: Эндрю Качинс

Сайт: <http://www.carnegie.ru/ru/>

93, 166, 167

Фонд «Институт экономики города»

Директор: Надежда Косарева

Сайт: <http://www.urbanecomomics.ru/>

314

Фонд «Либеральная миссия»

Директор: Евгений Ясин

Сайт: <http://www.liberal.ru/>

93, 167, 253

Фонд «Общественное мнение»

Директор: Александр Ослон

Сайт: <http://www.fom.ru/>

146

Фонд «Политика»

Директор: Вячеслав Никонов

Сайт: <http://www.polity.ru/>

156

Фонд славянской письменности и культуры

Директор: Вячеслав Клыков

Сайт: <http://www.slavfond.ru/about.htm>

147

Фонд им. Фридриха Эберта (представительство в РФ)

Руководитель представительства: Маттеас Бубе

Сайт: <http://www.fesmos.ru/index.html>

218

Фонд «Экспериментальный творческий центр»

Директор: Сергей Кургинян

Сайт: <http://www.undersky.ru/projects/ecc/txt/about.html>

118, 153

358 МЫСЛЯЩАЯ РОССИЯ УКАЗАТЕЛИ

Центр антропологических исследований (Краснодар)

Директор: Александр Мануйлов
Сайт: <http://www.anthropocentre.ru/main.htm>
230

Центр демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН

Директор: Анатолий Вишневский
Сайт: <http://www.demoscope.ru/center/center.htm>
270

Центр крестьяноведения и сельских реформ

Директор: Теодор Шанин, Виктор Данилов
Сайт: <http://ruralworlds.msses.ru/>
283

Центр независимых социальных исследований и образования (Иркутск)

Директор: Михаил Рожанский
Сайт: <http://cnsio.irkutsk.ru/>
230

Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ)

Директор: Виктор Воронков
Сайт: <http://www.indepsocres.spb.ru/home.html>
224, 226, 230

Центр по изучению проблем народонаселения (экономический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова)

Директор: Валерий Елизаров
Сайт: <http://dmo.econ.msu.ru/>
270

Центр политических технологий (ЦПТ)

Директор: Игорь Бунин
Сайт: <http://www.cpt.ru/>
93

Центр «Регион» (Ульяновский университет)

Директор: Елена Омельченко
Сайт: <http://region.ulsu.ru/>
225, 230

Центр современного искусства А. Зверева

Сайт: <http://www.zverevcenter.ru/>
102

Центр социальной политики и гендерных исследований (Саратов)

Директор: Павел Романов,
Елена Ярская-Смирнова
Сайт: <http://www.ecsoc.ru/db/msg/15984>
230

Центр стратегических разработок

Директор: Эльвира Набиуллина
Сайт: <http://www.csr.ru/>
27, 33, 93, 314

Центр стратегических разработок Северо-Запад

Директор: Юрий Ковальчук
Сайт: <http://www.csr-nw.ru/>
34

Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ)

Директор: Валерий Макаров
Сайт: <http://www.cemi.rssi.ru/>
212, 241

Экономика. Теория. История. Хозяйство и Право (ЭТИХиП), семинар

Сайт: <http://www.sapov.ru/seminar/s-index.htm>
253

ROMIR Monitoring, исследовательский холдинг

Генеральный директор: Андрей Милехин
Сайт: <http://rmh.ru/>
203

Германия

Восточноевропейская сеть (Osteuropa-Netzwerk)

Сайт: <http://www.osteuropa-netzwerk.de/>
329

Гуманитарно-научный центр истории и культуры Восточной Европы в Лейпциге (Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Osteuropas)

Сайт: <http://www.uni-leipzig.de/gwzo/>
330

Немецкое общество исследований Восточной Европы (Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde)

Сайт: <http://www.dgo-online.org/>
330

Институт в Алленсбахе (Institut für Demoskopie Allensbach)

Сайт: <http://www.ifd-allensbach.de/>
211

Институт Восточной Европы в Мюнхене (Osteuropa-Institut)

Сайт: <http://www.lrz-muenchen.de/~oeihist/>
330

359 УКАЗАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ

**Институт русской и советской культуры
им. Лотмана в Бохуме**(Lotman-Institut für russische
und sowjetische Kultur)Сайт: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/lirsk/>
329**Институт эволюционной антропологии
Макса Планка**(Max Planck Institute for Evolutionary
Anthropology)Сайт: <http://www.eva.mpg.de/>
271**Исследовательский центр
Восточной Европы в Бремене
(Forschungsstelle Osteuropa)**Сайт: [http://www.forschungsstelle-osteuropa.de/
con/index.php](http://www.forschungsstelle-osteuropa.de/con/index.php)
329, 330**Кёрбер-центр «Россия и СНГ»
при Немецком обществе внешней политики
(Körber-Zentrum Rußland/GUS,
Deutsche Gesellschaft für auswärtige Politik)**Сайт: <http://www.dgap.org/Forschungsinstitut/>
330**Научный центр Восток — Запад
университета в Касселе
(Ost — West Wissenschaftszentrum)**Сайт: <http://www.owwz.de/>
329**Фонд Розы Люксембург
(Rosa-Luxemburg-Stiftung)**Сайт: [http://www.rosalux.de/cms/
index.php?aktuell](http://www.rosalux.de/cms/index.php?aktuell)
99**Фонд им. Фридриха Эберта
(Friedrich Ebert Stiftung)**Сайт: <http://www.fes.de/>
218**Центральный институт
средне- и восточноевропейских
исследований при католическом
университете г. Айхштетт
(Zentralinstitut für
Mittel- und Osteuropastudien)**Сайт: <http://www1.ku-eichstaett.de/zimos/>
330**США****Национальный научный фонд
(National Science Foundation)**Сайт: <http://www.nsf.gov/>
341**Фонд «Вклад Карнеги в международный мир»
(The Carnegie Endowment for International
Peace)**Сайт: <http://www.carnegieendowment.org/>
345**Фонд Форда (Ford Foundation)**Сайт: <http://www.fordfound.org/>
218, 345**Франция****Институт Восток — Запад
(Institut Européen Est-Ouest)**при Высшей нормальной школе (ÉNS)
Сайт: <http://www.ens-lsh.fr/labo/est-ouest/>
319**Международный союз по научному
изучению населения
(The International Union for the Scientific
Study of Population (IUSSP))**Сайт: <http://www.iussp.org/>
271**Национальный институт демографических
исследований (Institut national d'études
démographiques (INED))**Сайт: <http://www.ined.fr/>
257, 271, 272**Центр исследований и документации
о бывшем СССР, Китае и Восточной Европе
(Centre d'études et de documentation sur
l'ex-URSS, la Chine et l'Europe de l'Est)**Сайт: [http://www.paris4.sorbonne.fr/fr/
article.php3?id_article=653](http://www.paris4.sorbonne.fr/fr/article.php3?id_article=653)
326**Центр исследований международных
отношений
(Centre D'Etudes et de Recherches
Internationales)**Сайт: <http://www.ceri-sciencespo.com/>
326

360 Мыслящая Россия
УКАЗАТЕЛИ

**Центр исследований российского,
кавказского и центральноевропейского миров**
(Centre d'études des mondes russe,
caucasien et centreeuropéen)

Сайт: <http://cercec.ehess.fr/>
326

**Центр исследований российского,
советского и постсоветского мира**
(Centre d'études du monde russe,
soviétique et post-soviétique)

Сайт: [http://www.ehess.fr/html/html/
cen_7_60.html](http://www.ehess.fr/html/html/cen_7_60.html)
326

Другие страны

**Институт глобализма (Globalism Institute),
Австралия**

Сайт: <http://www.rmit.edu.au/globalism/>
99

**Научно-исследовательский центр Мизеса,
Белоруссия**

Директор: Ярослав Романчук
Сайт: <http://www.liberty-belarus.org/>
253

**Сетевой институт за глобальную
демократизацию (Network Institute for Global
Democratization), Финляндия**

Сайт: <http://www.nigd.org/>
99

**Транснациональный институт
(Transnational Institute), Голландия**

Сайт: <http://www.tni.org/>
99

УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Российская Федерация

Агробизнес

Издается с 2002 г.
Периодичность: 11 раз в год
Главный редактор: Николай Лычев
Сайт: <http://www.agro-business.ru/>
(полнотекстовая версия)
283

Альтернативы

Издается с 1991 г.
Периодичность: 4 раза в год
Главный редактор: Александр Бузгалин
Сайт: <http://www.alternativy.ru/>;
<http://www.alternativy.ru/old/index.htm>
(старый адрес, содержание с 1991 г., частично
полнотекстовая версия с 1994 г.)
98, 242

Апология. Ежемесячный гуманитарный журнал

Издается с 2005 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Андрей Быстрицкий
Сайт: <http://www.journal-apologia.ru/>
(полнотекстовая версия)
93, 120

Атеней

Главный редактор: Павел Тулаев
Сайт: <http://www.ateney.ru/>
155

Вестник Московского университета.

Серия 12. Политические науки
Издается с 1991 г. (до 1995 г. выходил под
названием «Социально-политические
исследования»)
Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Валерий Коваленко
Сайт: <http://mrp.philos.msu.ru/vestmsu/>
(содержание по 2002 г.)
289

Вестник общественного мнения

Издается с 2003 г.
Периодичность: в настоящее время выходит
6 раз в год
Главный редактор: Юрий Левада
Сайт: <http://www.levada.ru/zhurnal.html>
(содержание, с 2005 г. — с аннотациями
к статьям)
51, 205, 209, 220

Главная Тема

Издается с 2004 г.
Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Михаил Леонтьев
Сайт: <http://www.gt-msk.ru/> (полнотекстовая
версия)
82, 180

Гражданин

Издается с 2000 г.
Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Станислав Тарасов
Сайт: <http://www.grazhdanin.com/>
(полнотекстовая версия)
145, 146

Еженедельный журнал

Издается с 2001 г.
Периодичность: еженедельный
Главный редактор: Михаил Бергер
Сайт: <http://supernew.ej.ru/> (полнотекстовая
версия до января 2005 г.); <http://www.ej.ru/>
(новая версия)
131

Искусство кино

Издается с 1931 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Даниил Дондурей
Сайт: <http://www.kinoart.ru/> (полнотекстовая
версия с 1997 г.)
348

Коммунист

Издается с 1924 г.
Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Владимир Бурдюгов
Сайт: <http://redportal.chat.ru/> (полнотекстовые
версии номеров за 1998 и 1999 гг.)
98, 194

Космополис

Издается с 2002 г.
Периодичность: 4 раза в год
Главный редактор: Денис Драгунский
Сайт: <http://www.risa.ru/cosmopolis/>
(полнотекстовая версия)
167, 287

362 Мыслящая Россия УКАЗАТЕЛИ

Литературная Россия

Издается с 1958 г.
Периодичность: еженедельный
Главный редактор: Вячеслав Огрызко
Сайт: <http://www.litrossia.ru/> (полнотекстовая версия с 2000 г.)
147

Логос. Философско-литературный журнал

Издается с 1991 г.
Периодичность: в настоящее время выходит 6 раз в год, вышло 47 номеров.
Главный редактор: Валерий Анашвили
Сайт: <http://www.ruthenia.ru/logos/> (полнотекстовая версия);
<http://anthropology.rinet.ru/> (версии № 1–8)
13, 51, 123, 199

Международная жизнь

Издается с 1954 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Борис Пядышев
Сайт: http://www.diplomat.ru/interlife/inter_ru.asp
285, 288

Международные процессы

Издается с 2003 г.
Периодичность: 3 раза в год
Главный редактор: Алексей Богатуров
Сайт: <http://www.intertrends.ru/four.htm> (полнотекстовая версия)
156

Мировая экономика и международные отношения

Издается с 1957 г.
Периодичность: ежемесячный журнал
Главный редактор: Андрей Рябов
Сайт: <http://www.imemo.ru/meimo/> (содержание с 1997 г.)
93

Молодая гвардия

Издается с 1922 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Евгений Юшин
146, 154

Мониторинг общественного мнения

Периодичность: 1 раз в квартал
Сайт: <http://www.wciom.ru/?pt=61> (содержание с 2003 г.)
209, 210

Москва

Издается с 1957 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Леонид Бородин
Сайт: <http://www.moskvam.ru/> (полнотекстовая версия с 1999 г.)
146

Население и общество

Издается с 1994 г.
Периодичность: еженедельник
Главный редактор: Анатолий Вишневский
Сайт: <http://demoscope.ru/weekly/archives.php> (полнотекстовая версия с 1996 г.)
271

Население России

Периодичность: ежегодник
Сайт: <http://www.demoscope.ru/>
271

Наш современник

Издается с 1956 г.
Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Станислав Куняев
146, 147

Неприкосновенный запас

Издается с 1998 г.
Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Ирина Прохорова
Сайт: <http://www.nz-online.ru/> (полнотекстовая версия с 2002 г.);
<http://magazines.russ.ru/nz/> (сайт «Журнальный зал», содержание журнала и некоторые тексты с 1998 г.)
25, 35, 326

Новое литературное обозрение

Издается с 1993 г.
Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Ирина Прохорова
Сайт: <http://nlo.magazine.ru/>;
<http://magazines.russ.ru/nlo/> (полнотекстовая версия с 1996 г.)
50, 51

Новый мир

Издается с 1925 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Андрей Василевский
Сайт: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/ (полнотекстовая версия с 1993 г.)
8, 152, 348

363 УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ**ОМ**

Издается с 1995 г.
 Периодичность: 10 номеров в год
 Главный редактор: Анзор Канкулов
 Сайт: <http://www.om.ru/> (содержание с октября 2004 г.)
 103

Отечественные записки.**Журнал для медленного чтения**

Издается с 2001 г.
 Периодичность: 6 раз в год
 Главный редактор: Татьяна Малкина
 Сайт: <http://www.strana-oz.ru/>
 (полнотекстовая версия)
 280–283

Полис. Политические исследования

Издается с 1991 г.
 Периодичность: 6 раз в год
 Главный редактор: Михаил Ильин
 Сайт: <http://www.politstudies.ru/> (содержание номеров с 1991 г., версия с анонсами статей с 1999 г.)
 69, 71, 93, 167, 284, 289, 296

Политический журнал

Издается с 2003 г.
 Периодичность: еженедельный
 Главный редактор: Константин Михайлов
 Сайт: <http://www.politjournal.ru/index.php?>
 (полнотекстовая версия с 2003 г.)
 103, 277, 280, 283

Полития. Анализ. Хроника. Прогноз

Издается с 2001 г.
 Периодичность: 1 раз в квартал
 Главный редактор: до сентября 2005 г. — Алексей Салмин (†)
 Сайт: <http://www.politeia.ru/issues/info/1-98/henkin.html> (содержание с 2002 г.)
 93

Полития. Семинар

Издается с 2002 г.
 Периодичность: ежемесячно
 Главный редактор: до сентября 2005 г. — Алексей Салмин (†)
 Сайт: <http://www.politeia.ru/semibout.html>
 (материалы семинаров доступны полностью с 2002 г.)
 93

Посторонний наблюдатель

Издается с 2003 г.
 Периодичность: вышло три номера
 Главный редактор: Владимир Биленкин
 Сайт: <http://left.ru/pn/index.html>
 (полнотекстовая версия)
 101

Проблемы прогнозирования

Издается с 1996 г.
 Периодичность: 6 раз в год
 Главный редактор: Виктор Ивантер
 Сайт: <http://www.ecfor.ru/cgi-bin/rw2.pl?Publishing/Magazine> (аннотации и полные версии статей с 2001 г.)
 242

Региональные исследования

Издается с 2003 г.
 Главный редактор: Александр Катровский
 304

Регионология

Издается с 1992 г.
 Периодичность: 4 раза в год
 Главный редактор: Александр Сухарев
 Сайт: <http://www.extech.ru/rrscc.html>
 (содержание с 1996 г.)
 304

Россия в глобальной политике

Издается с 2002 г.
 Периодичность: 6 раз в год
 Главный редактор: Федор Лукьянов
 Сайт: <http://www.globalaffairs.ru/>
 (полнотекстовая версия)
 175, 263, 264

Россия XXI

Издается с 1993 г.
 Периодичность: 6 раз в год
 Главный редактор: Сергей Кургиян
 Сайт: <http://www.russia-21.ru/> (содержание и аннотации с 2000 г., полнотекстовая версия с 2005 г.)
 118, 126, 153

Русич

Издается с 1993 г. (в 2002 г. журнал прекратил существование)
 Главный редактор: Виктор Корчагин
 154

364 Мыслящая Россия УКАЗАТЕЛИ

Русский геополитический сборник

Периодичность: 2 раза в год
Главный редактор: Евгений Морозов
Сайт: <http://whiteworld.ruweb.info/s000102b.htm>
(полнотекстовая версия за 2000 г.)
292

Русский дом

Издается с 1997 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Александр Крутов
Сайт: <http://www.russdom.ru/index.html>
(полнотекстовая версия с 2002 г.);
<http://www.rd.rusk.ru/> (выборочные статьи с 1998 г.)
147

Русский предприниматель

Издается с 2001 г.
Периодичность: приблизительно 8 раз в год
Главный редактор: Андрей Кобяков
Сайт: <http://www.ruspred.ru/index.php>
(полнотекстовая версия с 2002 г.)
117, 153

Север

Издается с 1940 г.
Периодичность: еженедельник
Главный редактор: Яна Жемойтелите
Сайт: <http://sever.karelia.ru/> (содержание отдельных номеров за 2005 г.)
51

Синий диван

Издается с 2002 г.
Периодичность: 2 раза в год
Главный редактор: Елена Петровская
Сайт: <http://sinjdivan.narod.ru/> (содержание и некоторые тексты)
102

Смысл

Издается с 2002 г. (в настоящее время прекратил существование)
Главный редактор: Максим Шевченко
103

Со-общение

Издается с 1999 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Дмитрий Петров
Сайт: <http://www.soob.ru/> (полнотекстовая версия)
156

Социологический журнал

Издается с 1994 г.
Периодичность: 4 раза в год
Главный редактор: Давид Константиновский
Сайт: <http://knowledge.isras.ru/sj/> (содержание и частично тексты с 1994 г.)
51, 199, 228

Социс

Издается с 1974
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Жан Тощенко
Сайт: http://www.isras.rssi.ru/R_SocIs.htm;
<http://www.nir.ru/socio/scipubl/socis.htm>
(содержание номеров за 1998 г.)
194, 195, 197, 206, 284

Стратегический журнал

Издается с 2005 г.
Главный редактор: Павел Святенков
Сайт: http://www.apn.ru/index.php?chapter_name=strat&data_id=1&do=view_single
(полнотекстовая версия первого номера 2005 г.)
117, 132

Уральская новь

Издается с 1998 г.
Периодичность: 4 раза в год
Главный редактор: Рустам Валеев
Сайт: <http://magazines.russ.ru/urnov/>
(полнотекстовая версия)
51

Художественный журнал

Издается с 1993 г.
Периодичность: 6 раз в год (примерная)
Главный редактор: Виктор Мизиано
Сайт: <http://xz.gif.ru/> (полнотекстовая версия с 2002 г. по 2004 г.)
102

Школа целостного анализа

Издается с 1998 г.
Главный редактор: Сергей Кургинян
Сайт: <http://kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=sch>
(полнотекстовая версия)
118

ЭКО

Издается с 1970 г.
Периодичность: ежемесячный
Главный редактор: Сергей Казанцев
Сайт: <http://econom.nsc.ru/eco/> (содержание с конца 1997 г.)
194

365 УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ**Экономист**

Издается с 1924 г.
Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Павел Игнатовский
Сайт: <http://economist.com.ru/> (содержание с 2002 г.)
241, 242

Экономическая наука современной России

Издается с 1998 г.
Периодичность: 4 раза в год
Главный редактор: Дмитрий Львов
Сайт: <http://www.cemi.rssi.ru/esc/>
(полнотекстовая версия)
242

Эксперт

Издается с 1995 г.
Периодичность: еженедельный
Главный редактор: Валерий Фадеев
Сайт: <http://www.expert.ru/> (полнотекстовая версия с 1995 г. по подписке)
117, 120, 135, 156

Элементы

Издается с 1992 г.
Главный редактор: Александр Дугин
284, 289, 293

Ab imperio

Издается с 2000 г.
Периодичность: 4 раза в год
Сайт: <http://abimperio.net/> (содержание; полнотекстовая версия по подписке)
51, 156

Pro et Contra

Периодичность: 6 раз в год
Главный редактор: Мария Липман
Сайт: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/> (полнотекстовая версия с 2005 г.)
93, 141, 167, 297

Газеты**Дума**

Сайт: <http://www.gazeta-pravda.ru/duma.htm>
144

Дуэль

Сайт: <http://www.duel.ru/>
144

Завтра

Сайт: <http://zavtra.ru/cgi//veil//zavtra/index.html>
103, 149

Известия

Сайт: <http://www.izvestia.ru/>
175

Консерватор

Не выходит
117, 120, 295

Крестьянские ведомости

Сайт: <http://www.agronews.ru/>
279, 283

Левый авангард

Сайт: <http://www.socialism.ru/la/index.html>
101

Лимонка

Сайт: <http://nbp-info.ru/new/limonka/>
152

Литературная газета

Сайт: <http://www.lgz.ru/>
152

Независимая газета

Сайт: <http://www.ng.ru/>
62, 297

Новая газета

Сайт: <http://www.novayagazeta.ru/>
179

Правда

Сайт: <http://www.gazeta-pravda.ru/>
144

Правда России

Сайт: <http://www.gazeta-pravda.ru/prros.htm>
144

Русский вестник

Сайт: <http://www.rv.ru/>
147

Русь державная

Сайт: <http://www.rusderjavnaya.ru/>
147

Советская Россия

Сайт: <http://www.sovross.ru/>
144, 148

Спецназ России

Сайт: <http://www.specnaz.ru/>
295

366 МЫСЛЯЩАЯ РОССИЯ УКАЗАТЕЛИ

Великобритания

New Left Review

(Журнал новых левых)

Издатель: Jacob Stevens

Сайт: <http://www.newleftreview.net/>

113

Германия

Blätter für deutsche und internationale Politik
(Записки по внутренней и внешней
германской политике)

Сайт: <http://www.blaetter-online.de/>

159

GUS-Barometer

(Барометр СНГ)

Издатель: Кёрбер-Центр при Немецком
обществе внешней политики

(<http://www.dgap.org/Forschungsinstitut/>)

Сайт: [http://www.dgap.org/Publikationen/
GUS-Barometer/](http://www.dgap.org/Publikationen/GUS-Barometer/)

330

Osteuropa

(Восточная Европа)

Издатель: Немецкое общество исследований

Восточной Европы (<http://www.dgo-online.org/>)

Сайт: <http://osteuropa.dgo-online.org/8.0.html>

330

Russlandanalysen

(Анализ России)

Издатель: Исследовательский центр

Восточной Европы в Бремене

(<http://www.forschungsstelle-osteuropa.de/con/>)

Сайт: [http://www.russlandanalysen.de/
content/index.php](http://www.russlandanalysen.de/content/index.php)

330

США

American Political Science Review

(Американский журнал по политической
науке)

Издатель: Lee Sigelman

Сайт: <http://apsanet.org/>

121

Foreign Affairs

(Международные отношения)

Сайт: <http://www.foreignaffairs.org/>

175

Monthly Review

(Ежемесячное обозрение)

Издатели: Harry Magdoff, John Bellamy Foster

Сайт: <http://www.monthlyreview.org/>

114

Slavic Review

(Обозрение славистики)

Издатель: Diane P. Koenker

Сайт: [http://www.econ.uiuc.edu/~slavrev/
index1.html](http://www.econ.uiuc.edu/~slavrev/index1.html)

346

Франция

Alternatives Internationales

(Международные альтернативы)

Издатель: Philippe Frémeaux

Сайт: <http://www.alternatives-internationales.fr/>

326

Les Cahiers de la sécurité intérieure

(Тетради по внутренней безопасности)

Сайт: <http://www.inhes.interieur.gouv.fr/>

327

Cahiers du monde russe

(Тетради российского мира)

Издатель: Annik Le Pape

Сайт: <http://monderusse.revues.org/>

326

Commentaire

(Комментарий)

Издатель: Jean-Claude Casanova

Сайт: <http://www.commentaire.fr/>

326

Le courrier des pays de l'Est

(Курьер стран Востока)

Сайт: [http://www.ladocumentationfrancaise.fr/
revues-collections/courrier-pays-est/index.shtml](http://www.ladocumentationfrancaise.fr/revues-collections/courrier-pays-est/index.shtml)

326

Critique internationale

(Международная критика)

Издатель: Christophe Jaffrelot

Сайт: [http://www.ceri-sciencespo.com/cerifr/
publica/critique/criti.htm](http://www.ceri-sciencespo.com/cerifr/publica/critique/criti.htm)

326

Défense nationale

(Национальная оборона)

Издатель: Christian Quesnot

Сайт: <http://www.defnat.com/>

326

367 УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ**L'Economie politique**

(Политическая экономия)

Издатель: Philippe Frémeaux

Сайт: <http://www.alternatives-economiques.fr/ecopol/>
326**Le Monde Diplomatique**

(Дипломатический мир)

Сайт: <http://www.monde-diplomatique.fr/>
113**Revue d'études comparatives Est — Ouest**(Журнал сравнительных исследований
Восток — Запад)Сайт: <http://www.monde-diplomatique.fr/revues/revueetudescomparatives>
326**Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine**

(Журнал новой и современной истории)

Сайт: <http://www.monde-diplomatique.fr/revues/revuehistoiremoderne>
327**Revue Internationale de Politique Comparée**(Международный журнал сравнительной
политики)

Издатель: Philippe Laurent

Сайт: <http://ripn.spri.ucl.ac.be/>
327**La Revue internationale et stratégique**

(Международный и стратегический журнал)

Издатель: Pascal Boniface

Сайт: <http://www.iris-france.org/fr/pages/ris.php3>
327**La revue russe**

(Русский журнал)

Сайт: <http://www.int-evry.fr/afr/afr/revuerusse.htm>
326**Slavica Occitania**

Издатель: Roger Comtet

Сайт: http://www.recherches-slaves.paris4.sorbonne.fr/Publications/Slavica_Occitania.htm
326**Sociétés Contemporaines**

(Современные общества)

Издатели: Thierry Blöss, Edmond Preteceille

Сайт: http://www.iresco.fr/revues/societes_contemporaines/
327**Другие страны****International Sociology**

(Международная социология)

Издатель: Saïd Amir Arjomand

Сайт: <http://www.ucm.es/info/isa/isa.htm>
343

УКАЗАТЕЛЬ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Агентство политических новостей

(проект Института национальной стратегии)

<http://www.apn.ru/>

147, 297

Александр Школьников. Экономические исследования

<http://re-eco.narod.ru/>

253

Арктогея

<http://www.arctogaia.com/>

169, 293

Белый мир

<http://whiteworld.ruweb.info/>

292, 293

Библиотека думающего о России

<http://www.patriotica.ru/>

149

Благовест-инфо

(Агентство религиозной информации)

<http://www.blagovest-media.ru/>;

<http://www.blagovest-info.ru/>

147

Бюро Григория Сапова

<http://www.sapov.ru/>

253

Вести с южной границы

(сайт Валерия Кизилова)

<http://kizilov.mumidol.ru/>

253

Глобальная альтернатива

(интернет-журнал при Институте проблем глобализации)

<http://www.aglob.ru/>

99

Демоскоп Weekly

<http://www.demoscope.ru/>

259, 271

Евразия

(информационно-аналитический портал)

<http://www.evrazia.org/>

169

Живой журнал (Live Journal)

<http://www.livejournal.com/>

31

Институциональная экономика

<http://ie.boom.ru/>

253

Конвенция независимых социологических центров

<http://convention.msses.ru/>

230, 283

Лефт.ру / Левая Россия

<http://left.ru/>

100, 101, 105–108, 110, 112

Национализм

(материалы по национализму)

<http://www.nationalism.ru/>

142

Персональный сайт Светланы Кирдиной

<http://kirdina.ru/>

198, 199

Полит.ру

<http://www.polit.ru/>

17, 18

Политком.ру

(информационный сайт политических комментариев)

<http://www.politcom.ru/>

141

Правая.ру

(православный аналитический сайт)

<http://www.pravaya.ru>

118, 147

Православие.ру

<http://www.pravoslavie.ru/>

118

Родноверие

<http://www.rodnoverije.ru/>

155

Российский гуманитарный интернет-университет

<http://www.i-u.ru/>

188

369 УКАЗАТЕЛЬ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ**Русская линия**

(православное информационное агентство)

<http://www.russk.ru/>

147

Русская цивилизация<http://www.russtrana.ru/>

147

Русский журнал<http://www.russ.ru/>

153

Сайт Егора Гайдара<http://www.gaidar.org/>

253

Социологический факультет МГУ

им. М.В. Ломоносова

<http://www.socio.msu.ru/>

186, 188

Страница Владимира Мау<http://www.iet.ru/page.php?id=126>

253

Человек и его вера

(православный форум Андрея Кураева)

<http://www.kuraev.ru/>

147

Чтения памяти Геннадия Лебедева<http://g-l-memorial.ice.ru/>

253

Communist.ru / Коммунист.ру<http://www.communist.ru/root/>

100, 101, 105, 106, 112

Gutov.ru<http://www.gutov.ru/>

102

Left Russia. A Political Weekly

(international edition)

<http://left.ru/inter/>

101

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абалкин Леонид Иванович 35, 36
 Абрамкин Валерий Федорович 92
 Августин Аврелий 244
 Аверинцев Сергей Сергеевич 56
 Аверьянов Виталий Владимирович 118, 136
 Агамбен Джорджо 112
 Агитон Кристоф 103, 112
 Адорно Теодор 62
 Аклаев Айрат Равильевич 141
 Акунин Б. 347
 Алексеев А.И. 223, 277, 281–283
 Алексеев М.Ю. 155
 Алексеев С.С. 93
 Алексеева Татьяна Александровна 70, 71
 Альтюссер Луи 103, 112, 322
 Аннинский Лев Александрович 157
 Анпилов Виктор Иванович 143, 144
 Арбатов Алексей Георгиевич 92
 Арендт Ханна 66, 69, 345
 Арриги Джованни 343
 Артизов Андрей Николаевич 11
 Артоблевский Сергей Сергеевич 303, 313
 Аузан Александр Александрович 243, 248

Б

Бабурин Сергей Николаевич 152
 Бадью Ален 103, 112
 Бакштейн Иосиф Маркович 102
 Балабанов Алексей Октабринович 117
 Балибар Этьен 103, 112
 Бальзак Оноре де 5
 Баррес Морис 5
 Батыгин Геннадий Семенович 51, 190, 218, 228
 Бауман Зигмунт 25, 26
 Баумгартен Антон 101, 110
 Бахтин Михаил Михайлович 323, 335
 Белановский Сергей Александрович 189
 Белковский Станислав Александрович 76, 77, 136, 143, 180
 Белл Дениел 139
 Белов Василий Иванович 51, 146
 Бельмондо Жан-Поль 342
 Бенедиктов Кирилл Станиславович 118
 Бентам Иеримия 253
 Бентли Артур 62
 Бенуа Ален де (Benoist Alain de) 127
 Беньямин Вальтер 328
 Берар Эва 320

Бергер Питер Людвиг 16
 Бердяев Николай Александрович 19
 Березовский Борис Абрамович 78, 81, 149
 Берелович Алексис 326
 Берелович Владимир 326
 Берлускони Сильвио 86
 Бжезинский Збигнев 214, 345
 Бикбов Александр Тахирович 71
 Блехер Леонид Иосифович 216
 Блур Дэвид 123
 Блюм Ален 326
 Боббио Норберто 95
 Боборыкин Петр Дмитриевич 12, 20
 Богатуров Алексей 65
 Бондарев Юрий Васильевич 146
 Бондаренко Владимир Григорьевич 146
 Борисов Александр Матвеевич 89
 Бородай Юрий Мефодьевич 147
 Бреннан Майкл Дж. 247
 Бреннер Александр 102
 Брехт Бертольд 103
 Бродель Фернан 311
 Бузгалин Александр Владимирович 98, 107, 241, 242
 Булавка Людмила Александровна 242
 Бунин Игорь Михайлович 92, 93
 Бурдые Пьер 22, 69, 112, 200, 340, 348, 350
 Буре Павел 344
 Бутаков Ярослав 136
 Бухарин Николай Иванович 345
 Буш Джордж Младший 64, 291, 295, 342
 Быков Дмитрий Львович 156
 Бьюкенен Джеймс 247

В

Вагнер Рихардт 333
 Валлерстайн Иммануил 103, 112, 340
 Вальрас Леон 245
 Ваннейгем Рауль 112
 Васильев Сергей Александрович 243, 250
 Ваттимо Джанни 46
 Вебер Альфред 9
 Вебер Макс 6, 62, 66, 68, 73, 94, 95, 228, 281, 339
 Вернадский Владимир Иванович 299, 308
 Верт Николая 326
 Визер Фридрих фон 252
 Витгенштейн Людвиг 123
 Витте Сергей Юльевич 92
 Вишневский Анатолий Григорьевич 13, 263, 264, 283
 Воейков Михаил Илларионович 241
 Вознесенский Андрей Андреевич 57
 Волконский Виктор Александрович 241
 Володихин Дмитрий Михайлович 118, 136
 Выготский Лев Семенович 334

371 УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Г

Гаджиев Камалудин Серажудинович 69, 288
 Гайдар Егор Тимурович 32, 86, 92, 93, 150, 236, 243, 246, 247, 250, 253
 Галковский Дмитрий Евгеньевич 10
 Гаррисон Роджер 252
 Гачев Георгий Дмитриевич 147
 Геворкян Эдуард Вачаганович 118
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих 11, 67
 Гелен Арнольд 24, 127
 Генон Рене 294
 Гергиев Валерий Абисалович 333
 Гершенкрон Александр 349
 Гефтер Михаил Яковлевич 90
 Глазычев Вячеслав Леонидович 283
 Глазьев Сергей Юрьевич 135, 150, 152, 153, 241, 250
 Гоббс Томас 91
 Говорухин Станислав Сергеевич 259
 Гозман Леонид Яковлевич 155
 Голль Шарль де 135
 Горбачев Михаил Сергеевич 76, 153, 346
 Гордон Александр Граиевич 180
 Гордон Леонид Абрамович 194, 197
 Горянин Александр Борисович 156
 Градировский Сергей Николаевич 313
 Грамши Антонио 21, 22, 95
 Гребенников Валерий Григорьевич 241
 Греф Герман Оскарович 236, 314
 Григорьев Леонид Маркович 303
 Григорьев Святослав Иванович 187
 Гродский Владимир Валентинович 216
 Гройс Борис 336
 Громов Андрей 156
 Грушин Борис Андреевич 93, 209, 216
 Губанов С. 241
 Гудков Лев Дмитриевич 17, 194, 205
 Гумилев Лев Николаевич 138, 145, 151, 154, 287, 293, 331
 Гундаров Игорь Алексеевич 242
 Гурова Татьяна Игоревна 156
 Гутов Дмитрий 102

Д

Данилевский Николай Яковлевич 15, 345
 Данилов Виктор Петрович 276, 283
 Дарский Леонид Евсеевич 260
 Дебор Ги 112
 Девятко Инна Феликсовна 228
 Дегтярева Мария Игоревна 71
 Дезер Мириам 319
 Дельваль Александр 294
 Деягин Михаил Геннадьевич 99
 Демина Л. Д. 187
 Демсец Гарольд 249

Деникин Антон Иванович 157
 Дергачев В. А. 287
 Деррида Жак 55, 56, 69, 340, 348, 350
 Джевонс Уильям 245
 Джеймисон Фредерик 112
 Джемаль Гейдар 135
 Дзержинский Феликс Эдмундович 148
 Дилигенский Герман Германович 92
 Дискин Иосиф Евгеньевич 76
 Дмитриева Екатерина Евгеньевна 319
 Докучаев Василий Васильевич 299
 Долмаян Джон 340
 Достоевский Федор Михайлович 347
 Драгунский Денис Викторович 167
 Дрейфус Альфред 5
 Дробижеева Леокадия Михайловна 141, 356
 Дугин Александр Гелиевич 118, 126, 127, 130, 135, 151, 169, 284–286, 293–295
 Дьюи Джон 62, 66
 Дэвис К. 192
 Дээр М. (Désert M.) 326
 Дэн М. (Dennes M.) 326
 Дюркгейм Эмиль 22, 62
 Дякин В.С. 92

Е

Евтушенко Евгений Александрович 57
 Елизаров Валерий Владимирович 270
 Елисеев Глеб Анатольевич 118
 Ерофеев Венедикт Васильевич 334

Ж

Жё Б. (Jeu B.) 326
 Жижек Славой 112
 Жириновский Владимир Вольфович 150, 151, 206, 292
 Жуковский Василий Андреевич 12

З

Зайончковская Жанна Антоновна 314
 Зайончковский П. А. 92
 Заславская Татьяна Ивановна 27, 194, 199, 216
 Захаров А.А. 93
 Захаров Сергей Владимирович 262
 Захарова О.Д. 263
 Зверев Анатолий Тимофеевич 102
 Здравомыслов Андрей Григорьевич 192
 Земсков В.Б. 319
 Зиновьев Александр Александрович 94
 Зорькин Валентин 149
 Зотов Валерий Васильевич 241
 Зубаревич Наталья Васильевна 300, 302, 313

372 Мыслящая Россия УКАЗАТЕЛИ

Зудин Алексей Юрьевич 141
Зуев Сергей Эдуардович 314
Зюганов Геннадий Андреевич 108, 143, 144, 148,
149, 152

И

Иванов Александр Терентьевич 9, 11
Иванов Виктор Петрович 76
Иванова А.Е. 263
Иванов-Разумник 19
Игнатовский П.А. 241
Илларионов Андрей Николаевич 93, 243,
245, 250
Ильин Иван Александрович 157
Ильин Михаил Васильевич 61, 65, 128, 288–291
Илюхин Виктор Иванович 146
Иоанн Павел II 89
Ионин Леонид Григорьевич 226, 284, 285
Ионцев Владимир Алексеевич 270
Истягин Леонид Григорьевич 241

К

Кабан К. (Cabanne C.) 326
Каганский Владимир Леопольдович 310
Кагарлицкий Борис Юльевич 63, 99, 104, 105,
107, 109, 112
Каллиникос Алекс 103, 112
Калугина Земфира Ивановна 283
Калхун Крэйг 349, 350
Каминер Владимир Викторович 336
Кант Иммануил 6, 128, 251, 252
Капелюшников Ростислав Исаакович 93
Капустин Борис Гурьевич 9
Каптерев Петр Федорович 16
Караганов Сергей Александрович 92, 93, 171, 175
Кара-Мурза Алексей Алексеевич 91, 122, 297, 298
Кара-Мурза Сергей Георгиевич 94, 118, 135, 144,
146, 149
Кареев Николай Иванович 19
Карпец Владимир Игоревич 136
Кассен Барбара 321
Кастро Фидель 168
Касьянова Ксения Петровна 146
Кейнс Джон Мейнард 66, 91
Керемецкий Я.Н. 242
Кизилов Валерий Валерьевич 253
Кирдина Светлана Георгиевна 197, 198
Киселев Евгений Алексеевич 61
Киссинджер Генри Альфред 298
Кларк Саймон 226
Клеман Катрин 100
Клинтон Билл 291
Клифф Тони 112
Клопов Эдуард Викторович 197

Клоцвог Феликс Наумович 241
Кляйн Наоми 103, 112
Клямкин Игорь Моисеевич 93
Княгинин Владимир Николаевич 313
Кобяков Андрей Борисович 117, 153
Ковалев Сергей Адамович 92
Ковалев Е.М. 283
Кожин Вадим Валерианович 151
Козлова Лариса Алексеевна 218
Козырев Андрей Владимирович 164, 284
Койре Александр 14
Колганов Андрей Иванович 98, 241, 242
Колеров Модест Алексеевич 21
Коллинз Рэндалл 343, 349
Кондратьев Николай Дмитриевич 273
Копелев Лев Зиновьевич 336
Кордонский Симон Гдальевич 11, 17
Корнилов Лавр Георгиевич 150
Коротеева Виктория Владимировна 141
Корчагин Виктор Иванович 154
Косарева Надежда Борисовна 314
Косолапов Ричард Иванович 108
Коуз Рональд 249
Кочетов Эрнст Георгиевич 287
Кочетков Георгий Серафимович 89
Коэн И. 326
Коэн Стивен 345
Кравченко С.А. 200
Красиков А.А. 93
Краснов Михаил Александрович 93
Кривулин Виктор Борисович 334
Крылатых Эльвира Николаевна 282, 283
Крылов Константин Анатольевич 117, 136,
139, 155
Крыштановская Ольга Викторовна 218
Кувалдин Виктор Борисович 155
Кудрин Алексей Леонидович 236, 314
Кузнецов Юрий Владимирович 243
Кузнецова Татьяна Евгеньевна 282, 283
Кузьмин Аполлон Григорьевич 154
Кузьминов Ярослав Иванович 243, 248
Куликов Анатолий Сергеевич 78
Кун Томас 258
Куняев Станислав Юрьевич 146, 361
Кураев Андрей Вячеславович 118, 147
Кургинян Сергей Ервандович 118, 153
Куртуа Стефана 321
Куряев Александр Викторович 243, 252
Кюстин Астольф де 17

Л

Ламонт Мишель 340, 348
Лапин Николай Иванович 197
Лапкин Владимир Валентинович 156
Лассуэлл Гарольд 62
Лебедев Геннадий Викторович 253

373 УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Лебедева Марина Михайловна 287
 Левада Юрий Александрович 93, 192, 194, 216, 217, 220
 Левенчук Анатолий Игоревич 243
 Левинсон Алексей Георгиевич 194
 Левитан Исаак Ильич 154
 Ленин Владимир Ильич 20, 55, 105, 106, 144
 Леонтьев Алексей Николаевич 334
 Леонтьев Константин Николаевич 127, 139
 Леонтьев Михаил Владимирович 21, 82, 117, 153, 180
 Лесур Ф. (Lesourd F.) 326
 Лимонов Эдуард Вениаминович 81, 94, 116, 152, 323
 Линднер Питер 278, 283
 Липпман Уолтер 62
 Лифшиц Михаил Александрович 102, 236
 Лихачев Дмитрий Сергеевич 8
 Лозинский Евгений Иустинovich 19, 20, 24, 25
 Локк Джон 91
 Лоренц Конрад 127
 Лотман Юрий Михайлович 56, 160, 335
 Лукач Дьёрдь Георг 103
 Лукман Томас 16
 Лукьянов Федор Александрович 175
 Луман Никлас 8, 78, 79, 188, 200
 Лурье Светлана Владимировна 136, 154, 295
 Лысенко Владимир Николаевич 92
 Львин Борис Михайлович 243
 Львов Дмитрий Семенович 241, 242
 Люксембург Роза 107

М

Магун Артемий Владимирович 71
 Майнхоф Ульрика 103, 113
 Макиавелли Никколо 62, 71
 Маклаков Василий Алексеевич 92
 Маккиндер Хэлфорд Джон 284, 289–291
 Малакян Дарон 340
 Малапарте Курцио 82
 Малинкин Александр Николаевич 199
 Малия Мартин (Malia M.) 326
 Мамардашвили Мераб Константинович 56, 213, 322, 335
 Мангейм Карл 9, 12, 26, 122, 123, 128
 Мандель Эрнест 112
 Мандельштам Осип Эмильевич 154
 Мандрас М. (Mendras M.) 326
 Манн Томас 328, 334
 Мао Цзедун 113
 Марков Сергей Александрович 92
 Марков Ян 131
 Маркос Субкоманданте 103, 112
 Маркс Карл 18, 25, 56, 70, 71, 188, 247
 Маркузе Герберт 66, 103, 112
 Мартен Сильвия 319

Масарский Марк Вениаминович 93
 Мау Владимир Александрович 236, 243, 246, 247, 253
 Махнач Владимир Леонидович 118, 154
 Маяцкий Михаил Александрович 13
 Медведев Дмитрий Анатольевич 135
 Межуев Борис Вадимович 71, 117, 136
 Межуев Вадим Михайлович 241
 Мельвиль Андрей Юрьевич 65
 Менгер Карл 245, 252
 Мень Александр Владимирович 88
 Меньшиков Станислав Михайлович 241, 242
 Меполе М. (Mespolet M.) 326
 Мережковский Дмитрий Сергеевич 328
 Мерло-Понти Морис 66
 Мертон Роберт 191, 197
 Мигранян Андраник Мовсесович 153
 Мизес Людвиг фон 252
 Мизиано Виктор 102
 Миллер Алексей Ильич 141
 Милуков Павел Николаевич 92
 Милютин Дмитрий Алексеевич 92, 292
 Милютин Николай Алексеевич 92
 Минтусов Игорь Евгеньевич 64
 Митрофанов Алексей Валентинович 293
 Митрохин Николай Александрович 93
 Михайлов Т.А. 292
 Михайловский Николай Константинович 19
 Михалков Никита Сергеевич 118
 Мнацаканян М.О. 200
 Молинари Гюстав 252
 Монтескье Шарль 66
 Морозов Василий Георгиевич 145
 Морозов Евгений Филиппович 292, 293
 Моррас Шарль 5, 24
 Моска Газтано 62
 Муан Н. (Moine N.) 326
 Мудьюгин Михаил Николаевич 89
 Мур Бэррингтон 66

Н

Наан Г.И. 194
 Назаров Михаил Викторович 146
 Наймарк Юрий Юрьевич 303
 Найт Френк Хейнеман 249
 Найшуль Виталий Аркадьевич 15, 153, 243, 245
 Нарочницкая Наталия Алексеева 118, 153
 Наумкин Виталий Вячеславович 173
 Наумов Олег Владимирович 11
 Наумова Н.Ф. 193
 Негри Антонио 67, 103, 112
 Нерсисянц Владик Сумбатович 244
 Нетребко Анна Юрьевна 333
 Нефедова Татьяна Григорьевна 277, 278, 280–283, 313
 Никитаев Владимир Владимирович 136

374 Мыслящая Россия УКАЗАТЕЛИ

Никольский С.А. 276, 283
Никонов Александр Александрович 274, 283
Никонов Вячеслав Алексеевич 85, 92, 93, 156
Никулин Александр Михайлович 279, 280, 283
Ницше Фридрих 68, 69, 127, 129, 130
Ниязов Абдул-Вахет 151
Новак Анджей 284
Новалис 125
Новгородцев Павел Иванович 69

О

Оболонский Александр Валентинович 93
Овчинцева Любовь Александровна 280, 283
Одаджян Шаво 340
Осадчий Иван Павлович 98, 108
Осипов Геннадий Васильевич 195, 196
Ослон Александр Анатольевич 216
Осмоловский Анатолий 102
Острогорский Моисей Яковлевич 69
Оффе Клаус 66

П

Павловский Глеб Олегович 18, 73, 75–78, 80–83, 162
Паин Эмиль Абрамович 156
Пайлс Ричард 345
Панарин Александр Сергеевич 118, 147, 286
Папаташвили Владимир 341
Паппэ Яков Шаевич 93
Парвулеско Жан 294
Паренти Майкл 112
Парето Вильфредо 127
Парсонс Талкотт 189, 190, 192, 195, 197, 198
Пастернак Борис Леонидович 57
Пациорковский Валерий Валентинович 277, 283
Пелевин Виктор Олегович 7, 347
Перелыгин Юрий Александрович 313
Перциг Евгений Наумович 303
Петр I 14
Петрас Джеймс 112
Петренко Елена Серафимовна 216
Петриков Александр Васильевич 283
Петровская Елена Владимировна 102
Пжевровский Адам 66
Пилкингтон Хилари 226
Пименов Револют Иванович 92
Планк Макс 271
Плешаков К.В. 285, 288
Плюснин Юрий Михайлович 314
Подберезкин Алексей Иванович 149
Подорога Валерий Александрович 335
Поздняков Эльгиз Абдулович 69, 290, 291
Познер Р. 249

Покровский Никита Евгеньевич 200
Поляков Леонид Владимирович 121, 122
Пономарев Лев Александрович 92
Попов Аркадий Алексеевич 155
Попов Гавриил Харитонович 153
Попов М. 241
Поппер Карл 91
Потанин Владимир Олегович 42
Прибыловский Владимир Валерианович 33
Привалов Александр Николаевич 117
Примаков Евгений Максимович 173
Проханов Александр Андреевич 94, 116, 149, 334
Пугачев Сергей Викторович 76, 77
Путин Владимир Владимирович 55–57, 75–77, 80–82, 114, 120, 123, 124, 149, 161, 177, 219, 294

Р

Равио Жан-Робер 319, 326
Радаев Вадим Валерьевич 9, 35
Радвани Ж. 326
Рансьер Жак 112
Распутин Валентин Григорьевич 146
Рейган Рональд 91, 125, 346
Ремизов Михаил Витальевич 71, 126, 137
Ришар Пьер 342
Рогов Сергей Михайлович 92, 93
Родионова Галина Александровна 280, 281, 283
Родоман Борис Борисович 281, 283
Роккан Стейн 66
Ромер Ж.-К. (Romer J.-C.) 326
Рорти Ричард 69
Ротбард Мюррей 251, 252
Рудык Эмиль Николаевич 241, 242
Русле К. (Roussele K.) 326
Руткевич Алексей Михайлович 24, 127
Руткевич Михаил Николаевич 192
Руцкой Александр Владимирович 149
Рыбаковский Леонид Леонидович 263, 264, 270
Рыжков Владимир Александрович 87, 92, 93
Рыклин Михаил 335
Рэнд Айн 245
Рябов Андрей Виленович 93

С

Савельев Андрей Николаевич 155
Савицкий Петр Николаевич 129, 151
Садри Ахмад 6
Салмин Алексей Михайлович 87, 92, 93
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 19
Самир Амин 112
Сапир Ж. 326
Сапов Григорий Геннадьевич 243
Сартр Жан-Поль 62, 94

375 УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Сатаров Георгий Александрович 85, 92, 93
 Сахаров Андрей Дмитриевич 92
 Сваффорд Майкл 215
 Святенков Павел Вячеславович 136
 Седов Л.А. 194
 Секиринский Сергей Сергеевич 93
 Селезнев Геннадий Николаевич 78, 259, 295
 Сельянов Сергей Михайлович 117
 Сенокосов Петрович 93
 Серио Патрик 320
 Серова Евгения Викторовна 275, 276, 283
 Сечин Игорь Иванович 76
 Симагин Ю.А. 277, 283
 Смирнягин Леонид Викторович 313
 Смит Адам 91
 Снесарев Андрей Евгеньевич 292
 Соколов Максим Юрьевич 117, 120, 153
 Солдатова Г.У. 141
 Солженицын Александр Исаевич 118–120, 145, 147, 156, 323, 334
 Солозобов Юрий Михайлович 117, 120, 132
 Солоухин Владимир Алексеевич 146
 Сорокин Владимир Георгиевич 334
 Сорокин Константин Эдуардович 288
 Сорокин Питирим 192, 198
 Сото Эрнандо де 17
 Сперанский Михаил Михайлович 92
 Сталин Иосиф Виссарионович 55, 57, 98, 107, 144, 145, 285
 Стариков Иван Валентинович 48
 Старовойтова Галина Васильевна 194
 Стинчком Артур 339
 Столыпин Петр Аркадьевич 92
 Струве Петр Бернгардович 11, 91
 Стругацкий Аркадий Натанович 51
 Стругацкий Борис Натанович 51
 Сувчинский Петр Петрович 151
 Сукачев В.Н. 299
 Сулейменов Олжас 151
 Сурков Вячеслав Юрьевич 82, 117, 119

Т

Таллок Гордон 247
 Тамбовцев Виталий Леонидович 243, 248
 Танкян Серж 340
 Тарасов Александр Николаевич 102, 107, 113
 Тарковский Андрей Арсеньевич 56
 Тарусин М.А. 216
 Тейлор Чарльз 67
 Тихомиров Лев Александрович 128
 Тишков Валерий Александрович 87, 93, 141, 156
 Толстой Лев Николаевич 347
 Троицкий Евгений Сергеевич 155
 Троцкий Лев Давидович 15, 82, 101, 105, 107, 111, 339
 Трубецкой Николай Сергеевич 151

Трушков В.В. 108
 Тулаев Павел Владимирович 292, 293
 Турен Ален 194
 Тэтчер Маргарет 84, 91
 Тюнен Иоганн фон 278
 Тюркин Михаил Леонидович 263, 264

У

Узун Василий Якимович 279, 280, 283
 Уинфри Опра 347
 Урнов Марк Юрьевич 93

Ф

Фаварел-Гарриг Ж. (Favarel-Garrigues G.) 326
 Фадеева Ольга Петровна 281, 283
 Федоров Борис Григорьевич 86
 Филатов С.Б. 93
 Филиппов Александр Фридрихович 24, 63, 127
 Филиппова Т.А. 93
 Фихте Иоганн Готлиб 6
 Фома Аквинский 251, 252
 Фоменко Анатолий Тимофеевич 331
 Фонтанель Жак 326
 Фостер Дж. Б. 112
 Фрайер Ханс 127, 188
 Франк Андре Г. 112
 Франк Семен Людвигович 20
 Фридман Милтон 246, 249
 Фридрих К.Й. 214
 Фуко Мишель 69, 95, 103, 112
 Фукуяма Фрэнсис 164, 246, 348
 Фурман Дмитрий Ефимович 167
 Фюнес Луи де 342

Х

Хабермас Юрген 69, 337
 Хазбулатов Руслан Имранович 149
 Хазин Михаил Леонидович 153
 Хайдеггер Мартин 69, 127
 Хайек Фридрих 84, 91, 252
 Хакамада Ирина Муцуовна 87, 93
 Хантингтон Сэмюэль 121–125
 Хардт Майкл 67, 112
 Хатунцев Станислав Витальевич 297
 Хаусхофер Карл 292, 293
 Хворостовский Дмитрий Александрович 344
 Ходорковский Михаил Борисович 42, 76–78, 80, 149
 Холл Стюарт 22
 Холмогоров Егор Станиславович 117, 120, 155
 Холодковский Кирилл Георгиевич 92, 93
 Хоппе Ганс Герман 249, 251, 252

376 Мыслящая Россия

УКАЗАТЕЛИ

Хоркхаймер Макс 62
Хрущев Никита Сергеевич 55, 57
Хусейн Саддам 168
Хюльсман Гвидо 252

Ц

Цветков Алексей 102
Ципко Александр Сергеевич 152–154
Цымбурский Вадим Леонидович 117, 118, 135,
136, 284, 287, 289, 296, 297

Ч

Чавес Уго 168
Чайковский Петр Ильич 344, 347
Чаянов Александр Васильевич 273, 274, 283
Челентано Андреано 342
Черномырдин Виктор Степанович 78
Чеснокова Валентина Федоровна 146, 189
Четвернин Владимир Александрович 244
Чехов Антон Павлович 20
Чистобаев Анатолий Иванович 300
Чистяков Георгий Петрович 89
Чичерин Борис Николаевич 69, 91
Чубайс Анатолий Борисович 78, 135, 155, 156,
163, 177, 178, 246, 250, 287, 297
Чхартишвили Григорий Шалвович 93

Ш

Шанин Теодор 214, 226, 274, 283
Шаргунов Сергей Александрович 152
Шарль Кристоф 5, 10, 22
Шаститко Андрей Евгеньевич 243, 248
Шафаревич Игорь Ростиславович 138, 145, 147,
152, 154
Шахрай Сергей Михайлович 85
Шацилло К.Ф. 92
Шевелуха Виктор Степанович 98
Шевкунов Тихон (Шевкунов Георгий
Александрович) 118
Шейнис Виктор Леонидович 87
Шелер Макс 8
Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф 6
Шельский Гельмут 24, 25
Школьников Александр 253
Школьников Владимир Михайлович 271
Шмидт Сигурд Оттович 5, 12
Шмитт Карл 69, 119, 127, 138
Шнитке Герман 56
Шпенглер Освальд 15, 127, 296
Шредер Герхардт 74
Штейнберг Илья Ефимович 283
Штомпка Петр 199

Шувалов Владимир Ефимович 300
Шульце Питер 242
Шумпетер Йозеф 24, 66
Шурц Барбара 102

Щ

Щедровицкий Георгий Петрович 34
Щедровицкий Петр Георгиевич 156
Щербицкий Владимир Васильевич 261

Э

Эвола Юлиус 126
Эйдельман Натан Яковлевич 92
Экштут Семен Аркадьевич 92, 93
Эспаня Мишеля 319
Эфендиев Азер Гамидович 197

Ю

Юм Давид 244
Юнг Карл 127
Юнгер Эрнст 126, 127
Юрьев Михаил Зиновьевич 32, 179

Я

Явлинский Григорий Алексеевич 87
Ядов Владимир Александрович 190, 195,
197, 199
Якеменко Василий Георгиевич 124
Яковенко Игорь Григорьевич 285
Якунин Глеб Павлович 89
Якушев Дмитрий 115
Яницкий Олег Николаевич 194
Янов Александр Львович 286
Ясин Евгений Григорьевич 86, 93, 167, 236,
243, 250
Ястребинская Галина Александровна 283

ОБ АВТОРАХ

Вишневский Анатолий Григорьевич — 1935 г. р. Доктор экономических наук, академик РАЕН. Руководитель Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Автор более 300 научных публикаций, в том числе книг: «Демографическая революция» (1976); «Воспроизводство населения и общество» (1982); «Серп и рубль» (1998); «Русский или прусский?» (2005); «Избранные демографические труды» (2005, в 2 т.).

Воронков Виктор Михайлович — 1945 г. р. Директор Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

Глазычев Вячеслав Леонидович — 1940 г. р. Доктор искусствоведения, профессор Московского архитектурного института. Автор книг: «Городская среда: технология развития» (1995); «Филарете (Антонио Аверлино). Трактат об архитектуре» (2000), «Глубинная Россия: 2000–2002» (2003) и др.

Гудков Лев Дмитриевич — 1946 г. р. Доктор философских наук, заведующий отделом социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады, заместитель главного редактора журнала «Вестник общественного мнения». Автор работ «Негативная идентичность» (2004); «Метафора и рациональность» (1994); «„Культура повседневности“ в новейших социологических теориях» (1988), нескольких книг в соавторстве с Б. Дубинным, В. Страдой, В. Заславским, А. Левинсоном, коллективных монографий с коллегами по Аналитическому центру Юрия Левады и др.

Дерлугьян Георгий Матвеевич — 1961 г. р. Профессор социологии, университет Нордвестерн, Чикаго.

Дзарасов Руслан Солтанович — 1963 г. р. Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН. Докторант Стаффордширского университета (Великобритания). Автор книги «Крупный бизнес и накопление капитала в современной России» (2005 (в соавторстве с Д. Новоженовым)).

Дмитриев Тимофей Александрович — 1971 г. р. Кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН, преподаватель факультета политической науки Московской школы социальных и экономических наук. Главный редактор издательства «Праксис».

Дубин Борис Владимирович — 1946 г. р. Социолог, переводчик англоязычной, французской, испанской и латиноамериканской, португальской, польской литературы, ведущий научный сотрудник Аналитического центра Юрия Левады, преподаватель социологии в Институте европейских культур РГГУ и Московской высшей школе социальных и экономических наук. Автор ряда книг, в том числе: «Литература и общество» (1998, в соавторстве с Л. Гудковым и В. Страдой), «Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры» (2001), «Интеллектуальные группы и символические формы» (2004), «На полях письма: Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке» (2005), а также статей по социологии, многие из которых переведены на европейские языки.

Иванов Александр Терентьевич — 1956 г. Кандидат философских наук, главный редактор издательства «Ad Marginem».

Капустин Борис Гурьевич — 1951 г. р. Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, приглашенный профессором Департамента политической науки Йельского университета (США).

Кильдюшов Олег Васильевич — 1972 г. р. Философ и социолог, активно сотрудничает с издательствами «Праксис» и «Скимень» (переводчик, редактор и рецензент), автор публикаций в изданиях «Критическая масса», «Политический журнал», «Москва» и др.

Кимелев Юрий Анатольевич — 1948 г. р. Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор монографий «Философия религии. Систематический очерк» (1998); «Современные социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна» (1996 (в соавторстве с Н. Поляковой)); «Философский теизм» (1993); «Современная западная философия религии» (1989); «Наука и религия. Историко-культурный очерк» (1988); «Современная философско-религиозная антропология» (1985).

378 Мыслящая Россия
УКАЗАТЕЛИ

Кордонский Симон Гдальевич — 1944 г. р. Кандидат философских наук. Основные работы: «Рынки власти: Административные рынки СССР и России» (2000); «Циклы деятельности и идеальные объекты» (2001).

Куренной Виталий Анатольевич — 1970 г. р. Кандидат философских наук, преподает философию в ГУ–ВШЭ, сотрудник Центра феноменологической философии РГГУ, научный редактор журнала «Логос», обозреватель «Политического журнала», автор публикаций в журналах «Аполлония», «Логос», «Отечественные записки», «Неприкосновенный запас», «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Политический журнал». Переводчик работ К.-О. Апеля, В. Дильтея, Р. Ингардена, А. Райнаха, Г. Фреге и др.

Макаренко Борис Игоревич — 1959 г. р. Первый заместитель генерального директора Центра политических технологий.

Макаркин Алексей Владимирович — 1971 г. р. Заместитель генерального директора, руководитель Аналитического департамента Центра политических технологий.

Малахов Владимир Сергеевич — 1958 г. р. Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, декан факультета политической науки Московской высшей школы социальных и экономических наук, автор и редактор нескольких книг. В их числе «Скромное обаяние расизма» (2001); «Национализм как политическая идеология» (2005).

Маяцкий Михаил Александрович — 1960 г. р. Доктор философии. Работы по проблемам философии, политики и культуры на русском и французском языках. Печатался в журналах «Логос», «Вестник древней истории», «Отечественные записки», «Космополис», «Неприкосновенный запас» и др. Часть из них вошла в авторский сборник «Во-вторых. Ультиматумы с оговорками конца прошлого века» (2002). Работал в университете г. Фрибурга (Швейцария). С 1998 г. живет в Париже.

Межуев Борис Вадимович — 1970 г. р. Кандидат философских наук, главный редактор сайта «АПН.ру», заместитель главного редактора журнала «Космополис».

Никулин Александр Михайлович — 1962 г. р. Кандидат экономических наук, магистр социологии, директор Междисциплинарного академического центра социальных наук, руководитель Центра крестьяноведения и сельских

реформ. Публикации в журналах «Индекс», «Отечественные записки», «Политический журнал», «Социологические исследования», «Europa Regional» и др.

Новиков Вадим Витальевич — 1980 г. р. Старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Основные публикации в журнале «Вопросы экономики».

Новожинов Дмитрий Витальевич — 1976 г. р. Кандидат экономических наук, инвестиционный консультант компании «Бейкер Тилли Русаудит». Участник ряда консалтинговых проектов, связанных с совершенствованием систем управления крупных отечественных компаний и органов государственного управления. Автор книги «Крупный бизнес и накопление капитала в современной России» (2005 (в соавторстве с Р. Дзарасовым)).

Перельгин Юрий Александрович — 1959 г. р. Директор Департамента регионального социально-экономического развития и территориального планирования в Министерстве регионального развития Российской Федерации. В 2002–2004 гг. — научный руководитель Центра стратегических разработок Северо-Запад (Санкт-Петербург). Специалист в области планирования городов и территорий, занимался разработкой региональных стратегий, проблемами градостроительного права, инвестиционного проектирования, новых строительных технологий, управлением проектами.

Плотников Николай Сергеевич — 1966 г. р. Доктор философии. Научный сотрудник института философии Рурского университета (Бохум, Германия). Специалист по истории немецкой и русской философии XIX–XX вв. Автор монографий: «Philosophie in Russland. Tendenzen und Perspektiven» (1998 (в соавторстве)); «Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея» (2000); «Gelebte Vernunft. Konzepte praktischer Rationalität beim frühen Hegel» (2004).

Радаев Вадим Валерьевич — 1961 г. р. Доктор экономических наук, профессор, первый проректор Государственного университета — Высшей школы экономики, заведующий кафедрой экономической социологии ГУ–ВШЭ, директор Федерального образовательного портала по экономике социологии и менеджменту [<http://www.ecsocman.edu.ru/>], главный редактор «Эксоцентра» (ресурсного центра по экономической социологии); главный редактор электронного журнала «Экономическая социология».

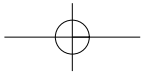
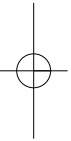
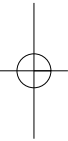
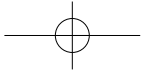
379 ОБ АВТОРАХ

Ремизов Михаил Витальевич — 1978 г. р. Кандидат философских наук, президент «Института национальной стратегии», сопредседатель Консервативного пресс-клуба. Автор книги «Опыт консервативной критики» (2002) и более ста научных и политических статей в сборниках и журналах «Логос», «Русский журнал», «Россия XXI», «Стратегический журнал» и др.

Филиппов Александр Фридрихович — 1958 г. р. Доктор социологических наук, заведующий кафедрой практической философии факультета философии ГУ–ВШЭ, научный руководитель магистерской программы «Комплексный социальный анализ», главный редактор сетевого издания «Социологическое обозрение» [<http://www.sociologica.net/>].

Фетисов Максим Сергеевич — 1974 г. р. Кандидат философских наук, редактор издательства «Праксис».

Хестанов Руслан Заурбекович — 1963 г. р. Доктор философии (Фрибург, Швейцария), редактор отдела политологии и социологии еженедельника «Политический журнал». Автор книги «Александр Герцен: Импровизация против доктрины» (2001) и более ста публикаций в России и за рубежом.

О ФОНДЕ «НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ»

Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», созданный в феврале 2004 г., — ведущий центр анализа политико-экономических процессов на евразийском пространстве. Фонд активно участвует в процессе формирования нового видения роли и места России и новых независимых государств на мировой арене.

Основной целью деятельности фонда «Наследие Евразии» является содействие сохранению и развитию культурного, научного, духовного и природного наследия Евразии. Фонд ориентирован на консолидацию интеллектуальных ресурсов евразийского пространства.

В первую очередь деятельность Фонда направлена на создание эффективной системы коммуникации между институтами власти, бизнеса и гражданского общества новых независимых государств.

Фонд «Наследие Евразии» свои усилия фокусирует на идее создания и актуализации евразийской платформы стабильности — единых правил игры на постсоветском пространстве, гарантирующих соблюдение интересов государства, безопасность развития бизнеса и институтов гражданского общества, обеспечивающих благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества.

Для реализации поставленных целей фонд «Наследие Евразии» инициировал ряд проектов в партнерстве с органами исполнительной и законодательной власти, структурами интеграционных образований, бизнес-сообщества, экспертными и исследовательскими центрами стран ближнего и дальнего зарубежья.

В своей деятельности фонд «Наследие Евразии» выделяет ряд основных направлений:

Исследование конкурентных преимуществ России на евразийском пространстве. В рамках этого направления специалисты Фонда проводят экспертную оценку, осуществляют прогнозирование и дают рекомендации по развитию человеческого капитала России как важнейшего конкурентного ресурса.

Содействие развитию интеграционных процессов. На этом направлении Фонд содействует внедрению парадигмы равноправного партнерства между государственными институтами, бизнес-структурами и экспертным сообществом.

Информационно-аналитическое обеспечение. Экспертами Фонда проводится своевременный анализ общественно-политической ситуации и осуществляется прогнозирование социально-экономических процессов в России и на постсоветском пространстве.

Согласно этим направлениям Фонд на систематической основе проводит исследования, дает экспертные оценки, организует публичные мероприятия.

По тематике *«Интеграционные процессы»* Фонд:

- принял участие в деятельности рабочей группы по разработке соглашений ЕЭП (декабрь — январь 2005 г.);
- организовал экспертный опрос лидеров общественного мнения стран ЕЭП «Восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве» (апрель — июнь 2005 г.);
- выступил организатором круглого стола «Единое экономическое пространство: новые перспективы или повторение пройденного» (декабрь 2004 г.);
- провел Первый интеграционный форум «Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана, России и Украины: значение, возможности, перспективы» (апрель 2005 г.);
- издал доклад совместно с Лондонской школой экономики «ЕЭП: возможности, проблемы, перспективы» (март 2005 г.);
- выпускает на регулярной основе международный бюллетень «Экономическое обозрение: Беларусь, Казахстан, Россия и Украина» (с 2004 г.);
- проводит исследование «Определение эффективности проекта ЕЭП для потенциальных участников процесса».

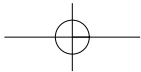
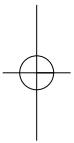
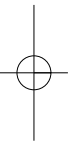
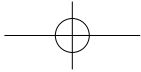
По тематике *«Исследование конкурентных преимуществ России на евразийском пространстве»* Фонд издал:

- доклад «Высшее образование в России: состояние и направления развития» (ноябрь 2004 г.);
- сборник тезисов «Проблемы инновационной деятельности, интеллектуальной собственности и российских наукоемких технологий» (октябрь 2004 г.);
- совместно с Центром стратегических исследований Приволжского федерального округа доклад «Политика иммиграции и натурализации в России: состояние и направления развития» (октябрь 2005 г.);
- аналитический очерк «Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений» (январь 2006 г.).

В Фонде работает собственный информационно-аналитический центр, выпускающий регулярные материалы по развитию обще-

ственно-политических процессов и социально-экономической ситуации в России и на пространстве новых независимых государств.

Более подробно с деятельностью фонда «Наследие Евразии» можно ознакомиться на сайте: [<http://www.fundeh.org/>].

**Мыслящая Россия:
Картография современных
интеллектуальных
направлений**

Общая редакция
Виталий Куренной

Консультанты проекта
**Вячеслав Глазычев, Борис Капустин,
Юрий Кимелев, Симон Кордонский
Вадим Радаев, Алексей Руткевич**

Корректор
Лариса Волкова

Дизайнер
Владимир Виноградов, © 2006

В оформлении книги использованы графические
работы художника **Евгения Телишева**

Некоммерческий фонд «Наследие Евразии»
115035, Москва, Садовническая ул., 44, стр. 1
Тел. (495) 728-49-59

Подписано в печать 31.01.06. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 25. Тираж 2000 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Типография „Новости“»
105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46